Карл Густав Юнг

Человек и его символы

ЧЕЛОВЕК И ЕГО СИМВОЛЫ

МОСКВА
Медков С. Б.
2006

ББК 88
Ю 50

Юнг Карл Густав, фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А.

Ю 50 Человек и его символы/ Пер. Сиренко И.Н.; Сиренко С.Н.; Сиренко Н.А. — М.: Медков С. Б., «Серебряные нити», 2006. — 352 с., илл.

ISBN 5-902582-08-3

Предлагаемая книга является последним прижизненным трудом прославленного психоаналитика, а также единственным популярным изложением его теории, адресованным самым широким кругам читателей. Используя метод «аналитической психологии» Юнга, его ближайшие сподвижники и ученики наглядно демонстрируют влияние подсознания, опосредованное символами, на древние мифы и современное искусство, на научный поиск и человеческую жизнь от младенчества до старости.

ББК 88

ISBN 5-902582-08-3

От редактора

Сознание и подсознание — два этих понятия привычны для современного человека и не вызывают у него каких-либо вопросов. А было время, когда наука впервые заговорила о существовании подсознания, и с этим сенсационным открытием связывались далеко идущие надежды изменить к лучшему судьбу всего человечества.

Предлагаемая читателю книга была написана К. Г. Юнгом, известнейшим философом, врачом и психотерапевтом XX века, а также группой его последователей как раз в упомянутое время. Она призвана донести до каждого читателя то значение, какое могло бы иметь подсознание в его повседневной жизни. Дело в том, что обычно мы или не уделяем подсознанию никакого внимания, или, в лучшем случае, относимся к нему, как к чему-то совершенно автономному и нам неподвластному. Отсюда и отсутствие к нему интереса. В этом смысле мало что изменилось со времени написания этой книги.

Между тем, подсознание пытается «достучаться» до каждого из нас, и если прислушаться к сигналам, им посылаемым, наша жизнь могла бы наполниться новым содержанием. Книга «Человек и его символы» полна убедительных примеров этого. Такими «сигналами» служат сновидения, которые при всей своей призрачности, нелогичности и неопределенности являются, как оказалось, не чем иным, как сообщениями подсознания, пытающегося говорить с нами на языке образов и символов. Это хорошо передано в стихотворении Бодлера:

Природа — древний храм, где строй живых колонн
Обрывки смутных фраз роняет временами.
Мы входим в этот храм в смятеньи, а за нами
Лес символов немых следит со всех сторон.

(*«Соответствия» Пер. В. Алексеева*)

Действительно, до поры до времени символы сновидений были «немыми», то есть не поддавались расшифровке. Однако,

начиная с Фрейда, психология начала подбирать ключи к их потайному значению. Но там, где Фрейд видел лишь сексуальные мотивы или стремление к насилию, Юнг обнаружил переплетение воздействий эго и альтер-эго (Тени), женского и мужского начал («анима» и «анимус»), личных и коллективных факторов с многовековой историей и символикой (архетипы). Объединить все эти понятия в стройную систему, названную «аналитической (или глубинной) психологией», Юнгу помогли его исследования в области истории культуры и религии, а также, разумеется, его богатейшая психотерапевтическая практика.

В заключение одно замечание, адресованное знакомому с психологической научной терминологией читателю. В этой книге он не встретит таких понятий, как «бессознательное», «паттерн», «нуминоз», «кватерносгь» и иже с ними. «Бессознательное» везде заменено на «подсознание», «кватерность» — на «четверичность» и т. д. Поступая таким образом, редактор осознавал, что отступает от принятой научной традиции, но тем не менее счел возможным принести ее в жертву популяризации, ибо эта книга изначально задумывалась доступной для самого широкого крута читателей.

Сергей Сиренко

Введение

Джон Фриман

Обстоятельства выхода в свет этой книги достаточно необычны и интересны уже этим, тем более что они напрямую связаны с ее содержанием и замыслом. Итак, позвольте мне рассказать о том, как писалась книга.

В один весенний день 1959 года Би-Би-Си (Британская радиовещательная корпорация) обратилась ко мне с предложением проинтервьюировать для британского телевидения доктора Карла Густава Юнга. Интервью должно было быть «глубоким». В то время я знал не так много о самом Юнге и об его работе, но в скором времени решился на встречу с ним, которая и состоялась в его шикарном доме на берегу Цюрихского озера. Она стала началом большой дружбы, так много значащей для меня и, я надеюсь, доставившей и Юнгу приятные минуты в течение последних лет жизни. Этим и ограничивается, пожалуй, роль телевизионного интервью в моем рассказе. Главное, что оно оказалось успешным и привело, по странному стечению обстоятельств, к появлению этой книги.

Одним из видевших интервью по телевизору был исполнительный директор издательства «Олдус Букс» Вольфганг Фоджс. Фоджс с живым интересом наблюдал за эволюцией современной психологии с тех пор, как его семья поселилась по соседству с Фрейдами в Вене. Он смотрел на Юнга, рассуждающего о своей жизни, работе и идеях, и вдруг подумал: как жаль, что Юнг ни разу не пытался дойти до широкого круга читателей. Ведь любой образованный человек западного мира хорошо представляет себе взгляды Юнга, а для широких масс они считаются трудными для понимания. Фактически Фоджс — истинный творец «Человека и его символов». Смотря интервью и почувствовав теплоту отношений между Юнгом и мной, он поинтересовался, может ли он на меня рассчитывать, чтобы попытаться убедить

Юнга сформулировать его наиболее важные базисные идеи таким образом и в таком объеме, чтобы это было понятно и интересно читателям-неспециалистам. Я ухватился за эту идею и отправился в Цюрих, решив про себя, что я должен донести до Юнга ценность и важность подобной работы. Сидя в саду, Юнг выслушивал мои доводы два часа подряд, почти не перебивая, и в заключение сказал «нет». Отказ был облечен в самую ласковую и доброжелательную форму, но в голосе звучала непререкаемая стойкость: он никогда прежде не пытался популяризировать своих работ и теперь вовсе не был уверен в возможности достижения успеха. Во всяком случае, его возраст и накопившаяся усталость не способствовали страстному желанию участвовать в подобном, весьма сомнительном, с его точки зрения, предприятии.

Все друзья Юнга были едины во мнении, что его решения оптимальны. Юнг подходил к любой проблеме со всей тщательностью и без спешки, а конечное решение было обычно бесповоротным. Я вернулся в Лондон в величайшем разочаровании, поскольку убедился, что отказ Юнга окончателен. Этим бы все и закончилось, если бы не два не учтенных мной фактора. Один — это упрямство Фоджса, который настаивал еще на одной попытке обращения к Юнгу, прежде чем признать наше поражение. Второй — случайность, до сих пор приводящая меня в изумление.

Телепередача, как я уже говорил, имела успех. В результате Юнг начал получать великое множество писем от совершенно разных людей, большинство из них — обычные зрители, без медицинского или психологического образования, которых пленило и очаровало присутствие духа, юмор и скромное обаяние этого поистине великого человека, сумевшего уловить в жизни человеческой личности нечто такое, что могло бы оказаться им полезным. Юнг пребывал в радостном расположении духа не просто потому, что получил множество писем (его переписка всегда была огромной), но потому, что он получил их от людей, которые в обычных условиях никогда не вышли бы на контакт с ним. В этот момент ему приснился сон, имевший огромное значение. (Прочитав эту книгу, вы поймете, насколько он был важен). Ему приснилось, что, вместо обычного общения в кабинете с множеством психиатров и врачей других спе-

циальностей, постоянно звонящих ему со всех концов мира, он стоит в каком-то общественном месте и обращается к множеству людей, внимающих каждому его слову и понимающих все, что он говорит. Когда неделю или две спустя Фоджс повторил свою просьбу о возможности издания иллюстрированной книги — не для врачей или философов, а для людей с рыночной площади — Юнг позволил себя убедить. Он поставил два условия. Первое: книга будет написана не им одним, но еще и группой его близких последователей, на которых он уже неоднократно опирался, пропагандируя свое учение. Второе: решение всех координационных задач и рабочих проблем, обычно возникающих между авторами и издателями, возлагается на меня.

Чтобы не казалось, что это введение выходит за благоразумные границы скромности, позвольте мне сказать, что я был удовлетворен вторым условием, хотя и не прыгал от радости. Дело в том, что довольно скоро я понял, почему Юнг выбрал именно меня: в сущности, я был для него здравомыслящим, но ординарным, не особенно образованным в области психологии человеком. Иными словами, я был для него «рядовым средним читателем» его книги: то, что было понятно мне, должно было бы оказаться вразумительным и для всех остальных; то, в чем я не мог разобраться, являлось чересчур трудным или непосильным и для других. Не слишком обольщаясь такой оценкой своей роли, я тем не менее скрупулезно настаивал (порой пугаясь, что выведу авторов из себя) на прочтении каждого параграфа и, если это было необходимым, на его переработке до тех пор, пока текст не становился ясным и точным. Теперь я могу положа руку на сердце сказать, что эта книга целиком и полностью адресована обычному читателю и что сложные темы, которых она касается, трактуются с редкой и ободряющей простотой.

После долгих размышлений и многочисленных дискуссий было решено, что наиболее исчерпывающим предметом книги будет Человек и его символы, и Юнг сам отобрал себе для работы следующих сотрудников: Марию-Луизу фон Франц из Цюриха, возможно его наиболее доверенное лицо и друга; д-ра Джозефа Л. Хендерсона из Сан-Франциско, одного из самых выдающихся и правдивых последователей Юнга в Америке; госпожу Аниэлу Яффе из Цюриха, которая, будучи практикующим психоаналитиком,

являлась также персональным конфиденциальным секретарем Юнга и его биографом; д-ра Иоланду Якоби, являющуюся наиболее опытным после Юнга автором среди юнгианцев Цюриха. Эти четыре человека были избраны отчасти из-за их квалификации и опыта именно в тех областях, которые соответствовали порученным им разделам книги, а отчасти потому, что Юнг был абсолютно убежден в их способности работать единой командой под его руководством. Юнг лично спланировал структуру всей книги, контролировал и направлял работу участников этого проекта и самостоятельно написал ключевую главу «К вопросу о подсознании».

Последний год его жизни был почти целиком посвящен этой книге: незадолго до кончины — в июне 1961 года — он успел завершить свою главу (фактически он закончил работу над ней за десять дней до того, как слег) и вчерне отредактировать главы коллег. После смерти Юнга д-р фон Франц завершила книгу в соответствии с исчерпывающими инструкциями Юнга. Таким образом, основная тема «Человека и его символов» и порядок освещения остальных тем были детально разобраны Юнгом. Глава, подписанная его именем, является исключительно творением рук Юнга (если не считать достаточно существенной редактуры, целью которой было добиться большей ясности текста для несведущего в психологии читателя). Глава эта была написана на английском языке. Окончательная редакция работы после смерти Юнга была выполнена д-ром фон Франц с большим прилежанием, пониманием и в прекрасном расположении духа, за что издатели и остались перед ней в неоплатном долгу.

Наконец, несколько слов непосредственно о содержании книги.

Мышление Юнга разукрасило мир современной психологии намного ярче, чем мог бы представить неискушенный читатель. Такие хорошо известные термины, как «экстраверт», «интроверт», «архетип», введены Юнгом, хотя порой они заимствовались и неправильно употреблялись другими авторами. Наиболее ошеломляющим вкладом Юнга в понимание психологических процессов является его концепция подсознания, которое предстает в трактовке ученого не просто почетным местом для подавленных желаний (как у Фрейда), а целым миром — таким же живым и реальным, как сознание индивида, мир его рассудка, и

даже безгранично шире и богаче последнего. Языком подсознания или «людьми», населяющими его, являются символы, а средством общения — сновидения.

Таким образом, изучение Человека и его символов — это на самом деле изучение отношения человека к своему подсознанию. И поскольку в понимании Юнга подсознание является великим проводником, другом и советчиком сознания, то в этой книге речь будет идти прежде всего о человеке и его духовных проблемах. Мы знакомы с подсознанием и общаемся с ним двусторонним порядком, главным образом благодаря сновидениям. Вот почему в этой книге (и особенно в главе самого Юнга) так много внимания уделяется значению сновидений в жизни личности.

Мне не подобало бы пытаться интерпретировать работу Юнга читателям, многие из которых наверняка лучше, чем я, подготовлены для ее восприятия. Моя роль, как вы помните, заключалась в том, чтобы служить неким «фильтром понятности», и не предполагает какого-либо толкования. Тем не менее, я рискну высказаться по двум общим вопросам, которые показались мне, не специалисту, заслуживающими внимания и могущими оказаться полезными для других читателей-«неэкспертов».

Во-первых, о сновидениях. Для последователей Юнга сновидение — это вовсе не шифровка, которую можно раскодировать при помощи словаря символических значений. Это комплексное, очень важное и личное выражение индивидуального подсознания. Оно «реально» в такой же степени, как и все, что происходит с личностью в жизни. Индивидуальное подсознание спящего выходит на связь только с ним самим и отбирает для этого такие символы, которые имеют смысл только для него, и ни для кого более. Вот почему толкование сновидений психоаналитиком или тем, кому оно приснилось, является для психологов школы Юнга всецело частным и индивидуальным занятием (порой приводящим к неожиданным результатам и очень затянутым), которым никоим образом нельзя заниматься без должной подготовки.

Обратной стороной всего этого является то, что сообщения подсознания имеют огромное значение для их получателя, что вполне естественно, поскольку подсознание занимает по меньшей

мере половину его существа. Кроме того, оно часто предлагает совет или помощь, которые невозможно получить из какого-либо другого источника. Таким образом, когда я описывал сон Юнга, в котором он обращается к множеству людей, я вовсе не пытался изобразить какое-то волшебство или уверить вас в том, что Юнг мимоходом занимается предсказаниями будущего. Я просто рассказал об ординарном эпизоде, демонстрирующем, как подсознание «посоветовало» Юнгу пересмотреть неверное решение, принятое рассудком.

Из сказанного следует, что сновидения не являются для последователя школы Юнга случайным делом. Напротив, способность контактировать с подсознанием — это черта, присущая целостной личности, и юнгианцы «обучаются» (не могу подобрать более верного слова) чуткости в отношении своих сновидений. Так что, когда Юнг сам столкнулся с необходимостью сделать верный выбор — писать или не писать эту книгу, — он мог, принимая решение, опереться и на сознание, и на подсознание. И далее по всей книге сны трактуются как осмысленные сообщения личного характера спящему. При этом используются символы, общие для всего человечества, но их употребление в каждом случае сугубо индивидуально и может быть расшифровано лишь при подборе индивидуального «ключа».

Второй вопрос, на который я хотел бы обратить внимание — это особая манера аргументации, свойственная авторам этой книги и, возможно, присущая всем юнгианцам. Те, кто ограничил себя жизнью исключительно в мире сознания и кто отвергает общение с подсознанием, связывают себя законами сознательной жизни со всеми ее формальностями. Следуя непогрешимой (но часто бессмысленной) логике алгебраического уравнения, они отталкиваются от условно взятых посылок и приходят к неоспоримым выводам. Зная об этом или нет, Юнг и его коллеги, как мне представляется, преодолевают ограничения подобного способа аргументации. Это не значит, что они игнорируют логику, но они постоянно апеллируют как к подсознанию, так и к сознанию. Их диалектика по-своему символична, а порой и замысловата. Они убеждают не с помощью узко направленного луча силлогизма, но с помощью многократного рассмотрения темы и каждый раз под несколько иным углом — до

тех пор, пока читатель, так и не осознав, что ему что-то доказывали, вдруг не поймет, что узнал каким-то образом нечто новое и важное.

Аргументы Юнга (и его коллег) идут как бы по спирали — начинаются от интересующего их субъекта и охватывают его все более широкими кругами. Это напоминает птицу, кружащую вокруг дерева. Поначалу, у самой земли, она видит спутанные листья и ветви. Постепенно, по мере того, как она набирает высоту, повторяющиеся виды дерева с разных сторон органично вписываются в общую цельную картину. Некоторые читатели могут найти этот «спиралевидный» метод аргументации невразумительным и даже путаным во время прочтения первых страниц, но, мне верится, не дольше. Этот метод характерен для Юнга, и очень скоро читатель обнаружит себя вовлеченным в убедительнейшее и глубоко захватывающее путешествие.

Различные разделы книги говорят сами за себя и практически не требуют предисловия. Глава, написанная самим Юнгом, вводит читателя в мир подсознания, архетипов и символов, образующих его язык, и сновидений, через которые оно обращается к нам. В следующей главе д-р Хендерсон иллюстрирует проявление нескольких архетипических композиций в древней мифологии, народных преданиях и в первобытных обрядах. Д-р фон Франц в главе «Процесс индивидуации» описывает, каким образом сознание и подсознание в рамках одной личности учатся познавать, уважать и взаимодействовать друг с другом. В определенном смысле эта глава содержит квинтэссенцию не только всей книги, но, возможно, и всех юнговских представлений о смысле жизни, согласно которым человек становится целостной личностью — спокойной, плодотворной и счастливой — тогда (и только тогда), когда процесс индивидуации завершен, а сознание и подсознание научились жить в мире, уравновешивая и взаимодополняя друг друга. Госпожа Яффе, описывая, как и д-р Хендерсон, хорошо нам знакомую «кухню» сознательного, разбирает постоянное влечение — почти до навязчивости — к символам подсознания. Они имеют для него глубочайшее значение, почти жизненно важное, и обладают внутренним притяжением — попадаются ли они в мифах или в сказках, которые анализирует д-р Хендерсон, или в изобразительном искусстве,

которое, как продемонстрировала госпожа Яффе, удовлетворяет и восхищает нас постоянным обращением к подсознанию.

В заключение несколько слов о главе д-ра Якоби, которая несколько отличается от остальных разделов книги. Фактически, это краткое клиническое описание одного интереснейшего и успешного случая психоанализа. Ценность такого описания для книги очевидна, но предварительно два замечания в этой связи. Во-первых, как отмечает д-р фон Франц, не существует такого понятия, как типично юнговский психоанализ. Он и не может существовать, поскольку всякое сновидение является частным и сугубо индивидуальным сообщением, и один и тот же символ, приснившись двум разным людям, будет иметь разное значение. Таким образом, всякий опыт психоанализа с использованием метода Юнга является уникальным, и было бы заблуждением рассматривать клинический случай, приведенный в этой книге д-ром Якоби (или любой другой, упоминаемый здесь), как «репрезентативный» или «типичный». Все, что можно сказать об описанной истории с Генри и его порой мрачноватых сновидениях, это то, что они прекрасно иллюстрируют возможности применения метода Юнга в частном случае психотерапевтики. Во-вторых, полное описание курса лечения даже сравнительно несложного дела заняло бы целую книгу. Поэтому рассказ о проведении сеансов с Генри подвергся неизбежному сокращению и несколько пострадал от этого. Например, ссылки на «Книгу перемен И Цзин» не очень ясны и придают неестественный (а для меня неприятный) оттенок оккультизма, будучи вырванными из ее контекста. Тем не менее, мы пришли к выводу — и я уверен, что читатель с этим согласится, — что с учетом изложенных замечаний четкий разбор с позиций психоанализа случая Генри значительно обогащает эту книгу, не говоря уже о том, что подобное описание интересно чисто по-человечески.

Начав с обстоятельств, при которых Юнг пришел к решению написать книгу «Человек и его символы», я хочу в заключение напомнить читателям об особенности, а возможно, и уникальности этого издания. Карл Густав Юнг был одним из величайших врачей и одновременно одним из величайших мыслителей этого века. Он всегда стремился помочь людям познать самих себя,

чтобы они могли, зная свои возможности и вдумчиво используя их, жить полной, насыщенной и счастливой жизнью. В самом конце своей жизни, которая была столь полной, насыщенной и счастливой, какой я еще никогда не встречал, он решил направить остававшиеся силы на обращение к более широкой аудитории, к которой никогда ранее не пробовал обращаться. Его труд и его жизнь подошли к концу в одно и то же время. Так что эта книга — его наследие широкому кругу читателей.

1. К вопросу о подсознании

Карл Густав Юнг

Значение сновидений

Человек использует устное или печатное слово, чтобы передать окружающим некоторое осмысленное сообщение. При этом помимо слов-символов, которых так много в любом языке, часто применяются слова-обозначения, или своего рода опознавательные знаки, не являющиеся строго описательными. Таковы сокращения, представляющие ряд прописных букв (ООН, ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО), известные торговые марки, запатентованные названия лекарств, воинские знаки различия. Не имея значения сами по себе, они стали узнаваемы в ходе обыденного или целенаправленного употребления. Подобные слова суть не символы, а знаки, лишь называющие объекты, за которыми закреплены.

Символом же мы называем термин, название или даже образ, обладающий помимо своего общеупотребительного еще и особым дополнительным значением, несущим нечто неопределенное, неизвестное. Многие памятники критской культуры, например, отмечены знаком двойных тесел. Это знакомый нам предмет, однако его потайной смысл скрыт от нас. Или возьмем другой пример: один индус, посетив Великобританию, рассказывал потом своим друзьям, что англичане почитают животных. Он обнаружил в старых протестантских церквях изображения орла, льва и быка, но понятия не имел (как и многие христиане), что эти животные символизируют авторов Евангелий. В свою очередь корни этой символики тянутся к видению Иезекииля, а оно имеет аналог в египетском мифе о боге солнца Горе и четырех его сыновьях. Еще более яркий пример — это известные каждому колесо и крест. В соответствующем контексте и у них появляется символическое значение, которое до сих пор является предметом дискуссий.

Трое из четырех евангелистов (барельеф картезианского собора) предстают в образах животных: лев — Марк, бык — Лука, орел — Иоанн

Следовательно, символическим является такое слово или образ, значение которого выходит за рамки прямого и не поддается точному определению или объяснению. Когда разум пытается объять некий символ, то неизбежно приходит к идеям, лежащим за пределами логики. Размышления о колесе как об образе «божественного» солнца приводят разум к порогу, за которым он должен признать свою некомпетентность, ибо невозможно дать определение «божественному». Называя нечто «божественным», мы, действуя в границах нашего разума, лишь даем название, опираясь при этом только на веру, но никак не на факты.

Явлений, выходящих за пределы человеческого понимания, в мире не счесть. Мы постоянно прибегаем к символической терминологии для обозначения понятий, определение или точное понимание которых нам не подвластно. Вот почему все религии используют язык символов как словесного, так и зрительного ряда. Однако подобное сознательное применение символов является лишь одним аспектом психологического феномена большой важности: человек также сам вырабатывает символы — бессознательно и спонтанно — в форме сновидений.

Этот тезис принять нелегко, но необходимо, если мы хотим больше узнать о путях функционирования человеческого разума. Если немного поразмыслить, нам станет ясно, что человек не способен воспринять или понять что-либо полностью. Его способность видеть, слышать, осязать или чувствовать всегда зависит от тренированности соответствующих органов, степень которой определяет границы восприятия окружающего мира. Эта ограниченность может быть частично преодолена с помощью

соответствующих приборов. Бинокль улучшает зоркость, а усилитель звука — слух. Однако даже самые совершенные приборы способны лишь приблизить удаленные предметы или сделать слышимыми еле различимые звуки. Какие бы приборы мы ни использовали, в определенный момент мы подойдем к порогу, за которым начинается неопределенность. Наши знания не могут помочь разуму переступить этот порог.

Помимо рассмотренных существуют и подсознательные аспекты нашего восприятия реальности. Один из них состоит в том, что когда наши органы чувств реагируют на реальные обстоятельства, объекты и звуки, последние каким-то образом переводятся из царства реальности в царство разума, где становятся моментами психики, глубинная сущность которых непознаваема (ибо психика не способна познать саму себя). Таким образом, любое восприятие действительности включает бессчетное число неизвестных факторов, не говоря уже о том, что любой конкретный объект в конечном счете всегда непостижим для нас, как и глубинная природа самой материи.

Отдельные обстоятельства, кроме того, не затрагивают нашего сознательного внимания, но тем не менее неосознанно воспринимаются и остаются с нами, не переходя порога сознания. Мы можем заметить их лишь по наитию или после сосредоточенного обдумывания, когда вспоминаем, что некое событие действительно имело место, но оказалось проигнорированным из-за своей незначительности. Это воспоминание поднялось из глубин подсознания и было зафиксировано запоздалой мыслью,

Трое из сыновей египетского бога Гора изображены животными (около 1250 г. до н.э.) Животные и люди, сгруппированные по четыре, — это универсальный религиозный символ

«Диссоциация» означает расщепление психики из-за невроза. Примером этого феномена являются персонажи новеллы «Доктор Джекил и мистер Хайд» Р. Л. Стивенсона (1886). В новелле «раздвоение» Джекила происходит физически, а не в его внутреннем психическом мире (как в действительности. На фото мистер Хайд — «другая половина Джекила (экранизация 1932 г.)

а могло бы принять форму сна. Как правило, в сновидениях нам являются бессознательно воспринятые аспекты событий, причем не в рациональной, а в символической и образной форме. Исторический факт: именно изучение снов впервые позволило психологам исследовать подсознательные аспекты осознанно воспринятых психических явлений.

Именно на эти свидетельства опираются психологи, допуская существование подсознательной части психики, хотя многие ученые и психологи отрицают такую возможность, наивно указывая на то, что она подразумевает существование двух «субъектов» или, проще говоря, двух личностей в одном человеке. Это, однако, на самом деле является реальностью. Одна из напастей, от которой страдает современный человек, — это раздвоение личности. И это не патология, а обычное явление, наблюдаемое повсеместно. Человек, правая рука которого не знает, что делает левая, не просто невротик. Подобное затруднение — симптом общей неосознанности поведения, несомненно унаследованной поголовно всем человечеством.

Сознание человека развивалось медленно и трудно. Миновало множество столетий, пока этот процесс подвел его на путь

культуры (начало которой неправомерно датируют четвертым тысячелетием до Рождества Христова, когда вошла в ход письменность). Эволюция человеческого сознания далека от завершения: ведь до сих пор значительные участки разума погружены во тьму. И то, что мы называем психикой, ни в коей мере не идентично сознанию.

Те же, кто отрицают существование подсознания, утверждают фактически, что наши сегодняшние знания о психике исчерпывающи. А такое мнение однозначно столь же ложно, как и предположение, что мы знаем о вселенной абсолютно все.

Наша психика является частью окружающего нас мира, и ее тайна так же безгранична. Поэтому мы не можем дать определения ни тому, ни другому. Мы только можем утверждать, что верим в их существование, и описывать по мере возможности их функционирование. Кроме накопленных результатов медицинских исследований есть и серьезные логические доводы против утверждений о несуществовании подсознания. Сторонники этой точки зрения выражают стародавний «мизонеизм» — страх перед новым и неизвестным.

Это противление идее существования непознанной части человеческой психики имеет свои цепкие корни, ведь сознание — совсем недавнее приобретение бытия и находится еще в процессе становления. Оно хрупко, подвержено специфическим опасностям и легкоранимо. Антропологи подметили, что одним из наиболее частых умственных расстройств у первобытных людей была, говоря их языком, «потеря души», или разлад (по-научному диссоциация) сознания.

Среди людей прошлого, уровень сознания которых отличался от нашего, душа (психика) не воспринималась как нечто целое. Многие полагали, что каждый человек помимо обычной души имеет еще и так называемую «лесную душу», воплощенную в том звере и растении, с которым он имеет определенное психическое родство. Известный французский этнолог Л. Леви-Брюль назвал эти представления «мистическим участием». Позже он отказался от этого термина под давлением недружественной критики, но я уверен в его правоте. В психологии хорошо известно явление подобного подсознательного единения одного индивидуума с другим человеком или объектом.

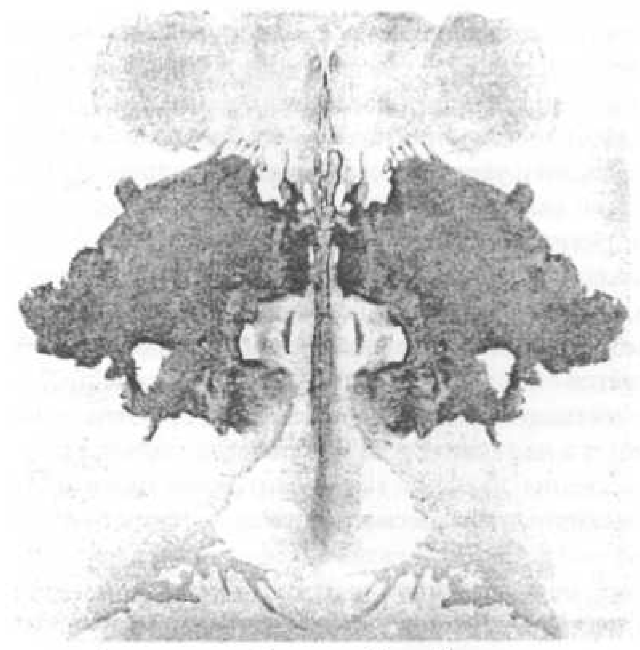
Среди первобытных людей это родство имело множество форм. Если «лесная душа» обитала в каком-либо звере, то он считался человеку как бы братом. Предполагалось, что человек, имеющий братом крокодила, мог, например, спокойно плескаться в кишащей аллигаторами реке. Иметь «лесную душу» в дереве означало родительскую власть этого дерева над индивидуумом. В обоих случаях понималось, что оскорбление «лесной души» равно оскорблению человека. В некоторых племенах считалось, что у человека несколько душ. Подобное мироощущение отражало веру отдельных первобытных людей в то, что они состоят из нескольких связанных между собой, но различных частей. Это означает, что индивидуальная психика была далека от гармоничной целостности. Наоборот, она грозила вот-вот распасться под напором неконтролируемых эмоций.

Хотя эта ситуация и известна нам лишь по работам антропологов, она вовсе не так далека от современной действительности, как могло бы показаться. Мы тоже можем стать диссоциированными и утратить свою индивидуальность. Мы можем оказаться во власти настроения, весьма изменившись при этом, можем утратить благоразумие и память о само собой разумеющихся вещах, касающихся нас самих и наших близких до такой степени, что спровоцируем вопрос: «Какой бес в тебя вселился?» Мы говорим о возможности самоконтроля, однако редко кому удается овладеть этим замечательным качеством. Мы можем полагать, что контролируем себя, но при этом наши друзья легко видят в нас такое, чего мы и не представляем.

Без сомнения, даже при высоком, с нашей точки зрения, уровне цивилизации человеческое сознание еще не достигло уровня неразрывности. Оно еще уязвимо и подвержено фрагментации. В то же время, способность изолировать часть разума является весьма ценной. Она позволяет сосредотачиваться на чем-то одном, отключая все, что может отвлечь наше внимание, и подавляя для этого часть психики. Главный вопрос заключается, однако, в том, делаем ли мы это сознательно или же это происходит спонтанно, без нашего ведома и согласия, или даже против нашего желания. В первом случае такая способность является достижением цивилизации, во втором — первобытной «потерей души» или даже невротической патологией.

Таким образом, даже в наши дни единство сознания все еще штука ненадежная — слишком легко оно прерывается. А способность контролировать эмоции, весьма полезная с одной стороны, с другой выглядит довольно сомнительно, ибо лишает человеческие отношения разнообразия, яркости и теплоты.

Именно на этом фоне мы рассмотрим значение снов — этих зыбких, неуловимых, недолговечных, смутных и неопределенных фантазий. Чтобы раскрыть свою позицию, я хотел бы описать, как она видоизменялась и как я пришел к заключению, что сновидения являются наиболее широко распространенным и доступным источником для изучения способности людей к выработке символов.

Тест «чернильной кляксы», изобретенный швейцарским психиатром Германом Роршахом. Очертания пятна могут подстегнуть свободные ассоциации: фактически почти любые беспорядочно-свободные формы стимулируют ассоциативный процесс. Леонардо да Винчи писал: «Для вас не составит большого труда время от времени останавливаться и рассматривать пятна на стенах или мерцание углей в огне, или облака, или слякоть под ногами и тому подобные вещи, которые... могут вызвать у вас изумительные идеи»

Зигмунд Фрейд был первым, кто попытался исследовать эмпирическим путем подсознательный фон сознания. В своей работе он исходил из общего допущения, что сны являются не случайными, а ассоциативно связанными с сознательно переживаемыми мыслями и проблемами. Это допущение основывалось на тезисе выдающихся неврологов (в том числе Пьера Жане) о связи невротических симптомов с конкретными сознательными переживаниями. Похоже, они возникают в отключенных участках бодрствующего разума, которые в другое время и при других условиях могут вновь включаться.

Еще в конце прошлого века Зигмунд Фрейд и Иосиф Брейер пришли к выводу, что невротические симптомы — истерия, некоторые виды боли, ненормальное поведение — имеют еще и символическое значение. Как и сновидения, они являются способом самовыражения подсознательной части разума и так же несут символическую нагрузку. Например, у пациента, столкнувшегося с невыносимой ситуацией, может возникнуть спазм при глотании: воспоминание о ней заставляет его поперхнуться. В аналогичной ситуации у другого пациента начинается приступ астмы, его угнетает «атмосфера дома». Третий страдает от особой формы паралича ног, он не ходит, поскольку «продвигаться» далее так невозможно. Четвертого мучают приступы рвоты во время еды, потому что он не может «переварить» какой-то неприятный факт. Я мог бы привести много аналогичных примеров, но подобная физическая реакция является лишь одной из форм выражения подсознательно беспокоящих нас проблем. Чаще всего они приходят к нам во сне.

Любой психолог, которому приходилось выслушивать содержание снов пациентов, знает, что символов, встречающихся в сновидениях, много больше, чем физических симптомов невроза. Зачастую сны состоят из сложных и красочных фантазий. Однако, если использовать для анализа этого материала фрейдовскую методику «свободных ассоциаций», окажется, что все разнообразие сновидений можно свести к нескольким базисным сюжетам. Этот метод сыграл важную роль в развитии психоанализа, позволив Фрейду использовать сны пациентов в качестве отправной точки для изучения их неосознанных проблем.

Фрейд сделал простое, но глубокое наблюдение: если пациента поощрить к разговору об увиденном во сне, попросить поделиться мыслями по данному поводу, то он неизбежно «раскроется» и обнажит бессознательный фон своих недомоганий как тем, что он расскажет, так и тем, что в рассказе опустит. Его рассказ может показаться иррациональным и не имеющим видимой связи с его проблемами, однако через некоторое время нетрудно разобраться, чего он избегает, какие неприятные мысли и воспоминания подавляет. Как бы он ни старался не выдать себя, все его слова будут указывать на переживание, от которого он страдает. Врачам настолько часто приходится сталкиваться с неприглядной стороной жизни, что они редко ошибаются в расшифровке намеков, порождаемых беспокойным подсознанием пациента. И то, что им открывается, к сожалению, обычно соответствует их предположениям. Все сказанное до сих пор лишь подтверждает фрейдовскую теорию о подавленных и осуществленных желаниях как очевидных источниках символики сновидений.

Фрейд придавал особое значение снам как отправному пункту процесса «свободных ассоциаций». Через некоторое время, однако, я начал понимать, что использовать таким образом все богатство фантазий, генерируемых подсознанием во сне, было бы ошибочно и недостаточно. Первые сомнения у меня появились после рассказа моего коллеги об ощущениях, пережитых им во время долгой поездки по железной дороге в Россию. Хотя он не знал русского языка и не был знаком с написанием букв в кириллице, он увлекся разглядыванием вывесок на железнодорожных станциях, пытаясь угадать, что могут означать эти странные буквы.

Размышляя об этом, он фантазировал, расслабившись, представляя самые невероятные значения незнакомых слов, когда вдруг обнаружил, что «свободные ассоциации» пробудили целый ряд старых воспоминаний, в том числе весьма неприятных и, казалось, надежно погребенных, которые он в свое время желал забыть и сознательно забыл. Фактически он обнаружил свои «комплексы» — так психологи называют подавленные эмоции и воспоминания, которые могут вызывать постоянные психологические расстройства и даже, во многих случаях, невротические синдромы.

Изображение ключа в замочной скважине часто таит в себе сексуальный символ. Подразумевается, что дверь символизирует надежду, замок — милосердие, ключ — мольбу к Богу (фрагмент картины XV в. фламандского живописца Робера Кампена). «Анима — женский элемент мужского подсознания. Эта внутренняя двойственность показана *справа* образом гермафродита (алхимический манускрипт XVII в.)

Этот случай открыл мне глаза на то, что для изучения комплексов пациента необязательно использовать сны как отправную точку процесса «свободных ассоциаций». Ведь докопаться до сути можно с разных сторон. Оттолкнуться можно от букв кириллицы, медитации с хрустальным шаром, молитвенного колеса, современной картины и даже от обычного разговора о всяких пустяках. В этом отношении сон не лучше и не хуже, чем любое другое отправное начало. Тем не менее, сны имеют особое значение, даже когда порождены эмоциональными потрясениями, где не обошлось без присущих индивидууму комплексов. (Присущие каждой личности комплексы представляют собой наиболее уязвимые места психики, моментально реагирующие на внешние раздражители). Вот почему «свободные» ассоциации могут привести от любого сна к «запретным» мыслям.

На этом этапе мне пришло в голову, что (если я был прав в вышеприведенных рассуждениях) сны вполне могут иметь некую особую и более весомую самостоятельную функцию.

Очень часто они явно структурированы таким образом, что указывают на породившую их мысль или намерение, которые, однако, распознать сразу почти невозможно. Тогда я подумал: а не лучше ли уделять больше внимания анализу формы и содержания конкретного сновидения, чем выстраивать путем «свободных» ассоциаций цепочку, ведущую к комплексам, обнаружить которые нетрудно и другими методами.

Эта мысль стала переломной в развитии моей концепции. Я постепенно отказался от ассоциативного метода, слишком далеко уводящего от содержания сна, и предпочел сосредоточиться на самих сновидениях, считая, что они выражают некое сообщение, которое пытается передать подсознание.

Перемена моего отношения к снам обусловила и изменение методики. Новый метод позволял описывать все разнообразие аспектов сновидения. Если рассказ, поведанный сознающим разумом, имеет начало, развитие и концовку, то во сне все по-другому. Его пространственно-временные координаты отличаются от обычных. Чтобы понять это, сновидение следует тщательно изучить как незнакомый предмет, который мы крутим в руках, поворачивая его снова и снова, пока каждая деталь не станет знакомой.

Теперь, быть может, я достаточно показал, как я все более отходил от фрейдовского свободно-ассоциативного метода: я хотел держаться как можно ближе к самому сну, исключая все не относящиеся к делу идеи и ассоциации, которые он мог бы пробудить. Конечно, они помогали разобраться с комплексами пациента, приводящими к невротическим расстройствам, но не в этом я видел свою цель. Ведь для распознавания «комплексов» существует множество других методик. Психолог, например, может узнать все интересующие его нюансы через вербально-ассоциативный тест (пациенту называют ряд слов, и он говорит, с чем они у него ассоциируются). Однако, чтобы узнать и понять, как протекает психический процесс у конкретного индивида, не обойтись без изучения его снов и их символики.

Практически все знают, например, что половой акт можно символически изобразить с помощью несчетного количества образов (или аллегорий). Каждый из них может ассоциироваться с половым сношением и, соответственно, пробуждать специфи-

ческие комплексы, которые каждый человек может иметь в сексуальной сфере. Вместе с тем, раскрыть те же комплексы можно и путем созерцания загадочных русских букв. Так я пришел к предположению, что сновидение несет в себе не обязательно некую сексуальную аллегорию, но всегда причинно обусловленное сообщение. Проиллюстрируем это положение на следующем примере.

Вам может сниться, что вы вставляете ключ в замочную скважину, или деретесь тяжелым жезлом, или высаживаете бревном дверь. Каждый из этих образов можно трактовать как сексуальную аллегорию. Однако не менее важно, какой именно из них — ключ, жезл или бревно — подсознание выбрало для своих целей. В этом-то и заключается главный вопрос почему выбран ключ, а не жезл, или жезл, а не бревно. В итоге может оказаться, что на самом деле изображался не половой акт, а нечто совершенно другое.

Исходя из указанной аргументации, я заключил, что для интерпретации сновидения следует использовать лишь явно составляющий его материал. У сна есть свои границы. Его специфическая форма сама подсказывает нам, что является частью сна, а что не является. Там, где «свободные ассоциации» увлекают нас в сторону, заставляя идти зигзагом, разработанный мною метод позволяет, все сужая круг поиска, подбираться к цели — картине сновидения. Шаг за шагом я иду к ней, пресекая любые попытки пациента отвлечься. Раз за разом я повторяю: «Вернемся к вашему сну. Опишите, что вам снилось».

Приведу пример: моему пациенту приснилась пьяная, неряшливо одетая вульгарная женщина. Во сне она была его женой, хотя в реальной жизни его супруга не имела ничего общего с этим образом. Следовательно, если не «копать» глубоко, можно было бы сказать, что сон возмутительно неправдоподобен, и реакцией пациента стало бы незамедлительное неприятие нелепицы. Если бы я, как врач, позволил ему углубиться в поток ассоциаций, он наверняка попытался бы удалиться куда угодно, лишь бы забыть о неприятном сновидении. В этом случае он пришел бы к одному из своих устоявшихся комплексов, — возможно, и не имеющему никакой связи с женой, — и мы ничего бы не узнали о значении данного сна.

Но что же на самом деле пыталось передать его подсознание таким очевидно ложным сообщением? Понятно, что оно выражало в такой форме идею опустившейся женщины, тесно связанную с жизнью пациента. Но поскольку проекция на жену была необоснованной и фактически ложной, мне пришлось как следует поискать, пока я не раскусил загадку этого отталкивающего образа.

В средневековье считалось, что «внутри каждого мужчины таится женщина». Эта мысль родилась задолго до открытия физиологами присутствия в каждом из нас, в силу особенностей строения гормональной системы, мужского и женского начала. Это женское начало, присущее каждому мужчине, я назвал «анима». Суть его заключается преимущественно в чувстве некой привязанности подчиненного характера по отношению к окружающим, особенно к женщинам. Это чувство тщательно скрывается ото всех, в том числе и от самого себя. Иначе говоря, хотя внешне человек выглядит вполне нормальным, его женское начало пребывает в жалком состоянии.

В этом и заключалась ситуация моего пациента. Его женское начало было непривлекательным. Его сон фактически предупреждал: «В некоторых ситуациях ты ведешь себя как опустившаяся женщина» — что и вызвало необходимое для пациента потрясение. (Разумеется, примеры такого рода не следует воспринимать как свидетельство того, что подсознание занимается моральными предписаниями. Сон не предписывал пациенту «лучше себя вести», а просто пытался исправить перекос в его сознании, продолжающем держаться за миф о собственной непогрешимости, безупречности и добропорядочности).

Легко понять, почему мы обычно игнорируем или даже отвергаем сообщения, увиденные во сне. Естественно, что сознание противится подсознательному и неизвестному. Я уже упоминал о распространенном среди первобытных людей «мизонеизме» — так антропологи называют глубокий суеверный страх нового, тождественный реакции дикого животного на неблагоприятную ситуацию. «Цивилизованный» человек, однако, зачастую реагирует на новые идеи весьма сходным образом, воздвигая психологические барьеры, чтобы защититься от шока встречи с чем-то новым. Это особенно заметно в реакции любого человека на

Мизонеизм — безрассудный страх, ненависть к новым идеям — вот основное препятствие на пути к общественному признанию современной психологии. Эволюционные теории Дарвина сталкивались с аналогичным сопротивлением. *Слева:* юмористический рисунок из журнала «Панч» за 1861 г. (надпись на плакате:«Я человек и брат?») *Справа:* высмеивающая мизонеизм карикатура американского сатирика Джеймса Торбера, на которой изображена тетушка, опасающаяся, что электричество растечется по всему дому.

свои собственные сны, когда в них встречаются неожиданные сюжеты. Многим философам, ученым и даже литераторам, шедшим непроторенными путями, пришлось испытать на себе врожденный консерватизм своих современников. Психология, совсем молодая наука, в силу того, что изучает работу подсознания, неизбежно столкнулась с «мизонеизмом» в самых экстремальных его проявлениях.

Прошлое и будущее в подсознании

Выше я набросал некоторые принципы своего подхода к сновидениям, ибо для изучения нашей способности вырабатывать символы они являются наиболее элементарным и доступным материалом. В работе со снами необходимо исходить из двух основополагающих положений. Во-первых, следует относиться к ним как к фактам, заранее не предполагая ничего кроме того, что некий смысл они все-таки содержат, во-вторых, понимать, что сон является специфическим языком подсознания.

Вряд ли возможно более кратко сформулировать эти принципы. Даже человек, имеющий невысокое мнение о подсознании, должен был бы признать, что оно стоит изучения, по меньшей мере как и вошь, которая пользуется заслуженным интересом энтомологов. Если человек, мало сведущий в сновидениях, считает их ничего не означающими хаотическими явлениями, что же — у каждого есть право на свое мнение. Однако, если допустить, что сны — это обычные события (каковыми они и являются), то отсюда следует, что они либо каузальны, то есть имеют рациональную причину, которой обязаны своим возникновением, либо целенаправленны, либо то и другое.

Рассмотрим теперь чуть подробнее, как связаны между собой сознательный и подсознательный аспекты мышления. Возьмем знакомый каждому случай, когда мы теряем мысль, забываем, что хотели сказать, хотя секунду назад слово «вертелось» на языке. Например, вы собираетесь представить друга, но его имя улетучивается из памяти в тот момент, когда вы хотели его произнести. Вы говорите «забыл»; на самом же деле мысль стала подсознательной или по меньшей мере моментально отделившейся от сознания. То же случается и с нашими органами восприятия. Если вслушиваться в какой-нибудь еле слышный, но долго тянущийся звук, то будет казаться, что он периодически пропадает и вновь появляется. В действительности, периодически прерывается не звук, а наше внимание.

Когда идея выскальзывает из нашего сознания, она не перестает существовать — так же, как машина, скрывшаяся за углом, вовсе не растворяется в воздухе. Просто она оказалась вне поля зрения. Позже мы опять можем встретить эту машину, как можем и натолкнуться на ранее утерянные мысли.

Таким образом, наше подсознание бывает занято множеством временно угасших образов, впечатлений, мыслей, которые продолжают влиять на наше сознательное мышление, хотя и являются потерянными. Отвлекшийся или рассеянный человек пересекает комнату, чтобы что-то взять. На полпути он останавливается в смущении — он забыл, за чем шел. Он механически, как лунатик, перебирает вещи на столе — хотя первоначальное намерение забыто, оно подсознательно движет им. Наконец он вспоминает, что хотел. Подсознание подсказало ему.

Наблюдая за поведением невротика, кажется, что он действует осознанно и намеренно. Однако, если спросить его, окажется, что он либо не осознавал своих действий, либо имел в виду совсем не то. Он слушает, но не слышит, смотрит, но не видит, знает, но не ведает. Подобные ситуации настолько хрестоматийны, что для специалиста очень скоро становится ясным, что подсознательная часть мышления проявляет себя подобно сознательной; тем самым становится невозможным точно определить, осознанны или нет мысли, речь и действия пациента в такой ситуации.

Именно поэтому многие терапевты воспринимают как явную ложь рассказы истеричных пациентов. Такие люди действительно говорят неправду чаще, чем большинство из нас, однако вряд ли будет правильно называть все их слова ложью. Дело в том, что состояние их разума диктует неопределенность поведения, поскольку их сознание подвержено непредсказуемым затмениям из-за вторжений подсознания. Даже их кожная чувствительность может колебаться аналогичным образом. Подверженный истерии человек, уколовшись иголкой, может не почувствовать этого. Подсознание же пациента будет знать обо всем, что происходит.

Это будет особенно заметно при гипнозе такого пациента. Легко показать, что он помнит все детали происшедшего: и укол в руку, и реплику врача, прозвучавшую при отключившемся уже сознании, — все вспоминается им настолько отчетливо, будто никакой анестезии или забывчивости не было. Я помню одну женщину, привезенную в клинику в состоянии полного ступора. Обретя сознание на следующий день, она не помнила, как она здесь оказалась и почему, какое сегодня число, хотя и осознавала, кто она. Когда же я ввел ее в гипнотическое состояние, она рассказала и как заболела, и как добралась до клиники, и кто дежурил на приеме больных. Все это легко подтвердить документально. Она даже сказала, в котором часу ее приняли в клинику, так как видела часы у входа. Ее память под гипнозом была столь ясна, будто все это время она пребывала в сознании.

Разбирая подобные случаи, мы обычно опираемся на материалы клинических наблюдений. По этой причине многие критики считают, что подсознание со всеми его тонкими проявлениями

относится исключительно к сфере психопатологии. Они считают любое проявление подсознательного невротическим или психическим расстройством, не имеющим ничего общего с нормальным состоянием разума. Однако невротические явления вовсе не являются исключительно результатом заболевания. В действительности это не более чем патологическое преувеличение нормальных событий, которое лишь в силу своей преувеличенности более заметно, чем его нормальный аналог. Истерические симптомы можно обнаружить у всех нормальных людей, однако они столь незначительны, что никто их не замечает.

Например, забывание — нормальный процесс, при котором отдельные осознаваемые идеи теряют свою специфическую энергию из-за отвлечения внимания. Когда мы переключаем интерес на что-то, мы тем самым оставляем в тени те вещи, о которых думали ранее. Так луч прожектора, осветив одно место, оставляет другое в темноте. Этого нельзя избежать, поскольку сознание может удержать одновременно ясными лишь несколько образов, причем эта ясность подвержена колебаниям.

Забытые идеи, вместе с тем, не прекращают своего существования. Хотя их нельзя воспроизвести по собственному желанию, они пребывают под порогом сознания, как раз ниже порога памяти, — откуда могут всплыть в любой момент, иногда после многих лет, казалось бы, полного забвения. В данном случае я говорю о ситуации, когда мы видим и слышим что-то вполне осознанно, а впоследствии забываем. Наряду с этим мы видим, слышим, чувствуем запах и вкус множества вещей, не замечая этого либо потому, что наше внимание отвлечено, либо потому, что раздражитель, воздействующий на наши органы чувств, слишком слаб для осознанного восприятия. Тем не менее, эту информацию впитывает подсознание, и подобное подпороговое восприятие играет значительную роль в нашей повседневной жизни. Хотя мы не осознаем этого, оно влияет на наше восприятие событий и людей.

Особенно показателен в этом плане случай, происшедший с одним преподавателем, прогуливавшимся как-то раз за городом со своим учеником. Поглощенный серьезной беседой, профессор вдруг заметил, что в его мысли неожиданно вторгся поток воспоминаний раннего детства. Почему это случилось, он

никак не мог понять, ведь ничто из сказанного, казалось, не имело никакой связи с ними. Поглядев назад, преподаватель увидел ферму и понял, что воспоминания нахлынули в тот момент, когда он проходил мимо. Дотошный профессор предложил ученику прогуляться обратно к этому месту. Оказавшись там, он почувствовал запах гусей и мгновенно понял, что именно этот запах пробудил к жизни памятные картины детства.

Ребенком он жил на ферме, где разводили гусей, и их характерный запах с детства врезался ему в память, хотя и был забыт со временем. Проходя мимо фермы, преподаватель услышал этот запах неосознанно, и это подсознательно воспринятое впечатление пробудило давно забытые впечатления детства. Восприятие было неосознанным, потому что внимание было занято другим, и раздражитель не был достаточно сильным, чтобы привлечь внимание и напрямую «достучаться» до сознания. Зато он всколыхнул «забытые» воспоминания.

В таких ситуациях намек играет роль пускового механизма, вызывающего прилив невротических симптомов, как, впрочем, и благоприятных воспоминаний, когда что-то своим видом, запахом или звучанием напоминает обстоятельства прошлого. Вот, например, машинистка в офисе: цветущий вид и хорошее настроение. Через секунду у нее раскалывается от боли голова и налицо другие признаки крайнего утомления. Она услышала вдалеке, не осознавая этого, гудок корабля, подсознательно напомнивший ей о мучительном разрыве с любимым человеком, воспоминания о котором она пыталась выбросить из памяти.

Помимо обычного забывания Фрейд описал несколько разновидностей забывания неприятных воспоминаний, с которыми память стремится поскорее расстаться. Как говорил Ницше, там, где гордость непреклонна, память предпочитает отступить. Таким образом, среди утерянных воспоминаний немало таких, чья неосознанность (а значит, и неспособность быть воспроизведенными по желанию) обусловлена их же неприятным и невыносимым содержанием.

Психологи называют их «подавленными». Иллюстрацией на эту тему могла бы послужить секретарша, испытывающая чувство ревности к одному из компаньонов своего руководителя. Раз за разом она забывает приглашать его на совещания, несмотря

на то, что в списке участников всегда фигурирует его фамилия. Однако, если спросить ее об этом, она скажет, что забыла или что ее отвлекли, и никогда не признается — даже себе самой — в истинных причинах этой забывчивости.

Многие ошибочно преувеличивают значение силы своих желаний, полагая, что им не может ничего прийти в голову помимо их воли. Вместе с тем, надо научиться различать намеренное и ненамеренное в нашем мышлении. Первое исходит от эго, второе — от «обратной стороны» эго, вовсе не тождественной ему. Именно эта «обратная сторона» заставляла секретаршу забывать о приглашении.

Сколь непохожи причины, из-за которых мы забываем то, что увидели или испытали, столь разнообразны и пути вспоминания. Интересный пример представляет криптомнезия, или «скрытое воспоминание». Скажем, писатель работает, развивая в строгом соответствии с заранее составленным планом сюжетную линию или действие повести. Вдруг он неожиданно отклонился от темы.

Может быть, ему пришла на ум свежая идея или новый образ, или даже сюжетный ход. Если спросить писателя, чем вызвано это отклонение, он не сможет объяснить. Он мог даже не заметить изменения, хотя создаваемый им материал совершенно новый и явно не был известен ему ранее. В то же время, в некоторых случаях можно доказать наличие поразительного сходства написанного с чьей-то еще работой, которую он полагает абсолютно незнакомой.

Я сам обнаружил потрясающий пример такого рода в книге Ницше «Так говорил Заратустра», где автор воспроизводит почти слово в слово происшествие, описанное в одном корабельном вахтенном журнале за 1686 год. По счастливой случайности я прочел эту морскую историю в книге, вышедшей в свет, если мне не изменяет память, в 1835 году (за полвека до того, как Ницше взялся за перо). Обнаружив аналогичное описание в «Заратустре», я обратил внимание на необычный стиль, отличающийся от свойственного Ницше. Я убежден, что Ницше тоже попало в руки то старинное издание, хотя он и не сослался на него. Я написал сестре Ницше, тогда здравствующей, и она подтвердила, что читала с братом эту книгу, когда ему было один-

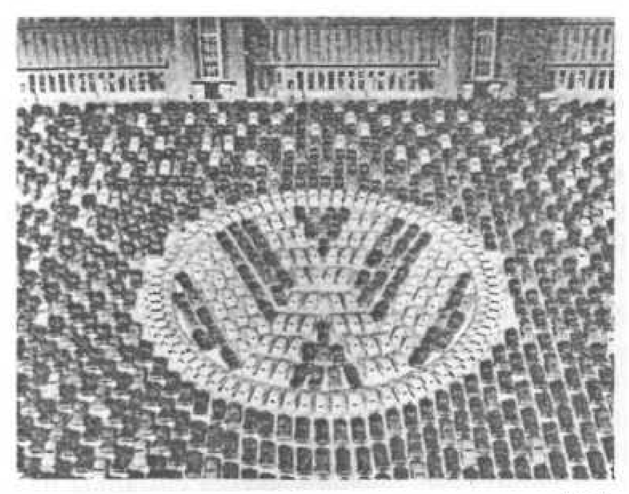
надцать лет. Судя по всему, Ницше и представить не мог, что занимается плагиатом. Я уверен, что та история через пятьдесят лет неожиданно впорхнула в его сознание. Подобная ситуация, в которой человек не отдаст себе отчет, характерна для подлинного воспоминания. Почти то же может случиться с музыкантом. Услышанный им в детстве деревенский напев или популярную песенку он может, будучи в зрелом возрасте, вставить в качестве ведущей темы в сочиняемую симфонию. Это идея или образ вернулась из подсознания в сознающий разум.

Все, что я выше говорил о подсознательном — этой сложной составляющей нашей психики — суть лишь беглый набросок его природы и механизма действия. Кроме того, следовало бы охарактеризовать тот подсознательный материал, из которого могут спонтанно генерироваться символы наших снов. Этот материал может включать всевозможные побуждения, импульсы и намерения, восприятия рациональные и интуитивные, обобщения и посылы, а также разнообразнейшие чувства. Каждое из них и все вместе могут становиться — частично, временно или постоянно — неосознаваемыми.

Описанный материал большей частью переходит в подсознание из-за того, что в сознательном мышлении для него, если можно так выразиться, не хватает места. Часть наших мыслей теряет свою эмоциональную энергию и опускается под порог осознания (то есть не привлекает более осознанного внимания), став неинтересными или неактуальными, или мы сами запихиваем их подальше по какой-либо причине.

Для нас является нормальным и необходимым «забывать» именно таким образом, чтобы освобождать место для новых впечатлений и идей в нашем разуме. Если бы это было не так, то все, что мы испытываем, оставалось бы над порогом осознания и привело бы к невообразимому беспорядку рассудка. Это явление сегодня настолько известно, что большинство людей, мало-мальски знающих психологию, считают его само собой разумеющимся.

Однако, как осознанное может исчезать в подсознании, так и новое содержание, никогда не находившееся ранее в сознании, может появляться из подсознания. Можно почувствовать, что в сознании вот-вот появится нечто — тогда мы говорим

Игрушечные машинки, из которых выложена торговая марка «Volkswagen», изображенная на этой рекламе, могут «зацепить» сознание зрителя, вызвав прилив детских бессознательных воспоминаний. Если эти воспоминания приятны, то удовольствие, вызываемое ими, может ассоциироваться (подсознательно) с товаром и его названием

«идея витает в воздухе» или «у меня нехорошее предчувствие». Открытие того, что подсознание — не просто обиталище прошедшего, но и вместилище будущих психологических явлений и идей, находящихся в зачаточном состоянии, привело меня к новому взгляду на психологию. По этому вопросу было сломано много копий, высказывались самые противоречивые суждения, но факт остается фактом: кроме воспоминаний из далекого прошлого, из подсознания могут появляться совершенно новые мысли и творческие идеи, которые ранее никогда не посещали сознание. Они поднимаются лотусообразно из темных глубин разума и образуют наиболее важную часть подсознательного в психике.

Мы находим подтверждение этому в повседневной жизни, когда сталкиваемся с неординарно смелыми решениями запутанных проблем: многие люди искусства, философы, даже ученые почерпнули свои самые вдохновенные идеи в подсознании, внезапно вытолкнувшем их на божий свет. Одной из отличительных черт гениев как раз и является способность найти такой источник вдохновения и направить его поток в русло фило-

В XIX в. немецкий химик Фридрих Кекуле, исследовавший молекулярную структуру бензола, увидел во сне змею с собственным хвостом во рту. (Это стародавний символ: на правом рисунке приведено его изображение в греческом манускрипте III в. до н.э.). Он истолковал сон в том смысле, что структура бензола должна представлять замкнутое углеродное кольцо — такое, как на рисунке из его «Учебника по органической химии» (1861)

софских, художественных и музыкальных работ или научных открытий.

В истории науки много свидетельств подобного рода. Например, во Франции математик Пуанкаре и химик Кекуле сделали важные открытия (по их собственному признанию) благодаря неожиданно увиденным во сне «подсказкам» в виде графических изображений. Пресловутое «мистическое» переживание французского философа Декарта заключалось в аналогичном «откровении» подсознания, когда он в один миг узрел «порядок всех наук». Английский писатель Роберт Льюис Стивенсон долгие годы вынашивал замысел истории, которая отразила бы его «сильное ощущение людской раздвоенности», и вдруг во сне увидел сюжет о докторе Джекиле и мистере Хайде.

Ниже я опишу более детально, каким образом подобный материал поднимается из подсознания, и рассмотрю формы его выражения. Сейчас я хотел бы отметить лишь, что способность человеческой психики создавать нечто новое особенно важна для понимания символики сновидений, поскольку образы и

идеи, приходящие к нам во сне, невозможно объяснить только воспоминанием — с этим я неоднократно сталкивался в своей профессиональной работе. Они выражают новые мысли, никогда ранее не переступавшие порог сознания.

Функция сновидений

Я позволил себе углубиться в проблему происхождения жизни, проживаемой нами во сне, поскольку именно на этой почве обычно произрастает большинство символов. К сожалению, сны нелегко понять. Как я уже отмечал, сон совсем не похож на историю, рассказанную бодрствующим разумом. В повседневной жизни мы думаем, прежде чем сказать, выбираем, как лучше сказать, стараемся, чтобы наши реплики были к месту. Воспитанный человек, например, постарается не употребить двусмысленную метафору, чтобы не исказить впечатление от своих слов. Сны же скроены из другого теста. Во сне на нас наваливаются образы, кажущиеся противоречивыми и смешными, чувство времени утрачивается, обычные вещи могут стать захватывающими или угрожающими.

Может показаться странным, что подсознательное мышление распоряжается своим содержимым совсем не упорядоченным образом, который, казалось бы, является привычным для нашего бодрствующего, дневного образа мыслей. Любой, кто попробует вспомнить, что ему приснилось, обнаружит это различие, являющееся одной из главных причин, почему нам обычно так трудно понять свои сны. С точки зрения обычного опыта, приобретенного в бодрствующем состоянии, они не имеют смысла; поэтому мы склонны либо пренебречь ими, либо признать, что их содержание ставит нас в тупик.

Сказанное выше будет более понятно, если принять во внимание, что наши мысли, с которыми мы имеем дело в нашей будто бы упорядоченной сознательной жизни, вовсе не такие уж четкие, как нам хотелось бы думать. Напротив, чем ближе мы с ними знакомимся, тем более расплывчатым становится их смысл (и эмоциональное значение для нас). Ведь все, что мы увидели или испытали, может опуститься ниже порога созна-

ния, то есть в подсознание. И даже те мысли, что мы удерживаем в сознании и которыми можем манипулировать по желанию, приобретают в подсознании каждая свой индивидуальный оттенок, сопровождающий их всякий раз, когда мы к ним обращаемся. Наши осознанные впечатления быстро окрашиваются их подсознательным значением, имеющим для нас реальный смысл, несмотря на то, что мы не осознаем его существования или характера его взаимодействия с обычным значением.

Разумеется, эти оттенки психического восприятия различны у разных людей. Каждый из нас индивидуально воспринимает абстрактные или общие понятия, и, соответственно, каждый по-своему интерпретирует и применяет их. Когда я использую в разговоре термины «государство», «деньги», «здоровье» или «общество», я предполагаю, что мои собеседники понимают их более или менее так же, как и я. В этом «более или менее» вся соль. Любое слово имеет чуточку отличающееся значение у разных людей, даже если они одного культурного уровня. Так происходит, потому что общее понятие, пройдя через призму индивидуальности, трактуется и применяется каждым слегка по-своему. Отличия в трактовке, разумеется, возрастают, когда социальный, политический, религиозный или психологический опыт собеседников значительно разнится.

До тех пор, пока понятие исчерпывается своим названием, вариации в его понимании почти не ощутимы и не имеют практического значения. Однако, как только оно требует точного определения или тщательного объяснения, то появляются самые невероятные трактовки, и не только в чисто интеллектуальном понимании термина, но особенно в его эмоциональной окраске и способе применения. Как правило, эти различия являются неосознаваемыми и таковыми остаются.

Казалось бы, подобные различия можно было бы отбросить как излишние и преходящие нюансы, имеющие мало общего с будничными потребностями. Однако сам факт их существования показывает, что даже самое обыденное содержимое сознания имеет оттенок приблизительности. Даже тщательнейшим образом сформулированные философские или математические понятия, не имеющие, по нашему убеждению, иного содержания, чем вложенное нами, на самом деле наделены более широким

значением, чем мы предполагаем. Это — психическое явление, и как таковое оно познаваемо не полностью. Даже числа, используемые при счете, и те представляют из себя нечто большее, нежели мы думаем. Они несут еще и мифологическую нагрузку (а пифагорейцы обожествляли их), о чем мы, конечно, не задумываемся, складывая или перемножая их.

Если сказать коротко, то у каждого понятия, имеющегося в нашем сознательном мышлении, есть свое ассоциативное соответствие в психике. Ассоциация, соответствующая понятию, может быть более или менее яркой (в соответствии с важностью этого понятия для нашей индивидуальности или в увязке с другими идеями и даже комплексами нашего подсознания) и может изменять «обычный» смысл понятия. Временами — при смещении под порог сознания — этот смысл значительно видоизменяется.

Подсознательные аспекты всего, что случается с нами, играют, как может показаться, весьма малую роль в нашей повседневной жизни. Однако они очень важны для психологов при анализе снов — языка подсознания — и являются, в сущности, зародышами-невидимками наших осознанных мыслей. Вот по-

Другой пример иррациональной и фантастической природы сновидений. *Слева:* картина Гойи, где изображен спящий человек, над которым кружат летучие мыши и совы (подпись гласит: «Сон разума рождает чудовищ»). *Справа:* чудовище, встречающееся во многих сновидениях — дракон, преследующий созерцателя «Сна Полифила» монаха Франческо Колона (XV в.)

Картины Шагала представляют во всей красе путаницу сновидений

чему обычные вещи или мысли во сне могут оказывать на нас мощное психическое воздействие. Нам снится всего лишь запертая комната или ушедший поезд, а мы просыпаемся в тревоге.

Приснившиеся образы обычно всегда ярче и живее, чем аналогичные понятия и впечатления в жизни. Одна из причин здесь в том, что во сне может открываться подсознательное их значение. Когда мы сознательно мыслим, мы ограничиваем себя рамками рационального — тем самым заставляя тускнеть любые слова, ибо мы лишим их большинства присущих им психических ассоциаций.

Я припоминаю один свой сон, который мне трудно было истолковать. Мне снилось, что какой-то человек пытается зайти мне за спину и запрыгнуть на меня. Я не был с ним знаком в реальной жизни, хотя знал, что он как-то раз подхватил одну из моих фраз и переиначил ее, изменив смысл на гротескно противоположный. Я никак не мог уловить связь между этим фактом и попытками возникшего во сне человека взгромоздиться на меня. Вместе с тем, в моей профессиональной практике часто происходило искажение моих слов — так часто, что я перестал

даже рассуждать, стоит ли обижаться. Вообще-то, неплохо бы сознательно контролировать свои эмоции — как я вскоре понял, в этом и заключался урок сна. Здесь оказалось зрительно обыграно австрийское простонародное выражение «Du kannst mir auf den Buckel steigen» («Хоть на закорки мне залезь»), достаточно обычное в разговоре и означающее: «Мне все равно, что ты обо мне говоришь». Его американский эквивалент, который вполне мог бы присниться так же наглядно, гласит: «Искупайся-ка в озере».

Можно сказать, что этот сон был символическим, ибо он не прямо показал ситуацию, а использовал для выражения сути метафору, поначалу мне не доступную. Подобные случаи (а они не редкость) не означают какой-то преднамеренной маскировки со стороны сна — дело здесь в нашем малом умении понимать эмоционально заряженный, образный язык. Повседневность требует от нас точности и четкости в формулировании слов и мыслей, и мы научились обходиться без фантазии с ее приукрашиванием действительности, утратив тем самым качество восприятия, присущее нашим первобытным предкам. Почти поголовно мы перепоручили подсознанию все необыкновенные психические ассоциации, порождаемые вещами или идеями. Первобытный же человек, напротив, знает их психические аналоги и поэтому наделяет зверей, растения, камни силой и качествами, которые для нас непонятны и неприемлемы.

Обитатель африканских джунглей, например, видя днем ночное животное, знает, что на самом деле — это деревенский шаман, временно принявший такое обличье. Он может также посчитать зверя «лесной душой» или духом предков одного из своих соплеменников. Какое-нибудь дерево может иметь для дикаря жизненно важное значение. Он будет считать его имеющим душу и голос и ощущать связь между своей и его судьбой. В Южной Америке в некоторых племенах индейцы считают себя красными попугаями ара, хотя и вполне понимают, что перья, крылья и клювы у них отсутствуют. Дело здесь в том, что в мироощущении первобытных людей вещи не имеют таких отчетливых границ, как в нашем «рациональном» обществе.

То, что психологи называют «психическим родством» или «мистическим участием», ушло из нашего вещного мира. Одна-

ко именно этот ореол подсознательных ассоциаций придавал столь красочный и волшебный вид первобытному миру. Мы утратили это ощущение до такой степени, что не узнаем его, сталкиваясь с ним. Для нас они сокрыты под порогом сознания, а при случайном их появлении мы считаем, что это какая-то ошибка.

Ко мне неоднократно обращались за советом воспитанные и образованные люди, чьи сны, фантазии и видения были столь необычайны, что глубоко шокировали их. Все они считали, что человек в здравом уме не может испытывать подобных ощущений и что видения могут являться только лицам с патологическими расстройствами. Один теолог как-то сказал мне, что видения Иезекииля были лишь симптомами подступающей смерти, а «голоса», услышанные Моисеем и пророками, — галлюцинациями. Можете себе представить, какой панический ужас он испытал, когда нечто подобное «спонтанно» произошло с ним самим. Мы настолько привыкли к очевидно рациональной структуре нашего мира, что едва можем себе представить происшествие, не укладывающееся в рамки здравого смысла. Первобытный же человек при возникновении такой исключительной ситуации не стал бы сомневаться в своих умственных способностях, а подумал бы о фетишах, духах или божествах.

Вместе с тем, эмоции у нас те же. Более того, опасности, подстерегающие нас в нашей далеко шагнувшей вперед цивилизации, могут быть пострашнее, чем приписываемые в свое время демонам. Позиция современного человека иногда напоминает мне психически нездорового пациента, лечившегося в моей клинике, тоже врача по специальности. Как-то утром я спросил его, как он себя чувствует. Он отвечал, что провел замечательную ночь, дезинфицируя небеса хлоридом ртути. Хотя он очень дотошно проводил санитарную обработку, следов Бога обнаружить не удалось. Это невроз, а может, и что-нибудь похуже. Вместо Бога или «страха Господня» мы сталкиваемся с неврозом беспокойства или какой-то фобией. Эмоция не изменилась, но ее объект сменил название и содержание в худшую сторону.

Я припоминаю одного преподавателя философии, пришедшего ко мне за консультацией по поводу своей канцерофобии. Он был убежден, что у него злокачественная опухоль, несмотря

на то, что десятки рентгенограмм не показывали ничего подобного. «О, я знаю, что на снимках пусто, — говорил он обычно, — но ведь могло бы и появиться?» Что привело его к этой идее? Очевидно, страх, возникший не от зрелого размышления. Неожиданно пришедшая мысль о смерти поборола все доводы рассудка и овладела им, и сила ее была такова, что он не смог воспротивиться.

Этому образованному человеку было гораздо сложнее признать, что произошло, чем, например, дикарю решить, что его преследует дух умершего. Вредоносное воздействие сил зла в первобытном обществе допускается хотя бы как гипотеза. Человеку же нынешней цивилизации допустить, что его проблемы вызваны всего-навсего шалостями воображения — это на грани инфаркта. Первобытная «одержимость» не исчезла — она такая же, как всегда, лишь трактуется более разнообразно и непримиримо.

Я сравнил современного и первобытного человека по нескольким подобным показателям. Как будет показано далее, такие сравнения очень важны для понимания как способности человека к генерированию символов, так и роли сновидений в их изъявлении. Оказывается, многие сны являют образы и ассоциации, аналогичные первобытным идеям, мифам и ритуалам. Фрейд назвал такие образы, встречающиеся в сновидениях, «останками древности». По Фрейду, получается, что это элементы психики, веками сохраняющиеся в человеческом разуме. Описанный подход характерен для тех, кто считает подсознание эдаким аппендиксом сознания (или, образнее, бачком-накопителем для отходов, вырабатываемых сознанием).

Последующие исследования привели меня к мысли, что описанный подход лишен оснований и должен быть отвергнут. Я обнаружил, что ассоциации и образы такого рода составляют неотъемлемую часть подсознания и присутствуют в сновидениях любого человека, будь он образован или безграмотен, умен или глуп. Их вовсе нельзя отнести к не имеющим жизни и смысла «останкам». Они до сих пор действуют и имеют особую ценность как раз из-за своей долгой «истории» (эта тема раскрыта д-ром Хендерсоном в следующей главе). Они образуют мост между присущими нам сознательными способами выражения

мыслей и более примитивными, но и более яркими, и образными формами самовыражения. Эта промежуточная форма воздействует непосредственно на чувства и эмоции. «Исторические» ассоциации связуют таким образом рациональный мир сознательного и первобытный мир инстинктивного.

Я уже обращал внимание на интересный контраст между «контролируемыми» нами мыслями в бодрствующем состоянии и изобилием образов в сновидениях. Имеется еще одна причина такого различия: многие идеи, используемые нами в цивилизованной жизни, утратили свою эмоциональную энергию. Мы ими пользуемся в разговоре, сдержанно реагируем на их употребление другими — но особенно глубокого впечатления они не производят. Нужен другой подход, чтобы они «дошли» до нас с силой, достаточной для изменения наших взглядов и поведения. Этим и занимается «язык сновидений», символика которого настолько заряжена психической энергией, что мы не можем не обратить на нее внимания.

Одна дама, например, славилась своей глупостью, предрассудками, упрямством и неприятием логических рассуждений. Ей можно было доказывать что-нибудь весь вечер без малейшего результата. Ее сновидения, однако, использовали другой подход, чтобы овладеть ее вниманием. Однажды ей приснилось, что ее пригласили на важный прием. Хозяйка дома приветствовала ее словами: «Как приятно, что вы смогли прийти. Все ваши друзья уже собрались и ждут вас». Затем ее подвели к дверям, но открыв их, она вошла в... коровник!

Язык этого сна достаточно прост, чтобы быть понятным и тупице. Хотя сначала пациентка, увидевшая сон, не восприняла его «соль», ибо она слишком задевала ее самолюбие, впоследствии «посыл» сновидения дошел-таки по назначению и был понят, поскольку не оставалось сомнений, что сон высмеивал ее собственные недостатки.

Подобные послания от подсознания имеют большее значение, чем мы предполагаем. В нашей сознательной жизни мы подвергаемся различного рода влияниям. Другие люди стимулируют или подавляют нас, события на работе или в гостях нас отвлекают. Вещи такого рода толкают нас на не свойственные нам действия. Отдаем ли мы себе в этом отчет или нет, но они

безусловно воздействуют на наше сознание, практически беззащитное от их влияния. Это особенно актуально для людей с экстравертной психикой, чье восприятие мира направлено по преимуществу на внешние объекты, а также для тех, кто мучается от чувства собственной неполноценности.

Чем сильнее сознание подвергается влиянию предрассудков, ошибочных мнений, фантазий и инфантильных желаний, тем шире имеющаяся в нем пропасть, ведущая к невротической диссоциации и к большей или меньшей неестественности жизни, далекой от здоровых инстинктов, от природы и истины.

Общая функция сновидений заключается в восстановлении нашего душевного равновесия. Нам снится именно то, что требуется для тонкой регулировки психического баланса. Я называю это вспомогательной или компенсаторной функцией сновидений в нашей психической самонастройке. Теперь понятно, почему людям, мыслящим нереально, имеющим завышенное самомнение или планирующим грандиозные проекты без опоры на реальные возможности, снятся полеты или падения. Такие сны компенсируют ущербность их личности, предупреждая в то же время об опасности следования такой практике. Если предупреждения сна не принять во внимание, может произойти реальный несчастный случай: падение с лестницы, например, или авария на дороге.

Помню один случай с мужчиной, безнадежно запутавшимся в каких-то темных делах. Как своего рода отдушина, у него выработалась почти болезненная страсть к опасным альпинистским восхождениям. Он пытался тем самым «подняться выше самого себя». Однажды ему приснилось, что с вершины горы он делает шаг в пустоту. Услышав его рассказ, я сразу же увидел грозившую ему опасность и постарался довести это предупреждение до пациента, убеждая его поберечь себя. Я даже сказал, что этот сон предвещает ему гибель в горах. Он не послушался. Через полгода он «шагнул в пустоту». Гид-проводник видел, как они с другом спускались по веревке через трудное место. Друг нашел выступ для ноги на краю скалы, мой пациент спускался следом за ним. Неожиданно он отпустил веревку, рассказывал проводник, и как будто прыгнул. При этом он упал на друга, оба сорвались и разбились насмерть.

Другой типичный случай связан с женщиной, самодовольство которой не знало границ. Она буквально лопалась от спеси в повседневной жизни, однако сны ее были шокирующими и напоминали о различных неблаговидных ситуациях в прошлом. Когда они были мной обнаружены, пациентка с негодованием отказалась признать что-либо подобное. Тогда ее сны стали наполнять намеки на опасность, подстерегающую ее во время прогулок по лесу. (Обычно она гуляла там одна, предаваясь сентиментальным воспоминаниям). Я понял, что ей угрожает, и неоднократно предупреждал, но безрезультатно. Вскоре во время одной из таких прогулок на эту женщину набросился сексуальный маньяк. Если бы не помощь услышавших ее крик прохожих, она бы не осталась в живых.

Никакого волшебства здесь нет. Сны женщины подсказали мне, что она втайне жаждала испытать нечто подобное — так же, как и альпинист, подсознательно искавший окончательного решения своих сложных проблем. Разумеется, никто из них не ожидал, что цена за это окажется непомерно высока; несколько переломов у одной, жизнь — у другого.

Таким образом, сны могут иногда предвосхищать определенные ситуации задолго до того, как они произойдут. Это не обязательно чудо или некая форма предзнания. Многие кризисы в нашей жизни имели долгую неосознанную предысторию. Мы приближаемся к ним шаг за шагом, не ведая о накапливающихся опасностях. Однако то, что мы упускаем из виду, часто воспринимается подсознанием, которое может передать информацию посредством сновидений.

Сны неоднократно могут предупреждать нас подобным образом, хотя почти так же часто случается, что они не делают этого. Поэтому не стоит полагать, что некая благожелательная рука время от времени удерживает нас от опрометчивых поступков. Если дать позитивную формулировку, это скорее похоже на благотворительную организацию, иногда проводящую свои акции, а иногда и нет. Таинственная «рука» может даже направить нас к гибели: сны иногда оказываются западней или похожи на нее. Случается, они ведут себя, как дельфийский оракул, предсказавший царю Крезу, что когда он перейдет реку Галис, то разрушит великое царство. Лишь потерпев сокрушительное

поражение в битве, состоявшейся после переправы, он понял, что оракул имел в виду его собственное царство. К снам непозволительно относиться легковесно, ведь они — порождение духа, который ближе не к человеку, а к природе, ее дуновению; это дух прекрасного, благородного, но и жестокого божества. Чтобы описать этот дух, нам надо углубиться скорее в древние мифы или басни первобытного леса, чем в сознание современного человека. Я не отрицаю, что эволюция цивилизованного общества дала нам великие обретения, но получены они были ценой огромных потерь, масштаб которых мы едва ли начинаем различать. Одной из целей, которыми я руководствовался при сравнении первобытного и цивилизованного состояний человека, было подведение итогов этих достижений и потерь.

Первобытный человек был значительно более управляем инстинктами, чем его «рационально мыслящий» современный потомок, научившийся «контролировать» себя. В этом процессе обретения цивилизованности мы все более отделяли сознание от глубоко лежащих инстинктивных слоев нашей психики и, в конечном счете, от соматической основы психики. К счастью, мы не утратили эти первичные инстинктивные слои — они остаются частью подсознания, хотя и могут выражать себя лишь в образах сновидений. Эти инстинктивные проявления — которые и узнаешь-то не всегда из-за символического характера — играют ведущую роль в том, что я назвал компенсаторной функцией сновидений.

Для стабильного функционирования разума и психологического здоровья необходимо, чтобы подсознание и сознание были неразрывно связаны между собой и действовали скоординированно. Если связь рвется или «диссоциируется», происходит психологическое расстройство. В этом плане символика сновидений играет роль курьера, передающего послания от инстинктивных к рациональным частям разума. Расшифровка этих символов обогащает оскудевшие возможности сознания, оно учится вновь понимать забытый язык инстинктов.

Разумеется, люди не могут не ставить под сомнение эту функцию, поскольку символы сновидений очень часто не воспринимаются или не понимаются. В повседневной жизни понимание снов часто считается излишним. Я обнаружил яркую

иллюстрацию этого в одном первобытном племени в Восточной Африке. К моему изумлению, все его жители утверждали, что не видят снов. Тем не менее, я вскоре обнаружил, поговорив с ними на другие темы, что сны им все-таки снятся, но они не считают их чем-то важным. «Сны обычного человека ничего не значат», — сказали они мне. Эти люди думали, что только сны вождей и знахарей имеют значение — и особенно те, что касаются благосостояния племени. Единственная незадача заключалась в уверениях и вождя, и знахаря в том, что им больше не снятся значительные сны. По их словам, это совпало с приходом в страну англичан. С тех пор функция «великих сновидений», управлявших до этого поведением племени, перешла к районному комиссару — английскому офицеру, поставленному над ними.

Когда жители племени признали, что видят-таки сны, хотя и считают их бессмысленными, они повели себя, как современный человек, думающий, что сны не имеют для него значения, поскольку он их не понимает. Однако даже цивилизованный человек иногда может обратить внимание на то, что сон (даже не оставшийся в памяти) может повлиять на его настроение в лучшую или худшую сторону. Его содержание было «воспринято», хотя и подсознательно. Так обычно и происходит. Только в редких случаях, когда сон особенно выразителен или регулярно повторяется, мы приходим к мнению, что неплохо было бы его истолковать.

Самое время предупредить теперь об опасности легкомысленного или некомпетентного анализа сновидений. Состояние ума некоторых людей настолько разбалансировано, что интерпретация их снов может быть чрезвычайно рискованным делом. В таких случаях усиливается ограниченность сознания, отсеченного от своей иррациональной или «безумной» половины — подсознания, и нельзя сводить их вместе, не приняв специальных мер предосторожности.

Обобщая, можно сказать, что верить сонникам крайне неразумно. Ни один встречающийся во сне символ нельзя отделять от личности его увидевшего, поэтому ни один сон не может быть истолкован прямо и однозначно, как это делает энциклопедический словарь, разъясняя понятие за понятием.

Известный пример быстрого роста во сне: эпизод из «Алисы в стране чудес» (1877) показывает увеличившуюся Алису, заполнившую все пространство дома. Также часто встречающийся в сновидениях полет, изображенный на рисунке английского художника и поэта XIX в. Уильяма Блейка

У каждого человека столь индивидуален метод компенсирующего и дополняющего воздействия подсознания на сознание, что нельзя быть уверенным в том, что сны и их символика вообще поддаются классификации.

Верно, с другой стороны, что бывают типичные и часто встречающиеся сны и отдельные образы (я предпочел бы называть их «сюжетами»), в которых, например, вы падаете, летаете, или вас преследуют дикие звери или враждебно настроенные люди, или вы оказываетесь в общественном месте не до конца одетым или одетым абсурдно, опаздываете или теряетесь в бурлящей толпе, сражаетесь бесполезным оружием или вообще без оного, бежите изо всех сил, никуда не попадая. Типично инфантильный сюжет — это сон о превращении в лилипута или в великана, или и то, и другое попеременно — как в «Алисе в стране чудес» Льюиса Кэррола. Вместе с тем, хочу еще раз подчеркнуть, что эти сюжеты следует обязательно рассматривать в контексте конкретного сна, а не как некие ключи к разгадке с раз и навсегда заданным значением.

Отдельно стоит рассмотреть повторяющиеся сны. Были случаи, когда один и тот же сон снился человеку с детства и до зрелых лет. Это явление обычно означает попытку исправить конкретный дефект в мировоззрении спящего. Иногда такие сны возникают после психологической травмы, вызвавшей предубеждение к чему-либо. Бывает, они указывают на какое-то важное событие в будущем.

Меня самого в течение нескольких лет посещал сон, в котором я находил в своем доме незнакомые помещения. Иногда это были покои, где жили мои давно умершие родители. У отца, к моему удивлению, я обнаружил во сне лабораторию, где он изучал сравнительную анатомию рыб, а у матери — гостиничные комнаты, сдававшиеся смахивавшим на привидения посетителям. Обычно крыло дома, предназначавшееся для гостей, представляло собой древнее, отмеченное печатью времени сооружение — давно забытое, хотя и принадлежащее мне по наследству. Мебель там была антикварной и весьма занятной, а в конце этой серии снов я нашел старую библиотеку с неизвестными мне книгами. Наконец, в последнем сне я открыл одну из книг и увидел чудесные иллюстрации, изобилующие чарующей

символикой. Я проснулся, но мое сердце еще взволнованно билось от восторга.

Несколькими днями ранее этого заключительного сна я заказал в букинистической лавке сборник работ средневековых алхимиков — одно из классических изданий. В одной статье мне попалась цитата без сноски, которая, по моему разумению, могла быть позаимствована у алхимиков Византии. Это-то я и хотел проверить. Через несколько недель после сна о неизвестной книге мне пришел сверток от букиниста. Внутри оказалась рукопись на пергаменте, написанная в XVI веке. Она была иллюстрирована захватывающими воображение картинками, сразу же напомнившими мне увиденные во сне. Поскольку открытие заново принципов алхимии стало важной частью моей работы в новых областях психологии, то мотив моего повторяющегося сна становится легко объяснимым. Дом, конечно, символизировал мою личность и сферы ее осознанного интереса, а неизвестное крыло предвещало новый круг интересов и исследований, о чем сознательный разум в то время еще не подозревал. С того времени прошло тридцать лет, но того сна я больше ни разу не видел.

Анализ сновидений

Эту книгу я начал с выявления различий между знаками и символами. Знак всегда меньше, чем представляемое им понятие, тогда как символ всегда заключает в себе больше, чем его очевидное и сразу приходящее на ум значение. Более того, символ — это естественный и спонтанно возникающий продукт. Ни один гений не брался за перо или кисть со словами: «Ну, сейчас я сотворю какой-нибудь этакий символ». Ни один человек не может взять более или менее рациональную мысль, полученную путем логических умозаключений или направленным усилием, и придать ей «символическую» форму. В какие бы фантастические одежды ни облечь ее, она останется знаком, прикрывающим стоящую за ним рациональную идею, а не символом, таящим в себе что-то неведомое. Сны спонтанно порождают символы, поскольку сами случаются, а не изобретаются. Поэтому они являются основным источником всех наших знаний о том, что входит в понятие «символичность».

Я должен отметить, однако, что символы появляются не только во сне, но и в любых психических проявлениях. Бывают символические чувства и мысли, действия и ситуации. Зачастую создается впечатление, что даже неживые объекты взаимодействуют с подсознанием, создавая повторяющиеся символические ситуации. Известны многочисленные факты, достоверность которых не вызывает сомнений, когда часы останавливались после смерти их владельца. Один такой случай произошел с маятниковыми часами Фридриха Великого во дворце Сан-Суси: они перестали идти после кончины императора. Известны также аналогичные случаи, когда с приходом смерти разбивается зеркало или падает картина, или когда при сильном эмоциональном возбуждении одного из живущих в доме происходят мелкие, но необъяснимые поломки.

Хотя скептики отказываются верить в подобные истории, они, тем не менее, время от времени происходят. Одно только это должно было бы стать серьезным доказательством их психологического значения.

Существует, кроме того, ряд символов (в том числе и важнейшие из них), которые по своей сущности и происхождению являются не индивидуальными, а коллективными. Это главным образом религиозные образы. Верующие считают их возникновение божественным — через «откровения». Скептики же категорически утверждают, что их просто придумали. Не правы ни те, ни другие.

Скептики верно отмечают, что религиозные символы и концепции веками являлись объектом заботливой и вполне сознательной работы по их усовершенствованию. Так же верно и утверждение верующих о том, что их первоисточник настолько глубоко сокрыт под таинственным покровом прошлого, что кажется, будто они имеют нечеловеческое происхождение. В действительности они есть «коллективные представления», порожденные первобытными снами и творческими фантазиями, и как таковые являются спонтанно и непреднамеренно возникшими проявлениями, никем специально не придуманными.

Этот факт, как будет разъяснено ниже, имеет непосредственное и особенное отношение к толкованию сновидений. Очевидно, что человек, придерживающийся мнения о символическом характере снов, будет толковать их иначе, чем тот, кто считает,

что мысль или эмоция, несущая основной заряд энергии, заранее известна и лишь «маскируется» сном. В последнем случае толковать сны бессмысленно, ибо вы обнаружите лишь то, что заранее вам известно.

Именно по этой причине я всегда говорил ученикам: «Научитесь всему, что известно о символичности, и забудьте об этом при анализе конкретного сновидения». Этот совет настолько полезен и практичен, что я взял за правило напоминать самому себе, что я никогда не пойму чужой сон настолько, чтобы верно его истолковать.

Я делал так с целью остановки потока моих собственных ассоциаций и реакций, которые в противном случае могли бы затмить неуверенную и нестабильную реакцию пациента. Работа по исследованию содержания сна и точному определению его посыла (то есть помощи подсознания сознанию) имеет огромное терапевтическое значение и должна проводиться максимально тщательно.

Это место хорошо иллюстрирует сон, приснившийся мне еще во времена совместной работы с Фрейдом. Мне приснилось, что я нахожусь у себя дома, скорее всего на втором этаже, в уютной приятной гостиной, мебелированной под XVIII век. Меня поразило, что я никогда не видел этой комнаты раньше, и я заинтересовался, что из себя представляет первый этаж. Спустившись вниз, я увидел мрачноватые апартаменты с обшитыми деревом стенами и внушительной мебелью XVI века, а может, даже более старинной. Мое удивление и любопытство усилились. Я захотел изучить весь дом и спустился в подвал. Там была дверь, за которой оказались каменные ступени, ведущие в большую комнату, походящую на склеп. Ее пол был покрыт здоровенными каменными плитами, а стены казались очень древними. Изучив кладку, я обнаружил, что раствор перемешан с кирпичной крошкой. Это явно были древнеримские стены. Мое возбуждение усилилось. В углу помещения одна из плит оказалась с металлическим кольцом. Приподняв ее, я увидел узкую череду ступеней, ведущих в какую-то пещеру, напоминавшую доисторическое захоронение. На полу виднелись два черепа, остатки костей, обломки битой посуды. На этом я проснулся.

Если бы Фрейд, анализируя этот сон, стал бы по моей методе изучать вызванные им ассоциации, а также подтекст снови-

дения, то чего бы только он не услышал — но, увы, он наверняка отклонил бы мой рассказ как попытку уйти от сути.

На самом деле этот сон был кратким изложением моей жизни, а точнее — этапов развития моих взглядов. Я рос в доме, построенном двести лет назад, нашей мебели было тоже около двух сотен лет, а наибольшим до сих пор потрясением души и разума было для меня столкновение с философией Канта и Шопенгауэра. Сенсацией того времени стала публикация работ Чарлза Дарвина.

Незадолго до этого я жил средневековыми представлениями своих родителей, для которых весь мир с его обитателями находился под покровительством Господнего всемогущества и провидения. Эти представления можно было сдавать в утиль.

После знакомства с восточными религиями и греческой философией мои христианские убеждения стали скорее относительными. Вот почему в моем сне первый этаж был тихим, сумрачным и запустелым.

Мой тогдашний интерес к истории начался с палеонтологии и сравнительной анатомии, захвативших меня с самого начала работы ассистентом в Анатомическом институте. Меня потрясли останки ископаемого человека, особенно вызвавшего столько дискуссий Neanderthalensis, и черепные кости Pithecanthropus, обнаруженные Дюбуа.

Таковы были мои ассоциации, вызванные сном, но я не осмелился сказать об этом Фрейду, ибо он не любил упоминаний о скелетах, черепах, трупах. Он почему-то упорно считал, что я предчувствую его раннюю кончину, выводя это заключение из моего активного интереса к мумиям, выставленным в Блейкеллере под Бременом, куда мы с ним заехали в 1909 году по пути в Америку.

Так что я не хотел открывать перед ним свои мысли — и особенно после того поразившего меня случая, когда я осознал, сколь глубоки различия между воззрениями и научным багажом Фрейда и моими собственными. Я боялся, что, открывшись, я потеряю в нем друга, ибо услышанное покажется ему крайне странным. Будучи не очень уверенным в своих собственных психологических мотивах, я почти автоматически солгал, выдумав «свободные ассоциации» только для того, чтобы не заниматься непосильным делом растолковывания моего сокровенного и ни с чем не соизмеримого внутреннего мира.

Я должен принести свои извинения за столь долгое описание истории, в которую «влип», рассказав Фрейду о приснившемся. Однако на этом примере хорошо видны трудности, возникающие при профессиональном анализе сновидений. Здесь очень многое зависит от индивидуальных различий между исследователем и пациентом. Смекнув, что Фрейд ищет в моем сне ненормальное, недопустимое желание, я подкинул ему предположение, что увиденные мною во сне черепа могли означать желание смерти кого-то из моих родных. Он согласился с этим, но я был недоволен таким, высосанным из пальца, решением.

Пока я искал подходящие ответы на вопросы Фрейда, ко мне вдруг пришло интуитивное понимание роли субъективного в психологическом процессе понимания. Озарение было столь сильным, что я решил поскорее закончить с возникшей путаницей, выбрав ложь как самый простой способ. Это не было элегантно или морально оправданно, но в противном случае мне бы предстояло неизбежное выяснение отношений с Фрейдом, чего мне не хотелось по многим причинам. Догадка, пришедшая ко мне, состояла в том, что мой сон означал меня самого, мою жизнь и мой мир, противопоставленных теоретическому построению, воздвигнутому чужим умом для каких-то его целей и задач. Это был мой сон, а не Фрейда, и мне внезапно открылось его значение.

Этот конфликт демонстрирует, что главное в анализе сновидений совсем не методика, которую можно выучить и применять по определенным правилам. Анализ сновидений — это прежде всего диалектический диспут двух личностей. Если подойти к нему механически, то индивидуальность пациента и его психологическое своеобразие не будут востребованы и терапевтическая задача сведется к простому вопросу чья индивидуальность — исследователя или пациента — одержит верх?

Именно потому я и отказался от использования гипнотерапии, чтобы не навязывать свою волю испытуемым. Я хотел, чтобы процесс выздоровления вызревал благодаря личным импульсам пациентов, а не из-за моих внушений, дающих лишь кратковременный результат. Я действовал так, чтобы оберечь и сохранить достоинство и свободу моих пациентов, чтобы их жизнь направлялась их же желаниями. В диспуте с Фрейдом меня

впервые осенило, что прежде чем разрабатывать общие теории о человеке и его психике, необходимо как можно ближе познакомиться с тем конкретным человеком, с которым собираешься работать.

Индивидуальное — вот единственная реальность. Чем дальше мы уходим от личности к абстрактным представлениям о Homo sapiens, тем вероятнее мы совершаем ошибку. В нынешнее время социальных потрясений и необычных перемен желательно обладать большими знаниями об индивидууме, чем мы располагаем, ибо от качеств его ума и души столь многое зависит. Однако, если комплексно подходить к этому вопросу, то так же хорошо, как мы знаем наше настоящее, надо разобраться и с нашим прошлым. А для этого существенное значение имеет знание мифов и символов.

Проблема типов

В любой отрасли знания считается нормальной проверка гипотезы на безличном объекте. Это невозможно в психологии, где мы имеем дело с обязательными беседами между исследователем и пациентом, то есть двумя индивидуумами с присущей им субъективностью, от которой нельзя уйти, как нельзя обезличить личность. Собеседники, конечно, могут попытаться условиться о бесстрастном и объективном подходе, но как только начинается обсуждение, личность каждого «подключается» к нему. Продолжение диалога имеет смысл только при взаимном понимании собеседников.

Как же исследователь может объективно оценить конечный результат собеседования? Он должен сравнить свои выводы с общепринятыми, стандартными представлениями. Далее он должен оценить, в здравом ли уме его пациент, насколько его разум уравновешен. Ведь задача не в том, чтобы коллективно нивелировать индивидуума, полностью подогнав его под общественную «норму». Это было бы совершенно противоестественно. В здоровом и нормальном обществе между людьми обычны разногласия, ибо общее согласие относительно редко встречается вне сферы наших инстинктивных проявлений.

Напористый, самоуверенный экстраверт подавляет лишенного этих качеств интроверта на карикатуре американца Жуля Фейфера

Несогласие выступает своего рода движущей силой мыслительных процессов в обществе, но не их целью — поскольку одинаково значимо и согласие. Поскольку психология опирается главным образом на баланс противоположностей, то и исследователи-психологи, прежде чем вынести окончательное суждение, должны учитывать возможность того, что истина имеет прямо противоположное значение. Причина такого специфического подхода кроется в тайне психики, которую мы не можем окончательно раскрыть, минуя психологию.

Несмотря на то, что любой сон требует индивидуального подхода, какие-то обобщения необходимы — для классификации и прояснения материалов, получаемых психологами от изучения многочисленных пациентов. Очевидно, что сформулировать теоретические основы психологии или обучать им было бы невозможно, просто описывая множество отдельных случаев и не пытаясь выделить в них сходства и отличия. Любой общий признак можно взять за основу систематизации. Достаточно просто, например, отделить экстравертов от интровертов. Это только одна из многих возможных классификаций, но она позволяет осознать трудности, которые могут появиться, если исследователь относится к одному типу, а пациент — к другому.

Поскольку углубленный анализ сновидений обязательно вызывает столкновение мнений собеседников, понятно, что сходство или различие их типов мировосприятия будет существенно

сказываться на результатах. Если оба они относятся к одному типу, то их «совместное плавание» может быть долгим и приятным. Если же один из них — интроверт, а другой — экстраверт, то столкновение противоположных точек зрения может возникнуть моментально. Это особенно характерно в случае, когда собеседники знают, к какому типу они относятся, или убеждены, что их тип — единственно правильный Экстраверт, например, выберет точку зрения большинства, а интроверт будет отвергать ее, считая «модной». Такое недопонимание легко может возникнуть, так как то, что для одного из них представляет ценность, для другого — «пустое место». Так, сам Фрейд полагал, что интроверт — это тип патологически «зацикленный» на самом себе. Однако самоанализ и знание самого себя могут равным образом являться и в высшей степени положительными качествами.

Учитывать подобные отличия между разными типами личности крайне важно при толковании сновидений. Исследователь — не супермен, возвышающийся над индивидами разных типов только потому, что он — ученый, выучивший теорию психологии и соответствующие практические методики. Он может представить себя таковым настолько, насколько полагает свою теорию и методы истинными и позволяющими объять человеческую психику в целом. Но поскольку это невозможно, он не может быть уверенным в своей теории и методиках. Соответственно его будут одолевать тайные сомнения, не является ли его реакция на цельность личности пациента лишь ответом заученной теории и методик (представляющих из себя лишь гипотезу или попытку ее создания), а не ответом его собственной цельной личности.

Своеобразие личности исследователя — единственный адекватный эквивалент своеобразию личности его пациента. Опыт и знания по психологии дают ученому некоторые преимущества, но не позволяют не участвовать в схватке. Столкновение позиций выявляет сильные и слабые стороны обоих участников, а не только пациента. Поэтому так важно, гармонируют ли их личности или конфликтуют, или взаимодополняют друг друга.

Экстраверты и интроверты суть лишь две разновидности из множества людских типов. Эти довольно часто встречаются, и их легко распознать. Но если начать изучать, например, экстравертов, то скоро обнаружится, что они во многом отличаются друг от

друга и что для выделения в качестве критерия принадлежность к экстравертам является слишком общей. Вот почему давным-давно я пытался отыскать какие-то дополнительные критерии, по которым можно было бы как-то рассортировать бесконечное, по всей видимости, число вариаций человеческой индивидуальности.

Меня всегда поражало количество людей, воздерживающихся от напряжения мозгов при каждом удобном случае. Как, впрочем, и количество тех, кто хоть и работает мозгами, но на удивление беспомощно. Неожиданными для меня были и встречи с людьми умными и внимательными — их было довольно много, — жившими (как казалось со стороны) будто не умея пользоваться своими органами чувств. Они не видели находящихся прямо перед ними предметов, не слышали адресованных им слов, не замечали свойств вещей, к которым прикасались, и вкуса еды, которую пробовали. Были такие, что жили, не обращая внимания на свое физическое состояние.

Другие, казалось, жили в удивительнейшем ощущении неизменности, будто мир вокруг и их душа застыли навсегда в неподвижности и ничего нельзя изменить. Они были будто напрочь лишены воображения и полагались целиком и полностью на свои органы чувств. В их мире не существовали шансы и возможности, они жили только сегодняшним днем, а завтрашнего не существовало. Будущее для них — лишь повторение прошлого.

Я пытаюсь здесь передать читателю набросок моих первых впечатлений от изучения встречавшихся мне людей. Скоро я понял, что есть люди думающие, то есть использующие ум для адаптации к людям и ситуациям, а есть чувствующие. Последние могут быть не глупее первых, просто они решают свои проблемы не умом, а чувствами.

«Чувство» — это слово, требующее пояснений. О чувстве можно говорить как о чем-то сентиментальном (от французского sentiment). Это же слово применяется и для высказывания мнения. Сообщение из Белого Дома, например, может начинаться словами: «Президент считает (дословно – «чувствует». *Прим. ред.*)...».

Кроме того, это слово может использоваться для передачи интуитивного ощущения: «У меня было чувство, будто...»

Когда я противопоставляю «чувство» «размышлению», я имею в виду метод определения свойств предметов: приятный или

нет, плохой или хороший и т.д. В этом смысле «чувство» не является эмоцией (предполагающей спонтанность). Чувство в моем понимании здесь — это (как и размышление) рациональная (то есть упорядочивающая) функция в отличие от интуиции — иррациональной (то есть воспринимающей) функции. Коль скоро интуиция — это «озарение», она не является результатом преднамеренного действия. Это скорее случайное событие, определяемое различными внешними и внутренними обстоятельствами, но никак не акт суждения. Интуитивное восприятие более сходно с восприятием органами чувств, которое также иррационально, коль скоро зависит прежде всего от объективных раздражителей физического, а не ментального происхождения.

Таким образом, сознание ориентируется в окружающем следующими четырьмя функциональными способами: через ощущение (то есть восприятие органами чувств), указывающее на наличие чего-то; размышление, поясняющее нам, что это; чувство, говорящее нам, приятно это или нет; и интуицию, подсказывающую, откуда и куда оно идет.

Эти четыре способа можно избрать в качестве критериев разделения людей на типы. Читатель понимает, что критериев может быть сколько угодно — и сила воли, и темперамент, и сила воображения, и память, и так далее. Перечисленные четыре взяты условно, из-за удобства для систематизации. Они бывали особенно полезны, когда требовалось объяснить или детям поведение их родителей, или женам — их супругов, и наоборот. Кроме того, они помогают понять собственные предубеждения.

Так, если вы хотите понять сон другого человека, вы должны пожертвовать своими предпочтениями и подавить свои предрассудки. Это не так легко и не удобно, поскольку означает необходимость морального усилия, что любят далеко не все. Однако если исследователь не постарается критически взглянуть на свою точку зрения и признать ее относительность, он не получит ни правдивой информации о мышлении пациента, ни достаточного доступа к его сокровенным мыслям. Исследователь ждет от пациента по меньшей мере готовности прислушаться к его мнению и серьезно отнестись к нему. Аналогичное право должно быть и у пациента. Хотя необходимость таких отношений

для взаимопонимания очевидна, психоаналитик должен постоянно напоминать себе: для лечения пациента более важно понимание, а не то, сбудутся или нет теоретические прогнозы исследователя. Не всегда плохо, что пациент сопротивляется процессу расшифровки сна. Скорее всего, это означает какую-то «нестыковку». Или пациент что-то не совсем понял, или толкование не совсем верное.

При расшифровке символики сновидений другого человека нам почти всегда мешает привычка заполнять неизбежные пробелы в понимании проекцией своих мыслей и восприятия, как если бы пациент думал и чувствовал так же, как исследователь. Для борьбы с этой ошибкой я всегда настаивал на необходимости строго придерживаться материала конкретного сна, исключая все общетеоретические положения о сновидениях, кроме гипотезы о некоторой их осмысленности.

Из всего сказанного выше ясно следует, что изложить общие правила толкования сновидений невозможно. Предположив ранее, что основной функцией снов является, судя по всему, компенсация недостатков или искажений в сознании, я имел в виду, что такой подход весьма и весьма перспективен для раскрытия природы сновидений. В приводимых ниже примерах наглядно проявляется эта функция сновидений.

Один из моих пациентов был очень высокого мнения о себе и не подозревал, что почти все, с кем он сталкивался, приходили в раздражение от его вида морального превосходства. Он пришел однажды рассказать мне сон, в котором напившийся бродяга брел, шатаясь, по канаве. Этот сон вызвал у него лишь снисходительное замечание: «Это ужасно, как низко может пасть человек». Очевидно, что неприятное содержание сна было, по крайней мере отчасти, попыткой компенсировать его преувеличенное мнение о собственных достоинствах. Но оказалось, что это еще не все. Выяснилось, что у него был брат — опустившийся алкоголик. Таким образом, сон показал, что его завышенная самооценка была компенсацией за брата как с внешней, так и с внутренней стороны.

В другом случае одна женщина, гордившаяся своими познаниями в психологии, жаловалась на повторяющиеся сны о своей знакомой, о которой в обычной жизни она была невысокого

мнения — как о нечестной тщеславной интриганке. Однако во сне она преображалась почти что в сестру, ласковую и приветливую. Пациентка не могла понять, почему ей снятся хорошие сны о неприятном человеке. На самом деле эти сны были попыткой передать мысль о том, что на ней лежит «тень» подсознательного, напоминающая по характеру ту женщину. Пациентке, имевшей четкое представление о себе, было сложно представить, что сон говорил об имеющемся у нее в подсознании комплексе силы и скрытых предубеждениях, не раз приводивших к крупным ссорам с друзьями. Ранее она винила в этом других, но только не себя.

Мы можем не заметить, проигнорировать или подавить не только «теневые» стороны нашей личности, но и ее достоинства. Как пример этого мне вспоминается один очень приятный и, судя по всему, скромный мужчина, стремившийся не привлекать к себе излишнего внимания. На любом мероприятии для него было важно не место — задние ряды его вполне устраивали, — а участие: обычно он деликатно, но твердо добивался приглашения. Спросив его о чем-нибудь, вы убедились бы в его хорошей информированности, но свое мнение он никогда не навязывал. Иногда он намекал, однако, что затронутый вопрос мог бы решиться значительно эффективнее и на более высоком уровне (впрочем, не разъясняя, как именно).

При этом ему постоянно снились беседы с великими деятелями прошлого — такими как Наполеон или Александр Великий. Было ясно, что сны эти компенсировали его комплекс неполноценности. Но было у них и еще одно значение. Сон как бы спрашивал за него: «Что же я за человек такой, если ко мне приходят столь высокие гости?» В этом отношении содержание снов указывало на скрытую манию величия, уравновешивавшую комплекс неполноценности. Подсознательная мысль о некоей избранности обособляла его от окружающих реалий и позволяла оставаться равнодушным перед обязательствами, которые других бы омрачали. Он не чувствовал необходимости доказывать ни себе, ни другим, что превосходство его точки зрения вытекает из его больших достоинств.

В сущности, он неосознанно играл в двуличную игру, и сны пытались довести ее суть до сознания окольным образом. Ведь

иметь в приятелях Наполеона, а в собеседниках — Александра Великого, такое может почудиться только человеку, страдающему от комплекса собственной незначительности. Напрашивается вопрос: а почему бы сну прямо и открыто не заявить об этом без всяких околичностей?

Меня нередко спрашивали об этом, да и сам я не раз задавал такой вопрос себе. Очень часто меня поражали ухищрения, на которые пускались сновидения, лишь бы избежать определенности в их сообщении или обойти главное звено. Фрейд допускал, что у психики существует специфическая функция, которую он назвал «цензорской». Он предположил, что ее роль состоит в искажении снообразов, доведении их до вводящей в заблуждение неузнаваемости с тем, чтобы сбить с толку спящее сознание относительно действительного объекта сна. Пряча критическую мысль от спящего, «цензор» тем самым охраняет его от шока неприятных реминисценций. Я, однако, скептически отношусь к теории о том, что сны — это стражники крепкого сна, ведь часто они мешают спать.

Скорее это выглядит, как будто сознание «высвечивает» подпороговое содержимое психики. Подсознание хранит идеи и образы в существенно меньшем напряжении, чем то, что присуще осознанному состоянию. Под порогом сознания теряется яркость изображения, а связи между образами и идеями становятся менее последовательными и рациональными, более зыбкими, близкими к аналогии и, следовательно, все более неразличимыми. Это ощущается и в состояниях, близких ко сну, усталости, ознобе или отравлении. Но если что-то вдруг добавляет энергии любому из этих туманных образов, то по мере продвижения от неосознанности к порогу осознания восприятие их становится четче.

Отсюда ясно, почему сны часто проявляют себя как аналогии или почему один образ сновидения перетекает в другой, и при этом ни логика, ни обычное для бодрствования восприятие времени, похоже, не действуют. Формы, принимаемые снами, обычны для подсознания, поскольку материал, из которого они складываются, удерживается в подсознании именно в таком виде. Сновидения вовсе не охраняют крепкий сон от «недопустимых желаний», как назвал их Фрейд. То, что он назвал «мас-

кой», в действительности — форма, которую любые импульсы естественным путем принимают в подсознании. Таким образом, сон не может породить сформулированную мысль. Как только он попытается это сделать, он перестанет быть сновидением, ибо он пересечет порог осознания. Вот почему сны будто перескальзывают через самые важные для бодрствующего разума моменты, представляя как бы «обрамление» для сознания — подобно чуть мерцающим звездочкам, появляющимся при полном затмении солнца.

Следует понимать, что символы сновидений большей частью являются не контролируемыми сознанием проявлениями психики. Смысл и целенаправленность не являются прерогативой ума — вся живая природа наделена ими. Нет принципиальных отличий между органическим и психическим процессом роста. Как растение порождает соцветия, так психика порождает символы. Любой сон подтверждает это.

Таким образом, через сны (а также озарения, всевозможные импульсы и другие спонтанные явления) силы инстинктивного воздействуют на деятельность сознания. Будет ли эффект такого воздействия позитивным или негативным, зависит от сиюминутного состояния подсознания. Если оно содержит чересчур много такого, что в нормальной ситуации должно осознаваться, то его функции начинают искажаться: появляются предубеждения, возникают мотивы, психическое значение которых определяется не здоровыми инстинктами, а принуждением или пренебрежением. Эти мотивы накладываются на здоровую подсознательную область психики, тем самым искажая ее естественную функцию генерирования первичных символов и сюжетов.

Вот почему психоаналитику, разбирающему случаи умственных расстройств, стоит начинать с того, чтобы добиться от пациента более или менее добровольного рассказа об его недостатках и осмысления всех его антипатий и страхов. (Это напоминает древний церковный институт исповеди, во многом предвосхитивший современные психологические методы). Таково, во всяком случае, общее правило. На практике, однако, если у пациента развито непреодолимое чувство собственной неполноценности или серьезное недомогание, это может весьма

затруднить и даже полностью помешать ему осознать новые доказательства собственной несостоятельности. Поэтому я часто находил полезным начинать работу с пациентом с позитивного вступления, обеспечивающего ему поддержку и ощущение безопасности при переходе к анализу болезненных проблем.

Рассмотрим для примера сон о самовозвеличивании, в котором спящий пьет чай с английской королевой или запросто болтает с папой римским. Если тот, кому это приснилось, не шизофреник, то практическое толкование этой символики будет в значительной степени зависеть от сегодняшнего состояния его разума или от состояния его «я». Если пациент переоценивает собственные достоинства, то легко показать (на ассоциативном материале) неадекватность и ребячливость его намерений, во многом обусловленных детским стремлением быть похожим на родителей или превзойти их. Но если это случай неполноценности, когда всепроникающее чувство ненужности уже захлестнуло все положительные качества личности пациента, то было бы крайне неправильно еще более подавлять его показом того, какой он инфантильный, нелепый и даже испорченный. Это резко усилило бы его чувство незначительности, а также вызвало бы лишь сопротивление лечению.

Нет такого терапевтического метода или доктрины, которые подходили бы каждому больному, ибо любой пациент — это личность, находящаяся в своем особом состоянии. Я помню одного больного, лечение которого заняло девять лет. Каждый год я наблюдал его всего несколько недель, поскольку остальное время он находился за границей. С самого начала я понял, что его беспокоит, но столкнулся с тем, что малейшая попытка с моей стороны приблизиться к истине вызывала бурную защитную реакцию, угрожавшую перерасти в полный разрыв отношений. Нравилось мне это или нет, но я был вынужден предпринимать все усилия для того, чтобы сохранить отношения, и следовать его настроениям, которые, вслед за его снами, уводили нас далеко от сути его невроза. Тематика наших бесед была настолько широка, что я едва не винил себя в том, что ввожу в заблуждение пациента. Только лишь медленное, но заметное улучшение его состояния удерживало меня от того, чтобы раскрыть ему грубую истину.

На десятый год однако, больной объявил себя полностью выздоровевшим и избавившимся от всех мучивших его расстройств. Я был крайне удивлен, так как теоретически он был неизлечим. Заметив мое изумление, он сказал, улыбнувшись (цитирую): «Больше всего я благодарен вам за безупречные чуткость и терпение, позволившие перехитрить болезненный источник невроза. Теперь я готов вам рассказать о нем. Если бы я мог раньше спокойно говорить об этом, то на первой же консультации рассказал бы все. Но тогда мои отношения с вами не сложились бы. Куда бы я тогда обратился? Я оказался бы моральным банкротом. За десять лет я научился доверять вам, и по мере роста моего доверия улучшалось и мое состояние. Я выздоровел, потому что этот постепенный процесс восстановил мою веру в самого себя. Теперь у меня достаточно сил, чтобы обсуждать терзавшую меня проблему».

Затем он с опустошающей откровенностью рассказал свою боль, и тогда я понял, почему процесс лечения проходил в такой необычной форме. Дело в том, что пережитый пациентом шок был такой силы, что он не мог в одиночку противостоять ему. Он нуждался в чьей-то поддержке, а терапевтическая задача заключалась здесь не столько в применении клинической теории, сколько в постепенном восстановлении доверия.

Случаи, подобные описанному, научили меня приспосабливать методику к особенностям конкретного пациента, а не углубляться в общетеоретические размышления, которые могут оказаться неприменимыми на практике. Накопленное за шестьдесят лет практики знание человеческой природы научило меня рассматривать каждый случай болезни как новый, к которому я должен подобрать особый ключ. Иногда я, не колеблясь, погружался в тщательный анализ событий и фантазий детства; другой раз начинал с верхушки, даже если это означало головокружительный подъем к вершинам отвлеченной метафизической мысли. Главное — понять язык индивидуальности больного и вместе с его подсознанием на ощупь пробираться к свету. И здесь от случая к случаю могут требоваться совершенно разные приемы.

Это особенно верно для толкования символов. Двум разным людям могут присниться почти идентичные сны. (Клиническая

Психический «компас» — другой метод Юнга, позволяющий анализировать людские типы. У каждой точки компаса есть противоположный полюс. Например, у человека «думающего», чувственная сфера будет менее развита (чувственная сфера обозначает здесь способность оценивать обстановку спонтанно, чутьем, не прибегая к рациональному анализу мотивов действия). Конечно, у каждой личности эти сферы могут накладываться друг на друга, например у человека, действующего исходя из своих ощущений, могут быть одинаково развиты мыслительная и чувствующая стороны (интуиция — в этом случае противоположный полюс— будет ослаблена)

практика быстро обнаруживает, что подобные совпадения не так необычны, как может показаться неспециалисту). Тем не менее, если один из них молод, а другой — в годах, то проблемы, беспокоящие их, будут отличаться, а значит, и давать их снам одно и то же толкование было бы нелепо.

Подходящим примером может служить сон о том, как группа молодежи скачет на лошадях по бескрайнему полю. Тот, кому снится — впереди, он прыгает через ров с водой и берет это препятствие. Остальные падают в ров. Молодой человек, рассказавший мне этот сон, был осторожным интровертом. Однако такой же сон я слышал и от пожилого человека, отважного по натуре, всегда очень активного и предприимчивого. Когда ему приснился этот сон, он был инвалидом, приносящим немало хлопот докторам и сиделкам. Несоблюдение предписаний врачей шло ему во вред.

Мне было ясно, что молодому человеку сон говорил, что он должен делать, а пожилому — указывал на то, что он еще продолжал делать. Молодого и колеблющегося этот сон воодушевлял, старый же не нуждался ни в каком воодушевлении, так как все еще переполнявший его дух приключений стал в действительности для него обузой. На этом примере хорошо видно, что

толкование снов и символов во многом зависит от состояния разума сновидца и особенностей его жизни.

Архетип в символике сновидений

Я уже высказывал предположение о том, что сны выполняют задачу компенсации. Это допущение означает, что сновидение — это обычное психическое явление, в процессе которого неосознанные реакции или спонтанные импульсы передаются сознанию. Многие сны можно расшифровать с помощью сновидца. Его объяснения по поводу подтекста сна и вызываемых его символикой ассоциаций зачастую позволяют охватить все аспекты сновидения.

Этот метод применим при обычных ситуациях, когда вы слышите сон-другой от родственника, приятеля или пациента и разговоре с ними. Однако когда речь идет о серии навязчивых снов или о снах с ярко выраженной эмоциональной окраской, личных ассоциаций сновидца обычно не хватает для удовлетворительного толкования. В таких случаях мы должны принять во внимание явление (впервые описанное и откомментированное Фрейдом), заключающееся в частом попадании в сновидения элементов, не принадлежащих личности сновидца и никак не соотносимых с его опытом. Эти элементы, уже упоминавшиеся выше, были названы Фрейдом «останками древности» и представляют собой образные мысли, объяснение присутствия которых нельзя обнаружить в жизни сновидца. Похоже, что они являются первозданными, врожденными и унаследованными от первобытных людей формами разума.

Раз человеческое тело представляет из себя целую галерею органов, у каждого из которых своя долгая история эволюции, логично было бы ожидать такого же устройства и от разума. Последний не может не иметь предыстории, коли она была у тела, в котором разум обитает. Говоря о «предыстории», я вовсе не имею в виду, что разум развивается, соотносясь с прошлым посредством языка и других традиций культуры. Я имею в виду биологическое, неосознанное развитие ума в доисторическую эпоху наших древних пращуров, психика которых еще не далеко ушла от животных.

Эта неизмеримо древняя психическая материя образует основу нашего разума, подобно тому как структура нашего организма повторяет общие анатомические черты млекопитающих. Натренированный взор анатома или биолога сразу же отыщет многочисленные следы этих общих черт в теле человека. Точно так же опытный исследователь разума обнаружит много аналогий в том, что снится современным людям, с творениями первобытного разума — его коллективными представлениями, образами и мифологическими сюжетами.

Биолог прибегает к сравнительной анатомии, и психотерапевту тоже требуется своего рода «сравнительная анатомия психики». Ему в действительности надо иметь не только достаточный опыт в области снов и других проявлений деятельности подсознания, но и глубокие познания в мифологии в самом широком смысле этого слова. Не владея таким инструментарием, невозможно отслеживать указанные аналогии, а это очень важно. Как, например, распознать их в неврозе принуждения и в классическом случае одержимости демонами, не имея достоверных знаний о том и другом?

Мой подход к «останкам древности», которые я называю «архетипами» или «первообразами», постоянно подвергался критике со стороны людей, не имеющих достаточных знаний в психологии сновидений и в мифологии. Термин «архетип» часто понимают неправильно — как означающий некоторые вполне определенные мифологические образы или сюжеты. Таковые, однако, суть лишь осознанные представления, и было бы нелепо полагать, что они с их изменчивостью могут передаваться по наследству.

Архетип проявляется в тенденции формирования этих представлений вокруг одной центральной идеи: представления могут значительно отличаться деталями, но идея, лежащая в основе, остается неизменной. Существует, например, много представлений о братской вражде, но сама идея не меняется. Мои критики сочли — и это не верно — что я имею дело с «унаследованными представлениями», и отвергли из-за этого идею архетипа как нечто суеверное. Они не приняли во внимание, что если бы архетипы порождались нашим сознанием (или обретались им), то мы бы наверняка понимали их, а не приходили бы в за-

мешательство или изумление при их явлении нашему сознанию. В сущности, они представляют собой заложенные инстинктом устремления, такие же, как у птиц к гнездованию, а у муравьев к устройству упорядоченных поселений.

Здесь я должен прояснить вопрос о связи, существующей между инстинктами и архетипами. То, что мы называем инстинктами, есть собственно физиологические потребности, воспринимаемые органами чувств. Одновременно они проявляют себя в фантазиях, зачастую обнаруживая свое присутствие лишь в символически-образной форме. Такие проявления я и называю архетипами. Как они впервые возникли, никто не знает, а появиться они могут — и появляются — в любое время и в любом месте, даже там, где исключена возможность прямой или перекрестной (через миграцию) передачи подобной информации по наследству.

Я помню много случаев, когда ко мне обращались люди, сбитые с толку своими снами или снами своих детей. Они терялись в догадках, но не могли понять смысл явленных во сне образов, которые не увязывались ни с событиями их жизни, ни жизни их детей. И это несмотря на высокую образованность некоторых из них. В числе их были даже психотерапевты.

Я хорошо помню одного профессора, имевшего видение и подумавшего, что он сходит с ума. Он пришел ко мне в состоянии полнейшей паники. В ответ я просто взял с полки книгу, написанную около четырехсот лет назад, и показал пациенту гравюру по дереву, изображавшую в точности то, что ему явилось. «Нет причин думать, что вы нездоровы, — сказал я ему. — О вашем видении было известно еще четыреста лет назад». После этого он, совершенно обессилев, опустился в кресло, но на голову больше не жаловался.

Однажды ко мне обратился мужчина, психиатр по профессии, по очень серьезному поводу. На одну из консультаций он принес написанную от руки книжечку, подаренную ему десятилетней дочерью по случаю Рождества. В ней были описаны ее сны двухлетней давности. Снов причудливее я не встречал и хорошо мог понять, почему отец девочки более чем озадачен их содержанием. Хотя и детские, они производили жуткое впечатление. Отцу было совершенно непонятно, откуда могли взяться такие фантазии. Наиболее примечательными были следующие сюжеты:

1. «Лютый зверь», змееподобный монстр, усеянный рогами, убивает и пожирает всех других зверей. Но с четырех углов приходит Бог, а в действительности четыре разных божества, и оживляет всех убитых животных.

2. Вознесение на небеса, где в полном разгаре праздник языческих танцев; и сошествие в ад, где ангелы творят добро.

3. Орда маленьких зверьков угрожает спящей. Вдруг они вырастают до огромных размеров, и один съедает девочку.

4. В мышку проникают черви, змеи, рыбы и человекоподобные существа. Так мышь превращается в человека. Иллюстрирует четыре стадии происхождения человечества.

5. Видна как бы под микроскопом капля воды. Девочка видит, что капля наполнена ветками деревьев. Иллюстрирует происхождение мира.

6. Плохой мальчик держит ком земли и бросается во всех, кто проходит. Тем самым все проходящие мимо становятся плохими.

7. Пьяная женщина сваливается в реку и выходит из нее помолодевшей и трезвой.

8. Сцена в Америке, где множество людей скатываются к муравейнику, где их атакуют муравьи. Спящая в панике падает в речку.

9. Пустыня на Луне, в пески которой спящая проваливается так глубоко, что попадает в ад.

10. Девочка видит светящийся шар. Она касается его, из него идет пар, появляется мужчина и убивает ее.

11. Девочке снится, что она опасно больна. Вдруг прямо из-под кожи появляются птицы и покрывают полностью ее тельце.

12. Тучи комаров закрывают солнце, луну, все звезды, кроме одной, которая падает на спящую.

В оригинале рукописи на немецком языке каждый сон начинался словами старой сказки: «Как-то раз, давным-давно…» Тем самым девочка хотела передать свое ощущение сна как своего рода сказки, которую она хочет поведать папе в качестве рождественского подарка. Отец пытался истолковать сны, исходя из контекста жизни его семьи, но у него ничего не получилось, поскольку мотивы сновидений не имели даже ассоциативной связи с личным опытом членов семейства.

Бог — герой Ворон (из мифологии индейцев хайда с Тихоокеанского побережья Америки) в брюхе кита, что соответствует мотиву «пожирающего чудища» из первого сна девочки

Разумеется, исключить возможность сознательного придумывания этих сновидений мог только человек, достаточно хорошо знающий ребенка, чтобы положиться на его правдивость. (Тем не менее и в этом случае они остались бы вызовом нашему пониманию). В данном случае отец был убежден в достоверности снов, и у меня нет оснований сомневаться в этом. Я был лично знаком с девчушкой, но не мог спросить ее про сновидения, так как тогда подарок еще не был вручен. Жила она за границей, а через год после того Рождества умерла от инфекционной болезни.

Ее сны явно необычны. Главная идея каждого из них явно несет философскую нагрузку. Первый, например, говорит о злом монстре, убивающем других зверей, однако Господь вновь дарует им жизнь посредством божественного Апокатастасиса или возрождения. В западном обществе эта идея известна благодаря христианской традиции Ее можно найти в Деяниях Апостолов (3, 21) «Христа, которого небо должно было принять до времен совершения всего...» Древнегреческие отцы Церкви (в частности, Диоген) особенно настаивали на идее того, что, когда наступит конец времен, всякая вещь будет восстановлена Спасителем в своем первозданном и совершенном виде. Однако согласно Евангелию от Матфея (17, 11) существовало древнееврейское предание об Илии, о котором сказано, что он «должен придти прежде и устроить все». Первое послание к Коринфянам (15, 22) так излагает ту же идею: «Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут».

Можно было бы предположить, что ребенку подобные мысли были навеяны катехизисом. Однако религиозная подготовка девочки была весьма слабой. Ее родители называли себя протестантами, но с Библией были знакомы лишь понаслышке.

Особенно маловероятно, что девочке объясняли глубочайшую идею Апокатастасиса. Определенно, ее отец никогда и сам не слышал об этом легендарном образе. Девять из двенадцати снов развивают тему разрушения и восстановления. И ни один из них не несет следов знакомства с христианской традицией. Наоборот, они ближе к первобытным мифам. Связь с ними подтверждается появлением другой темы — «космогонического мифа» (о сотворении мира и человека) в четвертом и пятом сновидениях. Эта связь прослеживается и в Первом послании к Коринфянам (15, 22), только что процитированном, где Адам и Христос (смерть и воскресение) соединены вместе.

Общая идея о Христе-Спасителе относится к всемирной и дохристианской теме героя-избавителя, который, будучи съеден чудовищем, появляется чудесным образом опять, победив проглотившее его чудище. Когда и где появилась эта идея, никто не знает. Мы даже не знаем, как подступиться к этой проблеме. Очевидно одно: каждое поколение, судя по всему, воспринимает эту тему как предание, дошедшее от прадедов. Таким образом, мы смело можем предположить, что «начало» было заложено в те времена, когда человек не осознавал, что у него есть миф о герое, — то есть тогда, когда он еще не мог сознательно размышлять о том, что произносит вслух. Фигура героя — это архетип, существующий с незапамятных времен. Появление архетипов у детей имеет особенно важное значение, поскольку в этих случаях, как правило, больше уверенности в отсутствии прямого доступа ребенка к той или иной теме. В данном случае семья девочки была лишь поверхностно знакома с христианской традицией. Христианские мотивы можно, конечно, представить идеями о Боге, ангелах, Небесах, Преисподней и силах зла. Но манера, в которой они преподнесены у девочки, указывает на абсолютно не христианское их происхождение.

Возьмем первый сон о Боге, предстающем в облике четырех божеств, приходящих из «четырех углов». Что это за углы? Ведь сон не упоминает ни о какой комнате. Да комната и не вписалась бы в картину по всей видимости космического масштаба с участием самого Вседержителя. Четверичность сама по себе довольно странна как идея, хотя и играет большую роль во многих религиях и философских системах. У христиан ее превосхо-

дит понятие Троицы, известное, надо признать, той девчушке. Но много ли сегодня найдется таких обычных бюргерских семей, в которых слышали хоть что-то о божественной четверичности? Эта идея была одно время довольно известна среди средневековых адептов алхимии. Однако уже в начале XVIII века она сошла на нет и по меньшей мере два столетия находилась в полнейшем забвении. Откуда в таком случае могла подобрать ее девочка? Из видения Иезекииля? Но в христианстве не тождественны Бог и херувим.

Тот же вопрос можно было бы задать и по поводу рогатого змея. Да, в Библии упоминаются многие звери с рогами — в Книге Откровений, например. Однако все они, судя по всему, четвероноги, хотя их повелителем является дракон, что по-гречески (Drakon) также означает змею. В работах алхимиков XVI века встречается рогатый змей, называемый quadricornutus serpens (четырехрогий змей). Он символизирует планету Меркурий и противопоставляется христианской Троице. Но это весьма шаткое свидетельство. Насколько мне удалось проверить, лишь один автор упоминает об этом, и девочка никак не могла его прочесть.

Во втором сне появляется явно не христианская идея — общепринятые ценности, перевернутые с ног на голову языческие пляски в раю и благодеяния ангелов в аду. Эта символика предполагает относительность моральных ценностей. Как ребенок мог подступиться к такой революционной мысли, достойной гения Ницше?

Эти вопросы заставляют задать еще один: в чем компенсаторное значение этих снов? Ведь девочка несомненно придавала им значение, раз подарила отцу на Рождество. Если бы такие сны приснились какому-нибудь первобытному шаману, то было бы логично предположить, что это вариации размышлений о смерти, возрождении или восстановлении, о происхождении мира, создании человека и относительности ценностей. Однако пытаться истолковать их с позиций личного опыта было бы безнадежно трудным делом. Бесспорно, эти сны передают «коллективные образы», сходные отчасти с тем, чему обучали юношей в первобытных племенах перед их посвящением в мужчины. Тогда им говорили о боге или божествах, или о животном —

«основателе племени», о том, как они создали мир и человека, а также о конце мира и значении смерти. Практикуются ли у нас, христиан, аналогичные поучения молодых? В годы юности — да. Но многие люди опять начинают размышлять о подобных вещах в старости, незадолго до смерти.

Получилось так, что та девочка находилась одновременно в двух указанных ситуациях: она приближалась к половой зрелости и к концу своей жизни.

В символике ее сновидений почти ничто не указывало на приближение нормальной взрослой жизни, но было предостаточно намеков на разрушение и восстановление. Когда я впервые прочел их, меня охватило жуткое ощущение несчастья. Ведь эти символы указывали на совершенно особый характер компенсирования, которого никак нельзя было ожидать у девочки такого возраста.

Сны открывали неожиданную и довольно жутковатую сторону жизни и смерти. Было бы понятно, если бы нечто подобное приснилось пожилому человеку, оглядывающемуся на прожитую жизнь, но не ребенку, у которого все еще впереди. От этих снов веяло не радостью переполненной чувствами юности, а ощущением подступившей старости, когда жизнь воспринимается как «скоротечный сон», как гласит древнеримское изречение. Ибо жизнь этого ребенка была похожа на ver sacrum vovendum (обет жертвы весенней), как сказал известный поэт древнего Рима. Практика показывает, что невидимо приближающаяся смерть отбрасывает adumbratio (тень предваряющую) на жизнь и сны жертвы. Даже алтарь в христианских церквях символизирует, с одной стороны, захоронение, а с другой — место возрождения, то есть трансформацию смерти в жизнь вечную.

Вот такие идеи пришли ребенку во сне. Они явились как бы кратким курсом подготовки к смерти, состоящим из коротких историй наподобие тех, что сообщались в первобытных племенах юношам при инициации, или дзэн-буддийских коанов. По содержанию они отличались от ортодоксальной христианской доктрины, более походя на древние представления первобытных людей. Создавалось впечатление, что они возникли на обочине исторического процесса в давно забытых психических источниках, питающих с незапамятных времен философские и религиозные размышления о жизни и смерти.

Это выглядело, как если бы события будущего отбрасывали тень в настоящее, пробуждая у ребенка обычно не дающие о себе знать характерные мысли, описывающие или сопровождающие приближение фатального исхода. Хотя специфическая форма их проявления у каждого человека индивидуальна, они всегда соответствуют одной общей схеме, которая является коллективным созданием. Они встречаются повсеместно и во все времена, подобно тому как инстинкты у животных от вида к виду сильно изменяются, но служат одним и тем же общим целям. Мы не считаем, что каждое вновь рожденное животное создает или приобретает свои инстинкты в индивидуальном порядке. Следовательно, мы не должны полагать, что и человек, родившись, начинает изобретать заново человеческий образ действий. Как и инстинкты, схемы коллективной мысли являются по отношению к человеческому разуму врожденными и унаследованными. И действуют они при возникновении соответствующих обстоятельств более или менее одинаковым образом у всех нас.

Эмоциональные проявления, к которым относятся и мыслительные схемы, узнаваемо идентичны повсюду. Мы можем распознать их и у животных, которые понимают друг друга в этом отношении, даже если принадлежат к различным видам. А насекомые с их способностью к сложным функциям симбиоза? Большинство из них не знает своих родителей, у них нет никого, кто мог бы обучить их. Зачем же допускать, что человек — единственное существо, лишенное специфических инстинктов, или что его психика лишена каких бы то ни было следов эволюционного развития? Разумеется, если отождествлять психику и сознание, то легко можно прийти к ошибочной идее, что человек приходит в мир с незаполненной психикой, а в последующие годы она лишь аккумулирует личные опыт и впечатления. Но психика больше, чем сознание. У зверей сознания мало, но многие импульсы и реакции указывают на наличие психики; первобытные люди делают многое неосмысленно, не понимая значения своих действий.

Многие образованные люди не представляют подлинного значения рождественской елки или пасхального яйца. То есть, они что-то делают, не зная зачем. Я склонен считать, что испокон веков люди что-то делали, чем-то занимались, и лишь спустя долгое время кто-то задался вопросом: зачем все это делается?

Врач-психотерапевт постоянно имеет дело с пациентами, которые в других ситуациях вполне разумны, но в клинике ведут себя весьма специфически. Их действия непредсказуемы, а сами они не имеют ни малейшего понятия о том, что делают или говорят. Их как будто внезапно охватывает необъяснимое состояние неблагоразумия. Снаружи кажется, что такие реакции и импульсы имеют глубоко личностную природу. В действительности же они направляются предопределенной и всегда готовой к действию системой инстинктов, свойственных именно человеку. Характерные мысли, всеми понимаемые жесты, многие позы следуют шаблонам, сложившимся задолго до обретения человеком способности к рассудочному мышлению.

Можно даже предположить, что первоначально способность человека к размышлению возникла благодаря болезненному переживанию какого-то сильного эмоционального потрясения. Возьмем как пример бушмена, который, разъярившись до исступления от неудачной рыбалки, сворачивает шею своему любимому и единственному сыну. Глядя затем на бездыханное тельце в своих руках, он понимает, что совершил непоправимое, и его охватывает безмерная горечь утраты. Теперь та боль запомнится ему навсегда.

Мы не можем узнать, действительно ли такого рода переживания были первопричиной развития человеческого сознания. Но не вызывает сомнений, что переживание подобного шока часто необходимо, чтобы человек очнулся и начал обращать внимание на то, что он делает. Широко известен случай, происшедший в XIII веке с испанским дворянином Раймондом Луллием. После долгих усилий ему наконец удалось добиться тайного рандеву с дамой своего сердца. Она молча приспустила платье и показала ему грудь, обезображенную раком. Испытанное потрясение переменило жизнь идальго — он стал известным теологом и одним из известнейших миссионеров христианства. В подобных случаях резких перемен часто обнаруживается, что это результат долгой работы архетипа с подсознанием, искусно выстроившего цепочку обстоятельств, обусловивших кризисную ситуацию. Подобные свидетельства показывают, что архетипы — не просто устоявшиеся шаблоны мышления. Нет, это динамичные явления, проявляющиеся в

В сновидении Артемидора, цитируемом на этой странице, горящий дом символизирует жар во время болезни. Человеческое тело часто изображается в виде здания. На карикатуре Джеймса Торбера изображен муж-подкаблучник, для которого его дом и жена сливаются в единое целое

форме импульсов столь же спонтанных, как и инстинкты. Иногда приходят такие сны, видения или мысли, причину появления которых не удастся найти при самом тщательном поиске. Это не значит, что ее не существует. Она есть, но из-за удаленности или расплывчатости распознать ее невозможно. В таких случаях надо подождать, либо пока сон и его значение не будут достаточно растолкованы, либо пока не произойдет какое-то событие, проясняющее сон.

В момент сна это событие может еще не наступить. Однако подсознание и его сны так же часто заняты будущим и его возможностями, как и сознание. Ранее было широко распространено поверье, что главная роль сновидений — это предсказание будущего. В древности и в средние века сны использовались для медицинских прогнозов. Я могу подтвердить на примере нынешних сновидений достоверность прогноза (или предвидения), содержавшегося в сновидении, о котором упоминает Артемидор из Далтиса (второй век после Р.Х.): одному человеку приснилось, что он видит гибель отца в огне пожара, охватившего дом. Некоторое время спустя он сам умер от phlegmone (огонь, жар), что, по-моему, было пневмонией.

Так случилось, что мой коллега заболел однажды смертельно опасной гангренозной лихорадкой — фактически флегмоной. Его бывшему пациенту, ничего не знавшему о характере болезни своего врача, приснился сон, будто врач умирает в сильном огне. В это время тот врач лег на обследование, болезнь только начиналась. Пациент знал лишь, что врач его заболел и лег в больницу. Через три недели несчастный скончался. Этот

пример показывает, что сны могут предварять или прогнозировать события. Это надо учитывать любому, кто пытается толковать сновидения, особенно когда сон имеет ярко выраженный подтекст, не находящий объяснения в окружающей действительности. Обычно такие сны появляются ни с того ни с сего, вдруг, и вы гадаете, с чего бы это. Конечно, если бы знать его скрытый смысл, то понятна была бы и причина его возникновения. Все дело в том, что лишь сознание пребывает еще в неведении, подсознание же, судя по всему, уже в курсе и сделало свои выводы, которые и отобразились в сновидении. Вообще складывается впечатление, что подсознание способно анализировать факты и строить на этой основе умозаключения в такой же степени, как и сознание. Более того, в определенных случаях обработка фактов и предвидение конечного результата становится возможным благодаря, а не вопреки отсутствию осознанной информации о них.

Однако, насколько можно судить по сновидениям, подсознание мыслит инстинктивно. Это важная особенность. Логический анализ является прерогативой сознания — мы делаем наш выбор, исходя из здравого смысла и имеющихся знаний. Действия же подсознания, похоже, направляются главным образом инстинктивными импульсами, представленными соответствующими образными мыслями, то есть архетипами. Если попросить врача описать ход болезни, он применит рациональные понятия, такие как «инфекция» или «озноб». Сон более поэтичен. Он представит страдающее от болезни тело как дом, а высокую температуру — как огонь, его пожирающий.

Как показано выше, мозг, находящийся под воздействием архетипа, подошел к ситуации точно так же, как и во времена Артемидора. Подсознание интуитивно уловило нечто, витающее в воздухе, и пропустило сквозь призму архетипа. Это означает, что место сознания с его логикой заняло архетипическое мышление, взяв на себя задачу прогнозирования. Другими словами, архетипы могут действовать по собственной инициативе и обладают собственной специфической энергией. Все это позволяет им самостоятельно осмысливать ситуацию (в присущей им символической форме) и вмешиваться в нее, порождая импульсы и мысли. В этом отношении они очень похожи на комп-

лексы — появляются и исчезают по своей прихоти. При этом частенько мешая нашим осознанным намерениям или видоизменяя их, ставя при этом нас в затруднительное положение.

Энергетику архетипов можно почувствовать по особому очарованию, сопровождающему их появление. Они как будто завораживают. Эта особенность характерна и для личных комплексов, только последние проявляются в истории индивида, а общественные комплексы архетипического характера — в истории человечества. Личные комплексы могут породить лишь пагубное пристрастие к чему-либо, архетипы дают жизнь мифам, религиям и философским концепциям, воздействующим на целые народы и разделяющим исторические эпохи. Мы видим комплексы как компенсацию за однобокость или ошибочность рассудочного восприятия. Таким же образом можно интерпретировать религиозные мифы как своего рода ментальную терапию от страданий и волнений всего человечества — голода, войн, болезней, старости, смерти.

Всемирно распространенный миф о герое, например, всегда описывает могучего человека или богочеловека, побеждающего зло в любых его проявлениях: в виде драконов, змей, чудовищ, демонов и т.д., и спасающего людей от разрушений и гибели. Произнесение или ритуальное повторение священных текстов и церемоний, а также поклонение такому герою посредством танцев, музыки, гимнов, молитв, жертвоприношений заставляют трепетать аудиторию (как будто силою магического заклинания) и способствуют самоотождествлению зрителей с героем.

Если попытаться взглянуть на подобную ситуацию глазами верующего, то, возможно, мы поймем, как обыкновенный человек может освободиться от своего бессилия и убогости и обрести (хотя бы временно) почти сверхчеловеческие способности. Довольно часто убежденность держится достаточно долго, накладывая определенный отпечаток на жизнь верующего. Такая убежденность может даже быть характерной для общества в целом. Замечательный пример — элевсинские мистерии, окончательно запрещенные в начале седьмого века христианской эры. Вместе с дельфийским оракулом они выражали самую сущность и дух Древней Греции. Если значительно увеличить масштаб, то сама христианская эра обязана своим именем и значением

древней мистерии о богочеловеке, корни которой уходят в архетипический миф Осириса-Гора Древнего Египта.

Обычно считается, что основные мифологические идеи были придуманы в какой-то момент доисторического прошлого старым и мудрым философом или пророком, а потом приняты на веру доверчивыми и простодушными людьми. Говорят также, что предания, дошедшие от охочего до власти духовенства, рассказывают не о происшедших в действительности, а лишь о желаемых событиях. Однако само слово «изобретать» ведет свое происхождение от латинского invenire, означающего «находить». Чтобы что-то «найти», надо сначала «поискать». А поиск предполагает некоторое предварительное знание о том, что хотят найти,

Позволю себе вернуться к странным образам, приснившимся девочке. Непохоже, чтобы она их придумала, так как она была удивлена их появлению. Скорее, она восприняла их как нечто необычное и неожиданное, достойное стать подарком отцу на Рождество. Тем самым она отнесла эти истории к сфере дожившей до наших дней христианской мистерии: рождению Господа нашего, окутанному тайной вечнозеленого дерева, несущего новорожденный Свет. (На это указывает пятый сон девочки).

Хотя условная связь Христа с образом дерева многократно освещалась разными авторами, родители девочки вряд ли сказали бы что-то вразумительное, если бы их спросили, с какой целью они украшают елку горящими свечами в каждое Рождество Христово. «Это просто рождественская традиция» — ответили бы они. Для обстоятельного ответа на этот вопрос потребовалась бы целая диссертация о древней символике изображения умирающего божества в привязке к культу Великой Матери (символом которой является дерево). И ведь это только один из многих аспектов. Чем глубже мы изучаем происхождение «коллективных образов» (или догм, говоря языком священнослужителей), тем больше мы наталкиваемся на переплетение нескончаемых архетипических структур, не осмысленных до прихода современной эпохи. Парадоксально, но факт: мы больше знаем о символике древних миров, чем любое жившее до нас поколение. Дело в том, что прежде люди не задумывались над окружавшими их символами, поскольку они попро-

сту являлись частью их жизни. Их вдохновляющее действие было неосознанным и потому незаметным.

Проиллюстрирую это опытом, полученным из контакта с дикарями, живущими в Маунт Элгон (Африка). Каждое утро на рассвете они выходят из хижин и, подышав или сплюнув себе на ладони, простирают их навстречу первым лучам солнца, будто предлагая восходящему богу, mungu, свое дыхание или плевки. (Объясняя этот ритуал, они использовали слово «mungu» из языка суахили, имеющее общий корень с полинезийскими mana или mulungu. Эти близкие ему слова означают силу или сверхъестественные способности и всесущность, которые нам следовало бы назвать божественными. Таким образом, слово mungu на языке этого племени — просто эквивалент Аллаха или Господа). Когда я спросил, зачем они совершают это действо и почему, дикари оказались в полнейшей растерянности. И лишь ответили: «Мы всегда так делали, всегда, когда встает солнце». Они посмеялись над очевидным выводом о том, что солнце — это mungu. На самом деле, когда солнце встало, оно перестало быть mungu. Mungu — это только момент утренней зари. Для меня было очевидно, чем они занимались, а для них — нет. Они просто делали это, не задумываясь, не в состоянии понять самих себя. Я же счел, что они предлагают mungu свои души, так как дыхание (жизни) и плевок означают субстанцию души. Подышать или плюнуть на что-либо всегда считалось магическим действием. Так, Иисус вылечил незрячего, поплевав ему на глаза. Таким же образом сын умирающего отца ловит ртом его последний выдох, чтобы душа его переселилась к нему. Весьма маловероятно, что этим африканцам когда-либо в прошлом было более понятно значение упомянутой церемонии. В действительности скорее всего их пращуры знали еще меньше, потому что их поступки были менее осознанными.

Как говорит гетевский Фауст: «Im Anfang war die Tat» (В начале было дело). «Дела» никогда не изобретались, а делались, а вот мысли — сравнительно позднее открытие человека. Сначала к совершению «дел» его подталкивали неосознаваемые факторы. Прошло много времени, прежде чем он начал задумываться над причинами, побуждающими его к действию. Наконец, еще больше времени потребовалось, чтобы дойти до абсурдной идеи,

будто действует он сам, то есть его разум не воспринимает никаких побуждений, кроме своих собственных.

Мы бы посмеялись над предположением об изобретающем самого себя растении или животном. Тем не менее находятся люди, считающие вполне серьезно, что психика или разум изобрели себя сами, став тем самым своими создателями. На самом деле разум обрел нынешнее состояние сознания путем развития — так же, как из желудя получается дуб, а из ящеров — млекопитающие. Он очень долго развивался, и процесс этот не прекращается и теперь. Это означает, что нами движут как внутренние, так и внешние стимулы.

Эти внутренние побуждения вырастают из глубин, не имеющих отношения к сознанию и не контролируемых им. В древних мифах эти силы назывались mana, или духами, демонами, даже богами. Они так же активны сегодня, как и в былые времена. Если они совпадают с нашими желаниями, то мы говорим, что у нас хорошее предчувствие или импульс, и радуемся своей проницательности. Если они направлены против нас, то мы говорим, что нам не везет, или что кто-то ополчился против нас, или что жизнь вступила в черную полосу. Единственное, что мы отказываемся признать, — это нашу зависимость от «сил», лежащих за пределами нашего контроля.

Вместе с тем нельзя отрицать, что за последнее время цивилизованный человек приобрел некоторую силу воли, которой может распоряжаться по своему усмотрению. Он научился эффективно работать, не прибегая к песнопениям и барабанному бою, которые ранее вводили его гипнотическим путем в состояние готовности к работе. Он может даже обойтись без ежедневной молитвы о Божьей помощи. Он может выполнить то, что наметил, как и перейти без помех от слов к делу — в отличие от первобытного дикаря, каждый шаг которого тормозили страхи, предрассудки и другие невиданные препятствия. Предрассудком же современного человека является девиз: «Воля решает все».

За свои убеждения, однако, современному человеку приходится расплачиваться весьма чувствительным образом — он все менее может разобраться в самом себе. Он не видит, что при всей его рациональности и всем умении им руководят неконтролируемые «силы». Его боги и демоны вовсе не исчезли, они получили новые имена. Неуемность, смутные предчувствия,

психологические осложнения, ненасытная тяга к пилюлям, спиртному, табаку, еде и, прежде всего, множество неврозов — не дают ему продыху.

Душа человека

Сознание цивилизованного человека — это часть психики, надежно отделившаяся от первичных инстинктов, которые, впрочем, никуда не делись. Они лишь утратили контакт с сознанием и вынуждены напоминать о себе окольными путями. Например, через симптомы невроза или такие неожиданности, как забывчивость, оговорки, безответственное поведение.

Человеку нравится считать себя хозяином своей души. Но коль скоро он не способен контролировать свои настроения и эмоции или осознавать мириады тайных путей (способов), которыми образования подсознательного пользуются, чтобы добиться от нас нужного им решения или порядка, он определенно не может считаться хозяином своей судьбы. Эти неосознаваемые факторы существуют благодаря самостоятельности архетипов. Современный человек защищает самого себя от столкновения с собственной раздвоенностью путем создания системы изолированных участков, где он размещает в определенном порядке происходящие с ним и вокруг него события. Тем самым они как бы хранятся в разных ящичках и не пересекаются.

Как пример такой «ящичной» психологии я хотел бы рассказать об алкоголике, попавшем под благотворное влияние одного религиозного движения, который был так вдохновлен энтузиазмом его участников, что забыл на время о выпивке. Этим незамедлительно воспользовались бойкие клерикалы, громогласно заявив о чудесном исцелении, подтверждающем божью милость или эффективность их работы. Однако несколько недель спустя новизна публичных покаяний для пьянчужки стала блекнуть, и ему потребовалось горячительное для подкрепления. Он опять напился, а его религиозные благодетели решили, что случай неисправимый, явно не подходящий для божественного вмешательства, и сдали его в лечебницу, рассудив, что врач разберется лучше, чем Создатель.

Описанная черта современного «цивилизованного» мышления заслуживает более основательного изучения. Ведь она свидетельствует, что разлад личности и психологическая сумятица достигли угрожающего уровня. Если взглянуть на мгновение на человечество как на отдельную личность, то мы увидим, что его несут по течению неосознаваемые силы, и оно тоже склонно запрятывать некоторые проблемы подальше по разным ящикам стола. Вот почему нам следует основательно поразмыслить над тем, что мы делаем. Ведь человечеству угрожают им же порожденные проблемы, представляющие смертельную опасность и выходящие из-под его контроля. Наш мир так же раздвоен, как внутренний мир невротика, и условной разделительной чертой является Железный занавес. Зная об агрессивном стремлении к господству, исходящему с Востока, Запад вынужден чересчур вооружаться для своей защиты, восхваляя одновременно свои добродетели и благие намерения.

Запад не видит, что его собственные пороки, которые он укрывает безупречным этикетом и протоколом в международных отношениях, методично и без зазрения совести демонстрируются ему коммунистической системой. То, что на Западе допускалось под завесой секретности и с некоей стыдливостью (дипломатический обман, систематическое притворство, замаскированные угрозы), приходит к нам в открытую и в полной мере с Востока, связывая нас невротическими узами. Из-за Железного занавеса на Запад глядит, ухмыляясь, его собственная злая тень.

Такая ситуация является главной причиной особого чувства беспомощности, охватывающего многих людей, живущих на Западе. Они начали понимать, что трудности, с которыми мы сталкиваемся, скорее морального порядка и что попытки преодолеть их путем накопления гор ядерного оружия или через экономическое «соревнование» мало что дают, ибо являются палкой о двух концах. Многие из нас понимают теперь, что использовать этику и разум предпочтительнее, так как они обеспечивают нам психологический иммунитет от нескончаемо множащейся инфекции.

Однако все попытки такого рода демонстрировали до сих пор свою крайнюю неэффективность, неизбежную до тех пор,

У каждого общества свои представления об архетипическом рае, или «Золотом веке». Считается, что однажды они существовали и появятся вновь. Американский художник XIX в. оживил утопическую идею прошлого, изобразив договор Вильяма Пенна с индейцами 1682 г. идиллической картиной, полной гармонии и мира

пока мы пытаемся убедить себя и весь мир в ошибочности их (то есть наших оппонентов) действий. Мы скорее приблизились бы к цели, попытавшись признать свою собственную тень вместе с ее отвратительными деяниями. Зная об этой тени, представляющей собой темную сторону нашей натуры, мы обрели бы иммунитет от любых моральных и умственных проказ и происков. В теперешней же ситуации мы доступны любой чуме, поскольку мы занимаемся практически тем же, что и они. Все это усугубляется тем, что мы не понимаем и не хотим понять, что мы творим под прикрытием хороших манер.

У коммунистической системы есть один большой миф (мы называем его иллюзорным, тщетно надеясь на его исчезновение под давлением нашей точки зрения как более весомой). Это освященная временем архетипическая мечта о «Золотом веке» (или о Рае), где человечество наслаждается изобилием всего и вся под великим, справедливым и мудрым руководством вождя,

возглавляющего этот грандиозный детский сад. Этот мощный архетип в его инфантильной форме до сих пор удерживает свои позиции в умах жителей Восточного блока, и ему не суждено исчезнуть лишь по причине превосходства наших идей. Наоборот, мы все время подпитываем его нашей собственной незрелостью, ибо западная цивилизация охвачена той же мифологией. Не сознавая этого, мы культивируем те же предрассудки, надежды и мечты. Мы тоже верим в государство общего благоденствия, во всеобщий мир, равенство, в вечные права человека, в правду и справедливость и (не заявляя об этом громогласно) в Царство Божье на земле.

Грустная же истина заключается в том, что реальная жизнь полна неумолимо действующих противоположностей: день сменяется ночью, рождение — смертью, счастье — горем, а добро – злом. И мы не можем даже быть уверены в победе одного над другим — в том, что добро осилит зло, а радость превзойдет боль. Жизнь — это поле битвы. Так всегда было и будет, а если нет — то жизнь прекратится.

Именно переживание этого конфликта человеком подтолкнуло его к таким мироотрицающим идеям, как ожидание конца света у ранних христиан или отказ от всех земных радостей и надежд у буддистов. Такие взгляды можно бы счесть самоубийственными, если бы они не были вызваны особенностями основных этических постулатов этих двух учений, которые в определенной степени смягчают этот радикализм мировосприятия.

Я подчеркиваю это обстоятельство, потому что в наше время у миллионов людей потеряна вера в любые религии. Эти люди перестали понимать то, чему ранее поклонялись. Пока в жизни все гладко, потеря практически не замечается. Однако все изменяется, когда в жизнь вторгается страдание. Вот тогда люди начинают искать выход и размышлять о смысле жизни и ее непонятных и болезненных аспектах.

Интересно, что к психотерапевту, по моему опыту, чаще обращаются евреи и протестанты, чем католики. Этому можно найти объяснение в том, что католическая церковь все еще чувствует себя ответственной за cura animarum (заботу о благополучии души). Но в наш век науки вопросы, ранее находившиеся в компетенции теолога, скорее зададут психотерапевту. Люди

чувствуют важность веры в осмысленность жизни или в Бога и бессмертие. Мощный стимул таким мыслям обычно придает приближение смерти. С незапамятных времен люди раздумывали о Верховном Существе (одном или нескольких) и о потустороннем мире. И только сегодня они считают, что могут обойтись без них.

Из-за того, что мы не можем обнаружить на небесах трон Господень, например, через радиотелескоп, или в более или менее материальной форме, люди начинают полагать эти идеи неверными. Я предпочел бы сказать, что они недостаточно верны, ибо эти концепции сопровождали род человеческий с доисторических времен и все еще прорываются в сознание при каждом удобном случае.

Современный человек может утверждать, что ему эти идеи ни к чему, ссылаясь на отсутствие научных доказательств их истинности. Или, напротив, он может сожалеть о потере своих убеждений. Но поскольку речь идет о невидимом и неведомом (Бог выше человеческого понимания, а бессмертие недоказуемо), то к чему волноваться насчет доказательств. Так, если бы мы и не знали о пользе соли в нашем рационе, то все равно пользовались бы благотворным эффектом ее применения. Можно, конечно, возразить, что это лишь предрассудок или привычка вкуса, но ее положительное воздействие на наш организм от этого не изменится. Зачем же в таком случае лишать себя воззрений, доказавших свою действенность в кризисных ситуациях и придающих смысл нашему существованию?

Как же нам узнать, что эти идеи неверны? Многие согласились бы со мной, если бы я заявил, что это, скорее всего, иллюзии. Между тем отрицание их существования так же невозможно доказать, как и любое утверждение, основанное на религиозной вере. Таким образом, мы совершенно свободны в выборе точки зрения — она в любом случае будет ничем не подкрепленной.

Есть, однако, серьезная причина эмпирического свойства, почему нам следует культивировать недоказуемые мысли. Дело в том, что человеку обязательно требуются идеи и убеждения, придающие смысл его жизни и позволяющие найти свое место во вселенной. Он преодолеет самые невероятные испытания, будучи убежденным в том, ради чего он это делает. Но когда

все неприятности уже позади, он может потерпеть сокрушительное поражение, узнав, что участвует в идиотской и бессмысленной затее.

Роль религиозных символов как раз и заключается в том, чтобы сделать жизнь людей осмысленной. Индейцы пуэбла верят, что они сыновья Отца-Солнца, и эта вера придает их жизни наполненность (и целеустремленность), выходящую далеко за рамки их скудного бытия. Это дает им широкий простор, чтобы состояться как личностям, и обеспечивает им полнокровную и полноценную жизнь. Их положение в этом смысле бесконечно нормальнее, чем у человека, живущего в наши цивилизованные дни, который сознает, что он лишь неудачник, жизнь которого лишена всякого смысла (и останется таковой).

Именно ощущение глубокого смысла существования на Земле возвышает человека над банальным потребительством. Человек, не имеющий такового, жалок и ущербен. Если бы Святой Павел, например, считал, что он лишь странствующий ковровщик, он не стал бы тем, кем стал. Его подлинная и полная смысла жизнь опиралась на внутреннюю убежденность в том, что он — посланник Господа. Кто-то мог бы увидеть в этом манию величия, но такая точка зрения меркнет перед историческими фактами и суждениями последующих поколений. Миф, овладевший им, выделил его из простых ремесленников.

Любой подобный миф полон символических деталей, которые никто не выдумывал. Они были на самом деле. Миф о богочеловеке создал вовсе не некий реально живший Иисус. Миф был создан за века до его рождения. Его самого захватил этот образ; эта идея и вырвала его из обыденной плотницкой рутины в Назарете, свидетельствует Святой Марк.

Своим рождением мифы обязаны обычному рассказчику преданий и его снам, а также людям, действующим и живущим вдохновенно. Они не слишком отличались от тех, кого спустя поколения назовут поэтами или философами Увы, через несколько веков в местности, называемой ныне Древней Грецией, человеческий разум дорос до предположения, будто сказки о богах — это не более чем несколько странные и слегка преувеличенные предания о подвигах былых царей и вождей. В древности люди сочли мифы слишком невероятными, чтобы верить

тому, что в них говорилось. Поэтому им и попытались придать приемлемую для всеобщего понимания форму.

В недавние времена на наших глазах то же самое произошло и с толкованием сновидений. Когда психология только вставала на ноги, мы осознали, что сны имеют какое-то значение. Но подобно древним грекам, убедившим себя в том, что их мифы лишь переработка рациональных или «обычных» исторических сюжетов, некоторые родоначальники психологии решили, что сновидения не означают того, что кажется. Встречающиеся в снах образы и символы не принимаются во внимание, считаясь причудами подавленного содержания психики, являющегося в такой форме сознанию. Таким образом стало аксиомой, что сон не может иметь другого смысла, чем тот, что очевидно лежит на поверхности.

Я уже говорил о своем несогласии с этой идеей, которое и побудило меня изучать не только содержание, но и форму сновидений. А почему собственно они должны иметь смысл, отличный от их содержания? Разве в природе встречается что-либо подобное? Ведь сон — это явление природное и не может означать то, чем не является. Даже в Талмуде говорится: «Сны сами себя толкуют». Вся эта путаница возникает из-за символичности содержания сновидений, придающей им многозначность. Символы направляют нас в непривычном для сознания направлении, будучи связаны либо с бессознательным, либо с не полностью осознаваемым.

Для ученого ума нет ничего хуже символических идей, потому что как их ни формулировать, все равно это будет неудовлетворительно с точки зрения логического мышления. В психологии так происходит не только с символами, но и с «аффектом» или эмоциями, ускользающими от любых попыток исследователя пришпилить их точным определением. Причина трудностей в обоих случаях одинакова — вмешательство подсознания.

Я достаточно сведущ в науке, чтобы понимать, что ученого больше всего выводят из себя те факты, которые нельзя как следует понять. Трудность здесь в том, что хотя сам факт этих явлений неоспорим, тем не менее он не может быть сформулирован рационально. Ибо для того требуется постичь саму жизнь, ведь именно жизнь порождает эмоции и символические идеи.

Психолог-теоретик вполне может не принимать во внимание феномен эмоций или понятие подсознательного (или оба этих феномена). Однако для психотерапевта они остаются фактами, которым он как минимум должен уделить внимание, ибо столкновения с эмоциональными потрясениями и вмешательством подсознания являются классическими особенностями его науки. При работе с пациентами он воспринимает все эти иррациональные явления как голые факты, независимо от того, может ли он рационально выразить и сформулировать их. Поэтому легко понять обычных людей, не имеющих опыта психотерапевтики, когда им бывает сложно увидеть различия между спокойным изучением психологии в тиши кабинета и ее активным применением для лечения пациентов. Тренировочная стрельба по мишени на полигоне и реальный бой — не одно и то же, вот и врач имеет дело с жертвами настоящей схватки — схватки между различными проявлениями психики, которые психотерапевт должен принимать в расчет, даже если он не может дать им научное толкование. Вот почему психологии можно научиться не по учебнику, а только практическим путем.

Продемонстрируем это на хорошо известных символах. Так, у христиан символ креста несет известную многосмысловую нагрузку. Если же он стоит в тексте после имени и фамилии, это означает, что данный человек умер. В индуистской религии фаллос является всеохватывающим символом, но если вы увидите на улице мальчишку, рисующего на стене фаллос, это будет лишь проявлением его повышенного интереса к своему пенису. Из-за часто встречающегося продолжения детских и юношеских фантазий во взрослой жизни в сновидениях часто попадаются иносказания явно сексуального характера. Было бы абсурдно воспринимать их как-то по-другому. Однако когда каменщик упоминает о кладке «монах на монахиню», а электрик — о соединении «мужского» разъема с «женским», было бы нелепо предположить, что их распирают фантазии юности. Просто они используют красочные названия для обозначения того, с чем сталкиваются в своей профессиональной деятельности. Когда ученый индус расскажет вам о Лингаме (фаллос, олицетворяющий бога Шиву в индуистской мифологии), вы услышите много такого, что западный человек никогда не увязал бы с пенисом. Лингам определенно не является непристойным иносказанием, как и крест

не только знак смерти. Многое зависит от жизненного опыта того, кому приходят во сне подобные образы.

Толкование сновидений с их символикой требует вдумчивого подхода. Оно никоим образом не может быть механическим следованием однажды вызубренному канону. Растущее понимание индивидуальности сновидца со стороны исследователя должно сопровождаться и его все большим постижением самого себя и своих возможностей. Профессионал согласится, что в этой области есть свои общие правила, которые могут оказаться полезными. Но применять их следует осторожно и с умом, ибо можно сделать все по правилам и попасть впросак, а то и в трясину абсурда, проглядев незначительную на первый взгляд подробность. А иногда, чтобы не сбиться с пути, вдобавок к уму требуются еще интуиция и чувство.

Когда мы пытаемся понять символ, мы сталкиваемся не только с ним самим, но и с неповторимостью личности, его породившей. Это диктует необходимость определения уровня знаний и культуры, имеющихся у пациента. При этом зачастую приходится восполнять пробелы в собственном образовании. Поэтому я взял за правило рассматривать каждый новый случай, как бы с чистого листа, не позволяя аналогиям с похожими случаями в теории или практике формировать предвзятое суждение о ситуации. Привычная реакция может оказаться полезной при поверхностном рассмотрении вопроса, но при столкновении с жизнью во всем ее многообразии самые блестящие теоретические построения превращаются в бесполезные слова — и только.

Для процесса понимания жизненно важны воображение и интуиция. Хотя принято считать их необходимыми в основном для поэтов и артистов (и не годящимися для того, чтобы полагаться на них в серьезных вопросах), на самом деле они также важны и для научных изысканий. Причем их роль для науки особенно велика, поскольку они дополняют рациональный подход к проблеме. Даже физика, самая педантичная из всех прикладных наук, поразительно зависит от интуиции, проявляющейся через подсознание (хотя к решению, найденному интуитивно, впоследствии всегда можно найти и логический путь).

Без интуиции практически нельзя обойтись при толковании образов сновидений. Зачастую она подкрепляется незамедлительной

реакцией сновидца, подтверждающей правильность интерпретации. Хотя такие удачные совпадения субъективно ощущаются как особенно убедительные, они таят в себе опасность возникновения чувства ложной уверенности. В результате отношения исследователя и пациента могут стать удобнее, но легковеснее, а в конечном счете вылиться в эдакие мечтания на пару. Здоровая основа реального рассудочного знания и внутреннего взаимопонимания подрывается, когда одна из сторон удовлетворяется пониманием по наитию. Понять что-либо возможно, лишь выверяя предчувствия точным знанием фактов и их логических взаимосвязей. Честный исследователь сознается, что не всегда поступает таким образом, но было бы нечестно не держать это в памяти постоянно. Ученый — тоже человек, и как все не переносит, если не может найти чему-то объяснения. Нет ничего уязвимее, чем научное построение. Ведь это только эфемерная попытка объяснить несколько фактов — а не вечная истина.

Значение символов

Когда психотерапевт интересуется символами, он прежде всего имеет в виду «естественные» символы — в отличие от привнесенных культурой. Первые возникают из подсознательного содержимого психики и представляют собой бесчисленные вариации основных архетипических образов. Во многих случаях можно проследить их развитие вплоть до пракорней, то есть идей и образов, встречающихся в древнейших источниках, дошедших от первобытных обществ. С другой стороны, символы культуры обычно использовались для выражения «вечных истин» и до сих пор используются подобным образом во многих религиях. Пройдя через множество превращений и даже через долгий этап более или менее сознательной лепки, они стали коллективными образами, принятыми цивилизацией.

Эти символы, став частью общечеловеческой культуры, сохраняют тем не менее значительный заряд своей первоначальной трепетности или «волшебности». У некоторых людей они вызывают сильный эмоциональный отклик, будучи сходными по манере воздействия с предубеждениями. Психолог не может не считаться с

ними — глупо не принимать их во внимание из-за того, что с рациональной точки зрения они кажутся абсурдными или не имеющими отношения к делу. Важные составные части нашего умственного устройства, они жизненно важны для развития общества. Невозможно отказаться от них без значительного ущерба. Когда их подавляют или не принимают, их специфическая энергия исчезает в подсознании, что ведет к непредсказуемым последствиям. Казалось бы, потерянная таким образом психическая энергия на самом деле подпитывает и возрождает в подсознании доминирующие в нем в данный момент наклонности, которые до сих пор не имели шанса проявиться или которым воспрещалось спонтанно появляться в нашем сознании.

Но из подобных склонностей складывается постоянно отбрасываемая на сознание и разум «тень» потенциально деструктивного характера. Даже те склонности, которые при определенных обстоятельствах могли бы оказаться благотворными, превращаются в демонов, будучи подавленными. Вот почему многие добропорядочные люди боятся подсознания, а заодно и психологии.

Наше время показало, что значит открыть ворота в преисподнюю. События, всего значения которых никто не мог предположить в идиллическом спокойствии первого десятилетия XX века, свершились и перевернули весь мир. С тех пор мир пребывает в состоянии шизофрении. Прежде цивилизованная Германия вдруг предстала в ужасающем своей дикостью обличье, эта же дикость правит бал и в России, Африка оказалась в огне войн. Не удивительно, что западный мир чувствует себя беспокойно.

Современный человек не понимает, насколько «рационализм» (уничтоживший его способность к восприятию символов и идей божественного) отдал его под власть психического «ада». Он освободился от «предрассудков» (так, во всяком случае, он полагает), растеряв при этом свои духовные ценности. Его нравственные и духовные традиции оказались прерваны, расплатой за это стали всеобщие дезориентация и распад, представляющие реальную угрозу миру.

Антропологи не раз описывали, что происходит с сообществом дикарей при столкновении их духовных ценностей с воздействием современной цивилизации. У них утрачивается интерес к жизни, ее уклад нарушается, а сами они морально

опускаются. Мы сейчас находимся в аналогичной ситуации. Но мы так и не осознали, что же мы потеряли, ибо наши духовные вожди были, к сожалению, более озабочены защитой институтов своей власти, чем проникновением в тайные глубины религиозной символики. По-моему, вера не исключает мысли (являющейся сильнейшим орудием человека). К сожалению, многие верующие, похоже, так боятся науки (в том числе и психологии), что не замечают великих психических сил, извечно властвующих над людскими судьбами. Мы сняли со всех вещей покров таинственности и богосиянности. Ничто более не свято.

В ранние века, когда инстинктивным представлениям был открыт доступ к сознанию, разум человека мог легко найти им место в подходящей психической схеме. Но «цивилизованный» человек уже не в состоянии этого добиться. Его «продвинутое» сознание лишило себя средств усвоения вспомогательных импульсов, исходящих от инстинктивного и подсознательного. Ранее в качестве таких средств усвоения и соединения служили символы божественного, святость которых признавалась всеми.

Мы теперь говорим о «материи», описываем ее физические свойства, проводим лабораторные эксперименты для демонстрации отдельных ее качеств. Но само слово «материя» остается сухим, бесчеловечным, чисто интеллектуальным понятием, не имеющим для нас психологического значения. Как же разительно отличается от сегодняшнего ее былой образ, наполненный глубоким эмоциональным чувством — образ Великой Матери, воплощавший Мать-Землю! Аналогичным образом Дух, бывший отцом всего сущего, теперь называется интеллектом и оказывается сведен до ограниченных эгоизмом человека масштабов. Тем самым колоссальный эмоциональный заряд, содержавшийся в формуле «Отче Наш», исчезает в песках интеллектуальной пустыни.

Эти два архетипических образа лежат в основании так контрастирующих между собой систем Востока и Запада. Однако их население и лидеры не понимают, что не существует принципиального различия между тем, как наречь принцип мироздания — мужским (отец, дух), как считают на Западе, или женским (мать, материя), как считают коммунисты. По сути, мы знаем столь же мало об одном, как и о другом. В былые эпохи этим образам поклонялись посредством всевозможных ритуа-

лов, что по крайней мере демонстрировало их психологическое значение для человека. Теперь же они стали абстрактными, отвлеченными понятиями. По мере развития наук наш мир становится все менее человечным. Человек ощущает себя изолированным в космосе, поскольку его связи с природой разорваны, а эмоциональное «подсознательное единение» с явлениями природы утеряно. Последние постепенно утратили свое символическое значение. Гром более не глас гневающегося бога, а молния — не орудие его возмездия. В реках нет водяных, в деревьях не таится жизненная сила, змеи не являются воплощением мудрости, а горные пещеры не служат прибежищем великих демонов. Камни, растения и животные более не разговаривают с человеком, да и сам он не обращается к ним, как раньше, думая, что его услышат. Нет больше связи с природой, нет и той глубоко эмоциональной энергии, возникавшей от этого символического единения. Эта колоссальная потеря компенсируется образами, приходящими к нам в сновидениях. Они воссоздают нашу первозданную природу, ее инстинкты и особый образ мышления. К сожалению, они говорят на языке природы, странном и непонятном для нас, что ставит нас перед необходимостью перевода этого языка в рациональные слова и понятия, присущие современной речи, свободной от такой дикарской «обузы», как мистическое соединение с описываемым предметом.

В наши дни, когда мы упоминаем о привидениях и других сверхъестественных персонажах, мы более не призываем их к жизни. Улетучилась сила и слава этих некогда могущественных слов. Мы перестали верить в магические заклинания, почти не осталось табу и подобных им запретов, — словом, весь наш мир будто иммунизирован от вирусов суеверия, от ведьм, вурдалаков, леших, не говоря уже об оборотнях, вампирах, лесных душах и прочей нечисти, населявшей первобытные леса. Если выражаться точнее, можно сказать, что окружающий нас мир будто очистили от всего иррационального и суеверного. Однако очищен ли подобным же образом от дикости наш внутренний мир (реальный, а не тот, что мы выдумываем, выдавая желаемое за действительное) — это еще вопрос. Разве число «тринадцать» не считается роковым для многих? Или перевелись люди, охваченные иррациональными предубеждениями, проектами,

инфантильными иллюзиями? Реальный срез человеческого разума открыл бы столько примитивных черт-пережитков, будто за пять веков ничего не изменилось.

На этом надо остановиться подробнее. Современный человек на самом деле — это курьезная смесь характерных черт, приобретенных на разных стадиях многовекового процесса умственного развития. Из этой мешанины и складываются человек и его символы, с которыми нам приходится иметь дело. Если вглядеться в нее пытливым и критическим взглядом, мы увидим, что скептицизм и научные знания бок о бок соседствуют здесь с прадедовскими предрассудками, устаревшими стереотипами мыслей и чувств, глухим невежеством и ошибочными мнениями, за которые мы держимся из упрямства.

Таков современный человек — творец символов, которые мы, психологи, изучаем. Для правильного их понимания важно определить, соотносится ли их появление с чисто личными переживаниями и опытом или они были извлечены сном с определенной целью из хранилища общечеловеческого знания.

Возьмем, например, сон, в котором встречается число «тринадцать». Принципиально важно, верит ли увидевший этот сон в несчастливые качества этого числа или же сон указывает на иных приверженцев суеверий. От того, каков ответ на этот вопрос, будет зависеть и толкование. В первом случае необходимо учесть, что «заклятье» числа «тринадцать» еще довлеет над личностью сновидца (значит, ему будет не по себе и в гостиничном номере под этим числом, и в компании из тринадцати человек). В последнем случае «тринадцать» — не более чем неучтивое или даже оскорбительное упоминание. Очевидно, что у рационального человека это число лишено присущей ему эмоциональной окраски.

На приведенном примере видно, каким образом архетипы воздействуют на наши ощущения. Прежде всего — через неразрывно связанные между собой образ и эмоции. Если один из этих элементов отсутствует, значит, нет и архетипа. Один только образ сам по себе — это лишь слово-изображение, мало что значащее. Будучи же заряжен эмоциями, образ приобретает трепетность (или психическую энергию), динамизм, значимость.

Я осознаю всю трудность толкования этого понятия тем более, что я пытаюсь описать словами нечто, не поддающееся

точному определению по самой своей природе. Но поскольку так много людей обращаются с архетипами, будто они часть механической системы, которую можно вызубрить наизусть, я считаю особенно важным подчеркнуть, что архетипы — не просто имена, и даже не философские понятия. Это частицы самой жизни, образы, которые неразрывно соединены эмоциями с живыми людьми. Вот почему невозможно дать произвольное (или универсальное) толкование любому из них. Только изучив всю жизнь конкретного индивида, можно объяснить архетип, встретившийся ему.

Так, символ креста для набожного христианина можно истолковать только в его христианском контексте, если, конечно, сон не дает серьезных указаний на возможность другого толкования. Но и тогда следует помнить о специфически христианском его значении. В любом случае нельзя сказать, что символ креста везде и во все времена имеет одно и то же значение. А если бы это было так, он лишился бы своей таинственности, одухотворенности и стал бы обычным словом.

Тот, кто не в состоянии различить особую нюансировку восприятия архетипов, приходит лишь к мешанине мифологических понятий, которые можно по-разному комбинировать друг с другом, выводя из этих комбинаций все, что заблагорассудится, в том числе и взаимоисключающие понятия. Все мертвецы по химическому составу элементов совершенно идентичны, но о живых этого не скажешь. Архетипы оживают только тогда, когда вы терпеливо пытаетесь разобраться в том, почему они что-то значат для человека и каким образом открывают ему свое значение.

Использование слов бесполезно, когда вы не знаете их значения. Это особенно верно в психологии, когда мы говорим о таких архетипах, как анима и анимус, мудрец, Великая Мать и др. Можно собрать полную информацию о святых, великих посвященных, пророках и других людях, посвятивших свою жизнь Богу, или обо всех о великих матерях, когда-либо существовавших. Но нет смысла рассуждать о них тому, у кого эти молчащие образы не приводят в трепет душу и сердце. В его устах эти слова будут пусты и бессодержательны. Они оживут и наполнятся смыслом, только если вы попытаетесь почувствовать их трепетность, то есть настроитесь на волну, связывающую их

с личностью человека. Только тогда вы начнете понимать, что определяющее значение имеют не сами эти слова, а их взаимодействие с вами.

Поэтому присущая нашим сновидениям функция генерации символов является попыткой привести первобытный разум в наше сознание (являющееся по отношению к нему более высоким и видоизмененным состоянием). Ранее, в эпоху своего возникновения, первобытный разум не мог подвергаться критическому осмыслению, ибо сознания в нашем понимании не существовало. Много веков назад этот изначальный разум и составлял всю индивидуальность человека. Но по мере развития сознания разум человека утрачивал контакт с этими изначальными пластами психической энергии. Ведь разум сознающий не мог знать об этом первобытном разуме, отброшенном в тот самый момент, когда в процессе эволюции появилось сознание более высокого порядка, которое могло бы его заметить.

Тем не менее, похоже, что подсознание (или то, что мы называем таковым) сохранило первобытные черты, характерные для изначального разума. Именно на эти черты постоянно опираются символы сновидений, создавая впечатление, будто подсознание пытается возродить все то, от чего разум освободился в процессе эволюции: иллюзии, фантазии, архаичные мыслеобразы, основные инстинкты и т. п.

Вот почему люди часто испытывают неприязнь и даже страх, сталкиваясь с проявлениями подсознания. Его реликтовое содержимое вовсе не нейтрально, как и не безучастно. Наоборот, оно имеет такой мощный заряд, что зачастую вызывает не просто беспокойство, но и настоящий ужас. Чем более подавлено это содержимое, тем сильнее оно охватывает всю личность в форме невроза. Стремление пролить свет сознания на уцелевшие первичные формы разума сродни стремлению человека, который, проведя некоторое время без сознания, обнаруживает пробел в памяти и пытается вернуть забытые воспоминания детства. На самом деле пробелы в детских воспоминаниях — это симптом гораздо более значительной утраты — утраты первобытной психики.

Подобно тому как человеческий зародыш в своем развитии проходит через стадии, повторяющие эволюционный путь от низших форм жизни к человеку, так и человеческий разум в своем

становлении проживает ряд этапов, соответствующих первобытному мышлению. Сновидения как раз и способствуют возвращению воспоминаний того первобытного мира, а также мира детства в виде самых примитивных инстинктов. В определенных случаях, как уже давно подметил Фрейд, такие воспоминания могут давать значительный исцеляющий эффект. Это наблюдение подтверждает, что пробел в детской памяти (так называемая амнезия) это действительно серьезная утрата, а обретение детских воспоминаний может вызвать благоприятные перемены в жизни и даже в благосостоянии.

Из-за того, что дети такие маленькие, а их мысли редки и просты, мы и не представляем серьезности проблем, встающих перед детским разумом в силу его тождественности формам первобытной психики. Вспомните случай с девочкой, подарившей свои неординарные сны отцу, и вам будет понятно, как «изначальный разум» может проявиться у ребенка.

В детской амнезии встречаются странные мифологические вкрапления, позднее часто переходящие в психозы. Обычно это весьма таинственные, а значит, и весьма важные образы. Если такие воспоминания повторяются в зрелом возрасте, они иногда могут вызвать глубокое психическое расстройство, хотя в других случаях приводят к чудесным исцелениям или обращению в другую веру. Бывает, что с ними возвращается целый пласт жизни, долгое время отсутствовавший, тем самым наполняя жизнь новым смыслом и обогащая ее.

Обретение памяти о детстве и воспроизведение архетипических способов психического поведения может расширить горизонты сознания — при условии, что вам удастся усвоить утерянное содержимое первобытной психики и включить его в работу сознающего разума. Так как это содержимое отнюдь не нейтрально, его усвоение не пройдет бесследно для вашей личности, хотя определенные изменения претерпит и содержимое. На этом этапе процесса так называемой «индивидуации» (который будет проанализирован в одной из следующих глав книги д-ром М.- Л. фон Франц) толкование символов важно с практической точки зрения, поскольку через символы психика пытается естественным путем примирить и вновь соединить имеющиеся в ней противоположности.

Разумеется, такого эффекта нельзя было бы достичь просто отмахнувшись от символов, едва их увидя. Так можно было бы лишь вернуться к прежнему невротическому состоянию на стадии становления. К сожалению, те немногие люди, что не отрицают самого существования архетипов, почти все как один обращаются с ними как с простыми словами, забывая об их самостоятельной жизни. Тем самым архетипы лишаются (искусственно) элемента сверхъестественного (а значит, исключительного), что дает начало бесконечным заменам одного архетипа другим с такой легкостью, будто все они взаимозаменяемы. Конечно, до определенного предела это так. Но нельзя сбрасывать со счетов их способность вызывать трепет, являющуюся не просто одной из характерных черт, но определяющей сущность архетипического явления.

Это эмоциональное значение следует постоянно держать в уме и учитывать на всем протяжении процесса осмысления символики сновидений и их толкования. Его легко можно упустить из виду, поскольку антагонизм между мыслью и чувством почти автоматически приводит к тому, что, начиная думать о чем-то, мы сразу забываем о том, что чувствовали, и наоборот. Психология вообще единственная наука, принимающая в расчет эмоциональный фактор, потому что он связует нашу жизнь с явлениями, в ней происходящими. Психологию часто обвиняют из-за этого в ненаучности. Подобная критика происходит от непонимания научного и практического значения изучения эмоций.

Излечение разлада

Наш интеллект создал новый мир, господствующий над природой, и населил его чудовищными машинами, польза от которых такова, что мы даже не можем представить, как избавиться от них или от нашего преклонения перед ними. Человек вынужден потакать авантюрным побуждениям своего изобретательного и нагруженного научным багажом разума, восхищаясь его блестящими достижениями. Вместе с тем его гений проявляет жуткую последовательность в изобретении все более и более опасных устройств, с каждым разом все более пригодных для всемирного самоуничтожения.

Ввиду лавинообразно увеличивающейся численности мирового населения, человек уже начал поиск путей и средств контролируемого сдерживания этого прироста. Однако природа может упредить наши искания, направив против человека его же изобретательность. Водородная бомба, например, определенно положила бы конец перенаселению. Хотя мы и гордимся тем, что покорили природу, на самом деле мы ее заложники, ибо мы даже не научились контролировать собственную природу. Медленно, но, сдается, неизбежно мы пестуем катастрофу.

Нет больше богов, к которым мы могли бы обратиться за помощью. Великие мировые религии охвачены усиливающейся анемией, так как из лесов, гор, рек и мира зверей улетучились сверхъестественные силы (приходившие ранее так кстати), а богочеловеки исчезли в глубинах подсознания и там (как нам хочется думать) ведут бесславное существование среди других пережитков прошлого. Наши теперешние жизни подчинены богу, имя которому — интеллект. Он же наша величайшая и печальнейшая иллюзия. Благодаря интеллекту, уверяем мы себя, мы завоевали природу.

Но это лишь лозунг — не более. Ибо «завоевание природы» оборачивается для нас перенаселением планеты, добавляя хлопот в политическом плане, поскольку люди продолжают ссориться и добиваться превосходства друг над другом так же, как и всегда. О каком «завоевании природы» тогда можно говорить?

Любая перемена должна с чего-то начинаться, и начинается она с отдельного индивида, который почувствует ее и начнет претворять в жизнь. Таким индивидом может стать любой из нас. Недопустимо оглядываться вокруг в ожидании «дяди», который придет и сделает то, что должны сделать вы сами, хотя вам этого и не хочется. Но поскольку, похоже, никто не знает, что надо делать, то, может быть, каждому из нас стоит задаться вопросом: а не подскажет ли нам что-нибудь подсознание? Ведь сознательный разум, сдается, ничем не может помочь нам. Современный человек стоит перед горьким фактом неспособности великих религий или разнообразных философских учений явить такую вдохновляющую и захватывающую идею, которая принесла бы ему успокоение, так необходимое перед лицом опасностей, угрожающих миру.

Я знаю, что мне ответили бы буддисты: все было бы в порядке, если бы люди следовали восьмиступенчатому пути Дхармы и могли бы заглянуть в свое «я». Христиане говорят, что мир был бы лучше, если бы только люди верили в Бога. Рационалисты утверждают, что был бы у людей ум и благоразумие, и все проблемы можно будет решить. Только вся беда в том, что никому из них не удается решить свои проблемы.

Христиане часто спрашивают, почему Господь не говорит с ними, как — предположительно — он это делал в давние времена. В таких случаях я всегда вспоминаю одного раввина, которого спросили, почему раньше Бог часто являлся людям, а теперь никто никогда не видит Его. Раввин ответил: «Просто не осталось никого, кто умеет правильно кланяться».

Этот ответ раскрывает самую суть проблемы. Мы настолько пленены своим субъективным сознанием и поглощены его работой, что совсем забыли о давно известном факте: Господь говорит с нами преимущественно в сновидениях или просто видениях. Буддисты не принимают в расчет мир подсознательных фантазий, считая их бесполезными иллюзиями. У христиан между сознанием и подсознанием стоят Церковь и Библия. Рационалисты до сих пор не знают, что их сознание не охватывает всего мира их психики. Это невежество сохраняется до сих пор, будто подсознание не признано уже более семидесяти лет назад одним из основополагающих понятий, без которого немыслимо никакое серьезное исследование в области психологии.

Мы не можем более продолжать уподобляться Всемогущему Творцу, рассуждая о достоинствах и недостатках природных явлений. Мы ведь не используем в ботанике давно устаревшее деление растений на нужные и ненужные, или в зоологии — наивное различение безвредных животных и опасных. Но мы все еще позволяем себе благодушно относить сознание к вещам, имеющим смысл, а подсознание — к бессмыслице. Такой подход в науке был бы подвергнут немедленному осмеянию. Скажите, например, имеют ли смысл микробы или они бессмысленны?

Чем бы ни являлось подсознание, это — природное явление, генерирующее символы, наделенные, как показали исследования, определенным смыслом. И подобно тому, как мы не можем считать специалистом по микробам человека, ни разу не

державшего в руках микроскоп, так и тот, кто не изучал профессионально природную символику, не может считаться компетентным в области психологии. Однако всеобщая недооценка человеческой души такова, что ни великие религии, ни философские учения, ни научные рационалисты не удосужились как следует с ней разобраться.

Несмотря на то, что католическая церковь признает существование somnia a Deo missa (снов, посланных Богом), большинство ее мыслителей не предпринимают серьезных попыток понять сновидения. Не уверен я и в наличии у протестантов какого-либо трактата или доктрины, которые удостоили бы вниманием вопрос о возможности восприятия vox Dei (глас Божий) во сне. Но если богослов действительно верит в Бога, то какой авторитет может убедить его в неспособности Бога являться нам в сновидениях?

Я посвятил более полувека изучению природных символов и пришел к выводу, что сновидения с их символикой вовсе не являются глупостью или бессмыслицей. Наоборот, для тех, кто потрудится над их расшифровкой, они раскрывают интереснейшую информацию. Она, конечно, имеет мало общего с такими приземленными понятиями, как купля и продажа. Но смысл жизни не измерить лишь деловой активностью, как не охватить сокровеннейших чаяний количеством денег на банковском счете.

Сейчас в истории человечества такой этап, когда все усилия направляются на изучение окружающего нас мира и очень мало внимания уделяется человеческой сущности, которую составляет психика человека, хотя функции ее сознательной части исследуются с различных сторон. Однако самая сложная и неизвестная часть души, где рождаются символы, все еще, в сущности, не исследована. Кажется невероятным, что хотя мы каждую ночь получаем оттуда сигналы, расшифровка получаемых сообщений кажется для подавляющего большинства людей слишком утомительной, чтобы беспокоиться об этом. Величайшее орудие человека — его психика — почти не является объектом размышлений, а зачастую в чем-то подозревается или презирается. Слова «это все психология, сударь» чаше всего означают — «это пустяки».

Как же возник этот невероятный предрассудок? Очевидно, мы были так поглощены вопросом, о чем мы думаем, что позабыли

спросить, а что думает о нас подсознательная часть психики. Идеи Зигмунда Фрейда укрепили существующее у большинства людей презрение к психике. До него психику просто не брали в расчет, ей пренебрегали, теперь же она превратилась в свалку безнравственности.

Это бытующее теперь мнение, безусловно, несправедливо и односторонне. Оно даже не увязывается с известными фактами. Наши нынешние знания о подсознательном показывают, что это — природный феномен и как таковой является, по меньшей мере, нейтральным. Оно содержит все стороны человеческой натуры: свет и тьму, прекрасное и безобразное, добро и зло, мудрость и глупость. Изучение символов, порождаемых как индивидуально, так и общностями людей, — огромная задача, и отнюдь еще не решенная. Однако начало, наконец, положено. Первые полученные результаты вдохновляют, поскольку они, похоже, подсказывают ответы на многие из не решенных доныне вопросов, волнующих сегодня человечество.

2. Древние мифы и современный человек

Джозеф Л. Хендерсон

Извечные символы

История первобытных времен переосмысливается сегодня заново благодаря анализу символов, образов и мифов, дошедших до нас из глубины веков и переживших древнего человека. Чем дальше археологи продвигаются в глубь веков, тем больше мы понимаем, что важны не сами исторические события, а оставляемые ими следы — изваяния, рисунки, храмы и языки, повествующие о старинных верованиях. Другие символы открывают нам филологи и историки религии, переводя эти верования на язык понятных современных идей. Третьи вводятся в употребление антропологами культуры. Они показывают, что в ритуалах или мифах маленьких племенных сообществ, существующих, не меняясь столетиями, на задворках цивилизации, можно обнаружить композиции все тех же символов.

Все эти исследования помогли исправлению однобокого представления о том, что символы — дело далекого прошлого, которое касается лишь отставших в развитии племен и не имеет отношения к современной жизни с ее проблемами. В Лондоне или в Нью-Йорке обряд плодородия эпохи неолита воспринимается нами как архаическое суеверие. Если кто-то утверждает, что у него было «видение» или что ему «явился голос», мы не думаем, что этот человек святой или оракул, а считаем, что у него умственные отклонения. Читая мифы Древней Греции или сказания американских индейцев, мы не обнаруживаем какой-либо связи между ними и нашим отношением к «героям» или происшествиям современности. Между тем, такая связь существует, и символы, в которых она выражается, не потеряли своего значения для человечества.

Школа аналитической психологии д-ра Юнга является в наше время одним из немногих научных центров, сделавших значительный вклад в изучение и переоценку таких извечных

символов. Она помогла развеять ничем не обоснованное представление, согласно которому первобытный человек отличался от современного тем, что символы для него были естественной частью повседневной жизни, тогда как для современника они как будто бессмысленны и никчемны.

Как указывал д-р Юнг в предыдущей главе этой книги, человеческий разум обладает собственной историей, а психика сохраняет много следов от предыдущих стадий своего развития. Более того, содержимое подсознания оказывает формирующее воздействие на психику. Сознательно мы можем его игнорировать, но подсознательно мы реагируем на него и на ту символическую оболочку, включая сны, в которой это содержимое преподносится.

Человек может считать, что его сны произвольны и не связаны между собой. Но если в течение длительного периода времени последовательно изучать все его сны, психоаналитик заметил бы, что их символика образует некую осмысленную композицию. Разобравшись в ней, пациент в конечном счете может обрести новое отношение к жизни. Некоторые символы в таких снах имеют своим источником то, что д-р Юнг называл «коллективным подсознательным». Это часть психики, сохраняющая и передающая общее для всего человечества психологическое наследие. Такие символы настолько далеки от современного человека, что он не способен самостоятельно их понять или усвоить.

Именно в этом и может быть полезен психоаналитик. Возможно, пациента надо освободить от бремени устаревших и ставших неуместными символов. Или, может быть, ему надо раскрыть непреходящую ценность старого символа, вовсе не умершего, а стремящегося возродиться в современной форме.

Прежде чем психоаналитик сможет продуктивно исследовать вместе с пациентом значение его символов, он сам должен как следует разобраться в их происхождении и значении. Дело в том, что аналогии с сюжетами древних мифов, возникающие в сновидениях современных людей, вовсе не поверхностны и не случайны. Они возникают, потому что подсознательная часть разума современного человека сохраняет способность создания символов, некогда находившую выражение в верованиях и ритуалах первобытных людей. Эта способность все еще играет для

Ритуальная маска с острова Новая Ирландия (Новая Гвинея)

психики жизненно важную роль. Мы зависим в большей степени, чем думаем, от посланий, которые получаем с помощью таких символов, оказывающих воздействие и на наши убеждения, и на поведение.

Во время последней войны, например, обнаружился возросший интерес к произведениям Гомера, Шекспира и Толстого. Люди заново перечитывали и открывали для себя те места, в которых передавалось вечное, архетипическое значение войны. Да и у читателя, не пережившего накала эмоций, характерного для военных лет, они вызывают гораздо более глубокий отклик, чем можно было бы ожидать. Сражения у стен Трои были совсем не похожи на битвы при Ажинкуре или под Бородино. Тем не менее, великие писатели могут выйти за границы времени и места, выражая универсальные темы. Чтение захватывает нас, потому что эти темы изначально символичны по своей сути.

Более неожиданный пример связан с известной каждому христианину традицией празднования Рождества. В этот праздник наружу выплескиваются наши чувства по поводу мифологического рождения ребенка-полубога, даже если мы и не верим в непорочное зачатие Христа или вообще не являемся верующими. Сами того не подозревая, мы сталкиваемся с символикой возрождения. Это отзвук безмерно более древнего празднества

солнцестояния, несущего надежду обновления задержавшегося зимнего пейзажа, обычного для северного полушария. Какие бы умудренные мы ни были, нам нравится этот символический праздник, так же как и симпатичная пасхальная традиция красить яйца и дарить подарки от имени кролика, в которой мы с удовольствием участвуем вместе с детьми.

Но понимаем ли мы смысл своих действий в такие праздники, видим ли связь между историей рождения, смерти и воскрешения Христа и народной символикой Пасхи? Обычно нам недосуг даже задуматься о подобных вопросах. Тем не менее, все они взаимосвязаны. Распятие Христа на Страстную Пятницу на первый взгляд кажется вписывающимся в ту же схему символики плодородия, которая прослеживается в обрядах, связанных с Осирисом, Таммузом, Орфеем и Бальдром, то есть тоже «спасителями» своего рода. Они также были божественного или полубожественного происхождения, процветали, погибали и возрождались. Фактически они представляли циклические религии, в которых смерть и возрождение Божества — верховного правителя — были вечно повторяющимся мифом.

Однако с обрядовой точки зрения воскрешение Христа в Пасхальное Воскресенье весьма проигрывает символике циклических религий. Ведь, вознесясь, Христос сразу занимает место одесную Бога-Отца, то есть воскрешение происходит однажды и навсегда. Именно эта законченность христианской концепции воскрешения (идея Последнего Суда отмечена аналогичной завершенностью) отличает христианство от других мифов о богах-правителях. Христианский обряд проводится в связи с юбилеем единожды случившегося события. Это ощущение законченности было, возможно, одной из причин, побудивших ранних христиан, находившихся еще под воздействием дохристианских традиций, включить отдельные элементы более древних ритуалов плодородия в христианские обряды. Верующие нуждались в повторяющемся обещании воскрешения. Как раз это и символизируют пасхальные яйца и кролик.

Я привел два совершенно разных примера, показывающих, что современный человек до сих пор продолжает реагировать на глубинные психические воздействия такого рода, которые для него значат не больше, чем сказки и суеверия необразован-

Демонстрация героем своей силы в раннем возрасте характерна для большинства героических мифов. *Внизу:* маленький Геркулес убивает двух змей. *Слева:* лишь молодой Король Артур смог вытащить торчащий из камня волшебный меч. *Справа:* американец Дейви Крокетт, в трехлетнем возрасте убивший медведя

ных народностей. Но это еше не все. Чем пристальнее изучаешь историю символов и их роль в жизни различных культур, тем более убеждаешься в том, что они несут с собой обновление.

Одни символы связаны с детством и переходным возрастом, другие — с периодом зрелости, а третьи — с опытом старости, когда человек готовится к неизбежной смерти. Д-р Юнг описал, как в снах восьмилетней девочки содержались символы, обычно ассоциирующиеся со старостью. В ее снах образы вхождения в жизнь и вхождения в смерть оказались в одной архетипической композиции. Таким образом, подобная символическая последовательность может сформироваться в подсознательной части разума современного человека так же, как это происходило во время ритуалов далекой древности. Эта решающая связь между архаическими мифами и символами, генерируемыми сферой подсознательного, имеет огромное практическое значение для психоаналитиков. Она дает им возможность узнавать и интерпретировать эти символы как с точки зрения исторической перспективы, так и с психологической. Теперь мы рассмотрим несколько наиболее важных

мифов древности и выясним, как и почему они перекликаются с символическим материалом, возникающим в наших снах.

Герои и творцы героев

Миф о герое является наиболее распространенным и известным. Он встречается и в классической мифологии Древней Греции и Рима, и в средневековье, и на Дальнем Востоке, и среди нынешних первобытных племен. Появляется он и в наших снах. Его будоражащая притягательность очевидна, его психологическое значение менее очевидно, но не менее значимо.

Героические мифы совсем не похожи в деталях, но при внимательном их изучении становится заметно, что они весьма сходны по структуре. У них, можно сказать, единая канва, несмотря на то что они создавались в местностях и у народов, никак не контактирующих между собой: например, африканскими племенами и североамериканскими индейцами, жителями Греции и инками Перу. И каждый раз мы читаем о чудесном рождении героя в семье скромного достатка, о ранних свидетельствах его нечеловеческой силы, о быстром продвижении к славе или власти, о его битвах с силами зла и их разгроме, о впадении в гордыню (hybris), о его гибели из-за предательства или в результате «героической» жертвы.

Далее я объясню более подробно, почему я полагаю, что подобная модель имеет определенное психологическое значение и для человека, стремящегося раскрыть и утвердить свою индивидуальность, и для всего общества, аналогичным образом нуждающегося в установлении своего коллективного «лица». Однако героический миф имеет еще одну особенность, которая даст нам ключ. Во многих из этих историй первоначальная слабость героя уравновешивается появлением сильных покровителей, опекающих героя и облегчающих ему решение сверхчеловеческих задач, с которыми невозможно справиться без их помощи. Так, например, среди древнегреческих героев у Тезея богом-покровителем был бог моря Посейдон, у Персея — Афина, Ахиллеса наставлял и обучал мудрый кентавр Хирон.

Эти божественные персонажи являются на самом деле символическим олицетворением целостной психики, более глубо-

кой и полной самобытности, служащей для индивидуального эго источником нехватающей ему силы. Их особая роль позволяет предположить, что основное назначение героического мифа состоит в развитии индивидуального самосознания, то есть в осознании своих сильных и слабых сторон с тем, чтобы подготовиться к преодолению нелегких жизненных коллизий. Как только вы справляетесь с первым серьезным испытанием и вступаете в фазу зрелой жизни, героический миф теряет для вас свое значение. Символическая смерть героя знаменует таким образом достижение зрелости.

До сих пор я говорил о законченном героическом мифе, в котором подробно описывается полный жизненный цикл — от рождения и до смерти. Кроме того, важно знать, что каждой из стадий этого цикла соответствуют отдельные виды героических историй. Каждая из них описывает определенный этап, достигнутый личностью в развитии своего самосознания, и трудности, с которыми индивид сталкивается на этом этапе. Другими словами, эволюция образа героя отражает каждую стадию развития человеческой личности.

Эту идею будет легче понять, разобрав ее в схематическом виде на примере сказаний малоизвестного племени североамериканских индейцев виннебаго, поскольку там достаточно четко выделяются четыре различные стадии эволюции героя. В этих историях, опубликованных д-ром Полом Радиным в 1948 году под названием «Героические циклы виннебаго», заметно явное продвижение от простейшего представления о герое к самому глубокому. Подобное развитие характерно и для других героических циклов. Хотя символические персонажи выступают в них, разумеется, под разными именами, они играют сходные роли, что будет понятнее при разборе этого конкретного примера.

Д-р Радин выделил четыре разных цикла в развитии героического мифа, обозначив их как цикл Плута, цикл Зайца, цикл Красного Рога и цикл Близнецов. Он очень верно передал психологию этого развития следующими словами: «Здесь представлены наши попытки бороться с проблемами взросления, опираясь на вымышленный мир вечной сказки».

Цикл Плута связан с самым ранним возрастом, когда человек наименее развит. Плут — это персонаж, чье поведение определяют

его физические потребности, у него детский склад ума. Не имея других желаний кроме удовлетворения своих первичных потребностей, он жесток, циничен и бесчувственен. (Известные истории о братце Лисе и братце Кролике сохранили основные элементы мифа о Плуте). Этот персонаж, принимающий вначале облик животного, переходит от одного озорного проступка к другому. Но по мере того, как он это делает, с ним происходит перемена. В конце своих плутовских приключений он начинает внешне походить на взрослого человека.

Следующий персонаж — Заяц. Он, как и Плут (американские индейцы часто наделяют его чертами койота), сначала появляется в зверином обличье. Он также не обрел еще зрелости в ее человеческом понимании, но выступает тем не менее в роли основателя человеческой культуры — в роли Преобразователя. Виннебаго верят, что Заяц, дав им знаменитый лечебный обряд, стал их спасителем, как, впрочем, и героем их культуры. Этот миф был настолько укоренившимся, сообщает доктор Радин, что индейцы, практикующие ритуал пейоте, упорно не хотели отказываться от Зайца, когда в племя стало проникать христианство. Заяц сливался у них с образом Христа, и некоторые из них доказывали, что Христос им не нужен, поскольку у них уже есть Заяц. Этот архетипический персонаж представляет собой явное продвижение вперед по сравнению с Плутом. Заметно, что он становится общественным существом, корректирующим свои инстинктивные и инфантильные устремления, которые мы видели в цикле Плута.

Красный Рог, третий в этой серии героических персонажей — личность двусмысленная. Говорят, что он младший из десяти братьев. Как и полагается архетипическому герою, он побеждает на скачках и достойно проявляет себя в сражении. Его сверхчеловеческие способности доказываются победой над великанами, которых он превосходит как хитростью (при игре в кости), так и силой (в боевом поединке). У него есть могущественный спутник в обличье гром-птицы, которую зовут «Несущая бурю». Ее сила компенсирует любую возможную слабость Красного Рога. С этим героем мы вступаем в очень древний мир, в котором помощь сверхчеловеческих сил или богов-покровителей должна гарантировать победу человека над окружающими его

Смутьян, нарушающий установленный порядок, древнескандинавский бог Локи (скульптура XIX в.). *Правее:* Чарли Чаплин в бесшабашном танце в фильме 1936 г. «Новые времена» — представляет «Плута» XX века

силами зла. В конце истории героическая бог-птица покидает Красного Рога, оставляя его с сыновьями на земле. Теперь угроза человеческому счастью и безопасности исходит от самого человека.

Эта основная тема (возникающая и в последнем цикле — Близнецов) поднимает жизненно важный вопрос насколько долго люди могут преуспевать, не становясь жертвами своей собственной гордости или, в мифологических терминах, зависти богов?

Хотя Близнецов называют сыновьями Солнца, они все-таки люди, составляющие вкупе единую личность. Первоначально они были объединены в лоне матери, а при рождении их насильно разделили. Тем не менее, они принадлежат друг другу, и необходимо, хотя это и чрезвычайно трудно, объединить их вновь. У Близнецов-детей две стороны человеческой натуры. Одна из них, Плоть, — уступчива, мягка и безынициативна, другая, Задира, — динамична и настроена по-бунтарски. В некоторых героических историях о Близнецах эти их качества настолько облагорожены, что один персонаж выглядит как интроверт, чья главная сила заключена в его способности к рефлексии, а другой — как экстраверт, носитель действия, могущий вершить великие дела.

В течение долгого времени эти два героя непобедимы, успех сопутствует им как поодиночке, так и совмещенным в одном образе-лице. Тем не менее, как и боги-воители в мифологии индейцев навахо, они в конце концов ослабевают от злоупотребления своей силой. Ни на небесах, ни на земле уже не остается чудищ, которых им надо было бы одолеть, и их агрессивное необузданное поведение навлекает на них возмездие. В племени виннебаго рассказывают, что под конец уже не было места, которому не угрожала бы опасность их нападения, включая даже устои, на которых покоится вся земля. Убийство Близнецами одного из четырех животных, подпиравших мир, стало последней каплей чаши: пришло время прервать их деятельность. Им полагалась смерть.

Таким образом, и в цикле Красного Рога, и в цикле Близнецов мы встречаемся с темой жертвы или смерти героя, необходимой для излечения от hybris — гордости, наказывающей самое себя. Похоже, что в примитивных обществах, уровень культуры которых соответствует циклу Красного Рога, смертельную опасность пытались упредить искупительными жертвоприношениями, причем на алтарь приносилась человеческая жизнь. Эта тема имеет огромную символическую значимость и постоянно всплывает в человеческой истории. Возможно, индейцы виннебаго подобно ирокезам и некоторым алгонкинским племенам ели человеческое мясо в качестве тотемного ритуала, способствующего укрощению их индивидуалистических и деструктивных побуждений.

В случаях предательства или поражения героя, встречающихся в европейской мифологии, тема ритуального жертвоприношения звучит более специфично — как наказание за гордыню. Но виннебаго, как и индейцы навахо, не заходят столь далеко. И хотя Близнецы погрязли в грехах, заслужив наказание смертью, они сами настолько испугались своего безответственного могущества, что согласились жить в состоянии постоянного покоя: конфликтующие стороны человеческой природы вновь были приведены к равновесию.

Я намеренно дал подробное описание этих четырех типов героя, потому что здесь ясно видна канва, встречающаяся как в исторических мифах, так и в героических снах современного человека. Имея это в виду, мы можем рассмотреть следующий

сон пациента средних лет, на примере толкования которого становится понятно, как знание мифологии может помочь психоаналитику найти для пациента ответ в ситуации, которая в ином случае показалась бы неразрешимой загадкой. Этому человеку снилось, что он был в театре, причем в качестве «важного зрителя, к мнению которого прислушиваются». В происходящем на сцене действии, на пьедестале, окруженном людьми, сидела белая обезьяна. Дальше пациент рассказал следующее:

> «Сопровождающий меня сотрудник объяснял мне основную идею представления. Молодого моряка испытывают на выносливость — он должен выдержать ледяной ветер и избиения. Я начал возражать, что белая обезьяна — вовсе не моряк, но в этот самый момент встал молодой человек в черном, и мне показалось, что он, видимо, и есть герой представления. Однако другой приятный молодой человек бросился к алтарю и распластался на нем. На его голой груди делают какие-то отметки, готовя его к жертвоприношению.
> Затем я оказываюсь на платформе с несколькими другими людьми. Мы могли бы спуститься по маленькой лесенке, но я не решаюсь, потому что внизу стоят двое молодых силачей, и я думаю, что они нас остановят. Но когда женщина из нашей группы без приключений спускается, я вижу, что опасности нет, и все мы следуем за ней вниз».

Прежде всего, следует принять во внимание, что такого рода сон нельзя быстро и просто истолковать. Его следует осторожно разгадывать, чтобы обнаружить и его связь с личной жизнью сновидца, и его более широкие символические значения. Пациент, которому он приснился, был физически зрелым мужчиной. Карьера его шла удачно, и, судя по всему, он был неплохим мужем и отцом. Тем не менее, он психологически был все еще незрел и не вышел из юношеской стадии развития. Именно его психическая незрелость вносила в его сны элементы героического мифа, которые до сих пор оставались притягательными для его воображения, хотя и давно исчерпали свое значение с точки зрения реальностей его повседневной жизни.

В этом сне мы видим целый ряд персонажей, театрально представляющих разные стороны того, кто, как ожидает сновидец, окажется настоящим героем. Первый персонаж — белая обезьяна, второй — моряк, третий — молодой человек в черном, четвертый, и последний — «симпатичный молодой человек».

В начале представления, которое, как предполагается, показывает испытание матроса, сновидец видит только белую обезьяну. Человек в черном неожиданно появляется и так же неожиданно исчезает. Сначала он контрастирует с белой обезьяной и затем ненадолго перепутывается с настоящим героем. (Такая путаница — обычное для сновидений явление. Как правило, подсознание не балует сновидящего ясными образами, и ему приходится извлекать искомый смысл из сменяющих друг друга контрастов и парадоксов).

Важно, что эти персонажи появляются в ходе театрального представления, и похоже, что этот контекст прямо укалывает на лечение сновидца методом психоанализа. «Сопровождающий», о котором он упоминает, и является, по-видимому, его психоаналитиком. Тем не менее, он видит себя не как пациента, которого лечит врач, а как «важного посетителя, к мнению которого прислушиваются». С этой выгодной позиции он наблюдает персонажей, ассоциирующихся у него с опытом взросления. Белая обезьяна, например, напомнила ему о мальчишеских играх, временами необузданных, в возрасте от семи до двенадцати лет. Моряк навел на мысль о безрассудной смелости ранней юности, как, впрочем, и о сопутствующих ей наказаниях — «битье» за безответственные проделки. Молодой человек в черном не вызвал у сновидца каких-либо ассоциаций, зато симпатичный молодой человек, которого вот-вот должны принести в жертву, напомнил ему о доходящем до самопожертвования идеализме поздней юности.

На этой стадии возможно сопоставить исторический материал (или архетипические образы героя) с данными личного опыта сновидца и посмотреть, насколько одно подтверждает, опровергает или характеризует другое.

Первый вывод: похоже, что белая обезьяна — это Плут или по меньшей мере носительница черт, которыми виннебаго наделили его. Но, на мой взгляд, обезьяна к тому же означает и нечто еще не испытанное и не пережитое сновидцем — ведь он сам говорит, что во сне был наблюдателем. Потом я узнал, что в детстве он был чересчур привязан к родителям, а также склонен углубляться в самого себя. По этим причинам он никогда не буйствовал в позднем детстве и не присоединялся к шумным

Но эго должно наконец освободиться от неосознаваемости и незрелости, и его борьбу за достижение этой цели часто символизирует сражение героя с чудовищем — как на рисунке *вверху*, где японский герой борется с драконом (Человек и Дракон, Шунеи Кацукава, шелк XVIII в.). Герой не всегда одолевает врага: например, Иона оказался проглочен китом *(справа:* на манускрипте XIV в.)

играм своих сверстников. Он, как говорится, не обезьянничал и не валял дурака. Это выражение даст нам ключ — обезьяна из сна фактически является символическим образом Плута.

Но с чего бы вдруг Плуту появляться в обличье обезьяны? И почему именно белой? Как я уже подчеркивал, миф племени виннебаго рассказывает нам, что к концу цикла Плут все больше начинает походить на человека. И обезьяна из сна так близка человеку, что является забавной и не опасной карикатурой на него. Сам сновидец не смог высказать каких-либо догадок или предположений, объясняющих, почему обезьяна была белой. Но, зная символику первобытного человека, мы можем предположить, что белый цвет придает особое качество «богоподобия» этой банальной

в других отношениях фигуре. (Альбиносов во многих первобытных обществах почитают как святых). Это вполне сочетается с полубожественными-полумагическими чертами Плута.

Таким образом складывается впечатление, что белая обезьяна олицетворяет для пациента положительные стороны детской игривости, чего в свое время он был практически лишен и чему теперь воздает запоздалую дань. Как следует из сна, он возводит недополученное «на пьедестал», где оно становится чем-то большим, чем память о детстве. Для взрослого человека это уже символ творческого экспериментирования.

Далее мы подходим к путанице с обезьяной. Кто должен пройти через избиение — обезьяна или моряк? Ассоциации сновидца объясняют смысл этой трансформации. В любом случае по мере развития человека детская безответственность уходит при его вступлении в общество, а это подразумевает болезненное подчинение дисциплине. Следовательно, можно сказать, что моряк — это Плут в продвинутой стадии, на которой он, пройдя через тяжелое испытание посвящения, становится социально ответственной личностью. Зная историю символов, можно предположить, что ветер олицетворяет естественные элементы этого процесса, а избиение — элементы, привнесенные человеческой деятельностью.

Таким образом, это место имеет отношение к процессу, описанному виннебаго в цикле Зайца, где культурный герой слаб, но борется и готов пожертвовать своей ребячливостью для дальнейшего развития. И вновь в этой фазе сна пациент признает, что ему не довелось испытать сполна важную сторону детства и ранней юности. Он упустил невинные детские шалости, как и безобидные проделки отрочества, и ищет пути возрождения этих утерянных ощущений.

Затем во сне происходит любопытная перемена. Появляется молодой человек в черном, и внезапно сновидец чувствует, что это и есть «истинный герой». Это все, что мы знаем о человеке в черном. Однако этот мимолетный проблеск вводит тему особой важности, частую спутницу снов.

Речь идет о «Тени», концепция которой играет важную роль в аналитической психологии. Д-р Юнг показал, что Тень, отбрасываемая сознающим разумом индивидуума, содержит спря-

танные, подавленные и неприятные (или низменные) стороны его личности. Но эта Тень представляет собой не просто противоположную сторону сознательного эго. Подобно тому, как оно содержит неприятные и деструктивные установки, так и Тень имеет хорошие качества — нормальные инстинкты и созидательные импульсы. В действительности эго и Тень, хотя и разделены, неразрывно связаны друг с другом, во многом аналогично переплетению мысли и чувства.

Эго, тем не менее, находится с Тенью в конфликте, который д-р Юнг назвал однажды «битвой за освобождение». В борьбе первобытного человека за обретение сознания этот конфликт выражался в противоборстве архетипического героя с космическими силами зла в обличье драконов и других чудовищ. В развивающемся сознании индивида образ героя олицетворяет средство, с помощью которого нарождающееся эго преодолевает инерцию бессознательного разума и освобождает зрелого человека от регрессивного стремления вернуться к блаженному состоянию младенца — в мир, которым правит мать.

Мифологический герой обычно побеждает в сражении с чудовищем (об этом я подробнее расскажу чуть дальше). Но бывают и другие героические мифы, — в которых герой сдается чудовищу. Хорошо знакомый пример — миф об Ионе и ките, в котором героя проглатывает морское чудище и уносит в путешествие по ночному морю, двигаясь с запада на восток, — что символизирует предполагаемое перемещение солнца после заката к восходу. Герой уходит в темноту, что в некотором смысле означает его смерть. Подобные сюжеты попадались мне и в снах моих пациентов.

Битва героя с драконом — более активный вид этого мифа, отчетливее показывающий архетипическую тему триумфа эго над регрессивными тенденциями. Для большинства людей темная или негативная сторона их личности остается подсознательной. Герой, напротив, должен понимать, что Тень существует и что он может черпать в ней силу. Чтобы стать достаточно грозным и победить дракона, он сперва должен прийти к согласию со своими деструктивными силами. Другими словами, прежде чем эго сможет восторжествовать, оно должно подчинить себе Тень и ассимилировать ее.

Герои часто сражаются с драконами, чтобы спасти «скорбящую деву», олицетворяющую аниму. Св. Георгий убивает дракона, освобождая молодую девушку (Италия, XV в.)

Эта тема, кстати, просматривается в хорошо известном литературном герое — гетевском Фаусте. Принимая пари Мефистофеля, Фауст попадает под воздействие персонажа «тени», которого Гете описывает как «часть той силы, что, желая зла, творит благое». Как и человек, чей сон я описывал, Фауст не смог испытать всю полноту жизни на значительном отрезке детства и юности. Поэтому его можно назвать оторванным от реальной жизни и незаконченным человеком, растерявшим себя в бесплодной погоне за метафизическими целями, так и не ставшими явью. Он не был еще готов принять жизнь такой, какая она есть; и в ее хорошем, и в плохом смысле.

Похоже, что «молодой человек в черном» во сне моего пациента олицетворяет как раз эту, теневую, сторону подсознательного. Подобное напоминание о теневых аспектах личности, их мощном потенциале и роли в подготовке героя к жизненным баталиям составляет суть перехода от начальной

тематики сна к теме жертвующего собой героя: симпатичного юноши, распластавшегося на алтаре. Герой такого типа соответствует обычно поздней юности. В это время человек обретает жизненные идеалы и чувствует, как их сила преображает не только его самого, но его отношения с другими людьми. Можно сказать, это время расцвета молодости, когда мы привлекательны, полны энергии и идеализма. Почему же мы тогда так склонны к жертве?

Причина, видимо, та же, что заставила Близнецов из мифа виннебаго отказаться от своей мощи под угрозой уничтожения. Идеализм юности, способный «завести» нас, непременно ведет к чрезмерной самоуверенности: наше Я может в экзальтированном состоянии ощущать свое богоподобие, но только ценой самообмана, опасного бедой. (В этом смысл истории об Икаре, юноше, поднявшемся к небесам на хрупких, изобретенных человеком крыльях — но слишком близко к солнцу, что привело к его роковой гибели). И все-таки юношеское эго должно пройти через этот риск, ибо если молодой человек не ставит перед собой сложных задач, он не сможет преодолеть преграды, разделяющей юность и зрелость.

До сих пор я говорил о выводах, которые мой пациент мог извлечь из своих снов на уровне личных ассоциаций. Однако в сновидении имеется другой архетипический уровень — тайна приносимой человеком жертвы. Именно загадочность этого действия диктует его проявление в ритуальной форме, символика которой уводит нас далеко назад в прошлое человечества. В распростертом на алтаре юноше видна связь с обрядом даже более древним, чем те, что вершились на жертвенных плитах святилища в Стоунхедже. Можно представить, что это ежегодный ритуал, не раз проводившийся на первобытных жертвенниках, посвященный солнцестоянию и означающий одновременно смерть и возрождение мифологического героя.

Ритуал проникнут скорбью, но в то же время и особого рода радостью, отражающей внутреннее понимание того, что смерть ведет еще и к новой жизни. Будь то эпическая проза индейцев виннебаго или плач по умершему Бальдру в норвежских сагах, поэзия Уолта Уитмена, оплакивающего Авраама Линкольна, или приснившийся ритуал, благодаря которому человек возвращается

к надеждам или страхам молодости, — тема одна и та же: драма нового рождения через смерть.

Концовка сна выглядит забавным эпилогом, в котором сновидец наконец вовлекается в действие сновидения. Он находится вместе с другими людьми на платформе, с которой нужно спуститься, но не хочет спускаться по лестнице, боясь нападения. Однако пример женщины, с которой ничего при спуске не случилось, ободряет его, и он спускается тоже. Поскольку, как выяснилось из ассоциаций пациента, все представление, свидетелем которого он стал, было частью ощущаемого им процесса внутренних перемен, то подобная концовка навеяна, по-видимому, мыслями о сложностях возвращения к повседневной реальности. Его страх перед силачами говорит о его опасениях, что архетип Плута может проявиться в коллективной форме.

Во сне спасение приходит в виде приставной лестницы, символизирующей, скорее всего, рациональный ум, и в лице женщины, помогающей сновидцу спуститься. Ее появление в заключительном эпизоде сна указывает на психическую потребность включить женское начало в качестве дополнения ко всем видам действий, в которых делается упор на мужское начало.

Сказанное выше, как и то, что я использовал миф виннебаго для наглядного объяснения конкретного сновидения, вовсе не означает, что для истолкования снов следует обязательно найти исчерпывающие, но абсолютно не естественные параллели между их содержанием и сюжетами из истории мифологии. Каждый сон по своему своеобразен, и форма, которую он принимает для человека, в точности соответствует его собственной ситуации. Я стремился показать, каким образом подсознание черпает архетипический материал и видоизменяет его структуру сообразно потребностям сновидца. И в этом конкретном сне не следует искать того же, что виннебаго описывали в циклах Красного Рога или Близнецов: связь с ними скорее сущностная, поскольку их основная тема — тема жертвенности.

В качестве общего правила можно сказать, что необходимость в героических символах возникает, когда эго нуждается в укреплении — например, когда рассудочное мышление не справляется с какой-то задачей, и ему требуется опора на источники силы, находящиеся в подсознательной части разума. Например,

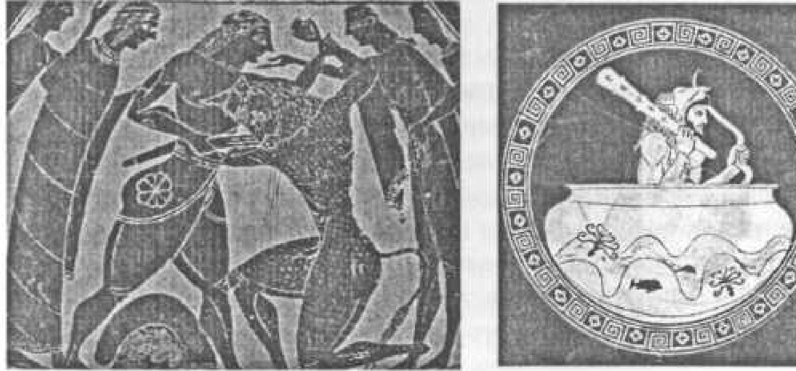
в сновидении, проанализированном выше, не упоминалась одна из важнейших сторон мифа о типичном герое — его способность спасать или защищать прекрасных женщин от страшной опасности. (Скорбящая дева — популярная тема мифов средневековой Европы). Это один из путей обращения снов или мифов к «аниме» — женскому началу в мужской психике, которое Гете называл «Вечной женственностью».

Природа и функции этого женского начала будут обсуждены далее в этой книге д-ром фон Франц. Но его связь с персонажем героя можно проиллюстрировать здесь сном, пришедшим к другому пациенту — человеку зрелого возраста. Начало сна было следующим:

> «Я вернулся из длительного путешествия по Индии. Меня и моего друга снаряжала в путешествие одна женщина, которую я, вернувшись, упрекнул за то, что она не дала нам с собой черных непромокаемых шляп от дождя. Из-за этого недосмотра мы постоянно промокали под ливнями».

Такое вступление, как выяснилось впоследствии, было связано с юностью пациента. Тогда он пристрастился вместе с другом из колледжа к «героическим» походам по опасным горным местам. (Поскольку ему никогда не приходилось бывать в Индии и учитывая его ассоциации, вызванные сном, я заключил, что это путешествие во сне означает исследование нового региона — но не географического, а находящегося в сфере подсознательного).

В своем сне пациент чувствует, что женщина, олицетворяющая, по всей видимости, его аниму, не смогла как следует собрать его к этой экспедиции. Отсутствие шляпы для защиты от дождя указывает на чувство незащищенности его разума от беспокоящих воздействий новых и далеко не всегда приятных впечатлений. Он полагает, что женщина должна была снабдить его шляпой, подобно матери, обеспечивавшей его одеждой. Этот эпизод напоминает его юные годы, когда он бесцельно бродил то тут, то там, поддерживаемый греющей сердце мыслью о том, что в случае чего мать (изначальный образ женственности) защитит его от любых опасностей. Став старше, он понял, что это были детские иллюзии, и теперь винит в неудачах свою аниму, а не мать.

Подвиги героев-спасителей в греческой мифологии: Персей убивает Медузу (ваза, VI в. до н.э.), *слева:* Тезей, убивающий Минотавра с помощью Ариадны (I в. до н.э., ваза). *Справа:* Геракл переплывает Море Ночи

В следующей части сна пациент участвует с группой людей в прогулке. Он устает и возвращается в ресторан на открытом воздухе, где обнаруживает плащ и защитную шляпу, которых ему раньше так не хватало. Сев отдохнуть, он обращает внимание на объявление, в котором говорится, что ученик из местной средней школы будет играть роль Персея в спектакле. Затем появляется и сам этот ученик, причем оказывается, что он вовсе

не мальчик, а рослый молодой человек. На нем серый костюм и черная шляпа, он присаживается побеседовать с другим молодым человеком, в черном костюме. Сразу же после этой сцены сновидец ощущает прилив энергии и чувствует, что вновь может присоединиться к своей группе. Затем они все поднимаются на новый холм, где открывается вид на конечный пункт их похода — красивый портовый городок. Он чувствует себя приободренным и помолодевшим от этого зрелища.

По контрасту с беспокойным и неудобным путешествием первого эпизода, совершаемым в одиночку, сновидец находится здесь в коллективе. Этот контраст знаменует переход от юношеской склонности к уединению и протесту к общительности и большей контактности. Поскольку это предполагает новый уровень взаимоотношений с людьми, можно счесть, что его анима теперь действует успешнее, и это передается находкой шляпы, которую ранее анима забыла ему дать. Но сновидящий утомлен, и сцена в ресторане отражает его потребность переосмыслить свои прежние взгляды и обновить силы, взглянув на прошлое с новых позиций. Так и происходит. Сперва он видит объявление, сообщающее об исполнении роли молодого героя, Персея, мальчиком из средней школы. Затем он видит мальчика, но уже выросшего, вместе с другом. Их внешность представляет резкий контраст один в светло-сером, другой — в черном. С учетом сказанного ранее, в них можно узнать Близнецов. Это героические фигуры, отражающие противоположность эго и альтер-эго. Впрочем, здесь они появляются гармонично дополняющими друг друга.

Ассоциации пациента подтвердили это. Им было отмечено, что фигура в сером олицетворяет приспособленность к жизни в мирском смысле, тогда как фигура в черном символизирует духовную жизнь, подобно черному облачению священников. А то, что на них были шляпы (а теперь он нашел и свою), указывает на достижение ими относительно зрелого самосознания, нехватку которого он так болезненно переживал в годы ранней юности, когда плутовство (от Плута) нет-нет да и проявлялось в нем, несмотря на идеалистическое представление о себе как об искателе мудрости.

Его ассоциации по поводу греческого героя Персея были довольно любопытны и оказались особенно значимы, потому что содержали вопиющую неточность. Выяснилось, что он считал

Спасение девушки героем может олицетворять освобождение анимы от «поглощающего» материнского начала. Таков смысл греческого мифа о змее, проглотившей, а затем отрыгнувшей героя Язона

Персея героем, убившим Минотавра и спасшим Ариадну из критского лабиринта. Как только я попросил его написать это имя, ошибка обнаружилась: Тезей, а не Персей, расправился с Минотавром. Эта оговорка приобрела неожиданно особый смысл, как часто бывает с подобными промахами, заставив обратить внимание на то, что объединяет этих Двух героев. Им обоим пришлось преодолеть свой страх перед подсознательными демоническими материнскими силами и освободить от их воздействия молодую женщину.

Персею пришлось отрубить голову Медузе Горгоне, которая была столь ужасна со своими змеиными волосами, что каждый посмотревший на нее обращался в камень. А затем — победить дракона, охраняющего Андромеду. Тезей же олицетворял молодой патриархальный дух Афин, и ему предстояло противостоять ужасам критского лабиринта с его чудовищным обитателем — Минотавром, символизирующим, вероятно, болезненный упадок матриархального Крита. (В любой культуре лабиринт означает сбивающий с толку и лишенный ориентиров мир матриархального сознания, и пройти его могут лишь подготовленные к особому посвящению — в таинственный мир коллективного подсознательного). Преодолев опасность, Тезей спас Ариадну — скорбящую деву.

Это спасение символизирует освобождение «анимы» от поглощения образом матери. Только когда этот процесс завершен, мужчина впервые обретает способность по-настоящему воспринимать женщин. То обстоятельство, что моему пациенту не удалось в должной мере отделить аниму от образа матери, бросалось в глаза в другом сне, где он столкнулся с драконом — символом поглощающей его привязанности к матери. Дракон преследовал его, и он оказался уже на волосок от смерти, так как был без оружия.

Примечательно, что в этот момент во сне появилась его жена, что каким-то образом повлияло на дракона: он стал меньше и не таким опасным. Такая перемена показывает, что вступление в брак помогло пациенту — хоть и с запозданием — преодолеть привязанность к матери. Другими словами, он должен был суметь высвободить психическую энергию сыновней привязанности к матери, чтобы достигнуть более зрелого отношения к женщине и, в конечном счете, к обществу в целом. Битва героя с драконом символически отражала этот процесс взросления.

Но задача героя выходит за рамки биологической и супружеской адаптации. Она заключается в высвобождении анимы как внутренней составляющей психического, необходимой для любой творческой деятельности. В случае с моим пациентом можно лишь предположить подобный исход, поскольку сон о путешествии по Индии не говорит об этом прямо. Но я уверен, что он подтвердил бы мою гипотезу о том, что приснившаяся ему прогулка через холм с открывшимся за ним видом мирного портового городка предвещала, что он откроет подлинную функцию анимы. Тем самым он избавился бы от былого негодования по поводу своей — по вине женщины — незащищенности (шляпа от дождя) во время путешествия по Индии. (В сновидениях выразительно расположенные города зачастую символизируют аниму).

Предвестие личной безопасности было достигнуто благодаря контакту с подлинным архетипом героя, вместе с тем к нему пришло и новое отношение к коллективу, основывающееся на взаимопомощи и чувстве общности. Не удивительно, что после этого он почувствовал себя помолодевшим. Он обрел внутренний источник силы в архетипе героя, разобрался и развил ту

часть себя, которую во сне олицетворяла женщина, и благодаря этому героическому действию освободил себя от материнского влияния.

Эти и многие другие примеры героического мифа в современных снах показывают, что суть эго, как героя, всегда скорее выражается в привнесении культурных ценностей, чем в чисто эгоцентрическом эксгибиционизме. Даже все время ошибающийся Плут по-своему сопряжен в представлении первобытного человека с космосом. В мифологии навахо Плут-койот сотворил звезды и забросил их на небо, изобрел необходимые и случайные условия смерти, а в мифе о потопе помог провести людей через тростниковые заросли, которыми они пробрались из этого мира в другой, расположенный выше, где оказались в безопасности от воды.

Здесь мы сталкиваемся с формой творческого развития, берущей начало, видимо, с предсознательного или животного уровня существования, похожего на детский. Созревание до сознательных и результативных действий становится заметным у настоящего героя культуры. Таким же образом детское или юношеское эго освобождается от гнета родительских ожиданий и становится индивидуальным. Этот процесс роста сознания может включать в качестве одного из элементов неоднократные битвы героя с драконом, повторяющиеся вновь и вновь и высвобождающие энергию для тех многочисленных дел, что образуют из хаоса узор культуры.

Когда это происходит успешно, образ героя полностью раскрывается как одно из проявлений силы эго (или родовой идентичности, если говорить о коллективе), не нуждающейся более в одолении чудовищ и великанов. Ведь достигнут уровень, на котором эти глубинные силы могут быть персонифицированы. Женское начало появляется в снах уже не в обличье дракона, а в виде женщины, аналогичным образом «теневая сторона» личности принимает менее угрожающую форму.

Этот важный момент наглядно просматривается в сновидении одного мужчины в возрасте около пятидесяти. Всю свою жизнь он страдал от периодически повторяющихся приступов тоски и страха неудачи (первоначально порожденных сомнениями матери). Тем не менее его реальные достижения как на профессиональном поприще, так и в личном плане были намно-

го выше средних. Ему приснился его девятнадцатилетний сын в облике средневекового рыцаря того же возраста, в сверкающих доспехах. Он должен сразиться с ордой мужчин в черном. Сначала он так и собирается поступить, но затем неожиданно снимает шлем и улыбается главарю злодеев: становится ясно, что они не будут сражаться, а станут друзьями.

Сын из сновидения этого мужчины является его собственным молодым эго, которое часто терзалось Тенью, действующей под видом сомнений в себе. Он, в известном смысле, успешно боролся с этим противником всю свою зрелую жизнь. Теперь, отчасти приободренный тем, что его сын растет, не испытывая таких сомнений, но главным образом благодаря формированию представления об истинном героизме, максимально вписывающегося в его модель общения с окружающими, он обнаруживает, что сражаться с Тенью более нет необходимости: он может принять ее как должное. Это и символизирует дружеская сцена. Его более не влечет борьба с конкурентами за утверждение личного превосходства. Теперь он поглощен утверждением культуры через формирование демократического общества. Подойти к пониманию этого на подъеме жизненных сил будет посложнее постоянного геройствования и свидетельствует о приближении к подлинной зрелости.

Однако подобные перемены не происходят автоматически. Они требуют переходного периода, отображаемого архетипом посвящения в различных его формах.

Архетип посвящения

В психологическом смысле образ героя нельзя рассматривать как идентичный самому эго. Его лучше описать как символическое средство, которым эго отделяет себя от архетипов, порожденных родительскими образами в раннем детстве. Д-р Юнг предположил, что каждое человеческое существо изначально имеет чувство целостности — могущественное и завершенное ощущение Самости. И из Самости, охватывающей всю психику, возникает индивидуальное самосознание, формируясь по мере роста личности.

В последние два-три года появились работы некоторых последователей Юнга, документально описывающие события, сопутствующие появлению индивидуального эго во время переходного периода от младенчества к детству. Его выделение — болезненный процесс, который не может не ущемлять изначальное чувство целостности. Поэтому эго приходится постоянно восстанавливать свою связь с Самостью, чтобы психика оставалась здоровой.

Далее будет показано, что героический миф является первой стадией видоизменения психики. Я предположил, что оно имеет четырехступенчатый цикл, в ходе которого эго старается достичь относительной самостоятельности от изначального состояния целостности. До тех пор, пока не достигнута определенная степень самостоятельности, индивид не способен связать себя со своим взрослым окружением. Но героический миф не дает гарантий того, что этот выход на волю произойдет, а только показывает, какие условия необходимы, чтобы освобождение состоялось, так как без этого эго не сможет осознать себя. Затем остается осмысленно поддерживать и развивать это сознание с тем, чтобы не бесцельно прожить жизнь и почувствовать, что выделяешься из массы.

В античной истории и в обрядах современных первобытных племен содержится богатый материал о мифах и ритуалах посвящения (инициации), проходя через которые юноши и девушки разлучаются с родителями и поневоле становятся членами клана или племени. Но поскольку насильственное отторжение от мира детства принесло бы ущерб изначальному родительскому архетипу, это зло обращают во благо через целительный процесс включения в жизнь общины. (Тождественность общины и личности часто символизируется тотемным животным). Таким образом община исполняет притязания ущемленного архетипа и становится своего рода вторым родителем, которому молодежь первоначально приносится в символическую жертву, знаменующую возрождение к новой жизни. В этой драматической, по мнению д-ра Юнга, церемонии, очень похожей на жертвоприношение силам, которые могут забрать молодого человека к себе, мы видим, что силу действия изначального архетипа нельзя до конца преодолеть — как это было продемон-

стрировано при рассмотрении битвы героя с драконом, — не почувствовав ущербной отчужденности от плодотворных сил подсознания. В мифе о Близнецах мы наблюдали, как их hybris, выражавшая чрезмерное разделение эго и Самости, была скорректирована их собственным страхом возможных последствий, что побудило восстановить гармонию между ними.

В племенных обществах именно обряд инициации наиболее эффективно решает эту проблему. Этот обряд возвращает новообращенного к глубочайшему уровню изначальной тождественности матери и ребенка, другими словами, к тождественности эго и Самости, заставляя его тем самым пережить символическую смерть, в которой его индивидуальность временно распадается, растворяясь в коллективном подсознательном. Затем его выводят из этого состояния через ритуал, символизирующий церемонию нового рождения. Так эго впервые по-настоящему становится неотъемлемой частью общины, представленной тотемом, кланом или племенем, или сочетанием всех трех.

В основе ритуала, встречается ли он в племенных общинах или в более сложных сообществах, неизменно лежит обряд смерти и возрождения, являющийся для новообращаемого «обрядом перехода» от одной стадии жизни к другой: от детства к отрочеству или от отрочества к юности, а затем к зрелости.

Воздействие посвящения, конечно же, не ограничивается лишь психологией юности. На протяжении всей жизни человека каждая новая фаза развития сопровождается повторением изначального конфликта между притязаниями Самости и эго. Обычно этот конфликт выражается наиболее сильно в переходном периоде от ранней зрелости к средним годам (в нашем обществе это между тридцатью пятью и сорока годами). А переход от средних лет к старости вновь создает необходимость в утверждении различия между эго и психикой в целом: героя в последний раз призывают заступиться за эго — сознание перед лицом приближающегося растворения в смерти.

Эти критические периоды требуют большего осмысления и духовных усилий, чем в юности. Поэтому архетип посвящения в возрасте сильнее активизируется в религиозном направлении — в отличие от юношеских ритуалов с их ярко выраженной мирской окраской. Архетипические модели инициации такого рода,

известные с древних времен как «мистерии», пронизывают фактуру всех церковных ритуалов, исполняемых при рождении, бракосочетании или смерти и отличающихся особым богослужением.

Исследуя посвящение, следует, как и при исследовании героического мифа, поискать примеры в субъективном опыте современных людей, особенно тех, кто прошел через сеансы психоанализа. Вовсе не удивительно, что в подсознании пациентов, обратившихся за помощью к врачу, специализирующемуся на психических нарушениях, можно обнаружить образы, воспроизводящие основные известные из истории модели инициации.

Например, у молодых людей наиболее распространенной из них, скорее всего, будет модель сурового испытания на силу и выносливость. Оно может выглядеть аналогично рассмотренным нами сюжетам из сновидений современников, иллюстрирующих героический миф, как в истории с моряком, которого подвергли испытанию непогодой и битьем, или как в пешем путешествии по Индии без шляпы от дождя. Ту же тему физических страданий, доведенную до логического конца, мы встречаем в первом из упомянутых снов, где симпатичный молодой человек был заклан на алтаре. Это жертвоприношение напоминало приближение к посвящению, но концовка была смазана. Похоже, она завершала героический цикл, чтобы подготовить переход к новой теме.

Между героическим мифом и обрядом инициации есть одно бросающееся в глаза отличие. Типичный героический персонаж из сил выбивается, чтобы достичь своей амбициозной цели и в конце концов приходит к ней, пусть ценой немедленного наказания или смерти за свою hybris В противоположность этому в обряде посвящения новообращаемого призывают отказаться от амбиций и всех желаний и покориться суровому испытанию. Он должен желать участвовать в испытании, не надеясь на успех — фактически быть готовым к смерти. И хотя видимая сторона испытания может быть мягкой (длительный пост, лишение зуба, нанесение татуировки) или мучительной (боль от обрезания, надрезания и других увечий), цель всегда одна: вызвать символическое переживание смерти, из которого может возникнуть символическое переживание нового рождения.

Одному двадцатипятилетнему юноше приснилось, что, используя альпинистское снаряжение, он забрался на вершину горы, где находится что-то вроде алтаря. Рядом с алтарем он видит саркофаг с его собственной статуей на нем. Затем приближается священник, в руке у него посох, на котором сверкает живой солнечный диск. (Обсуждая этот сон, молодой человек сказал впоследствии, что подъем на гору напомнил ему о прилагаемых в ходе сеансов психоанализа усилиях для овладения самим собой). К своему удивлению, он обнаруживает себя умершим и испытывает угнетенность и страх, а не чувство радости от достигнутого. После этого тепло от солнца приносит чувство силы и молодости.

Этот сон вполне отчетливо показывает различие между посвящением и героическим мифом, которое следует всегда иметь в виду. Альпинизм подразумевает испытание силы — это твердое желание достичь самосознания на героической стадии юношеского развития. Пациент, очевидно, полагал, что к лечению надо будет относиться так же, как и к другим испытаниям, требующим мужества: то есть в соревновательной манере, свойственной молодым людям в нашем обществе. Но сцена у алтаря исправила это ошибочное представление, показав, что его задача скорее заключается в подчинении силе большей, чем он сам. Ему приходится видеть себя умершим и символически погребенным таким образом (в саркофаге), который напоминает архетипическую мать — изначальное вместилище всей жизни. Только смирившись с этим, он может испытать новое рождение. Ритуал, дающий вдохновение, вновь оживляет его в качестве символического сына Отца-Солнца. Мы могли бы допустить ошибку, отнеся эту сцену к героическому циклу о Близнецах — «детях Солнца». Но тогда нам пришлось бы считать, что посвящаемый обманывается, а для этого нет никаких оснований. Напротив, он постиг урок смирения, пройдя через обряд смерти и возрождения, знаменующий переход от молодости к зрелости.

По своему возрасту он уже должен был осуществить этот переход, но затянувшаяся задержка в развитии тянула его назад. Эта задержка привела его к неврозу, который он и пришел лечить. Сон предлагает ему грамотный совет — такой же, какой бы дал любой хороший шаман: надо отказаться от скалолазания для доказательства своей силы и подчиниться сполна

ритуалу инициации, который подготовит его к новым моральным обязательствам — обязательствам мужчины. Тема повиновения как существенного условия успешного проведения обряда посвящения легко прослеживается, когда он связан с девушками и женщинами. Их обряд изначально нацелен на пассивность, как их сущностную черту, которая усиливается присущим им физиологическим ограничением их автономности — менструальным циклом. Высказывалось предположение, что с точки зрения женщин менструальный цикл может фактически играть основную роль в инициации, поскольку пробуждает у них глубочайшее ощущение покорности перед действием животворящей природной силы. Поэтому женщина охотно отдается целиком своей женской функции, подобно тому как мужчина включается в отведенную ему роль в жизни общины.

С другой стороны, женщина в не меньшей степени, чем мужчина, проходит через изначальное испытание на выносливость, заканчивающееся принесением жертвы, чтобы испытать рождение новой жизни. Эта жертва дает возможность женщине освободиться от запутанных личных отношений и приводит ее к более сознательной роли независимой личности. Напротив, жертва мужчины является отказом от его священной независимости: он становится осознанно более привязанным по отношению к женщине.

Здесь мы подходим к той стороне посвящения, которая знакомит мужчину с женщиной, а женщину с мужчиной с тем, чтобы исправить некоторое первоначальное противостояние мужского и женского начал. Мужское знание (Логос) затем встречается с женской привязанностью (Эрос), их союз представляет символический обряд священного брака, составлявший сокровеннейшую основу инициации со времени ее зарождения в мистериальных культах древности. Но современному человеку необычайно трудно понять это, пока он не окажется в кризисной ситуации. Несколько пациентов рассказывали мне о снах, в которых тема жертвы сочетается с темой священного брака. Один из них приснился молодому человеку, который полюбил, но не хотел жениться, боясь, что семья станет эдакой тюрьмой, возглавляемой могущественной фигурой матери. Его собственная мать была сильной женщиной, оказавшей на него значительное влияние в

детстве, и его будущая теща представляла для него такую же угрозу. Не станет ли и его будущая жена подавлять его точно так же, как эти матери подавляли своих детей?

В своем сне он танцевал ритуальный танец вместе с еще одним мужчиной и двумя женщинами, одна из которых была его невестой Мужчина постарше и вторая женщина были супружеской парой, производящей благоприятное впечатление, потому что их брак похоже, не подавлял их индивидуальности. Эта пара, таким образом, представляла для молодого человека такое состояние супружества, которое не накладывает чрезмерных ограничений на развитие индивидуальности мужа и жены. Если бы он мог добиться такого состояния, тогда брак стал бы для него вполне приемлемым.

Перед началом ритуала каждый мужчина встал напротив женщины-партнера таким образом, что все четверо оказались в углах квадратной танцевальной площадки. С первых движений танца стало очевидно, что это своего рода танец с саблями. У каждого танцора в руке была короткая сабля, с помощью которой нужно было изобразить в воздухе затейливый узор. При этом движения рук и ног подчинялись чередующимся импульсам то агрессии, то покорности по отношению друг к другу. В заключительной сцене все четверо танцоров должны были вонзить саблю себе в грудь и погибнуть. Только сновидящий отказался выполнить финальное самоубийство и остался стоять в одиночестве после того, как все вокруг рухнули на пол. Он чувствовал глубокий стыд за свою трусость, не давшую ему пожертвовать собой вместе со всеми.

Этот сон заставил моего пациента осознать, что он более чем готов изменить свое отношение к жизни. Пытаясь достичь иллюзорной безопасности для своей личной независимости, он стал эгоцентричен, а внутренне находился во власти страхов, вызванных детской зависимостью от матери. Потребовалось бросить вызов его мужественности, чтобы он понял, что, не пожертвовав своим детским состоянием ума, он так и останется в изоляции, постоянно стыдящимся своих поступков. Этот сон и последующее его осмысление рассеяли все сомнения. Он прошел через символический обряд, посредством которого молодой человек отказывается от своей исключительности и самостоятельности, и принимает совместную жизнь с ее привязанностями, а не только

героикой. Вскоре он женился, и отношения с супругой оправдали его ожидания. Брак вовсе не ослабил его отношения с внешним миром, а реально обогатил их.

Оставив в стороне невротическую боязнь обнаружить притаившихся за пологом брака мать или отца-невидимок, можно утверждать, что даже нормальный молодой человек имеет все основания чувствовать тревогу перед ритуалом бракосочетания, который в сущности является женским обрядом посвящения, где мужчина обречен ощущать себя кем угодно, но не героем-победителем. Не удивительно поэтому, что в племенных обществах мы встречаем ритуалы, предназначенные для преодоления этого страха — такие, как похищение или насилование невесты. Это дает возможность мужчине доиграть до конца свою героическую роль перед тем, как окончательно покориться невесте и возложить на себя супружеские обязательства.

Но тема брака настолько многогранна, что у нее имеется и более глубокое значение. Речь идет о не только приятном, но и необходимом символическом открытии женственной составляющей мужской психики, что не менее важно, чем обретение жены. Так что этот архетип — в ответ на подходящие стимулы — можно встретить у мужчины любого возраста.

Не все женщины, однако, уповают на замужество. Одной пациентке, не осуществившей свое стремление к карьере, от которой она отказалась из-за очень сложного и недолговечного брака, приснилось, что она стоит на коленях напротив также коленопреклоненного мужчины. Он держал кольцо, которое хотел надеть ей на палец, но она напряженно протянула безымянный палец правой руки — очевидно, сопротивляясь этому ритуалу бракосочетания.

Ее ошибка была очевидна: вместо того, чтобы протянуть безымянный палец левой руки (тем самым принимая уравновешенное и естественное отношение к мужскому началу), она неправильно предположила, что должна посвятить мужчине всю свою осознанную индивидуальность (другими словами, правую сторону личности). Фактически же замужество требовало разделить с супругом лишь подсознательную, естественную (то есть левую) часть личности, при этом принцип союза имел бы символическое, а не буквальное или абсолютное значение. Ее страх

был страхом женщины, опасающейся потерять свою индивидуальность в крайне патриархальном браке, чему она имела все основания сопротивляться.

Тем не менее, священный брак как архетипическая форма имеет особенно важное значение для женской психологии, и именно к нему любую девушку готовят в юности множество мелких событий, предваряющих процесс инициации и его элементы.

Красавица и чудовище

Девушки в нашем обществе разделяют мужские героические мифы, поскольку подобно юношам им также приходится развивать в достаточной мере свою индивидуальность и приобретать образование. Но в их разуме существует более древний пласт, проявляющийся, похоже, через чувства с тем, чтобы они все-таки стали женщинами, а не повторяли мужчин. Когда это древнее содержимое психики дает о себе знать, современная молодая женщина может подавить его, поскольку оно угрожает лишить ее достижений эмансипации равенства в дружбе и возможности соперничества с мужчинами на работе, — одним словом, женских привилегий современности.

Это подавление может быть настолько успешным, что какое-то время она будет и далее отождествлять свои интеллектуальные цели с мужскими, как ее научили в школе или колледже. Даже выйдя замуж, она сохраняет некую иллюзию свободы несмотря на очевидное подчинение архетипу брака с его безоговорочным предписанием стать матерью. Так и возникают, как мы часто видим сегодня, конфликты, вынуждающие женщину в конце концов вновь обрести свою схороненную женственность, но уже болезненным (хотя в итоге это окупается сторицей) путем.

Я наблюдал пример этого у молодой замужней женщины, не имевшей еще детей, но планировавшей завести одного или двух со временем, поскольку это ожидалось от нее. Между тем ее сексуальность была неудовлетворительной. Это расстраивало ее и мужа, хотя они и не могли найти этому какого-либо объяснения. Она с отличием закончила хороший женский колледж и наслаждалась интеллектуальным общением с мужем и другими мужчинами. В то время как эта сторона ее жизни шла в

основном довольно хорошо, у нее периодически возникали вспышки раздражительности, она начинала говорить агрессивно, что отталкивало мужчин и вызывало у нее невыносимое чувство неудовлетворенности собой.

В это время ей приснился сон, который показался ей настолько важным, что для его толкования она прибегла к профессиональной консультации. Ей снилось, что она стоит в очереди таких же молодых женщин, как она; посмотрев вперед, она увидела, что это очередь на гильотину — всем по порядку отрубали гильотиной голову. Тем не менее сновидящая, вовсе не испугавшись, осталась в очереди, похоже, вполне готовая к такой участи.

Я объяснил, что это означает, что она готова отказаться от привычки «жить головой» и должна научиться давать свободу своему телу, чтобы открыть его естественную сексуальность и исполнить его биологическое предназначение в материнстве. Сон выразил это в виде настоятельной необходимости радикальных перемен: она должна была пожертвовать «мужской» героической ролью.

Как и следовало ожидать, эта образованная женщина не имела трудностей с восприятием толкования на интеллектуальном уровне и попыталась измениться, стать более покладистой У нее улучшилась интимная жизнь, она стала матерью двух очень приятных детей. Когда она лучше стала разбираться в своих чувствах, к ней пришло понимание, что мужчина (или женщина с мужским складом ума) воспринимает жизнь как ряд препятствий, которые нужно брать штурмом, проявляя героическую волю и решимость, однако для подлинной женщины жизнь лучше всего постигается в процессе постепенного пробуждения.

Такое пробуждение описывает универсальный миф, лежащий в основе сказки о Красавице и Чудовище. В наиболее известной версии этой сказки говорится, что Красавица, младшая из четырех дочерей, была из-за своей доброты и бескорыстия любимой дочерью отца. Когда она попросила у него в подарок лишь белую розу — в отличие от других дочерей, требовавших дорогих подарков, — она осознавала лишь искренность своего желания и не подозревала, что тем самым подвергнет опасности жизнь отца и свои идеальные отношения с ним. Отцу прихо-

дится украсть эту белую розу из заколдованного сада Чудища, которое приходит в ярость, узнав о краже, и приказывает похитителю вернуться через три месяца для наказания, по всей видимости, гибельного.

(Предоставляя отцу отсрочку, то есть возможность вернуться домой с подарками, Чудище ведет себя не свойственным ему образом, особенно когда предлагает еще прислать обреченному по его возвращению домой сундук, полный золота. По словам отца Красавицы, Чудище выглядит одновременно и бессердечным и добрым).

Красавица настаивает на том, чтобы взять на себя наказание отца, и возвращается через три месяца в заколдованный замок. Там ей дают прекрасную комнату, в которой выполняются все ее желания и ничто ее не тревожит, кроме редких визитов Чудища, предлагающего каждый раз свою руку и сердце. Она всегда отказывает. Затем, увидев в волшебном зеркале, что ее отец лежит при смерти, она просит Чудище разрешить съездить к нему, чтобы порадовать отца, и обещает вернуться через неделю. Чудище говорит, что умрет, если она не вернется, и отпускает ее.

Сияющее появление дочери дома вызывает радость отца и зависть сестер, которые сговариваются задержать ее на больший срок, чем она обещала. Наконец, ей снится, что Чудище умирает от отчаяния. Поняв тогда, что задержалась дольше оговоренного, она возвращается, чтобы спасти его.

Совершенно забыв об уродливости умирающего Чудовища, Красавица ухаживает за ним. Чудище признается, что не может жить без нее и теперь, когда она вернулась, умрет счастливым. В этот момент Красавица понимает, что и она уже не может жить без Чудища, что полюбила его. Она говорит ему об этом и обещает выйти за него замуж, только бы оно не умирало.

При этих словах замок наполняется светом и звуками музыки и Чудище превращается в прекрасного принца. Он говорит Красавице, что был заколдован ведьмой, обратившей его в страшилище. Чары действовали до тех пор, пока какая-нибудь прекрасная девушка не полюбит Чудище за доброту.

Если раскрыть символику этой сказки, мы увидим, что Красавица — это, видимо, любая девушка или молодая женщина,

эмоционально привязанная к своему отцу. Сила этой привязанности ничуть не уменьшается из-за ее духовной доброты. Ее доброту символизирует просьба привезти белую розу, однако эта просьба оборачивается — и на это следует обратить внимание — ее подсознательным намерением отдать отца, а затем и самое себя во власть силы, выражающей не только добро, но и зло. Как будто она хочет спастись от любви, признающей только добродетель и потому нереальной.

Сумев полюбить Чудище, она начинает осознавать силу любви, скрывающейся за его звериным — и потому некрасивым, а в сущности эротическим — обликом. По-видимому, так обозначено пробуждение в ней истинной функции привязанности, позволяющее ей принять эротическую составляющую своего реального желания, ранее подавляемого из-за страха инцеста. Чтобы покинуть отца, она должна была, познав этот страх, укрываться от него в своих фантазиях до тех пор, пока случай не свел ее с получеловеком-полузверем, в любви к которому раскрылось ее истинно женское начало.

Осознав таким образом, что к любви можно относиться с доверием, как к чувству, наилучшим образом сочетающему духовное и природное, она спасла себя и свое представление о мужском начале от сил подавления.

Очередной сон эмансипированной пациентки демонстрирует эту же потребность в устранении страха инцеста, вполне реального, по ее мнению, из-за чересчур сильной привязанности к ней отца после смерти его жены. Ей приснилось, что ее преследует разъяренный бык. Сначала она пыталась убежать, но поняла, что это бесполезно. Она упала, и бык оказался над ней. Она знала, что может спастись, только если споет быку, и, когда она дрожащим голосом напела какую-то мелодию, бык успокоился и стал лизать ей руку. Толкование сновидения показало, что теперь она может научиться относиться к мужчинам, опираясь на свою осознанную индивидуальность, с позиции уверенной в себе женщины — и не только в том, что касается секса, но и эротики в широком смысле.

Однако у пожилых женщин тема Чудища может и не свидетельствовать о потребности решить проблему фиксации на отце или снятия сексуального табу и тому подобных вещей, которые

при рациональном подходе и некоторых психоаналитических познаниях можно распознать в этом мифе. На самом деле эта тема может означать некоторую степень женского посвящения, что и при наличии менопаузы не менее важно, чем в расцвете юности. В любом возрасте при нарушении союза духовного и природного может возникнуть этот мотив.

Одной женщине климактерического возраста приснился следующий сон:

> «Я в компании нескольких незнакомых мне женщин. Мы спускаемся по лестнице в каком-то непонятном доме и неожиданно сталкиваемся с обезьяноподобными людьми зловещей внешности. Они одеты в шкуры с серыми и черными кольцами, хвостатые и вожделеющие — они ужасны. Мы полностью в их власти, но вдруг я понимаю, что единственный способ спастись — это не паниковать, не бежать или драться, а отнестись к этим созданиям по-человечески, в расчете на пробуждение в них лучших чувств. Один из этих людей-обезьян подходит ко мне, я приветствую его танцевальным па и начинаю с ним танцевать.
> Позже я обретаю свыше сверхъестественную целительную силу. На моих руках умирающий мужчина. Я пользуюсь то ли соломинкой, то ли птичьим клювом, чтобы вдохнуть ему воздух через нос, и он начинает дышать вновь».

В течение многих лет семейной жизни и воспитания детей эта женщина вынужденно забросила свой творческий дар, благодаря которому она в свое время достигла как писательница пусть неширокого, но реального признания. В то время когда ей приснился этот сон, она как раз пыталась заставить себя вернуться к творчеству, нещадно критикуя себя одновременно с этим за то, что могла бы быть лучшей женой, подругой и матерью. Сон показал ей проблему на примере других женщин, переживающих, видимо, сходный переломный период. То, что они спускаются в нижнюю часть странного дома (то есть с сознательного уровня), означает, как можно предположить, приближение к некоторому значимому аспекту коллективного подсознательного с его вызовом принять мужское начало в обличье получеловека-полузверя, а иначе — Плута, того героя-клоуна, с которым мы уже встречались в начале первобытного героического цикла.

Войти в контакт с этим человеком-обезьяной и очеловечить его, развивая в нем все самое лучшее, означало для нее, прежде всего, необходимость смириться с непредсказуемостью своего естественного творческого духа. Пойдя на это, она могла бы обрубить свои сложившиеся связи и научиться писать в новом стиле, более подходящем для второй части ее жизни.

На связь этого порыва с созидательным мужским началом указывает вторая сцена, в которой она приводит в сознание мужчину, вдувая ему в нос воздух через что-то напоминающее птичий клюв. Эта процедура скорее может означать потребность в духовном возрождении, чем эротическое согревающее начало. Эта символика распространена во всем мире: ритуальный акт привносит творческое веяние жизни в любое новое достижение.

Сон другой женщины выделяет природное начало в сюжете о Красавице и Чудовище:

«Что-то вроде большого насекомого с вертящимися спиральными лапками, желтое с черным, залетает или заброшено в окно. Затем оно превращается в невероятное животное в желтую с черным, как у тигра, полоску, с похожими на медвежьи, но почти человечьими лапами и заостренной, как у волка, мордой. Оно может сорваться и причинить вред детям. Все это происходит в воскресенье днем, и я вижу маленькую девочку в белой форме, идущую в воскресную школу. Нужно позвать на помощь полицию.

Но вдруг я вижу, что это создание стало наполовину женщиной, наполовину животным. Оно ласкается ко мне, хочет, чтобы его полюбили. Я понимаю, что это происходит в сказке или во сне и что только доброта может преобразить его. Я пытаюсь тепло обнять его, но у меня ничего не выходит. Я отталкиваю его. Но у меня появляется ощущение, что я должна держать его рядом и привыкнуть к нему. Тогда, может быть, со временем я смогу поцеловать его».

Эта ситуация отличается от предыдущей. Эту женщину слишком интенсивно увлекла мужская созидательная функция внутри ее, ставшая навязчивой и рассудочной («оторвалась от земли»). И до такой степени, что стала мешать ей исполнять естественным образом свои женские, супружеские обязанности. (Этот сон она откомментировала следующим образом: «Когда муж приходит домой, мое творческое начало скрывается и я

становлюсь сверхорганизованной домохозяйкой»). Ее сон принимает неожиданный поворот, когда ее дух, который так плох, преображается в женщину, которую она должна почувствовать и вырастить в себе, таким способом она сможет уравновесить свои созидательные интеллектуальные наклонности и инстинкты, подсказывающие с теплотой относиться к другим людям.

Такое решение подразумевает новое восприятие принципа двойственности природных сил — жестоких, но вместе с тем добрых, или, как можно сказать в ее случае, безрассудно смелых и одновременно застенчивых и творчески домовитых. Очевидно, что эти противоположности можно примирить лишь на крайне сложном психологически уровне осознания, а пока этого не произошло, они, несомненно, могли бы навредить той невинной девочке, направляющейся в воскресную школу.

Сон этой женщины можно интерпретировать так: ей необходимо было преодолеть чересчур наивное представление о самой себе, а для этого не бояться объять всю гамму своих чувств, зачастую полярных, подобно тому как Красавица была вынуждена лишиться наивной веры в своего отца, не сумевшего преподнести ей белоснежную розу своих чувств, не пробудив благую ярость Чудища.

Орфей и Сын Человеческий

«Красавица и Чудовище» — это сказка, напоминающая цветок, который, встретившись нам в лесной чащобе, настолько изумляет, что какое-то время не замечаешь, к какому классу, роду и виду он относится. Присущий этой истории элемент тайны является универсальным компонентом не только мифологических сказаний, но и ритуалов, изображающих тот или иной миф или породивших его.

Типичным примером такого ритуала и мифа, передающих указанное психологическое ощущение, являются греко-романский культ Диониса и сменивший его культ Орфея. Оба этих культа сопровождались ритуалами посвящения, известными как «мистерии». Они продолжили развитие символики, связанной с богочеловеком андрогинного типа, владевшего, как считалось,

сокровенным знанием животного и растительного мира и являвшегося главою посвящения в их секреты.

Дионисийский культ включал оргиастические ритуалы, означавшие для посвящаемого необходимость без остатка погрузиться в животное состояние и тем самым испытать в полном объеме оплодотворяющую силу Матери-Земли. С этой целью в обряде использовалось вино, которое, как предполагалось, должно было символически понизить уровень сознания новичка при первом его ознакомлении с тщательно охраняемыми тайнами природы. Их суть выражалась символом эротического свершения: единением Диониса и Ариадны, его супруги, в церемонии священного брака.

Со временем ритуалы Диониса утратили свою эмоциональную религиозную силу. Возникло почти восточное стремление к освобождению от их сосредоточенности исключительно на чисто природных символах жизни и любви. Дионисийский культ, постоянно перемещающийся от духовного к физическому и обратно, видимо, показался слишком диким и беспокойным для некоторых более аскетически настроенных натур. Последние перешли к внутреннему переживанию религиозного экстаза, став поклоняться Орфею.

Орфей, скорее всего, был реальной личностью — певцом, проповедником и учителем, принявшим мученическую смерть за веру. Его могила стала местом религиозного поклонения. Не удивительно, что раннехристианская церковь видела в Орфее прототип Христа. Обе религии принесли в позднеэллинский мир обет будущей божественной жизни. В период заката греческой культуры в Римской империи, Орфей и Иисус, будучи людьми и в то же время посланниками божественных сил, несли в массы страстно желаемую надежду на лучшую жизнь в будущем.

Впрочем, между культами Орфея и Христа было одно важное различие. Хотя и в сублимированной мистической форме, орфические таинства не давали угаснуть прежним дионисийским верованиям. Духовный импульс исходил при этом от полубога, воплощавшего наиболее важное качество религии, порожденной культурой земледелия. Этим качеством, унаследованным из привычной прежде структуры восприятия богов плодородия, появлявшихся лишь на один сезон полевых работ, была цик-

личность — вечно повторяющийся цикл рождения, роста, созревания и падения.

Христианство, с другой стороны, упразднило мистерии. Христа породила патриархальная, кочевая, пасторальная религия, пророки которой представляли Мессию существом абсолютно божественного происхождения. Сын Человеческий, хотя и рожденный от девы на земле, вел свое начало с небес, поскольку появился на свет в результате божественного акта вочеловечивания. После смерти он вернулся на небо, причем насовсем — чтобы царствовать одесную Господа Бога до Второго Пришествия, «когда и мертвые восстанут».

Конечно, аскетизм раннего христианства не был длительным. Память о циклически празднуемых мистериях до того одолевала их последователей, что со временем церковь была вынуждена включить в свои обряды многие обычаи языческого прошлого. Следы наиболее важных из них можно обнаружить в старых записях о том, что делалось в Святую Субботу и в Пасхальное Воскресенье во время празднования Воскрешения Христова — это, например, крещенская служба, которую средневековая церковь превратила в соответствующим образом оформленный и глубоко символичный ритуал посвящения. Тот ритуал, однако, еле дожил до наших времен и полностью отсутствует у протестантов.

Значительно лучше сохранился католический обряд поднятия потирной чаши во время литургии причащения, до сих пор имеющий значение главного таинства посвящения. Вот как описывает его д-р Юнг в своей работе «Трансформация символов в толпе»:

> «Поднятие потирной чаши в воздух подготавливает одухотворение... вина. Это подтверждает призывание Святого Духа, осуществляемое в этот же момент... Молитва призывает Святой Дух снизойти в вино, поскольку именно Святой Дух порождает, пресуществляет и преображает. После поднятия потир в прежние времена ставили справа от облатки, подразумевая, что кровоточащие раны Иисуса находились с правой стороны его тела».

Ритуал причастия не меняется от того, что используется чаша Диониса или святой христианский потир — меняется только уровень знания, который каждый из них приносит индивидуальному участнику. Взор участника дионисийского ритуала обращен назад к началу вещей, к «бурному» рождению бога,

вырванного из сопротивляющегося лона Матери-Земли. На фресках Виллы Мистерий в Помпеях изображено действие этого ритуала: вызванный бог появляется в ужасной маске, отражающейся в чаше Диониса, подаваемой священником посвящаемому. Там же мы видим обвитую плющом корзину, наполненную плодами земли, и фаллос — символы созидания, указывающие на божественное покровительство силам размножения и роста.

В противоположность этому обращенному назад взгляду, с его сосредоточенностью на вечном природном цикле рождения и смерти, христианская мистерия обращена вперед и питается надеждой посвящаемого на конечный союз с трансцендентным богом. Мать-Природа со всеми ее прекрасными сезонными переменами оставлена позади, и главное место занимает духовно стабильная фигура — Сын Бога на небесах. Промежуточной фигурой между ними является Орфей — он напоминает Диониса, но обращен к Христу. Психологический тип этого божества описан швейцарским автором, Линдой Фирц-Дэвид, так истолковывающей орфический ритуал, запечатленный в Вилле Мистерий:

> «Орфей обучал, когда пел и играл на лире, и его пение было настолько захватывающим, что подчиняло себе силы природы — птички порхали вокруг него, рыбы выпрыгивали к нему из воды, ветер и море стихали, реки текли вспять, двигаясь к нему. Снег и град будто исчезли. Деревья и даже камни шли за Орфеем, тигр и лев мирно лежали рядом с ним, соседствуя с овцой, а волки — с волом и косулей. Что же все это означает? Несомненно, это означает, что события природы, благодаря божественному проникновению в их суть, становятся гармонично упорядоченными изнутри. Свет овладевает всем, умиротворяет все живое, когда миротворец, олицетворяющий светлые силы природы, славит бога. Орфей — это воплощение преданности и благочестия; он символизирует такое религиозное мировоззрение, которое улаживает все конфликты, поскольку вся душа верующего стремится прочь от них. В этом весь Орфей — добрый пастырь в упрощенном представлении».

Как добрый пастырь и миротворец, Орфей уравновешивает дионисийский культ и христианство, поскольку, как мы видели, и Дионис, и Христос исполняют сходные роли, хотя и по-разному ориентированные во времени и в пространстве: в одном случае задействована циклическая религия земного мира, в другом —

культ связан с небесами и носит эсхатологический, то есть конечный, характер. Описанные картины, отражающие различные аспекты посвящения и взятые из истории религии, бесконечно повторяются со всевозможными смысловыми оттенками и превращениями в сновидениях и фантазиях современных людей.

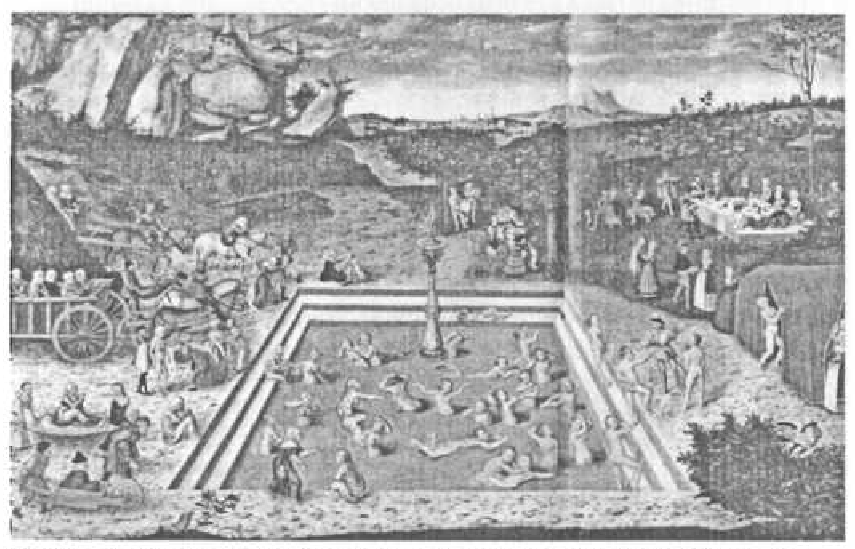
У одной женщины, находившейся в состоянии сильной усталости и депрессии и проходившей курс психоанализа, было следующее видение:

> «Я сижу, согнувшись и съежившись на краю длинного узкого стола в комнате без окон, напоминающей склеп. На мне лишь длинная белая холстина, свисающая с плеч до пола. Со мной произошло что-то очень важное. Мне не долго осталось жить. Перед глазами появляются золотые диски с красными крестами. Я припоминаю, что когда-то давно я взяла на себя некий обет, продолжающий действовать, где бы я ни находилась. Я сижу там очень долго.
>
> Наконец, я медленно открываю глаза и вижу сидящего рядом мужчину, собирающегося меня лечить. Он выглядит добрым и спокойным. Он что-то говорит мне, хотя я ничего не слышу. Похоже, он все знает о том, где я была. Я осознаю, что выгляжу безобразно: на мне, видимо, лежит печать скорой смерти. Интересно, не отталкивает ли его это. Я смотрю на него долгим взглядом, но он не отворачивается. Я вздыхаю с облегчением.
>
> Затем я чувствую легкое прохладное прикосновение ветерка или, может, воды по всему телу. Я закутываюсь в белое полотно и собираюсь крепко заснуть. Исцеляющие руки мужчины ложатся на мои плечи. Я смутно вспоминаю, что когда-то там были раны, но прикосновение его рук, похоже, дает мне силу и исцеление».

Эта женщина ранее терзалась сомнениями по поводу своих первоначальных религиозных убеждений. Она была воспитана благочестивой католичкой старой закалки, но с юных лет стала бороться за освобождение от следования формальной религиозной обрядности, которой придерживалась ее семья. Тем не менее, ей оставалась близка символика празднеств церковного календаря, которую она очень глубоко понимала и чувствовала несмотря на все происходящие с ней психологические изменения. Надо отметить, что в сеансах психоанализа, проводимых с ней, мне очень помогло это ее активное знание религиозной символики.

Слева: Орфей, очаровывающий своим пением животных (римская мозаика); *справа:* изображение Христа в образе доброго пастыря (мозаика VI в.)

И Орфей, и Христос являются параллельными архетипами человека природы, который отражен и на картине Кранаха, воспевающей его невинность

Наиболее значимыми элементами видения, выделенными пациенткой, оказались белое полотно, которое она понимала как жертвенное одеяние; склеп, который она восприняла как могилу; и обет, вызвавший у нее ассоциацию с ощущением покорности. Этот обет, как она его назвала, означает ритуал посвящения с рискованным спуском под своды смерти и символи-

зирует ее уход из церкви и семьи, чтобы по-своему ощутить Бога. Фактически, она повторила в символической форме путь Христа и, как он, страдала от ран, полученных перед смертью.

Жертвенное одеяние означает власяницу или саван, в который завернули перед захоронением тело Христа, снятое с креста. В конце видения появляется фигура целителя, смутно напоминающая меня, ее психоаналитика, но, кроме того, выступающая в естественной роли друга, знакомого со всеми ее переживаниями. Она еще не слышит, что он ей говорит, но его руки придают уверенность в выздоровлении. Его поведение и речь изобличают в нем доброго пастыря, Орфея или Христа, миротворца и, конечно же, исцелителя. Он на стороне жизни и должен убедить ее в возможности возвращения из-под сводов смерти. Назвать ли это возрождением или воскрешением? Может быть, верно и то, и другое, а может — оба определения неверны. Суть ритуала провозглашается в самом конце: прохлада ветерка или воды, омывающая ее тело — это очищение от смертного греха, акт первостепенной важности. В этом подлинная суть крещения.

У той же женщины было другое видение, в котором она чувствовала, что день ее рождения совпал с днем воскрешения Христа. (Это было для нее гораздо важнее, чем память о матери, ни разу не подкрепившей ее веру в себя и в свое будущее, чего она так хотела во время своих детских дней рождения). Это вовсе не означало, что она отождествляла себя с фигурой Христа. Несмотря на всю его силу и славу, чего-то недоставало; и как она ни пыталась приблизиться к нему в молитве, он и его крест так и оставались высоко в небесах, и подняться туда было выше ее сил.

В этом втором видении вновь встречается восходящее солнце как символ возрождения, кроме того, в нем появляется новый символ женственности — поначалу в виде «эмбриона в водянистом мешке». Затем она помогает восьмилетнему мальчику «миновать опасное место» в реке. В дальнейшем развитии событий она уже больше не ощущает, что смерть где-то рядом. Она оказалась «в лесу у маленького весеннего водопада, где все вокруг увито зеленеющей лозой». В ее руках каменный котелок с весенней водой, в ней плавает немного зеленого мха и несколько фиалок. Она купается в водопаде. Он сверкает, переливается и льется ровно, как шелковое полотно — «и я чувствую, будто вернулась в детство».

Смысл этих событий ясен, хотя можно и пропустить что-то невзначай при таком количестве зашифрованных и меняющихся образов. Похоже, мы сталкиваемся здесь с процессом возрождения более духовной личности, которая, подобно ребенку, получает крещение на открытом воздухе. Тем временем она спасает ребенка повзрослее, являющегося некоторым образом ее собственным эго в наиболее болезненный период детства. Она помогает ему миновать омуты в реке, что говорит о ее боязни оказаться парализованной ощущением вины, если она слишком отойдет от принятых в ее семье религиозных убеждений. Здесь важно отсутствие религиозной символики. Все в руках природы; нет никаких сомнений в том, что мы находимся во владениях пастыря Орфея, а не в царстве восставшего из мертвых Христа.

За этим последовал сон, приведший ее в церковь, напоминающую церковь в Аззиси с фресками Джотто, изображающими Святого Франциска. Здесь ей было более уютно, чем в других церквях, поскольку Святой Франциск, как и Орфей, являлся дитем природы, только верующим. Это оживило ее воспоминания об обращении в новую веру, что было так болезненно, но теперь она полагала, что сможет отнестись к этим чувствам с радостью, вдохновленная светом природы.

Эта серия сновидений завершилась эпизодом, отдаленно напоминающим культ Диониса. (Можно сказать, это было напоминание о том, что даже Орфей может временами несколько удаляться от плодотворящей силы животного-бога в человеке). Ей снилось, что она ведет за руку белокурую девочку. «Мы с удовольствием участвуем в празднике вместе с солнцем, лесом и цветами вокруг. У ребенка в руке белый цветок, девочка кладет его на голову черному быку. Бык тоже участвует в торжестве и наряжен по-праздничному». Упоминание о быке воскрешает в памяти древние ритуалы — празднества в честь Диониса, на которых бог изображался в маске быка.

Но сон на этом не заканчивается. Женщина добавляет: «Некоторое время спустя быка пронзает золотая стрела». Итак, помимо дионисийского возникает другой дохристианский обряд, в котором бык тоже играет символическую роль. Персидский бог солнца Митра приносит быка в жертву. Он, как и Орфей, символизирует стремление к духовной жизни, одерживающей верх над

примитивными животными вожделениями человека и приносящей чувство умиротворения после церемонии посвящения.

Совокупность этих образов подтверждает еще и часто встречающуюся в подобных видениях или в последовательно продолжающих друг друга снах мысль о том, что не бывает полного покоя или передышки. В своих религиозных поисках современные люди, особенно живущие в западных, обращенных в христианство обществах, до сих пор находятся во власти древних традиций веры, борющихся внутри их за превосходство. Это конфликт языческих и христианских верований, или, можно сказать иначе, возрождения и воскрешения. Подсказку к решению этой дилеммы можно обнаружить в первом сне женщины — в одном любопытном образе, символику которого легко упустить из виду. В могильном склепе она видела перед глазами красные кресты на золотых дисках. При последующем разборе на сеансах психоанализа стало ясно, что она вот-вот должна была пережить глубокую психическую трансформацию и перейти от ощущения смерти к новой стадии жизни. Можно предположить, следовательно, что этот образ, явившийся в момент глубокого отчаяния, должен в какой-то степени предвещать ее будущую религиозную ориентацию. При дальнейшей работе с ней появились основания считать красные кресты олицетворением ее верности христианству,

Персидский бог Митра приносит в жертву быка. Это жертвоприношение (также являющееся элементом дионисийского обряда) может символизировать победу духовной природы человека над его животным началом, воплощенным обычно в образе быка

а золотые диски — символом ее приверженности дохристианским мистериальным культам. Сновидение сообщало ей, что она должна примирить эти христианские и языческие элементы в предстоящей новой жизни.

И последнее, не менее важное наблюдение относительно древних ритуалов и их связи с христианством. В элевсинских мистериях (посвященных поклонению богиням плодородия Деметре и Персефоне) обряд инициации не только отвечал стремлению к более насыщенной жизни, но использовался и для приготовления к смерти, словно требовавшей сперва пройти через аналогичный ритуал посвящения.

На погребальной урне, найденной в древней римской могиле рядом с колумбарием на Эсквилинском холме, виден четкий барельеф, изображающий сцены заключительного этапа инициации, во время которого новичок допускается к беседе с богинями. Остальная часть рисунка посвящена двум подготовительным церемониям очищения: закланию «мистического поросенка» и мистической версии священного бракосочетания. Суть знаки подготовки к смерти, но без прощального оплакивания. Это исподволь указывает на присущую более поздним, особенно орфическим, мистериям черту: они наделяли смерть элементами бессмертия. Христианство пошло еще дальше. Оно пообещало больше, чем бессмертие (которое на языке древних циклических мистерий могло означать просто перевоплощение) — вечную жизнь на небесах для правоверных.

Итак, в современной жизни мы вновь видим тенденцию к повторению старых схем. Те, кто хочет научиться встречать смерть, должны как следует освоить урок прошлого, который гласит: смерть — это таинство, к ней следует готовиться с тем же настроением покорности и смирения, с которым, как мы уже узнали, надо готовиться к жизни.

Символы трансцендентности

Символы отличаются друг от друга по виду воздействия. Некоторые люди нуждаются в пробуждении — им необходима инициация, проникнутая неистовством дионисийского «громо-

вого ритуала». Другим необходимо подчинение или смирение, которое достигается особым оформлением пристройки к храму или священной пещеры, что характерно для культа Аполлона в Греции более позднего периода. Полное посвящение включает оба аспекта, что видно и из древних текстов, и из жизни людей. Но мы можем с достаточной уверенностью утверждать, что главная цель посвящения состоит в приручении изначально дикой и наделенной качествами Плута юношеской природы. Таким образом, несмотря на жестокость обрядов, предназначенных для достижения этой цели, инициация имеет облагораживающий и одухотворяющий характер.

Существует, вместе с тем, символика и другого рода, относящаяся к наиболее ранней из известных священных традиций, которая также связана с переходными периодами в жизни человека. Назначение этих символов вовсе не в том, чтобы включить посвящаемого в какую-либо религиозную доктрину или в коллектив мирской общины. Напротив, они нацелены на потребность человека освободиться от любого слишком законченного, неизменного или окончательного состояния. Другими словами, они имеют отношение к освобождению, или трансцендентному преодолению любых заданных моделей и шаблонов существования по мере продвижения индивида к очередной, более зрелой или более высокой, стадии своего развития.

Ребенок, как я уже говорил, обладает чувством завершенности, но только до поры начального проявления самосознания. У взрослого человека чувство завершенности достигается через соединение сознания с подсознательным содержимым разума. Из этого союза возникает, используя термин Юнга, «трансцендентная функция души», посредством которой человек может достичь своей высочайшей цели: полной реализации потенциала своего индивидуального Я.

Таким образом, мы называем «символами трансцендентности» те символы, которые олицетворяют усилия человека по достижению этой цели. С их помощью содержимое подсознания может стать доступным сознающему разуму, и, кроме того, они сами по себе являются активным выражением этого содержимого.

Эти символы разнообразны по форме. Где бы мы их ни встретили — в истории или в снах современных людей, проходящих

через переломную стадию жизни, — всюду ощутимо их значение. Самый архаический уровень этой символики включает тему Плута. Но теперь это уже не тот необузданный и жаждущий выглядеть героем образ, виденный нами ранее. Он стал шаманом — знахарем, чьи магические знания и полеты интуиции характеризуют его как первобытного мастера посвящения. Его могущество заключается в приписываемой ему способности покидать свое тело и летать по вселенной подобно птице. В этом случае птица — наиболее подходящий символ трансцендентности. Она олицетворяет особую природу интуиции, действующей через «медиума», то есть человека, который способен, входя в состояние, близкое к трансу, получать знание об отдаленных событиях или фактах, о которых его сознанию ничего не известно.

Свидетельства о подобных способностях можно обнаружить даже в такой доисторической эпохе, как период палеолита, что показал американский ученый Джозеф Кэмпбелл, комментируя один из обнаруженных недавно во французских пещерах и получивших широкую известность наскальных рисунков. В Ляско, пишет он, «изображен лежащий в трансе шаман, на нем маска птицы, а рядом видна птица, сидящая на его посохе. Шаманы Сибири до сих пор носят подобные птичьи костюмы, и многих из них считают зачатыми от птиц... Шаман, в таком случае, является не просто носителем, но любимцем тех сил, царство которых невидимо для нашего обычно бодрствующего сознания. Все могут ненадолго посетить это царство в сновидении, но лишь он — его знаток — свободно странствует по нему».

На высшем уровне этого типа деятельности, связанного с инициацией, неизмеримо далеком от дешевых базарных уловок, которыми магия так часто подменяет истинно духовное прозрение, находятся индийские мастера йоги. Впадая в транс, они уходят далеко за пределы, подвластные обычной мысли.

Одним из наиболее часто встречающихся в сновидениях символов, передающих трансцендентное освобождение, является путешествие в одиночку или паломничество, оборачивающееся духовным странствием, в котором посвящаемый знакомится с сущностью смерти. Но это не смерть в смысле последнего страшного суда или связанного с инициацией испытания силы: это путешествие освобождения, самоотречения и искупления, осу-

ществляемое под бережным руководством некоего духа сострадания. Этот дух чаще представлен «властительницей», нежели «властителем» посвящения, — персонажем, олицетворяющим высшую женственность (то есть аниму), как Гуань Инь в китайском буддизме, София в христианско-гностической доктрине или Афина Паллада, древнегреческая богиня мудрости.

Эта символика может быть представлена не только полетом птиц или путешествием в необитаемые края, но любым сильным поступком, олицетворяющим освобождение. В начале жизни, когда еще сильна привязанность к семье или социальной группе, подобное состояние можно испытать в тот момент посвящения, когда необходимо научиться самостоятельно принимать решения по важнейшим вопросам своей жизни.

Именно этот момент описывает Т. С Элиот в «Бесплодной земле», когда героя охватывает желание «с погибельным бесстрашием мгновению поддаться, пусть впредь не искупить его благоразумия веком».

В более позднем возрасте не обязательно порывать все связи с тем, что для вас наиболее дорого. Хотя может случиться и так, что вас переполнит дух святого недовольства, заставляющий всех свободных людей смело открывать что-то новое или менять образ жизни. Эта перемена может стать особенно важной в период между средним возрастом и старостью — именно в это время большинство людей планируют, что им делать после ухода на пенсию: работать или отдыхать, сидеть дома или путешествовать.

Если их жизнь была наполнена опасностями, риском или переменами, они могут стремиться к оседлой жизни и утешать себя религиозной определенностью. Но если они жили главным образом в той социальной структуре, в которой родились, они могут отчаянно нуждаться в раскрепощающей перемене. Эта потребность может быть временно удовлетворена кругосветным путешествием или, скажем, переездом в меньший дом. Но никакие внешние перемены не помогут, пока внутри не будут преодолены старые ценности и пока не будет реализован (а не просто задуман) новый образ жизни.

Вот подходящий пример: одна женщина вела такой устойчивый, культурно насыщенный и не подверженный веяниям

преходящей моды образ жизни, что и она, и ее семья, и ее друзья долгое время наслаждались им. Ей приснился такой сон:

«Я нашла какие-то странные куски дерева, они не были обработаны, но сохранили прекрасную естественную форму. Кто-то сказал: «Их принес неандерталец». Затем я увидела в отдалении этих неандертальцев, выглядевших как темная безликая толпа. Я подумала, что возьму на память об этом месте кусочек тех деревяшек. Затем я пошла дальше, как бы путешествуя в одиночку, и заглянула в бездонную пропасть, похожую на жерло потухшего вулкана. Часть его была залита водой, и там я ожидала вновь увидеть неандертальцев. Но вместо того я увидела черных водосвинок, вылезших из воды и резвящихся, бегая туда-сюда среди обломков черной вулканической породы».

Контрастируя с семейными привязанностями этой женщины и ее тщательно продуманным стилем жизни, сон переносит ее в доисторические времена — в самую дикость, дальше некуда. Она не видит каких-либо социальных отличий среди этих древних людей: для нее они воплощают истинно подсознательное — темную безликую массу в отдалении. Но все-таки они живые, и она может унести одну из их деревяшек. В сновидении подчеркивается, что дерево не подвергалось обработке, что указывает на его происхождение из первоначального, культурно не обусловленного уровня подсознательного. Кусок дерева, пришедший из древности, является связующим звеном между современным опытом этой женщины и теряющимися в глубине веков истоками человеческой жизни. Известно много примеров того, что древнее дерево или растение является символом роста и развития психической жизни человека (в отличие от его инстинктивной жизни, обычно символизируемой животными). Так и здесь: взяв этот кусок дерева, женщина приобрела символ, связующий ее с глубочайшими пластами коллективного подсознательного. Далее во сне она продолжает путешествовать в одиночку. Эта тема, как говорилось выше, символизирует потребность в освобождении как опыте посвящения. Таким образом, мы имеем еще один символ трансцендентности.

Далее она видит огромный кратер потухшего вулкана, через который раньше из глубочайших пластов земли бурно извергался огонь. Можно предположить, что это относится к пси-

хологической травме, оставившей в памяти глубокий след. Пациентка связала это с реальным переживанием юности, когда она ощутила разрушительную и в то же время созидательную силу своих страстей до такой степени, что испугалась за свой ум. В поздней юности неожиданно для самой себя она почувствовала потребность порвать с излишне традиционными социальными стереотипами своей семьи. Она сделала это без особых переживаний, но впоследствии все-таки вернулась назад, чтобы помириться с семьей. Однако желание еще больше отделиться от семейных корней и освободиться от собственных стереотипов мировосприятия не исчезло, а сделалось неотступным. Этот сон похож на сновидение другого пациента — молодого человека с совершенно непохожими проблемами, которому, видимо, требовалось аналогичное прозрение. Он также чувствовал неотложную потребность обособиться. Ему приснился вулкан, из которого вылетели две птички, как будто испугавшись, что вот-вот начнется извержение. Все происходило в незнакомом и пустынном месте, от вулкана его отделяла полоса воды. В этом случае сон символизирует путешествие индивидуального посвящения.

Такие же путешествия практикуются в племенах, кормящихся сбором плодов и кореньев Их представления о семье минимальны. В этих сообществах молодой посвящаемый должен предпринять в одиночку длительное путешествие к святому месту (в индейских культурах северного побережья Тихого океана такое место может быть озером, образовавшимся в кратере вулкана). Там он встречается — во сне или в состоянии, близком к трансу, — со своим «духом-покровителем» в облике животного, птицы или какого-нибудь предмета природного происхождения. Он отождествляет себя с этой «лесной душой» и становится мужчиной. К не прошедшему через это относятся, по словам шамана племени ачумауи, как к «обычному индейцу, ничего из себя не представляющему».

Тому молодому человеку сон приснился в самом начале его жизни и указывал на его будущую независимость и на становление мужчиной. Женщина же, описанная выше, увидела похожее путешествие, приближаясь к концу своей жизни. По-видимому, ей также было необходимо обрести независимость. Теперь она сможет прожить остаток своих дней в гармонии с извечным

человеческим законом, трансцендентно превосходящим, в силу своей древности, известные символы культуры.

Но независимость не заканчивается состоянием логической отрешенности — это означало бы отречение от мира со всем его несовершенством. Ведь в мертвенном и будто проклятом пейзаже, окружавшем женщину во сне, она увидела признаки жизни — животных, Это — «водосвинки», не существующие в природе. Следовательно, они могут означать особый тип животного, которое может обитать в двух разных средах — в воде или на суше.

В этом и проявляется универсальное качество животного как символа трансцендентности. Эти создания, пришедшие будто из глубин древней Матери-Земли, являются символическими обитателями коллективного подсознательного. Они являют сознанию особое хтоническое (потустороннее) послание, несколько отличающееся от тех духовных устремлений, символом которых выступают птицы из сна молодого человека.

Другими трансцендентными символами глубин являются грызуны, ящерицы, змеи и иногда рыбы. Сюда же относятся существа переходного типа, сочетающие жизнь под водой и птичий полет с промежуточной наземной жизнью. Дикая утка или лебедь будут подходящим примером. Видимо, самый распространенный в сновидениях символ трансцендентности — это змея, она же символ терапии античного бога медицины Эскулапа, доживший до наших дней в качестве медицинской эмблемы. Изначально это была неядовитая древесная змея. Такой, какой мы видим ее — обвившейся вокруг жезла бога-исцелителя, — она, вероятно, олицетворяет некоего посредника между землей и небесами.

Еще более важным и распространенным символом хтонической трансцендентности являются две переплетенные змеи. Это знаменитые змеи Нага в Древней Индии; встречались они и в Древней Греции — венчающими конец жезла бога Гермеса. Раннегреческая герма — это каменный столб с бюстом бога наверху. С одной стороны столба — сплетенные змеи, с другой — восставший фаллос. Поскольку змеи запечатлены в акте сексуального единения, а поднявшийся фаллос сексуален сам по себе, можно прийти к выводу о несомненной связи гермы с символикой плодородия.

Но мы ошибемся, полагая, что это относится только к биологическому плодородию. Гермес — это Плут, но еще и вест-

ник — бог перепутий и, в конечном счете, проводник душ в загробный мир и обратно. Его фаллос, таким образом, проникает из мира известного в мир неизвестный в поисках духовного послания, несущего избавление и исцеление.

Первоначально Гермес был известен как древнеегипетский бог Тот с головой ибиса и воспринимался как трансцендентное начало, воплощенное в птице. В олимпийском периоде греческой мифологии Гермес вновь обретает характерные признаки птицы, прибавляющиеся к его хтонической сущности змеи. На его жезле появились крылья, разместившиеся над змеями и превратившие его в кадуцей, или крылатый жезл Меркурия, а сам бог стал «летающим» — с крылышками на шлеме и сандалиях. Гермес здесь — настоящий властелин трансцендентности, включая ее низшие формы, отталкивающиеся от змеиного сознания загробного мира, промежуточные — от земной реальности, и высшие — от сверхчеловеческой или надличностной реальности, вознестись к которым ему позволяет окрыленность.

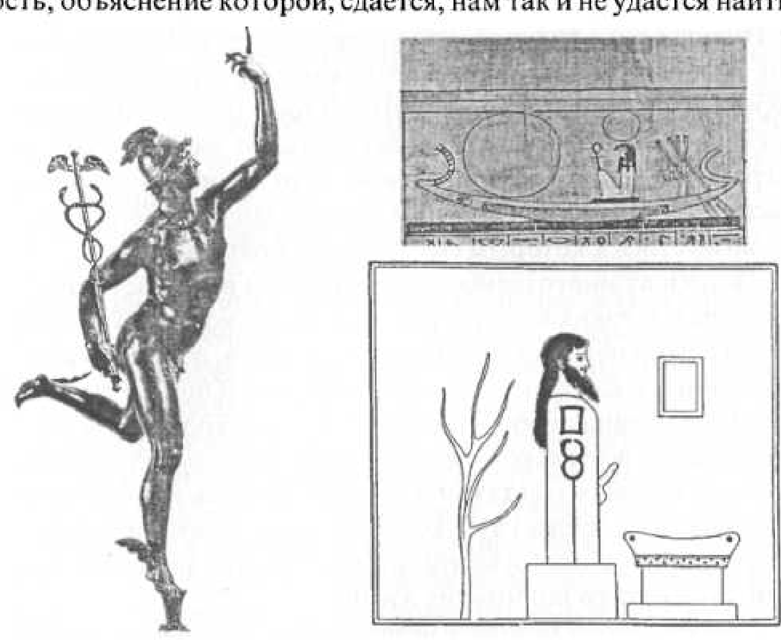
Подобная многоэлементная символика встречается и в других образах, таких как крылатый конь, дракон и другие, в изобилии встречающихся в рисунках алхимиков, добротно воспроизведенных в классическом сочинении д-ра Юнга на эту тему. В работе психоаналитика с пациентами необходимо тщательно отслеживать всю нескончаемую череду этих символов, показывающих, какой результат можно получить, освободив терапевтическим путем более глубокое содержимое психики, чтобы оно смогло войти в инструментарий нашего сознания, используемый для лучшего понимания жизни.

Современному человеку нелегко понять значение символов, приходящих из далекого прошлого или появляющихся во сне. Еще сложнее увязать с нашими текущими проблемами древний конфликт между символами привязанности и освобождения. Однако это задача облегчается, если понимать, что меняются лишь специфические формы этих древних принципов, а не их психическое значение.

Мы говорили о диких птицах как символах избавления или освобождения. Но сегодня можно было бы с таким же успехом говорить о реактивных самолетах и космических ракетах, поскольку они представляют физическое воплощение того же

трансцендентного принципа, освобождая нас — хотя бы временно — от гравитации. Точно так же древние символы привязанности, дававшие ранее стабильность и защиту, теперь проявляются в поиске современными людьми экономической безопасности и социального благополучия.

Любой из нас, конечно, видит постоянно возникающий в жизни конфликт между бесшабашностью и дисциплиной, грехом и добродетелью, свободой и безопасностью. Но это лишь слова, которыми мы описываем беспокоящую нас двойственность, объяснение которой, сдается, нам так и не удастся найти.

Справа: египетский бог Тот с головой ибиса (350 г. н.э.). Тот — персонаж загробного мира, олицетворяющий трансцендентность; именно он судил души умерших. Греческий бог Гермес, которого называли «психопомп» (или «направляющий души»), должен был сопровождать умерших в подземное царство мертвых. *Справа:* каменная герма, какие обычно устанавливали на перекрестках (символизирует роль бога как посредника между двумя мирами). На боковой стороне гермы видны две сплетенные змеи, обвивающие жезл; этот символ впоследствии перешел к Меркурию, богу античного Рима (*слева:* XVI в., бронза, Италия), который вместе с тем имеет крылья, напоминающие о птице — символе духовной трансцендентности

Но ответ есть. Привязанность и освобождение имеют точку соприкосновения, и находится она в ритуалах посвящения, рассмотренных выше. С их помощью индивид или группа лиц могут объединить конфликтующие и разнонаправленные силы в самих себе и достичь таким образом равновесия в жизни.

Но ритуалы не предоставляют эту возможность автоматически. Они связаны с определенными этапами в жизни личности или группы лиц, и если не разобраться в них как следует и не изменить в соответствующую сторону образ жизни, то момент может быть упущен. Инициация, в сущности, — процесс, начинающийся с обряда подчинения, за которым следует период привязанности, заканчивающийся обрядом освобождения. Таким способом любой человек может примирить конфликтующие элементы своей личности и достичь равновесия, которое сделает его по-настоящему человеком, истинным хозяином самого себя.

3. Процесс индивидуации

Мария-Луиза фон Франц

Общая схема духовного роста

В начале этой книги д-р Юнг познакомил читателя с концепцией подсознательного, его индивидуальными и коллективными структурами, символической формой выражения. Описав всю важность символов, созданных подсознанием, то есть их исцеляющее или разрушающее воздействие, д-р Юнг показал, как сложно их правильно истолковывать. Успех той или иной интерпретации зависит от того, находит ли она отклик у пациента и несет ли для него смысловую нагрузку. Тем самым в символике сновидений были намечены возможные пути смыслообразования.

Отсюда, если продолжить мысль Юнга, встает другой вопрос: каково предназначение той жизни, которую индивид проживает в совокупности всех своих снов? Какую роль играют сны не только в сиюминутном психическом состоянии человека, но и в его жизни в целом?

В результате обследования Юнгом большого количества людей и изучения их сновидений (по его подсчетам получается по меньшей мере 80 000 снов) было установлено, что все сны не только соотносятся в той или иной мере с жизнью сновидца, но и являются составными частями одной огромной сети, в которой переплелись разнообразнейшие факторы психологического воздействия. Было также обнаружено, что все сновидения будто придерживаются определенного порядка или общей схемы. Эту схему Юнг назвал «процессом индивидуации». Поскольку сны еженощно являют самые различные сцены и образы, то, не будучи тщательным наблюдателем, трудно заметить в них какую-либо упорядоченность. Но если проследить свои собственные сны за несколько лет, изучая последовательно их содержание, станет видно, что определенные образы всплывают, исчезают и повторяются вновь. Многим даже снятся по нескольку раз одни и те же персонажи, виды или ситуации, и если отследить их на протяжении последовательного ряда сновидений,

обнаружится, что они постепенно, но заметно изменяются. Эти перемены могут быть ускорены правильным толкованием снов и их символов, поскольку оно влияет на осознанное отношение сновидца к сновидениям.

Таким образом, жизнь наших сновидений создает замысловатый орнамент, в котором просматриваются то исчезающие, то появляющиеся индивидуальные черты или наклонности. Если в течение длительного времени наблюдать, как плетется этот витиеватый узор, то можно заметить, что это действо чем-то тайно направляется или регулируется, вызывая медленно и неуловимо идущий процесс духовного роста — процесс индивидуации.

Постепенно он приводит к появлению более разносторонней и зрелой личности, и затем, по мере усиления, его результаты даже становятся заметными для окружающих. Тот факт, что мы часто говорим о «замедленном развитии» кого-либо, показывает, что подобный процесс роста и становления считается возможным для каждого индивидуума. И поскольку духовный рост не может быть вызван сознательным волевым усилием, а возникает непроизвольно. И естественно, в сновидениях он часто символизируется деревом, чей медленный, мощный и естественный рост вписывается в определенную схему.

Направляющий центр, из которого исходит упомянутое регулирующее воздействие, похоже, представляет собой своего рода «ключевой атом» в нашей психической системе, ее ядро. Можно также сказать, что этот центр изобретает, упорядочивает и генерирует образы сновидений. Юнг назвал этот центр

«Меандр» — замысловатый узор, характерный для манускриптов. Сновидения любого человека кажутся такими же странными и фрагментарными, как деталь узора. Однако если проследить сновидения отдельного человека в течение всей его жизни, станет видна структура этого узора, отражающая процесс психического становления

Самостью и охарактеризовал его как охватывающий всю психику человека, в отличие от эго, представляющего лишь небольшую часть психики.

На протяжении столетий люди интуитивно знали о существовании такого внутреннего центра. Греки называли его внутренним Даймоном, в Египте он выражался концепцией души — Ба, а римляне почитали его за «гения», присущего каждому индивидууму. В первобытных общинах его часто считали духом-хранителем, воплощенным в животном или фетише.

Необычайно чистое, ничем не замутненное восприятие этого центра присуще индейцам племени наскапи, все еще обитающим в лесах Лабрадорского полуострова. Эти простые люди промышляют охотой и живут изолированными семейными группами на таком большом расстоянии друг от друга, что не смогли создать систему племенных обычаев или коллективные религиозные верования и церемонии. В своем пожизненном одиночестве наскапийский охотник вынужден полагаться на свой собственный внутренний голос или на откровения подсознания. У него нет религиозных наставников, которые разъясняли бы ему, во что он должен верить, нет и ритуалов, празднеств или обычаев, которые могли бы ему помочь. В его миропонимании душа человека предстает просто внутренним «спутником», которого он зовет «мой друг» или mista-peo, что означает «Великий человек». Миста-пео обитает в душе и является бессмертным, в момент смерти или незадолго до нее он покидает человека, а позднее перевоплощается в другие существа.

Те индейцы племени наскапи, которые уделяют внимание своим снам, стараясь выяснить их значение и испытать их достоверность, могут обрести более глубокую взаимосвязь с Великим человеком. Он благоволит к таким людям и чаще посылает им хорошие сны. Таким образом, главная обязанность каждого наскапи заключается в том, чтобы следовать наставлениям, которые даются ему во сне, и затем запечатлять их содержимое в искусстве. Ложь и бесчестие прогоняют Великого человека из внутреннего царства личности, тогда как великодушие и любовь к соседям и животным притягивают его, придавая ему сил. Сновидения дают наскапи полную возможность определить свой путь в жизни, причем не только во внутреннем мире, но и в ок-

ружающем их мире природы. Они помогают им предсказывать погоду, оказывают бесценную помощь в охоте, от которой зависит их жизнь. Мы упомянули этих совсем диких людей, потому что они не загрязнены идеями нашей цивилизации и все еще обладают естественным пониманием сущности, которую Юнг называет Самостью.

Самость можно определить как внутренний регулирующий центр, отличающийся от личностного сознания, который можно понять лишь путем изучения своих сновидений. Они подсказывают нам, что Самость является центром, постоянно направляющим развитие и созревание личности. Но это разностороннее и цельное состояние психики выглядит первоначально лишь как врожденная, но не проявившаяся возможность. На протяжении жизни человека она может проявиться лишь отчасти или развиться относительно полно. Степень развития зависит от желания или нежелания эго прислушаться к посланиям Самости. Но, как заметили наскапи, тому, кто восприимчив к намекам Великого человека, снятся более полезные и совершенные сны. Можно добавить, что существующий в нас с момента рождения Большой человек становится более различим внутри восприимчивой личности, чем внутри того, кто пренебрегает им. Восприимчивая личность становится также более совершенной и цельной.

Может даже показаться, что эго было рождено природой не для того, чтобы до бесконечности следовать своим собственным непроизвольным импульсам, а для того, чтобы помочь психике обрести целостность. Именно эго проливает свет на действие всей системы, позволяя ей стать осознанной, а значит, реализованной. Если, например, у меня есть художественный дар, не осознанный моим эго, с ним ничего не произойдет, как если бы его и не было. Он может реализоваться только в том случае, если будет замечен моим эго. Врожденная, но скрытая цельность психики не тождественна целостности, уже полностью воплощенной.

Эго можно изобразить следующим образом. Семя горной сосны содержит все будущее дерева в латентной форме; но каждое зерно падает в определенное время на определенное место, отличающееся от других по таким специфическим свойствам, как качество почвы, каменистость, наклон земли, ее открытость солнцу и

ветру. Латентная целостность сосны в семени реагирует на все эти условия, избегая камней и притягиваясь к солнцу, в результате чего происходит рост дерева. Таким образом, отдельная сосна постепенно входит в мир, претворяя залаженную в ней целостность и являя ее на свет реальности. Без живого дерева образ сосны — не более чем потенция или абстрактная идея. Аналогичным образом реализация в отдельном человеке его уникальности является целью процесса индивидуации.

Существует представление, что этот процесс произвольно возникает у человека (как и у любого другого живого существа) в подсознании, в результате высвобождаются врожденные качества характера. Но, строго говоря, процесс индивидуации возможен только в том случае, когда индивидуум знает о нем и сознательно поддерживает с ним живую связь. Нам не известно, есть ли у сосны представление о своем росте, может ли она наслаждаться или страдать от выпадающих ей на долю приключений, но человек определенно способен сознательно участвовать в своем развитии. Он даже понимает, что, принимая время от времени свободные решения, может активно взаимодействовать со своей врожденной целостностью. Это взаимодействие относится к процессу индивидуации в узком смысле слова.

Человек, однако, испытывает нечто такое, что не охватывается нашей метафорой о сосновом дереве. Процесс индивидуации шире, чем взаимосвязь между врожденным зародышем цельности и событиями, преподносимыми судьбой. Субъективное переживание этого процесса создает ощущение, что в созидание активно вмешивается какая-то надличностная сила. Иногда чувствуется, будто подсознание определяет свой путь в соответствии с тайным замыслом. Создается впечатление, словно что-то наблюдает за вами — что-то такое, чего вы не видите, хотя оно видит вас — может быть, это Великий человек, таящийся в сердце, который высказывает свое мнение о вас через сновидения.

Но этот творчески активный элемент психического ядра может начать действовать только в том случае, когда эго избавится от всех намерений и желаний и попытается перейти на более глубокий, приближающийся к самобытному, уровень существования. Эго должно быть способно внимательно прислу-

шиваться к внутренней устремленности к росту и положиться на нее, не думая, что из этого выйдет. Многие философы-экзистенционалисты стремились описать это состояние, но им удавалось лишь разоблачить иллюзорность сознания. Они подходили прямо к двери, ведущей в подсознание, и... не могли ее открыть.

В странах с более древней культурой, чем наша, люди лучше понимают, что утилитарный подход к сознательному планированию своих поступков не годится для пути, ведущего к внутреннему развитию личности. Однажды я встретила пожилую даму, не достигшую многого в жизни в смысле материального благополучия. Но ей удалось создать хорошую семью с плохим мужем и сформироваться как личность. Когда она пожаловалась мне, что ничего не добилась в своей жизни, я рассказала ей одну притчу, изложенную китайским мудрецом Чжуан-Цзы. Женщина сразу же поняла ее идею и почувствовала большое облегчение. Суть притчи такова:

«Странствующий плотник Каменный увидел во время своих путешествий огромный старый дуб, стоящий в поле у алтаря в честь местного божества. Плотник сказал своему ученику, залюбовавшемуся дубом: «Это бесполезное дерево. Сделаешь из него корабль, он скоро сгниет, смастеришь орудия труда, они сломаются. Из этого дерева ты не сможешь сделать ничего полезного, вот почему оно такое древнее».

Но в тот же вечер, когда плотник лег спать на постоялом дворе, старый дуб явился ему во сне и сказал: «Почему ты сравниваешь меня со своими домашними деревьями — боярышником, яблоней, грушей, апельсиновым — и всеми другими фруктовыми деревьями? Еще до того как на этих деревьях созреют плоды, люди набрасываются на них и причиняют им вред, ломая сучья и срывая ветки. Их собственные плоды причиняют им вред, и они не могут прожить отведенный им природой срок. Это происходит повсюду, вот почему я долгое время старался стать совершенно бесполезным Ты, жалкий смертный! Представь себе, что если бы я был полезным во всех отношениях, разве я достиг бы таких размеров?» Более того, ты и я — создания Божьи, как же может одно создание превозносить себя настолько, чтобы осуждать другое? Ты, никому не нужный смертный, что ты знаешь о полезности деревьев?»

Плотник проснулся и задумался над сном. Позже его ученик спросил, почему только одно это дерево служило для прикрытия алтаря, на что он ответил: «Замолчи! И ни слова больше об этом! Это

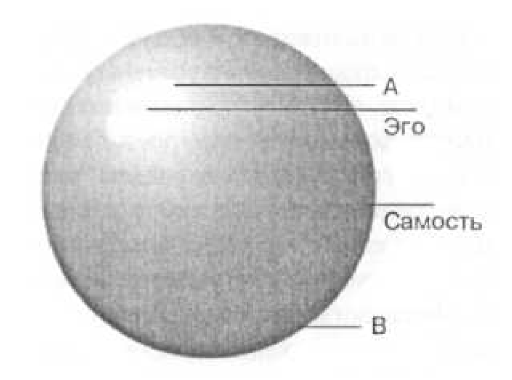
дерево выросло именно здесь нарочно, потому что в любом другом месте люди его бы не пощадили».

Плотник отчетливо понял свой сон. Ему стало ясно, что простое исполнение своего предназначения является величайшим достижением человека и что наши потребительские представления должны уступить дорогу требованиям подсознательной части нашей психики. В терминах психологии эта метафора звучала бы так дерево символизирует процесс индивидуации, давая урок нашему близорукому эго.

Под деревом, исполнившим свое предназначение, находился, как отмечается в притче Чжуан-Цзы, алтарь. Это был грубый, необработанный камень, на котором люди приносили жертвоприношения местному божеству, «владевшему» этим участком земли. Символ алтаря (то есть жертвенника), указывает на тот факт, что для осуществления процесса индивидуации человек должен сознательно подчиниться силе подсознания, не размышляя о том, что следует, а что не следует делать, что правильно, а что неправильно, или что бывает или не бывает. Надо просто прислушаться к внутренней целостности — Самости, чтобы понять, как поступить в каждом конкретном случае. Наше отношение должно быть таким, как у горной сосны, о которой шла речь выше. Она не раздражается, когда ее росту мешает камень, и не строит планов, как преодолеть это препятствие. Она просто стремится почувствовать, куда ей следует

Алтарь местного божества под деревом (рисунок XIX в., Китай). Подобные круглые или квадратные жертвенники обычно символизируют Самость, которой эго должно подчиниться, чтобы осуществить процесс индивидуации

Психику можно представить в виде сферы с блестящей зоной на поверхности *(A)*, изображающей сознание. Эго находится в центре этой зоны. «Самость» — это вся сфера *(B)*; ее внутренние процессы саморегуляции порождают сновидения

расти — левее или правее, вверх или вниз по склону. Подобно этому дереву, мы должны поддаться этому почти неразличимому, но заметно выделяющемуся из других импульсу, который возникает из стремления к неповторимости, к творческому самораскрытию. Это процесс, в котором мы непрерывно ищем и находим нечто пока никому не известное. Подсказки или направляющие стимулы исходят не от эго, а от целостной психики — Самости.

Более того, бесполезно подсматривать, как развивается кто-то другой, потому что у каждого из нас своя уникальная задача осуществления. Хотя многие стоящие перед людьми проблемы и похожи, но они никогда не идентичны. Так, все сосновые деревья очень сходны между собой (иначе мы не считали бы их соснами), однако ни одно не может в точности повторить другое. В силу этих факторов схожести и различия трудно обобщить бесчисленное множество вариаций процесса индивидуации. В действительности каждый человек совершает в этом процессе что-то неповторимое, присущее только ему.

Многие люди критиковали юнгианский подход из-за отсутствия в нем систематического изложения психологического материала. Но такие критики забывают, что сам этот материал — это живой опыт, переживания, заряженные эмоциями, которые по своей природе иррациональны и переменчивы. Поэтому систематизировать его можно лишь в самых общих чертах. Современная глубинная психология в своем развитии столкнулась с теми же трудностями, что и физика элементарных частиц. Другими словами, когда мы имеем дело со среднестатистическими

величинами, то рациональное систематическое описание фактов возможно, но, пытаясь описать отдельное психическое явление, мы не можем сделать больше, чем представить честную картину его с возможно большего количества ракурсов Точно так же ученые должны признать, что не знают, что такое свет. Они могут утверждать лишь, что при одних условиях постановки эксперимента свет, очевидно, состоит из частиц тогда как при других — представляется, что он волна. Но неизвестно, чем же он является на самом деле. Психология подсознательного и любое описание процесса индивидуации сталкиваются с аналогичными трудностями дефиниций. Но мы попытаемся дать здесь краткое описание их наиболее типичных черт.

Первые проявления подсознательного

Для большинства людей годы молодости характеризуются состоянием постепенного пробуждения, в процессе которого индивидуум постепенно начинает понимать мир и самого себя. Детство является периодом огромного эмоционального напряжения, и первые сны ребенка часто выявляют в символической форме базовую структуру психики, показывая, как она позднее скажется на судьбе конкретной личности. В качестве примера Юнг однажды рассказал группе студентов о молодой женщине, которую постоянно преследовало чувство тревоги, дошедшее до такой степени, что она наложила на себя руки в двадцать шесть лет. Еще ребенком ей приснилось, что в спальню, где она лежала в кровати, вошел Мороз Красный Нос и ущипнул ее за живот. Она проснулась и обнаружила, что сама ущипнула себя. Но сон не испугал ее, она просто запомнила его. Тот факт, что она не реагировала эмоционально на странную встречу с демоном холода — демоном замороженной жизни, не предвещал ничего хорошего в будущем и сам по себе был ненормальным. Позднее она покончила с собой так же холодно и бесстрастно. Из этого единственного сна можно вывести трагическую судьбу сновидицы, предугаданную ее детской душой.

Иногда будущее в символической форме предвещается не сном, а каким-то очень ярким и незабываемым реальным собы-

тием. Хорошо известно, что дети часто забывают события, кажущиеся важными для взрослых, но сохраняют отчетливые воспоминания о каком-нибудь никем больше не замеченном случае или истории. При внимательном изучении любого из таких детских воспоминаний мы обычно обнаруживаем, что оно олицетворяет (если рассматривать его как символ) основную проблему формирующейся детской психики. Когда ребенок достигает школьного возраста, у него начинает складываться эго, наступает этап приспособления к внешнему миру. Этот этап обычно сопровождается рядом болезненных переживаний. В то же время некоторые дети начинают ощущать себя очень отличающимися от других. И это ощущение своей непохожести, неповторимости вызывает чувство грусти, частично объясняющее чувство одиночества у многих подростков. Несовершенство мира, его зло, с которыми подросток сталкивается как внутри самого себя, так и вовне, становятся особенными, он вынужден стараться справиться с настойчивыми, но еще неосознанными внутренними импульсами, а также с проблемами внешнего мира.

При нарушении нормального пути развития сознания дети часто уходят от внешних или внутренних трудностей, замыкаясь в себе как в крепости, и когда такое происходит, их сновидения и символические картины подсознания до странного часто являют мотив круга, квадрата или «ядра», что мы рассмотрим подробнее ниже. Это имеет связь с вышеупомянутым психическим ядром, жизненным центром личности, из которого начинается все структурное развитие сознания. Естественно, что образ такого центра будет проявляться особенно ярко в том случае, когда психическая жизнь индивидуума оказывается под угрозой. Из этого центра или ядра направляется (насколько нам известно) весь процесс формирования самосознания. При этом эго, судя по всему, выступает двойником или структурной парой первоначального центра.

На этом раннем этапе многие дети серьезно пытаются найти в жизни какой-то смысл, чтобы справиться с хаосом, переполняющим их внутренний и внешний мир. Других влечет еще скрытый в подсознании поток унаследованных и инстинктивных архетипических стереотипов. Последних не интересует глубинное значение жизни, потому что их опыт любви, общения с природой,

спортивных игр и работы и так удовлетворяет их своим непосредственным значением. Они вовсе не обязательно более поверхностны — обычно их несет по жизни с меньшими трениями и волнениями, чем более склонных к самоанализу сверстников. Аналогичным образом, если ехать на автомобиле или поезде, не выглядывая наружу, только моменты трогания, торможения и внезапные повороты дают понять, что вы вообще двигаетесь. Настоящий процесс индивидуации — осознанное взаимодействие со своим внутренним центром (психическим ядром) или Самостью — обычно начинается с ощущения душевной боли, сопровождаемой страданием. Такой начальный толчок подобен своего рода «призыву», хотя мы не часто понимаем это. Эго, напротив, воспринимает его как помеху своей воле или желанию, проецируя обычно источник помехи на какой-либо посторонний объект. Бог, материальные затруднения, начальник, супруг или что-то еще может оказаться для эго козлом отпущения. Или же внешне все выглядит благополучно, но в действительности человек изнывает от мертвенной скуки, опустошающей и лишающей смысла все вокруг. Многие мифы и сказки символически описывают эту начальную стадию процесса индивидуации под видом заболевшего или начавшего стареть короля. Читателю знакомы и такие типичные сюжетные приемы, как описание бесплодной королевской четы, чудовища, похитившего всех женщин, детей, лошадей и сокровища королевства, или демона, преграждающего путь армии короля или его кораблю, или тьмы, холода и засухи (наводнения), напавших на страну. Другими словами, первая встреча с Самостью выглядит подобно мрачной тени, нависшей над будущим. Словно «внутренний друг» пришел как охотник, чтобы заманить беспомощно борющееся эго в западню.

Из мифов видно, что волшебная вещь или талисман, которые могут избавить короля и его страну от несчастья, всегда представляют из себя что-то весьма необычное. В одной сказке, чтобы вылечить короля, нужен «белый дрозд» или «рыба с золотым кольцом в жабрах». В другой король хочет заполучить «живую воду», или «три золотых волоска с головы дьявола», или «золотую косу царь-девицы» (а затем, естественно, и владелицу косы). Как бы то ни было, вещь, которая может изгнать дьявола, всегда уникальна, и найти ее непросто.

Гравюра из алхимического манускрипта XVII в. изображает больного короля — часто встречающийся символический образ пустоты и скуки (в сознании), который может означать первоначальную стадию процесса индивидуации

То же самое происходит и с человеком при первом в его жизни кризисе. Он ищет нечто, что невозможно найти или о чем ничего не известно. В такие моменты совершенно бесполезны все добронамеренные и чуткие советы, призывающие постараться быть ответственнее, взять отгул, не надрываться на работе (или работать усерднее), больше или меньше контактировать с людьми, или придумать себе какое-нибудь хобби. Ни один из подобных советов не поможет или, в лучшем случае, поможет один из тысячи. Имеется, видимо, лишь один эффективный способ. Его суть в том, чтобы встретить приближающуюся темноту лицом к лицу, без предубеждения и совершенно искренне, и постараться понять, в чем ее скрытая цель и что она хочет от вас.

Потайная цель надвигающейся темноты обычно настолько необычна, уникальна и неожидаема, что разгадать ее удается, как правило, лишь через сновидения или фантазии, рождаемые подсознанием. Если сосредоточить свое внимание на подсознании, избегая скоропалительных суждений или неприятия, оно может выплеснуть в сознание поток символических образов и подсказок.

Но так бывает не всегда. Иногда оно сначала предлагает серию болезненных открытий: что в вашем осознанном поведении и в вас самих не так. А затем начинается процесс усвоения горьких истин.

Независимо от того, в какой форме впервые проявится подсознание: как проблеск познания или как горькое откровение — через некоторое время обычно возникает необходимость скорректировать осознанное поведение в соответствии с полученной информацией, то есть принять «критику» подсознания. Через сновидения человек знакомится с теми аспектами своей личности, на которые он предпочитал по различным причинам смотреть сквозь пальцы. Этот процесс Юнг назвал осознанием Тени (он использовал слово «тень» для обозначения этой части подсознания, потому что она довольно часто появляется в сновидениях в образе человека).

Но Тень не представляет из себя подсознание целиком, а только неизвестные или мало известные свойства и признаки эго — те его аспекты, которые большей частью принадлежат к личностной сфере и вполне могли бы быть осознанными. Отдельные качества, присущие Тени, могут также складываться из коллективных влияний, приходящих из источников, лежащих за пределами личной жизни индивидуума.

При попытке увидеть свою Тень человек начинает замечать у себя (к своему стыду) те качества и импульсы, наличие которых он обычно отрицает, хотя и различает у других: эгоизм, леность ума и небрежность мысли, прожектерство, безответственность и трусость, чрезмерная страсть к деньгам и вещам — одним словом, все те грешки, о которых раньше он думал: «Ерунда, никто этого не заметит и, вообще, кто не без греха».

Если при попытке приятеля обвинить вас в допущенной ошибке, вы чувствуете, что выходите из себя, знайте, что это проявляется часть вашей Тени, которую вы не осознаете. Конечно, естественно испытывать раздражение, когда другие люди, ничуть не лучше вас, критикуют за свойственные Тени недостатки. Но что остается делать, когда вас упрекают ваши собственные сновидения — ваш внутренний судья? Вот тогда-то эго и оказывается в ловушке и ему остается только смущенно замолчать. Затем начинается болезненная и длительная работа по самовоспитанию,

психологическую сложность которой можно сравнить с трудами Геркулеса. Вы помните, что первой задачей бедняги было очистить за день Авгиевы конюшни, в которых за многие десятилетия скопилось столько навоза от сотен голов скота, что обыкновенный смертный впал бы в уныние от одной мысли об этом.

Тень проявляется не только в том, чего мы не делаем, но и в спонтанных, ненамеренных действиях. Не успеешь подумать, а колкость прозвучала, интрига готова, неправильное решение принято — и вот результаты, которых никто не хотел и не замышлял. Более того, Тень в гораздо большей степени подвержена тлетворному коллективному влиянию, чем сознание ее владельца. Например, когда человек один, он чувствует себя относительно в порядке. Но как только кто-то вокруг начинает заниматься дурными делами, его так и тянет к ним присоединиться из опасения, что в противном случае его сочтут за дурака. В итоге он дает волю импульсам вовсе ему не свойственным. Характерно, что при контактах с людьми одного пола на Тень каждого из нас как бы накладываются Тени присутствующих, усиливая общие недостатки. А Тень у лиц противоположного пола нас почти не раздражает, и мы легко прощаем им ее присутствие.

Вот почему в сновидениях Тень появляется в образе личности, пол которой совпадает с полом сновидца. Примером может послужить следующий сон, приснившийся мужчине сорока восьми лет, который старался жить главным образом для себя и ни от кого не зависеть, усердно работал на службе и над самим собой, при этом подавлял в себе тягу к удовольствиям и спонтанным поступкам в гораздо большей мере, чем подходило бы его истинной природе:

> «У меня был очень большой дом в городе, но я, хотя и жил в нем, еще не изучил его как следует. Для лучшего знакомства я прошелся по дому и обнаружил несколько комнат, главным образом в подвале, о которых ничего не знал. Там были двери, ведущие в другие подвалы и даже на подземные улицы. Я почувствовал беспокойство, обнаружив, что несколько из них не закрыты, а на некоторых не было и замков. Ведь кругом работали люди, которые могли проникнуть в дом. Поднявшись на первый этаж, я прошел на задний двор, где тоже обнаружил выходы на улицу или в другие дома. Только я начал осматриваться, как ко мне подошел громко смеющийся мужчина и заявил, что мы с ним старые школьные друзья. Я тоже

его вспомнил, и пока он рассказывал мне о своей жизни, мы направились к выходу, а затем пошли бродить по улицам. Воздух был залит странным полусветом. Мы шли по огромной, идущей по кругу улице, огибающей сквер, когда мимо нас внезапно пробежали галопом три лошади. Это были красивые сильные животные, дикие, но хорошо ухоженные, хотя и без наездников (может быть, они сбежали от военных?)».

Лабиринт странных коридоров, залов и незапертых выходов в подвале воссоздаст древнеегипетские представления о загробном мире и является хорошо известным символом, означающим подсознание с его неизведанными возможностями. Он знаменует также «открытость» влиянию как подсознательной Тени, так и сверхъестественных и чуждых человеку сил. Можно сказать, что подвал означает основу психики сновидца. На заднем дворе (символизирующем еще не раскрытый душевный потенциал психики) внезапно появляется старый школьный друг. Он явно олицетворяет другой аспект самого сновидца — бывший составной частью его жизни в детстве, но давно утраченный и забытый. Часто случается, что качества, присущие человеку в детские годы, например веселость, вспыльчивость или, может быть, доверчивость, внезапно исчезают, и не понятно, куда и каким образом они ушли. Именно такая утраченная часть характера сновидца теперь возвращается (с заднего двора) и вновь старается завязать дружбу. Этот образ является, вероятно, отражением утраченной способности сновидца наслаждаться жизнью, а также его Тени, обращенной во внешний мир.

Мы вскоре поймем, почему сновидец ощутил «беспокойство» как раз перед встречей с этим внешне безобидным старым другом. Когда он гуляет с ним по улице, выскакивают лошади. Сновидец думает, что они, возможно, сбежали из воинской части (иначе говоря, сбежали от сознательной дисциплины, характеризовавшей до сих пор его жизнь). Тот факт, что лошади были без наездников, показывает, что инстинктивные влечения могут выйти из-под контроля сознания. В образах старого друга и лошадей вновь появляется та до сих пор отсутствовавшая позитивная сила, в которой так остро нуждался сновидец.

Эта проблема часто возникает, когда человек сталкивается с «другой стороной» самого себя. Тень обычно содержит ценнос-

Символами подсознания часто выступают коридоры, лабиринты или запутанные галереи. Рисунки трех лабиринтов: финский лабиринт из камней (бронзовый век); британский лабиринт XIX в., выложенный из торфа, и лабиринт из кафельных плит на полу картезианского собора (символизирующий, возможно, паломничество к Святой Земле)

ти, в которых нуждается сознание, но форма, в которую они облечены, затрудняет их использование. Коридоры и большой дом в этом сне означают также, что сновидец еще не знает собственных духовных масштабов и не способен пока реализовать их. Тень в этом сновидении типична для личности интроверта (человека, стремящегося отойти как можно дальше от внешней жизни). У человека открытой натуры — экстраверта, более обращенного к внешним объектам и окружающей его жизни, Тень будет выглядеть совершенно иначе.

Один молодой человек, обладая очень живым темпераментом, неоднократно осуществлял то один, то другой проект в бизнесе, и каждый раз успешно; в то же время его сновидения настаивали, чтобы он довел до конца начатый им личный творческий замысел. Приведем один из его снов:

«На диване, натянув на голову покрывало, лежит мужчина. Это головорез по национальности француз, готовый на любое преступление. Вниз по лестнице меня сопровождает чиновник, и я знаю, что против меня задуман заговор: француз должен как бы нечаянно убить меня. (Так это должно выглядеть со стороны). Когда мы подошли к выходу, злодей действительно подкрался ко мне сзади, но я был начеку. Высокий дородный господин (весьма богатый и влиятельный) внезапно прислоняется к стене позади меня, почувствовав себя плохо. Воспользовавшись случаем, я моментально убиваю чиновника, всадив нож ему в сердце. Звучит реплика: «Появилась водянистая капелька». Теперь я в безопасности. Француз не нападет на меня, поскольку его босс мертв. (Чиновник и удачливый дородный господин оказываются одним и тем же лицом, причем последний каким-то образом встает на место первого)».

Головорез представляет неявную сторону сновидца — его внутренний мир, достигший совершенно жалкого состояния. Он лежит на диване (то есть пассивен) и натягивает на лицо покрывало, желая, чтобы его оставили в покое. С другой стороны, чиновник и процветающий дородный господин (каким-то образом составляющие одно лицо) олицетворяют внешне успешную деятельность сновидца. Внезапная болезнь дородного мужчины связана с тем фактом, что сновидец действительно несколько раз болел, когда позволял своей динамичности и энергии слишком мощно проявиться во внешней жизни. Но этот удачливый господин не имел крови в жилах — там была лишь водянистая жидкость, означающая, что внешняя амбициозная деятельность сновидца безжизненна и бескровна, как у автомата. Таким образом, если дородный муж будет убит, это не будет настоящей потерей. Под конец сна француз как-то просветляется. Он явно представляет положительную теневую фигуру, обернувшуюся отрицательным и опасным персонажем лишь потому, что сознание сновидца не согласилось с этим.

Приведенный сон показывает нам, что Тень может состоять из многих различных элементов: например, из неосознанной амбиции (удачливый дородный муж) и сосредоточенности на внутреннем мире (француз). Более того, на сеансе психоанализа упоминание о французах вызвало у пациента ассоциацию с их прекрасным умением флиртовать и заводить романы. Следовательно, две теневые фигуры представляют еще и две хорошо известные побудительные силы — власть и секс. Властный мотив появляется одновременно под двумя личинами — чиновника и преуспевающего господина. Чиновник или государственный служащий символизирует адаптацию к коллективу, тогда как преуспевающий мужчина олицетворяет амбициозность, хотя понятно, что и то, и другое служит силе власти. Когда сновидцу удается остановить эту опасную внутреннюю силу, француз внезапно перестает казаться опасным. С другой стороны, секс — не менее опасная управляющая нами сила — также отступает.

Ясно, что проблема Тени играет большую роль во всех политических конфликтах. Если человек, видевший этот сон, не отнесся бы внимательно к проблеме своей Тени, он мог бы легко отождествить отчаянного француза с коммунистической «угро-

зой», а чиновника и процветающего господина — с «падкими до денег капиталистами». При таком подходе он не заметил бы, что внутри его имеются сталь противоположные по значению элементы. Проявления наших подсознательных устремлений у других людей называются «проекцией» или «влиянием». Такие влияния можно в большом количестве обнаружить в идеологии и пропаганде любой страны, как, впрочем, и в «кухонных дискуссиях». Всевозможные влияния затрудняют наше восприятие друзей, лишая его объективности и подрывая таким образом возможность подлинно человеческих взаимоотношений.

Имеется еще одна отрицательная сторона проецирования вовне нашей Тени. При отождествлении ее, например, с коммунистами или капиталистами, часть нашей личности переходит туда, покидая нас. В результате мы будем постоянно (хотя и непроизвольно) действовать в ущерб себе, поддерживая тем самым другую сторону и неосознанно помогая врагу. И наоборот, если мы осознаем влияние Тени и можем обсуждать с людьми, на которых это влияние проецируется, любые проблемы без страха и враждебности, но с вниманием, тогда появится шанс взаимопонимания или, по крайней мере, примирения.

Станет ли Тень нашим другом или врагом, зависит главным образом от нас самих. Как показывают оба выше рассмотренных сновидения, Тень вовсе не обязательно находится в оппозиции. На деле она в точности подобна любому человеку, ради сосуществования с которым приходится то в чем-то уступить, то в чем-то пойти наперекор, а то и что-то полюбить — в зависимости от ситуации. Тень становится враждебной, только когда ее игнорируют или недопонимают.

В отдельных случаях индивидуум ощущает потребность проявить худшую сторону своего характера, подавляя лучшую. В таких случаях Тень является в его снах в образе положительного героя. Но человеку, эмоции и чувства которого ближе к естеству, Тень может явиться в образе холодного и неприятного интеллектуала, который в этом случае олицетворяет скрываемые колкости и неприятные мысли. Таким образом, функция Тени (независимо от принимаемой формы) состоит в олицетворении противоположной стороны эго и тех качеств, которые больше всего не нравятся ее носителю в других людях.

Было бы слишком просто, если можно было бы сделать Тень частью своей осознаваемой личности лишь через честность с самим собой и саморефлексию. К сожалению, такие попытки не всегда срабатывают. Внутри теневой части психики каждого из нас существуют такие страстные эмоции, с которыми доводы рассудка могут и не справиться. В этом плане приходящий извне горький опыт может иногда оказаться полезным. Условно говоря, чтобы остановить порывы и побуждения Тени, надо, чтобы вам на голову упал кирпич. Иногда, чтобы обуздать их, требуется героическое сверхчеловеческое усилие, но такое возможно обычно лишь при поддержке со стороны Великого человека внутри нас (Самости).

Тот факт, что Тень содержит всеохватывающую силу непреодолимого влечения, не означает, однако, что ее во всех случаях следует героически подавлять. Иногда Тень является сильной, потому что побуждение Самости действует в том же направлении. В этом случае трудно разобраться, что же стоит за внутренним давлением — Самость или Тень. В том, что касается подсознания, человек, к сожалению, находится в такой же ситуации, как на местности, освещенной лунным светом: все предметы расплывчаты, сливаются друг с другом, и никогда не разберешь, что где находится или где начало, а где конец. (Это состояние известно под термином «загрязнение» содержимого подсознания).

Называя один из элементов подсознательного Тенью, Юнг соотносил это с достаточно определенным фактором. Но бывает, что все неизвестное для эго перемешивается с Тенью, включая и в высшей степени ценные и значительные силы. Кто, например, мог бы поручиться, был ли француз-головорез из приведенного выше сна опустившимся бродягой или достойным уважения интровертом. Или несущиеся скакуны из другого сновидения: следовало ли позволять им бежать без узды. Если само сновидение не раскрывает ситуацию, решение должен принять тот, кому оно явилось.

Если приснившийся персонаж воплощает достойные, жизненно важные силы, их следует включить в личный опыт, а не подавлять. Тут эго решает, откажется ли оно от гордыни и самодовольства, чтобы пережить нечто с виду весьма мрачное, но

в действительности не являющееся таковым. Для этого могут потребоваться такие же жертвы и решимость, как и при укрощении непреодолимого влечения, но в противоположном смысле.

Этические трудности, возникающие при столкновении человека со своей Тенью, хорошо описаны в 18-й книге Корана, повествующей о встрече Мусы в пустыне с Хадиром («Зеленым» или «первым рабом Бога»). Они продолжают свой путь вместе, при этом Хадир выражает опасение, что Муса не сможет смотреть на его деяния без возмущения, и предупреждает, что расстанется с ним, если Муса не примет его поступков и не поверит ему.

Вскоре после этого разговора Хадир топит рыбацкую лодку бедных селян. Затем на глазах у Мусы убивает симпатичного юношу и, наконец, восстанавливает рухнувшую стену города неверных. Муса не может не выразить своего возмущения, и Хадир вынужден покинуть его. Но перед расставанием он объясняет мотивы своих действий. Утопив лодку, он в действительности спас ее для владельца, потому что пираты собирались украсть ее. Ведь рыбаки могут достать лодку со дна. Симпатичный юноша готовился совершить преступление; убив его Хадир спас его набожных родителей от бесчестья. Восстановив обрушившуюся стену, он спас от разорения двух набожных молодых людей, спрятавших под ней свои богатства. Лишь тогда Муса, возмущение которого было безгранично, понял (правда, слишком поздно), что поспешил с выводами. Поступки Хадира выглядели абсолютным злом, но это не соответствовало действительности.

При наивном восприятии этой притчи можно подумать, что Хадир является непокорной, капризной, злой Тенью набожного и законопослушного Мусы. Но это не так. В гораздо большей степени Хадир олицетворяет некие тайные богодухновенные действия (аналогию можно найти в известном индийском сюжете, лежащем в основе романа «Король и труп» Генри Циммера). Я не случайно сослалась не на сон, чтобы проиллюстрировать эту щекотливую проблему, а выбрала известную притчу из Корана — потому что она дает такое полное обобщение жизненного опыта, которое редко встретишь в чьем-то индивидуальном сне.

Когда в наших сновидениях появляются темные личности, будто желающие чего-то от нас, мы не можем с уверенностью сказать, олицетворяют ли они лишь теневую сторону нас самих

или нашу Самость, или то и другое одновременно. Угадать наперед, символизирует ли отрицательный персонаж недостаток, который мы должны побороть, или же полную значения часть жизни, которую следует принять, — это одна из труднейших проблем на пути к индивидуации. Более того, образы, встречающиеся во сне, часто настолько хрупки и сложны, что нельзя быть уверенным в точности их истолкования. Тогда все, что остается, — это смириться с дискомфортом этических сомнений и продолжать смотреть сны, не принимая окончательных решений или обязательств. Это напоминает ситуацию, в которой оказалась Золушка, когда мачеха разбросала перед ней горсть хороших и испорченных горошин, потребовав разделить их. И хотя дело казалось совершенно безнадежным, Золушка с усердием принялась за сортировку — тут ей и пришли на помощь голуби (а в некоторых версиях муравьи). Эти помощники символизируют таящиеся глубоко в подсознании импульсы, ощутимые только в трудных ситуациях и подсказывающие выход из них.

Обычно где-то в самой глубине своего существа человек обычно прекрасно понимает, куда он должен направиться и что сделать. Но иногда случается, что паяц, которого мы зовем «я», так сбивает нас с толку, что внутренний голос не может достучаться до сознания. Порой все попытки понять намеки подсознания оканчиваются неудачей. И остается одно: набраться храбрости и поступить по наитию, будучи при этом готовым к смене курса, если вдруг подсознание подскажет другой путь. Может статься (и это типично), что человек скорее предпочтет сопротивляться побуждению подсознания, несмотря на ощущение противоестественности своих действии, чем поставить под вопрос то человеческое, что в нем есть. (Так происходит с теми, кто ощущает предрасположенность к преступлению и кому надо его совершить, чтобы почувствовать себя самим собою).

Сила и внутренняя ясность, необходимые для того, чтобы принять решение, тайно исходят от Великого человека, не желающего слишком раскрываться. Может быть, Самость хочет, чтобы эго сделало самостоятельный выбор. А может, она нуждается в помощи сознания, чтобы проявить себя. Когда заходит речь о сложных этических проблемах, никому не дано разобраться в поступках других людей. Каждый сам должен

изучить свои проблемы и попытаться определить, какое решение будет дня него правильным. Как сказал один много переживший дзэн-буддийский наставник, мы должны следовать примеру пастуха, «с кнутом в руках следящего за тем, чтобы его стадо не паслось на чужих лугах».

Эти новые открытия глубин психологии не могут не привести к некоторым изменениям в наших коллективных этических воззрениях, поскольку теперь мы будем вынуждены использовать для оценки любых человеческих действий более индивидуальный и утонченный подход. Открытие подсознания является одним из самых далеко идущих открытий последнего времени. Но тот факт, что признание реальности подсознательного сопряжено с необходимостью честного самоизучения и переустройства своей жизни, побуждает многих вести себя так, словно ровным счетом ничего не случилось. Чтобы воспринимать подсознание всерьез и биться над задачами, которые оно ставит, требуется большое мужество. Большинство людей слишком праздны, чтобы серьезно задуматься даже об известных им огрехах в своей нравственности, и, тем паче, чересчур ленивы для анализа влияний подсознательного.

Женщина внутри: анима

Сложные и деликатные вопросы возникают не только из-за деятельности Тени. Часто их поднимает другой «внутренний персонаж». В снах мужчин он олицетворяется в подсознании образом женщины, а в снах женщин — наоборот, образом мужчины. Часто этот второй символический персонаж действует за спиной Тени, создавая дополнительные и специфические проблемы. Юнг назвал его «анимус» в мужской и «анима» в женской ипостаси.

Анима — это олицетворение всех проявлений женственного в психике мужчины: таких как смутные чувства и настроения, пророческие озарения, восприимчивость к иррациональному, способность любить, тяга к природе и — последнее по порядку, но не по значению — способность контакта с подсознанием. Не случайно в древности для разгадывания воли богов и установления связи с ними использовались именно жрицы (подобно

греческой Сивилле). Особенно наглядный пример восприятия анимы как внутреннего персонажа мужской психики мы обнаруживаем у знахарей и прорицателей (шаманов) эскимосов и других северных племен. Некоторые из них даже носят женскую одежду, либо изображают на своей одежде женские груди, чтобы показать женскую сторону своей природы, позволяющую связываться со «страной духов» (то есть, с подсознанием).

В одном из дошедших до нас случаев молодой человек проходил обряд посвящения под руководством старшего шамана, в ходе чего был закопан в снежную яму. Он впал в состояние дремоты и полного опустошения. В этом состоянии, подобном коме, он внезапно увидел излучающую свет женщину. Она научила его всему, что требовалось, и, став позднее его духом-хранителем, помогала ему, связывая его с силами потустороннего мира. Здесь анима предстает как олицетворение мужского подсознания.

Индивидуальные проявления мужской анимы складываются, как правило, под воздействием материнских черт. Если мать человека оказывает отрицательное влияние, то его анима чаще всего будет проявляться в раздраженных, подавленных настроениях, состоянии неуверенности, тревоги и повышенной возбудимости. (Однако преодоление подобных негативных воздействий лишь помогает упрочить мужественность). В душе такого мужчины отрицательный образ матери — анима — бесконечно повторяет: «Я никчемен. Все бессмысленно. У других все иначе, чем у меня. Ничто меня не радует». Такие настроения вызывают хандру, страх заболеть, стать импотентом или жертвой несчастного случая. Вся жизнь видится тягостной и печальной. Это может даже довести человека до самоубийства; анима тогда становится демоном смерти В такой роли она появляется в кинофильме Кокто «Орфей».

Французы называют дам, подобных аниме, роковыми женщинами. (Этот мрачный типаж несколько смягчен в образе Царицы Ночи в опере Моцарта «Волшебная флейта»). Греческие сирены или немецкие лорелеи олицетворяют другой опасный аспект анимы — склонность предаваться разрушительным иллюзиям. Приводимая ниже сибирская сказка иллюстрирует поведение такой разрушительной анимы:

«Однажды одинокий охотник повстречал в лесной чаще у реки красивую женщину. Она помахала ему с другого берега и запела:
Приди ко мне, добрый молодец, приди в тишь закатную.
Иди же скорей, извелась я тебя ожидаючи.
Дай обнять мне тебя, дай обнять скорей.
Мое гнездышко уже ждет тебя, ждет тебя мое гнездышко.
Приди же ко мне, добрый молодец, сей же миг в тишь закатную.
Охотник разделся и переплыл через реку, но тут женщина обернулась совой и улетела смеясь. Когда же он поплыл обратно за одеждой, то утонул в ледяной стремнине».

В этой сказке анима символизирует неосуществимую мечту о любви, счастье и материнском тепле («гнездышко») — мечту, уводящую далеко в сторону от реальности. Охотник тонет, потому что погнался за обольстительной, но не реализуемой фантазией. Кроме того, негативный образ анимы может проявиться у мужчин в форме острых, язвительных, оскорбительных реплик, обесценивающих все и вся. Они всегда в чем-то упрощают истину, искажая ее до неузнаваемости, и потому несут разрушительный заряд.

Во всем мире распространены сказания, в которых действует дева-отравительница. Это красавица, в одеждах которой обычно таится оружие или смертоносный яд. Ими она убивает своих любовников в первую же ночь. В этом обличье анима так же холодна и своенравна, как и некоторые необъяснимые аспекты самой природы. В Европе она и по сей день дает о себе знать верой в ведьм.

С другой стороны, когда восприятие матери у мужчины позитивно, это тоже может повлиять на аниму характерным образом. Мужчина либо становится женоподобным, либо его начинают всячески превозносить женщины, что никак не способствует преодолению трудностей жизни. Такого рода анима может превратить мужчину в сентименталиста или сделать его обидчивым, как старая дева, или чувствительным, как принцесса на горошине (ощущавшая помеху, как известно, под тридцать перин).

Встречаются и более тонкие проявления негативной анимы. В некоторых сказках они заключены в образе принцессы, загадывающей претендентам на ее руку и сердце загадки или предлагающей им сыграть в прятки. Не угадавшего или найденного

казнят — принцесса всегда одерживает победу. Анима в таком обличье вовлекает мужчин в деструктивную интеллектуальную игру. Мы можем заметить, что в результате хитрости анимы диалог с ней получается неврастенического псевдоинтеллектуального толка и лишь отрывает мужчин от реальной жизни с ее проблемами. Избыточность размышлений о жизни приводит к отрыву от нее и утрате непосредственности восприятия и самовыражения.

Чаще всего анима проявляется как эротическая фантазия. Таковые обычно возникают у мужчин после просмотра соответствующих кинофильмов, посещения стриптиз-шоу или разглядывания порнографических журналов. Это грубый, примитивный аспект анимы, который становится навязчивым, когда мужчине не хватает нормальных чувственных отношений, то есть когда его восприятие жизни остается инфантильным.

Во всех этих проявлениях анима, так же как и Тень, обладает свойством проекции, вызывающим у мужчин впечатление, будто речь идет о качествах какой-то определенной женщины. Именно присутствие анимы заставляет мужчину внезапно влюбиться, когда, впервые увидев женщину, он сразу видит, что это — «она». Мужчина чувствует, будто давным-давно знает эту женщину, и влюбляется в нее так безнадежно, что для посторонних это выглядит полным сумасшествием. Женщины, обладающие «сказочным характером», особенно притягивают к себе такие проекции анимы, потому что мужчины могут приписать почти все что угодно созданию столь чарующе неопределенному, что любая фантазия его не покажется слишком невероятной.

Проецирование анимы в такой внезапной и бурной форме, как влюбленность, может нарушить семейную жизнь, породив так называемый «любовный треугольник» с его очевидными проблемами. Приемлемое решение такой ситуации можно найти, только распознав аниму как внутреннюю силу. Тайная цель подсознания в создании таких трудностей заключается в том, чтобы подтолкнуть личность к развитию и большей зрелости путем формирования цельности сначала в подсознании, а затем переведения ее в область сознательного.

Но я уже достаточно сказала о негативных аспектах анимы. Пора поговорить и о позитивных сторонах, которых ничуть не меньше.

Анима (женское начало в мужской психике) часто предстает в образе ведьмы или жрицы — то есть женщины, имеющей связь с «силами тьмы» или с «духовным миром» (т.е. с подсознанием). Колдунья с чертенятами и демонами (гравюра XVII в.)

Например, благодаря аниме возможен верный выбор супруги. Не менее важной является и другая функция: когда логическое мышление человека не способно различить скрытые в подсознании факты, анима помогает раскрыть их. Еще серьезнее роль анимы в настраивании разума на одну волну с внутренними ценностями. Тем самым открывается путь к потайным глубинам внутреннего «я». Это выглядит, как будто на внутреннем «радиоприемнике» найдена та волна, что позволяет без помех слышать голос Великого человека. В установлении этой связи анима берет на себя роль проводника или посредника по отношению к внутреннему миру Самости. Именно эту роль она исполняет в приведенном выше примере шаманского ритуала посвящения, такова же роль Беатриче в «Божественной комедии» Данте, как и богини Исиды, являющейся во сне Апулею, знаменитому автору «Золотого осла», чтобы подготовить его к более духовной жизни.

Сновидение сорокапятилетнего психотерапевта может помочь уяснить, каким образом анима может стать внутренним проводником. Когда этот человек ложился спать, то подумал, что в одиночку, без поддержки церкви, трудно идти по жизни. Он почувствовал, что завидует людям, о которых по-матерински заботится какая-нибудь община. (Он родился в протестантской семье, но с тех пор утратил религиозные убеждения). А потом ему приснился сон:

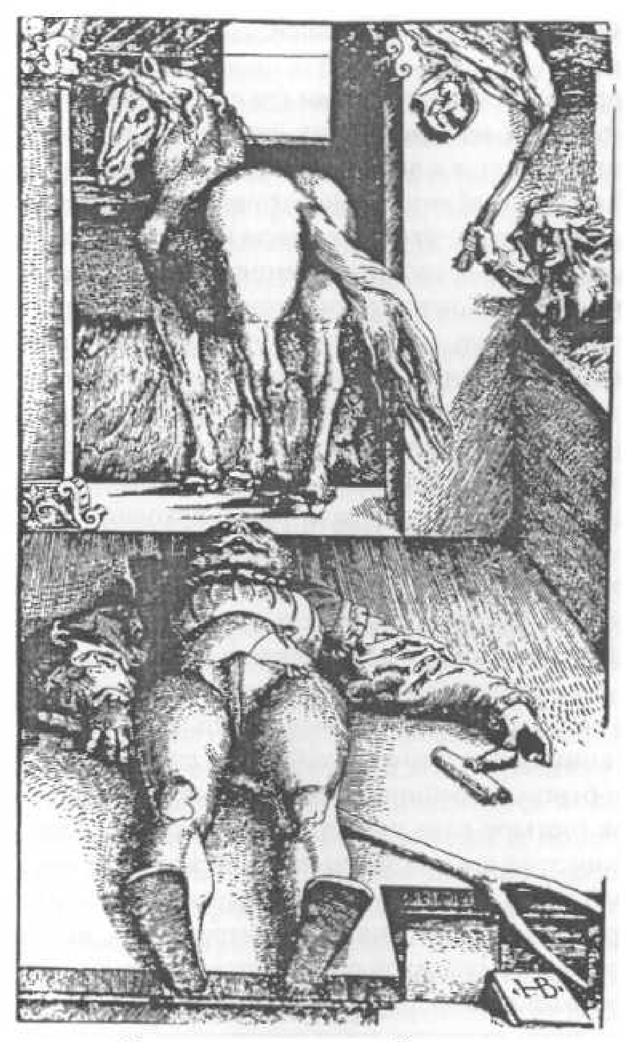
«Я нахожусь в приделе старой церкви, заполненном людьми. Вместе с матерью и женой я сижу в конце придела, будто бы на дополнительных местах. Подобно священнику я должен отслужить мессу, и

в руках у меня большой требник, а может, молитвенник. Я очень волнуюсь. Эта книга незнакома мне, и я не могу найти нужный текст. Я волнуюсь, потому что мне скоро начинать, а тут еще мать с женой отвлекают болтовней о всяких пустяках. Органная музыка стихает, все уже ждут меня; я решительно встаю и прошу одну из монахинь, стоящих коленопреклоненно впереди, подать мне ее требник и указать в нем нужное место, что она послушно исполняет. В этот момент та же самая монахиня, подобно служке, ведет меня к алтарю, который находится где-то позади и левее меня. Такое впечатление, что мы приближаемся к нему из бокового нефа. Требник похож на лист с рисунками из твердой и толстой бумаги трех футов в длину и фут в ширину, на которой колонки текста чередуются со старинными рисунками. Прежде чем начну я, часть литургии должна прочесть монахиня, а я все еще не могу найти нужное место. Монахиня сказала мне, что это пятнадцатый абзац, но цифры нечетки и я не могу найти его. Тем не менее я с решимостью поворачиваюсь к прихожанам и все-таки нахожу пятнадцатый абзац (предпоследний на листе), хотя не уверен, смогу ли разобрать слова. Но все равно хочу попытаться. Тут я просыпаюсь».

Для анимы (как и для Тени) характерны две составляющие: благожелательная и злокозненная. Бедоносными являются и лорелеи из тевтонских мифов (*справа:* рисунок XIX в.) — водяные духи, пением завлекающие мужчин в сети смерти. *Слева* иллюстрация на эту же тему по мотивам славянского мифа о русалках, слывших душами утонувших девушек, которые очаровывают и топят попадающихся им мужчин (И. Билибин)

Традиционно изображение демонической анимы в виде безобразной ведьмы — на рисунке германского художника XVI в. Г. Х. Бальдунга «Заколдованный жених»

Этот сон означает символический ответ подсознания на мысли, посетившие сновидца накануне вечером. Фактически сон говорит ему: «Ты сам можешь стать священником твоей собственной внутренней церкви — церкви твоей души». Таким образом, сон показывает, что сновидец пользуется помощью и

поддержкой церкви, но не внешней, а обитающей в его собственной душе.

Находящиеся в церкви люди (то есть качества его психики) хотят, чтобы он действовал как священник и отслужил мессу. При этом не имеется в виду настоящая служба, так как фигурирующий во сне требник сильно отличается от настоящего. Создается впечатление, что идея мессы использована как символ, означающий акт жертвоприношения в присутствии божества, с которым человек может войти в контакт. Такая трактовка этого символа, конечно, не является общеприменимой, а представляет лишь частный случай. Характерно, что эта трактовка встретилась во сне протестанта, потому что активно верующие католики обычно воспринимают аниму в образе самой церкви, священные символы которой для них — символы подсознания.

У нашего сновидца не было такой духовной практики, поэтому ему приходится идти собственным путем. А сон подсказывает ему, что надо делать. Подсказывает вот как: «Твоя привязанность к матери и открытость миру (представленная во сне супругой — экстравертом) отвлекают тебя и вселяют неуверенность, а бессмысленная болтовня мешает тебе отслужить внутреннюю мессу. Но если ты последуешь за монахиней (интровертная анима), она поможет тебе и как слуга, и как священник. У нее необычный требник, состоящий из шестнадцати древних рисунков (четыре раза по четыре). Твоя месса заключается в созерцании этих шестнадцати психических образов, открываемых твоей религиозной анимой». Другими словами, если сновидец преодолеет внутреннюю неуверенность, вызванную материнским комплексом, он поймет, что призван служить Богу и что сосредоточенное обдумывание смысла символических образов его души приведет его к реализации этого призвания. В этом сновидении анима появляется, наконец, в своей истинной позитивной роли: в качестве посредника между эго и Самостью. Расположение текста и картинок по четыре указывает на то, что служба этой внутренней мессы исполняется ради целостности. Как показал Юнг, ядро психики (Самость) обычно выражает себя в виде четырехуровневой структуры. Число «четыре» также связано с анимой, поскольку ее развитие, как отметил Юнг, проходит через четыре стадии. Первую стадию лучше всего сим-

волизирует образ Евы: чисто инстинктивные и биологические связи. Вторую стадию можно наблюдать в образе Елены в «Фаусте». Она олицетворяет романтический и эстетический уровень, которому еще присущи черты сексуальности. Третья стадия представлена Девой Марией — образом, поднимающим любовь (эрос) до вершин духовной преданности. Четвертый тип символизирует Сапиенция — высшая мудрость, превосходящая высшие святость и чистоту. Другим символом этого уровня является образ Суламифи в Песне Песней Соломона. (Психическое развитие современного человека очень редко позволяет достичь этой стадии. Очень близка к такой премудрой аниме Мона Лиза).

На этом этапе мы ограничимся констатацией того, что концепция четверичности (или «кватерности») часто встречается в определенных типах символического материала. Далее мы вернемся к этому вопросу и рассмотрим его более обстоятельно.

Что же означает на практике роль анимы как проводника по внутреннему миру? Эта позитивная функция возникает, когда человек относится серьезно к сновидениям, настроениям, ожиданиям и фантазиям, посылаемым его анимой, и фиксирует их в той или иной форме, например в письменных произведениях, картинах, скульптурах, музыкальных композициях или танцах. Причем, если он работает над этим терпеливо и не спеша, то из недр психики каждый раз появляются новые, более глубокие идеи и впечатления, развивающие и дополняющие предыдущий материал. После того как предмет фантазии был так или иначе зафиксирован, его надо подвергнуть проверке разумом и совестью. При этом важно рассматривать его как абсолютно реальную вещь: не должно быть никаких, даже смутных сомнений в серьезности происходящего или подозрений, что это лишь плод вашего воображения. Если такой подход усердно практиковать в течение длительного времени, то процесс индивидуации постепенно станет единственной реальностью и сможет развиваться в его истинной форме.

Во многих литературных произведениях анима изображается как проводник и посредник на пути к внутреннему миру: «Гипноэротомахия» Франческо Колонны, «Она» Райдера Хаггарда, или как «бессмертная женщина» в «Фаусте» Гете. В одном средневековом мистическом тексте анима разъясняет свою

сущность следующим образом: «Я полевой цветок и лилия долин. Я мать совершенной любви и страха, знания и святой надежды. Я миротворец среди элементов, примиряю их друг с другом, теплое я превращаю в холодное и наоборот, сухое — в мокрое и наоборот, а твердое размягчаю... В священнике я — завет, в предсказателе — слово, в мудреце — совет. Я убью и оживлю, и никто не уйдет от меня».

В средние века в духовной сфере произошло заметное обособление религиозного от поэтического и других направлений культуры, поэтому фантастический мир подсознания стал осознаваться четче, чем прежде. Во время этого периода рыцарский культ дамы ознаменовал попытку выделить в мужском характере женское начало — как в его проявлениях по отношению к окружающим женщинам, так и в его влиянии на внутренний мир личности.

Дама, служению которой рыцарь посвящал себя и для которой совершал героические поступки, олицетворяла, естественно, аниму. Имя носительницы Чаши Грааля в версии легенды, написанной Вольфрамом фон Эшенбахом, особенно значимо — Conduir-amour (Путеводительница в любви). Она учила героя тому, что чувства к женщине и обращение с ней не обязательно совпадают. Позднее, однако, стремление к развитию индивидуальных связей с анимой было оставлено, ибо воплощаемое в ней возвышенное начало слилось с образом Девы Марии, ставшей всеобщим объектом безграничного почитания и преклонения. Когда анима, как и Дева Мария, считалась исключительно положительным созданием, ее негативные аспекты находили отражение в вере в ведьм.

В Китае образом, аналогичным образу Марии, является богиня Гуань Инь. Более популярным воплощением анимы в Китае является «Дама Луны», наделяющая своих любимцев даром поэзии или музицирования, а иногда даже и бессмертием. Этот же самый архетип в Индии представлен богинями Шакти, Парвати, Рати и многими другими; у мусульман — это Фатима, дочь Магомета.

Поклонение аниме как общепризнанному символу приносит серьезное неудобство, выражающееся в том, что она теряет свои индивидуальные черты. С другой стороны, если рассмат-

ривать ее как явление исключительно личностное, существует опасность, что, спроецировав ее во внешний мир, вы не сможете обнаружить ее у себя. В последнем случае человека может охватить невыносимая тревога, и он станет жертвой своих эротических фантазий или полностью зависимым от какой-то конкретной женщины.

На этой стадии только мучительное (хотя в сущности простое) решение серьезно отнестись к игре своего воображения и к своим чувствам может предотвратить полную остановку внутреннего процесса индивидуации, поскольку лишь таким путем можно понять, что же означает рассмотренный образ внутренней реальности. Таким образом анима снова становится первоначальной «женщиной внутри», передающей жизненно важные послания Самости.

Мужчина внутри: анимус

Олицетворение мужского начала в женском подсознании — анимус — имеет, подобно аниме у мужчин, и позитивные, и негативные черты. Но анимус не так часто проявляется в форме эротических фантазий или настроений. Для него более характерна не явная, но непреклонная убежденность. Когда такая убежденность изливается трубным, настойчивым мужским голосом или навязывается окружающим посредством грубых скандальных сцен, то нетрудно распознать за этим женскую мужеподобность. Но даже у женщины с очень женственной внешностью анимус может представлять в не меньшей степени жесткую, неумолимую силу. Иногда в женщинах открывается нечто упрямое, холодное и совершенно недоступное.

Одна из любимых тем, бесконечно муссируемых анимусом, звучит в размышлениях женщин примерно так: «Единственное, чего я хочу, это любви, а он не любит меня», или: «В этой ситуации возможны два варианта и оба одинаково никудышны» (анимус никогда не верит в исключения). Мало кто может что-то противопоставить мнению анимуса, потому что в общем оно обычно всегда верно, хотя и редко подходит к конкретной ситуации. Как правило, оно звучит убедительно, но не по существу.

Так же, как характер анимы мужчин формируется под влиянием матери, у женщин основное влияние на анимус оказывает отец. Отец наделяет анимус дочери особым колоритом, определяемым несколькими бесспорными, не требующими доказательств убеждениями, которые никогда не отражают индивидуальность самой женщины.

Вот почему анимус иногда, подобно аниме, воплощает демона смерти. В одной цыганской легенде, например, говорится об одинокой женщине, принимающей симпатичного незнакомца несмотря на приснившийся ранее сон, предупреждавший, что этот незнакомец — король смерти. Пробыв с ним вместе некоторое время, она пытает, кто он такой на самом деле. Сначала он отказывается раскрыться, заявив, что она умрет, если узнает. Она, однако, настаивает. Внезапно он признается, что является самой смертью. Женщина моментально умирает от страха.

С мифологической точки зрения красивый незнакомец является, вероятно, языческим образом отца или образом бога, выступающего здесь в роли короля мертвых (подобно похитившему Персефону Гадесу). Но с психологической точки зрения это одно из проявлений анимуса, которому свойственно изолировать женщин от контактов с людьми вообще и особенно от контактов с реальными мужчинами. При этом мечтания о будущем, где эмоции перемежаются трезвыми рассуждениями, образуют своего рода кокон, отделяющий женщину от реальной жизни.

Негативный анимус появляется не только в роли демона смерти. В мифах и сказках он выступает в роли грабителя и убийцы, как, например, Синяя Борода, убивающий всех своих жен в потайной комнате. В этом образе анимус воплощает все те полуосознанные, холодные и разрушительные мыслишки, которые приходят к женщинам по ночам, и особенно к тем из них, кому не удается понять, что чувство предполагает некоторую ответственность, а не только удовольствие.

Именно в такие минуты накатывают размышления о судьбе наследства и других подобных вещах, разум опутывает паутина расчетливых и злых мыслей. В таком состоянии женщина готова пожелать смерти даже близким. («Когда один из нас умрет, я перееду в Ривьеру», — говорит жена мужу, увидев пре-

красное Средиземноморское побережье, считая эту мысль относительно невинной из-за того, что она высказана вслух).

Вынашивая тайные разрушительные замыслы, жена может довести мужа — а мать довести детей — до болезни, несчастного случая или даже смерти. Бывает, что мать решает удержать детей от вступления в брак, но не осознает этого. Подобные злонамерения обычно глубоко скрыты в подсознании. (Наивная пожилая женщина однажды сказала мне, показывая портрет сына, утонувшего, когда ему было двадцать семь лет: «Я предпочитаю такой исход, чем отдать его другой женщине»).

Иногда в результате воздействия анимуса на подсознание возникают странная пассивность и паралич всех чувств, или глубокая неуверенность в себе, доходящая порой до ощущения полной никчемности. Глубоко внутри анимус нашептывает: «Ты безнадежна. Что толку пытаться? Нет никакого смысла что-либо делать. Жизнь никогда не переменится к лучшему».

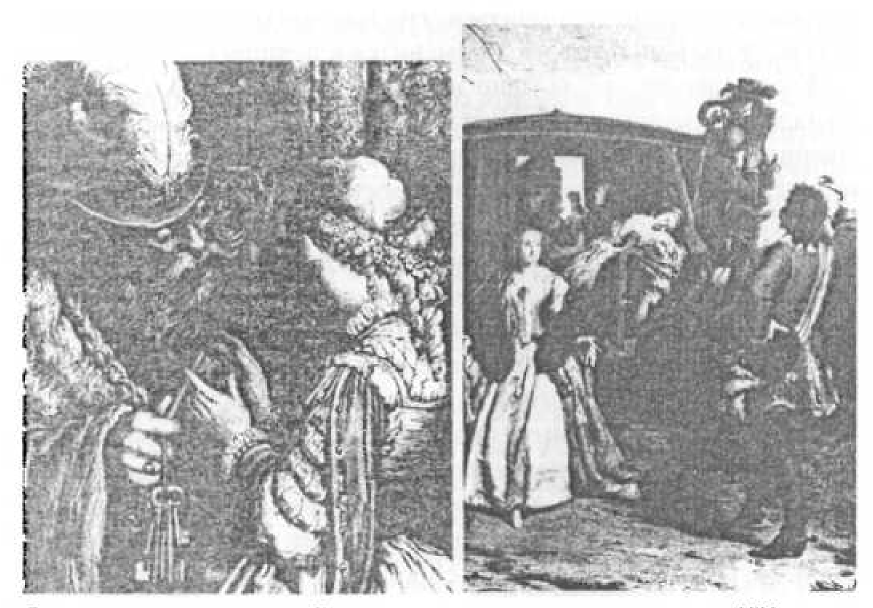
К сожалению, когда одно из таких состояний подсознания завладевает нашим разумом, нам кажется, будто это наши собственные мысли и ощущения. Эго отождествляется с ними до такой степени, что не может отдельно воспринимать их, а значит, и распознать, что они представляют из себя на самом деле. Это настоящая «одержимость» явившимся из подсознания явлением. И только после того как одержимость исчезает, человек с ужасом осознает, что говорил и действовал в диаметрально противоположной своим истинным мыслям и чувствам манере, то есть был жертвой чужеродного психического фактора.

Подобно аниме, анимус включает не только негативные качества: жестокость, безрассудство, болтливость и негласные, но стойкие злобные идеи. Анимус имеет также и весьма ценные качества, его творческий потенциал может проложить путь к Самости. Нижеследующий сон сорокапятилетней женщины хорошо это иллюстрирует:

«Два человека в масках пробираются на балкон, а с него в дом. Они закутаны в черные плащи с капюшонами и, кажется, хотят замучить меня и мою сестру. Она прячется под кровать, но они выгоняют ее оттуда и пытают. Затем подходит моя очередь. Главарь прижимает меня к стене, совершая магические пассы перед моим лицом. Тем временем его помощник что-то рисует на стене.

Увидев это, я, говорю, чтобы не разозлить их еще больше: «О, вы хорошо рисуете!» В этот момент мой мучитель поворачивается ко мне и оказывается, что у него благородное лицо человека искусства. Он гордо говорит: «Да, действительно», — и начинает протирать очки».

Страх перед садистскими намерениями этих двух персонажей хорошо знаком сновидице, часто испытывавшей в своей дневной жизни сильнейшие приступы тревоги, во время которых ее преследовала мучительная мысль, что люди, которых она любила, в большой опасности или даже мертвы. Но тот факт, что образ анимуса в сновидении раздвоен, предполагает, что грабители олицетворяют двойственный по своему воздействию психический фактор, который может и не совпадать с этими не-

Два примера воплощений опасного анимуса: *слева:* гравюра XIX в. французского художника Густава Доре иллюстрирует сказку о Синей Бороде. Здесь Синяя Борода предупреждает свою жену не открывать одну из дверей. (Конечно, она поступает наоборот и находит тела прежних жен Синей Бороды. После чего она разделяет их участь). *Справа:* на картине XIX в. разбойник с большой дороги Клод Дюваль, ограбив путешествующую леди, возвращает награбленное с условием, что та немного потанцует с ним прямо на дороге

выносимыми мыслями. Сестра сновидицы, убегающая от мужчин, схвачена и подвергается пыткам. В действительности же сестра ее умерла совсем молодой. У нее было художественное дарование, но она очень мало использовала свой талант. Затем из сновидения вытекает, что грабители в масках на самом деле — переодетые художники и что если сновидица признает их дарование (то есть свое собственное), то они оставят свои дурные намерения.

В чем же заключается глубинный смысл этого сновидения? Он в том, что регулярно повторяющиеся приступы тревоги скрывают под собой реальную смертельную опасность, но вместе с тем — и творческую возможность. Как и у сестры, у женщины имеется определенный художественный дар, но она не уверена, сможет ли живопись стать делом ее жизни. Сон честно предупреждает, что она должна реализовать свое дарование. Если она последует этому совету, то разрушительная и мучительная энергия анимуса преобразуется в осмысленную творческую деятельность.

Как и в только что описанном сновидении, анимус часто является в виде группы мужчин. Так подсознание иллюстрирует тот факт, что анимус скорее коллективный, нежели индивидуальный образ. Из-за этого женщины тяготеют к мышлению категориями группы, особенно часто употребляя слова: «мы», «они» или «все», а также «всегда», «следует», «должны» (особенно когда через них говорит анимус).

Во многих мифах и сказках говорится о принце, превращенном колдуньей в животное или чудовище и вновь обращенного в человека любовью, что символизирует процесс, в котором анимус становится осознанным явлением (см. комментарии д-ра Хендерсона о значении мотива «Красавица и Чудовище» в предыдущей главе). Очень часто героине не позволяют задавать вопросы о ее таинственном и остающемся неизвестным возлюбленном и муже; или же она встречает любимого только в темноте и никак не может разглядеть его. Скрытый смысл этого заключается в том, что только нерассуждающая вера и любовь способны помочь героине вернуть жениха. Но обещание соблюдать запреты всегда нарушается, и только ценой долгих и трудных поисков и глубоких страданий ей удается найти возлюбленного.

Это иносказание отражает тот факт реальной жизни, что осознанное внимание, которое женщина должна уделять проблеме

своего анимуса, отнимает много времени и приносит ей много переживаний. Но если она поймет, что такое ее анимус и что он делает для нее, а главное, убедится в его реальности и не позволит ему захватить свой разум, то анимус может превратиться в бесценного внутреннего соратника, который наделит ее истинно мужскими качествами — инициативой, храбростью, объективностью и духовной мудростью.

Воплощения четырех стадий анимуса. Первая, всецело физиологическая — вымышленный герой джунглей Тарзан (в роли Тарзана Джонни Вейсмюллер). Вторая, «романтический» тип — наподобие английского поэта XIX в. Шелли, или тип «человека действия», такого, как американский писатель Эрнест Хемингуэй, который был еще и героем войны, охотником и т.д. Третья — человек, несущий Слово в массы — как Ллойд Джордж, несравненный политический оратор. Четвертая — мудрый наставник, ведущий к духовной истине часто проецируется на образ Ганди

В точности как анима, анимус проходит через четыре стадии развития. На первой он знаменует простую физическую силу, например, как чемпион по легкой атлетике или мужчина с горой мышц. На следующей стадии он олицетворяет инициативу и способность планировать свои действия. На третьей — анимус представляет «слово», зачастую реализуясь в качестве профессора или религиозного деятеля. Наконец, в четвертой — анимус становится воплощением смысла. На этом высшем уровне он опосредует, подобно аниме, религиозный опыт, через который жизнь приобретает новый смысл. Он придает женщине духовную твердость, невидимую внутреннюю поддержку, что компенсирует ей внешнюю мягкость. Анимус в его наиболее развитой форме способен устранить разъединенность разума женщины и ее духовности, приходящую с возрастом, что усиливает ее восприимчивость к новым творческим идеям в противовес мужчинам. Именно по этой причине женщины в древние времена становились у многих народов гадалками и прорицательницами. Творческая смелость их позитивного анимуса иногда рождает мысли и идеи, вдохновляющие человечество устремляться к новым свершениям.

«Внутренний мужчина» в психике женщины может спровоцировать супружеские неприятности, аналогичные описанным в разделе об аниме. Ситуация особенно усложняется, когда одержимость одного партнера анимусом (или анимой) автоматически передается другому, то есть оказывает на него такое раздражающее воздействие, что он (или она) также делается одержимым. Анимус и анима всегда стремятся обеднить тематику и лексику разговора для создания атмосферы несогласия, раздраженности и неприятных эмоций.

Как я уже отмечала выше, анимус, как позитивное начало, может олицетворять предпринимательский дух, смелость, правдивость и в своих высших проявлениях духовную мудрость. Через него женщина может объективно воспринимать процесс развития своей личности, обретая собственный путь духовного развития. Это, естественно, предполагает, что ее анимус перестает позволять себе безапелляционные высказывания. Женщина должна быть достаточно смелой и умственно раскрепощенной, чтобы усомниться в истинности собственных убеждений.

Только тогда она будет способна воспринять рекомендации подсознания, особенно если они противоречат мнению анимуса. Только тогда проявления Самости пробьются к ней и она сможет осознать их смысл.

Самость: символы целостности

Если индивидуум достаточно серьезно и долго боролся с проблемой анимы (или анимуса) и добился прекращения отождествления с ними части своей личности, подсознание вновь изменяет характер своего влияния и выступает в новой символической форме, представляющей Самость — глубочайшее ядро психики. В сновидениях женщин этот центр обычно олицетворяется верховным женским образом — священнослужительницей, волшебницей, матерью-землей или богиней природы и любви. У мужчин он проявляется как человек, посвящающий в тайные образы или их хранитель (индийский гуру), мудрый старец, дух природы и т.д. Приведем два народных сказания, иллюстрирующие роль, в которой может выступать подобный персонаж. Первое из них — австрийская легенда:

> «Король приказал солдатам расставить в церкви ночной караул рядом с телом черной принцессы, умершей в результате колдовства. Каждую полночь она встает и убивает часового. Наконец один солдат, которому пришел черед охранять, испугался и убежал в лес. Там он встретил старика-барда, а на самом деле — Господа Бога. Музыкант рассказал ему, где спрятаться в церкви и как себя вести, чтобы черная принцесса не смогла поймать его. Благодаря волшебной помощи, солдату удается спасти принцессу от заклятья и жениться на ней».

Ясно, что «старик-бард, а на самом деле — Господь Бог» представляет собой, выражаясь психологическими терминами, символическое олицетворение Самости. С его помощью эго избегает уничтожения и становится способно преодолеть очень опасный аспект анимы, и даже добиться его полного перерождения.

Как отмечалось выше, в женской психике Самость воплощается в женских образах. Это иллюстрирует следующая притча эскимосского происхождения:

«Одинокая девушка, разочаровавшаяся в любви, встретила колдуна, путешествующего на медной лодке. Это «Дух луны», создавший всех животных и наделяющий удачей охотников. Он насильно уносит девушку на небеса. Однажды, когда Лунный Дух куда-то отбыл, девушка пошла в избушку около его дома и встретила там женщину-лилипутку, одетую в пленку от кишок бородатого тюленя, которая предупредила гостью, что Дух луны намеревается убить ее. (Оказалось, он убивает женщин, как Синяя Борода). Лилипутка сплела длинную веревку по которой девушка может спуститься с завязанными глазами на землю в новолуние, когда силы Духа луны ослабевают, а лилипутка может усилить эту слабость. Девушка спустилась по веревке вниз, но, ступив на землю, забыла открыть сразу же глаза, как ее учила лилипутка, и поэтому навсегда превратилась в паука».

Как уже отмечалось выше, бог-музыкант из первой истории представляет «мудрого старца» — типичное олицетворение Самости. Этот образ напоминает легендарного волшебника Мерлина или древнегреческого бога Гермеса. Крошка-лилипутка в своем странном пленочном одеянии является прообразом Самости в женской психике. Старый музыкант спасает героя от разрушительной анимы, а лилипутка защищает девушку от эскимосского Синей Бороды (фактически это ее анимус в роли Духа луны). Последний случай, однако, плохо кончается, но к этому я вернусь позже.

Самость не всегда выступает в облике старца-мудреца или старухи-вещуньи. Эти парадоксальные образы представляют собой нечто универсальное как для молодости, так и для старости. В другом сновидении, приснившемся мужчине средних лет, Самость появляется в облике молодого человека:

«С улицы в наш сад въехал юный всадник. (Сад не был огорожен кустами или забором, как обычно, и проникнуть туда мог любой). Я понятия не имел, прибыл ли он с какой-то целью или его привела сюда лошадь. Я стоял на дорожке, идущей в мастерскую, и наблюдал за ним с большим удовольствием. Вид юноши на прекрасном скакуне произвел на меня сильное впечатление. Лошадь была небольшой, дикой, сильной и очень подвижной. Она напоминала кабана из-за покрывающей ее толстой серой шерсти, отливающей серебром. Юноша проехал мимо меня, между мастерской и домом. Спрыгнув с лошади, он осторожно отвел ее в сторону, чтобы не

затоптать цветочную клумбу с дивными багряными и алыми тюльпанами. Клумбу переделала и посадила на ней цветы моя жена».

Юноша здесь символизирует Самость, а также обновление жизни, созидательную жизненную силу и новую духовную ориентацию, благодаря которой все оживает и активизируется. Если человек будет следовать указаниям своего подсознания, оно наделит его таким даром, и жизнь, бывшая серой и скучной, внезапно превратится в восхитительное и не прекращающееся приключение, полное творческих возможностей.

В женской психике такое же юное воплощение Самости может принять облик сверхъестественно одаренной девушки. Об этом дает представление следующий сон одной пятидесятилетней женщины:

«Я мыла тротуар перед церковью. Затем, как раз в тот момент, когда учеников школы отпустили домой, я побежала вниз по улице и подошла к зацветшей реке, через которую была положена доска или ствол дерева. Но когда я попыталась перейти реку, один озорной школьник прыгнул на доску так, что она треснула, и я чуть не упала в воду. «Идиот!» — закричала я. На другом берегу реки играли три маленькие девочки. Одна из них протянула мне руку, чтобы помочь. Я подумала, что ее маленькая ручка недостаточно сильна, но, когда я ухватилась за нее, девочка без малейшего усилия вытащила меня на берег».

Сновидица — верующая (протестантка), но, как показывает ее сон, она не может больше оставаться таковой. Похоже, что она утратила возможность вернуться в церковь, хотя и пытается поддерживать, по мере возможности, чистоту у входа. Сон показывает, что она должна пересечь реку со стоячей водой, что означает, что ход жизни замедлился из-за нерешенной религиозной проблемы. (Переправа через реку — это часто встречающийся символ коренных перемен в поведении). Приснившийся школьник был истолкован самой сновидицей как олицетворение ранее вынашиваемой мысли о том, что она могла бы удовлетворить свои духовные потребности, посещая колледж. Ясно, что сновидение не очень-то воплощает это намерение. Когда она отваживается пересечь реку в одиночку, олицетворение Самости — маленькая, но сверхъестественно сильная девочка помогает ей.

Однако человеческое обличье, будь то молодой или пожилой человек, является далеко не единственным, в котором может появиться Самость в снах или видениях. Различные возрасты, в которых она является, указывают не только на то, что Самость пребывает с нами на протяжении всей жизни, но и на то, что она существует за пределами осознаваемого потока жизни, в котором мы воспринимаем течение времени.

Самость не только не умещается в рамки осознаваемого нами потока времени (то есть в наше пространственно-временное измерение), но является вездесущей. Более того, она часто принимает облик, указывающий на вездесущность особого рода, а именно — облик исполинского человека, охватывающего и содержащего в себе весь космос. Когда такой образ появляется в сновидении индивидуума, можно надеяться, что его проблемы будут творчески разрешены, ибо активизировался жизненно важный психический центр (то есть вся личность собралась в единое целое для преодоления возникших трудностей).

Слева: титульный лист книги «Левиафан» английского философа XVII в. Томаса Гоббса. Гигантская фигура Левиафана создана из всех людей империи — идеального, по Гоббсу, общества, в котором люди сами выбирают себе властителя или «монарха» (отсюда и корона, меч и скипетр Левиафана). *Справа:* персонаж древнего Китая Пань Гу в лиственном одеянии, означающем, что Космический Человек (или Первочеловек) существовал как растение, просто растущее на земле

Неудивительно, что этот образ Космического Человека появляется во многих мифах и религиозных учениях. Обычно он описывается как несущий помощь и добро. Он появляется в образе Адама, персидского Гайомарта или в образе индийского Пуруши. Иногда его даже описывают как первооснову мира. Древние китайцы, например, думали, что все сущее началось с гигантского богочеловека Пань-гу, сотворившего небо и землю. Его слезы образовали Желтую реку и реку Янцзы, его дыхание стало ветром, его голос — громом, его взгляд метал молнии. Хорошее настроение Пань-гу вызывало прекрасную погоду, печальное — пасмурную. После смерти из его рухнувшего тела образовались пять священных гор Китая. Его голова стала горой Тайшань на востоке, туловище — горой Суншань в центре Китая, правая рука — горой Хэншань на севере, а левая — горой Хэншань на юге, ноги — горой Хуашань на западе. Глаза же превратились в солнце и луну.

Мы уже видели, что символические структуры, имеющие отношение к процессу индивидуации, тяготеют к числу «четыре» — как четыре функции сознания или четыре стадии развития анимы или анимуса. Четверка вновь возникает здесь в космическом образе Пань-гу. Другие же сочетания чисел появляются в психическом материале только в особых случаях. Естественные, беспрепятственные проявления психического центра характеризуются четырехуровневостью, то есть наличием четырех измерений или другой структуры, исходящей из числового ряда: 4, 8, 16 и т.д. Число «шестнадцать» играет особо важную роль, поскольку состоит из четырех четверок.

В нашей Западной цивилизации аналогичные идеи космического человека увязывались с образом Адама — родоначальника человечества. Существует раввинское предание о том, что, создавая Адама, Бог использовал красную, черную, белую и желтую пыль со всех уголков мира. Таким образом тело Адама «простиралось от одного конца света до другого». Когда он наклонялся вниз, его голова была на востоке, а ноги на западе. Согласно другой иудейской традиции, в Адаме с самого начала заключалось все человечество, то есть души всех, кому суждено когда-либо появиться на свет. Следовательно, душа Адама была «подобна фитилю лампы, состоящему из бесчисленных нитей».

В этом символе отчетливо выражена идея всеохватывающего единства человечества и всех его отдельных частиц.

В Древней Персии Первочеловек по имени Гайомарт изображался в виде огромной фигуры, излучающей сияние. Когда он умер, его тело превратилось в различные металлы, а душа — в золото. Его семя упало на землю, и из него появилась первая человеческая пара в виде двух кусков ревеня. Любопытно, что китайский Пань-гу также изображался весь в листьях, как растение. Может быть, это потому, что первого человека представляли как самобытную, живую частицу, существующую саму по себе и не имеющую каких-либо животных проявлений или силы волн. С другой стороны, до сих пор на берегах Тигра Адама почитают как скрытую «сверхдушу» или мистического «духа-хранителя» всей человеческой расы. Жители этого региона считают, что он произошел из ветви финиковой пальмы (очередное повторение растительного мотива).

На Востоке и в некоторых гностических кругах Запада люди быстро разобрались, что Космический Человек был скорее внутренним психическим образом, нежели конкретной внешней реальностью. Согласно индийской традиции, например, он есть что-то, что живет внутри каждого индивида, являясь его единственной

Родезийский наскальный рисунок, передающий сюжет мифа о сотворении мира, в котором Космический Первочеловек (Луна) женится на утренней и вечерней звездах, чтобы породить земные существа. Космический Человек предстает и как Первочеловек, мужчина (своего рода Адам), вот почему и Христос в конце концов стал восприниматься так же, как этот образ Самости

бессмертной частью. Этот внутренний «Великий человек» вознаграждает индивидуума, выводя его из мира со всеми страданиями, в который он попадает с рождения, обратно к первоначально вечному состоянию. Но он может сделать это только в том случае, если человек признает его и пробудится ото сна, дабы быть ведомым. В символических мифах Древней Индии этот образ известен под именем Пуруша, что означает просто «человек» или «личность». Пуруша живет в душе каждого индивидуума и в то же самое время заполняет собой весь космос. Согласно свидетельству многих мифов, Космический Человек является не только началом, но и конечной целью всей жизни — всего мироздания. «Все злаки по сути — пшеница, все сокровища по сути — золото, все поколения — человек», — писал средневековый мудрец Мейстер Экхарт. С психологической точки зрения это действительно так. Вся внутренняя психическая реальность каждого индивидуума в конечном счете ориентирована на этот архетипический символ Самости.

На практике это означает, что существование человека невозможно объяснить, отталкиваясь исключительно от инстинктов или действий, продиктованных голодом, жаждой власти, сексом, стремлением выжить или продолжить род и т.д. То есть главная цель человека заключается не в том, чтобы есть, пить и т.д., а в том, чтобы быть человеком. Сверх и помимо этих влечений наша внутренняя психическая реальность служит для выражения живой тайны, которую можно передать только в символической форме. Для ее выражения подсознание часто выбирает мощный образ Космического Человека.

В нашей Западной цивилизации Космический Человек отождествлялся главным образом с Христом, а на Востоке — с Кришной или Буддой. В Ветхом завете этот же образ предстает в качестве Сына человеческого, а позднее, в еврейской каббале, он назван Адамом Кадмоном. Некоторые религиозные движения позднего античного периода называли его просто Антропосом (по-гречески — «человек»). Подобно всем символам, указывающим на нераскрытую тайну, этот указывает на не познаваемую до конца тайну — сокровенную тайну о смысле человеческого существования.

Как мы уже отметили, некоторые традиции утверждают, что Космический Человек является целью мироздания, но достиже-

ние этой цели невозможно понять как внешнее событие. С точки зрения индусов, например, дело не в том, что внешний мир однажды растворится в первоначальном Великом человеке, а в том, что экстравертная ориентация эго на внешний мир исчезнет, уступив путь Космическому Человеку. Это произойдет, когда эго сольется с Самостью. Широкий поток проявлений эго (идущий от одной мысли к другой) и его желаний (которые бегут от одного объекта к другому) затихнет в момент, когда внутри будет обретен Великий человек. Действительно, мы никогда не должны забывать, что внешняя реальность для нас существует лишь до тех пор, пока мы ее сознательно воспринимаем, и что мы не можем доказать ее существования «в себе и самой по себе».

Многие примеры из различных цивилизаций и различных эпох показывают универсальность символа Великого человека. Его образ присутствует в сознании человека как своего рода цель или выражение сокровенной тайны нашей жизни. Обозначая идеал цельности и завершенности, этот символ часто представляется как бисексуальное существо. В этой форме символ примиряет одну из самых важных пар психологических антиподов: мужское и женское начала. Этот союз также часто проявляется в сновидениях в виде божественной королевской или другой знатной четы. Приводимый ниже сон сорокасемилетнего мужчины являет этот аспект Самости в драматической форме:

> «Я нахожусь на смотровой площадке, внизу вижу большую черную красивую медведицу с грубой, но лоснящейся шерстью. Она стоит на задних лапах на каменной плите и полирует плоский овальный черный камень, который становится сильно сияющим. Недалеко оттуда тем же занимается львица и ее детеныш. Но камни, которые они полируют, больше по величине и более округлы. Через некоторое время медведица превращается в толстую обнаженную женщину с черными волосами и темными сверкающими глазами. Я своими действиями возбуждаю в ней вожделение, и внезапно она подходит ближе, чтобы схватить меня. Я пугаюсь и прячусь на лесах здания, где был раньше. Позднее я оказываюсь среди множества женщин, половина из которых дикарки с густыми черными волосами (словно они превратились в людей из животных), а другая половина — «наши» женщины (той же национальности, что и сновидец — *М.-Л. фон Франц*), блондинки и шатенки. Звонкие и переливчатые голоса дикарок выводят протяжный и печальный

мотив. Затем на ландо подъезжает молодой человек, голову которого венчает золотая королевская корона, украшенная сверкающими рубинами. Все это выглядит очень красиво. Рядом с ним сидит молодая женщина-блондинка, вероятно его жена, но без короны. Кажется, будто львица и ее детеныш превратились в эту супружескую пару, возглавляющую дикарское племя. Затем все женщины (и дикие, и современные) начинают вместе петь что-то торжественное, а королевский экипаж медленно катится к горизонту».

Здесь внутреннее ядро психики сновидца является на короткий срок в образе королевской четы, пришедшей из глубин животной части его натуры и первобытных слоев подсознания. Медведица в начале сновидения представляет собой разновидность богини-матери (Артемида, например, почиталась в Греции как медведица). Темный овальный камень, который она шлифует, означает, судя во всему, сокровенную сущность личности сновидца. Шлифовка и полировка камней — это одно из древнейших занятий человека. В Европе неоднократно находили «святые камни», завернутые в кору и спрятанные в пещерах — их, вероятно, хранили там люди каменного века в качестве вместилищ божественных сил. И по сей день некоторые австралийские аборигены верят, что их мертвые предки продолжают существовать в камнях как добрые духи и что, шлифуя эти камни, можно зарядить их силой, увеличив ее и у предков, и у потомков.

Мужчина, чье сновидение мы рассматриваем, отказался раньше вступить в брак. Его боязнь связать себя брачными узами побудила его в сновидении убежать от медведицы на смотровую площадку, откуда он мог пассивно наблюдать за событиями, не участвуя в них. Через мотив шлифовки камня медведицей подсознание стремится показать ему, что он должен войти в контакт с этой стороной жизни; именно через трения супружеской жизни может быть сформировано и отполировано его внутреннее бытие.

Когда камень отполирован до блеска, он превращается в зеркало, и медведица может посмотреться в него. Это означает, что только принимая земные проблемы и страдания, человеческая душа может стать зеркалом, в котором божественные силы могут увидеть себя. Но сновидец убегает на возвышенное место, то есть погружается в отвлеченные мысли, с помощью кото-

рых может уклониться от поступков, диктуемых жизнью. Затем сон внушает ему, что если все время уходить от жизни, то часть его души (анима) останется невостребованной. Это символизирует группа женщин — диких и цивилизованных.

Появляющиеся затем львица и львенок олицетворяют таинственное побуждение к индивидуации, что показывает их работа по шлифовке круглых камней. (Круглый камень — это символ Самости). Львы и королевская чета сами по себе являются символом целостности. В средневековой символике «философский камень» (выдающийся символ мужской цельности) изображался в виде двух львов или в виде оседлавших их мужчины и женщины. Этим передавалось, что побуждение к индивидуации проявляется зачастую в завуалированной форме, скрываясь за всепоглощающей страстью к другому человеку. (В действительности страсть, выходящая за рамки естественных потребностей любви, направлена в конечном счете на таинство соединения в одно целое. Вот почему страстно влюбленный чувствует, что слияние в единое целое с любимым человеком является единственной достойной целью человеческой жизни).

До тех пор пока идея всеобщности передавалась во сне образом львиной пары, она означала не более чем всеохватывающую страсть. Но когда лев и львица превратились в короля и королеву, побуждение к индивидуации достигло уровня осознавания и

В сновидениях зеркало может означать способность подсознания объективно «отражать» личность сновидца, открывая перед ним такой взгляд на самого себя, которого у него никогда не было. Только через подсознание можно взглянуть на себя таким образом. (При этом увиденное часто шокирует разум и повергает его в крайнее расстройство), что напоминает древнегреческий миф о Медузе Горгоне, чей взгляд обращал человека в камень и на которую можно было смотреть только через зеркало. *Слева:* отражение Горгоны в щите (Караваджо, XVII в.)

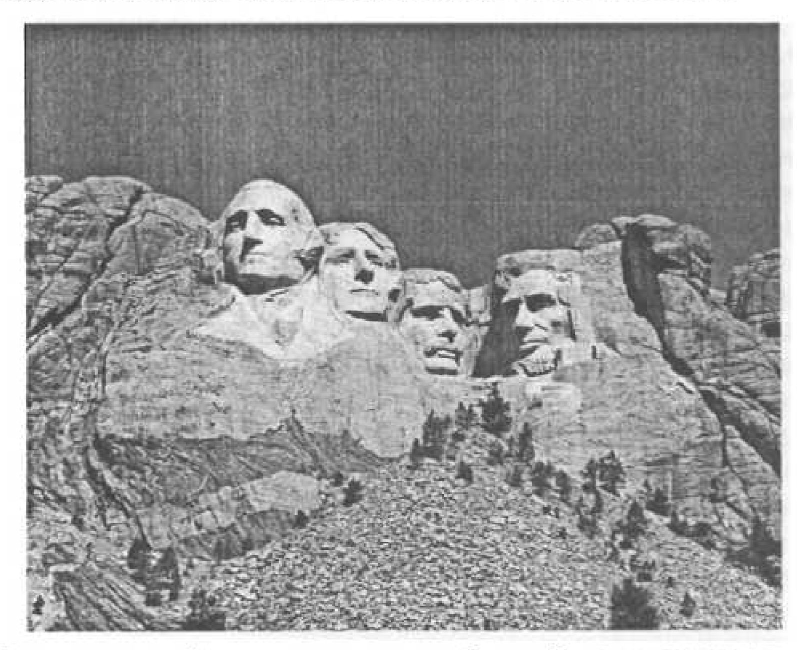
теперь может быть воспринято эго как реальная цель жизни. До превращения львов в людей пели только первобытные женщины, и пели очень печально. Другими словами, чувства сновидца оставались на примитивном уровне с преобладанием тоски. Но хвалебный гимн в честь очеловечившихся львов исполняют уже и дикие, и современные женщины. То, что они сообща высказывают свои чувства, показывает, что внутренний раскол анимы пройден и трансформировался в гармонию.

Другое воплощение Самости явилось одной женщине, занимавшейся так называемым «активным фантазированием». (Активное фантазирование — это вид медитации с использованием игры воображения, с помощью которого можно преднамеренно войти в контакт с подсознанием и установить осознанную связь с психической сферой. Активное фантазирование является одним из наиболее важных открытий Юнга. В определенном смысле оно сопоставимо с восточными техниками медитации, такими как в дзэн-буддизме или тантра-йоге, а также с такими западными техниками, как «Духовные упражнения» у иезуитов. Существенная особенность метода Юнга в том, что медитирующий не имеет какой-либо осознанной цели или программы. Тем самым медитация становится изолированным экспериментом свободного индивидуума, что является противоположностью целенаправленных усилий подчинить себе подсознание. Но сейчас мы не будем детальнее останавливаться на активном фантазировании. Читатель может найти более подробное его описание в работе Юнга «Функция трансценденции»).

В медитации упомянутым методом Самость явилась женщине в образе оленя, который обращаясь к ее эго, сказал: «Я твой ребенок и мать. Меня называют животным-медиумом, потому что я связываю людей, животных и даже камни один с другим, входя в них. Я твоя судьба или твое «объективное Я». Когда я появляюсь, я освобождаю от бессмысленных опасностей жизни. Огонь, горящий внутри меня, горит и во всей вселенной. Если человек теряет его, он становится эгоцентричным, одиноким, дезориентированным и слабым».

Самость часто принимает облик животных, представляя нашу инстинктивную природу и ее связь с окружением человека. (Вот почему в мифах и сказках так много животных — союз-

ников человека). Эта связь Самости со всей окружающей природой и даже космосом, вероятно, проистекает из того факта, что у каждого человека его психическое ядро каким-то образом переплетается со всем миром, как внешним, так и внутренним. Все высшие проявления жизни тем или иным образом подстраиваются под окружающий пространственно-временной континуум. Любому животному, например, свойственно питаться особой пищей, использовать определенные материалы для строительства жилья, жить в среде, на которую в точности настроены его инстинктивные стереотипы. Временные ритмы также играют свою роль. Достаточно вспомнить, что большинство травоядных животных рождает молодняк как раз в такое время года, когда трава наиболее сочна и обильна. Именно это имел в виду один известный зоолог, сказав, что внутренняя сущность каждого животного простирается далеко за пределы его тела в окружающий мир, «одухотворяя» время и пространство.

«Вечность» камней видна на примере прибрежной гальки или горных пород. Вот почему камень всегда использовался для изготовления памятников — как эти головы четырех президентов США, высеченные на склоне горы Рашмор в Южной Дакоте

Каким-то абсолютно неизвестным для нас образом наше подсознание также настроено на окружающую среду — на наш круг или общество в целом и, кроме того, на пространственно-временной континуум и всю природу. Вспомним о Великом человеке индейцев наскапи: он не только помогает открыть и понять внутренний мир, но и подсказывает, где и когда охотиться. Из своих сновидений охотники наскапи выносят также слова и мелодии волшебных песен, которыми привлекают животных.

Но такая специфическая помощь со стороны подсознания дана не только первобытному человеку. Юнг открыл, что сновидения могут помочь и современным людям обрести свой путь постижения внутренней и внешней жизни и преодоления преподносимых ими трудностей. Действительно, многие из наших сновидений касаются деталей нашей внешней жизни и окружения. Объекты вроде дерева под окном, велосипеда или автомобиля, камня, найденного во время прогулки, могут подняться до уровня символа в той жизни, которую мы проживаем в сновидениях, и приобрести другое значение. Если уделять внимание снам, то помимо жизни в холодном обезличенном мире, произвольно управляемым провидением, перед нами может приподняться завеса, скрывающая наш собственный мир, наполненный важными и тайно упорядоченными событиями.

Наши сновидения, однако, уделяют обычно первоочередное внимание вовсе не адаптации к внешней жизни. В нашем цивилизованном мире они, как правило, стараются развить (посредством эго) должное отношение к Самости, потому что современные образ мышления и манеры поведения значительно ослабляют связь с ней. Эта связь была хорошо развита у первобытных людей, полагавшихся главным образом на указания своего внутреннего центра. А мы с нашим перевернутым сознанием настолько запутаны внешними, совершенно чуждыми делами, что посланиям Самости очень трудно прорваться к нам. Наше рассудочное мышление так часто создает иллюзию четко очерченного «реального» внешнего мира, что во многом блокирует способность к восприятию. Однако через нашу подсознательную природу мы необъяснимым образом улавливаем то, что окружает нас в психическом и физическом мире.

Я уже упоминала, что Самость особенно часто является в виде камня, драгоценного или обычного. Вспомним про камень, который полировали медведица и львы. Во многих сновидениях ядро психики, Самость, также предстает в образе кристалла. Математически точная структура кристалла вызывает у нас интуитивное понимание того, что даже в так называемой «мертвой» материи действует как бы духовно упорядочивающий принцип. Таким образом, кристалл зачастую символизирует единство противоположностей — материи и духа.

Вероятно, кристаллы и камни являются особенно подходящими для обозначения Самости ввиду естественности их природы. Многие люди не могут удержаться от собирания и хранения камешков несколько необычного цвета или формы, не зная, зачем они это делают. Будто в камнях скрыта какая-то живая тайна, очаровывающая людей. Люди с незапамятных времен собирали камни и, вероятно, почитали некоторые из них обителью жизненной силы, окруженной загадочностью. Древние германцы, например, верили, что души умерших продолжают жить в их надгробиях. Не исключено, что обычай класть камни на могилы отчасти исходит из символической идеи о том, что от умершего должно остаться нечто вечное, для чего более всего подходит именно камень. Дело в том, что, хотя человек не имеет ничего общего с камнем, глубочайший центр человеческой психики странным и особым образом похож на него (вероятно, потому, что камень символизирует просто существование в максимальном удалении от эмоций, чувств, фантазий и неугомонного в своих поисках самосознания). В этом смысле камень передает, возможно, простейшее и одновременно глубочайшее ощущение — ощущение вечности, возникающее в моменты, когда человек чувствует себя бессмертным и неизменным.

Обнаруживаемое практически у всех цивилизаций стремление воздвигать памятники из камня знаменитым людям или по случаю важных событий обусловлено, вероятно, этим его символическим значением. Камень, который Иаков положил на место, где увидел свой знаменитый сон, или особые камни, оставленные людьми на могилах местных святых или героев, раскрывают природу человеческого стремления выразить ощущение, не передаваемое иначе, чем посредством каменного

символа. Неудивительно, что многие религиозные культы используют камень для обозначения божества или места поклонения ему. Наиболее почитаемая святыня исламского мира Кааба — это черный камень в Мекке, к которому стремятся совершить паломничество все набожные мусульмане.

В христианской духовной символике Христос обозначается «камнем, который отвергли строители» и который стал «главою угла» (Лук. XX:17) В другом контексте он назван «духовным камнем, из которого проистекает духовное питие» (Кор. X:4). Средневековые алхимики, которые исследовали околонаучными путями тайну материи, надеясь обнаружить в ней бога или, по меньшей мере, его печать, верили, что секрет спрятан в знаменитом «философском камне». Однако некоторые из них смутно понимали, что предмет их исканий лишь символ чего-то, что может выть найдено только в душе человека. Древнеарабский алхимик Мориенус говорил: «Эта вещь (философский камень) извлекается из нас: мы — минерал, в котором он вырастает, внутри нас его можно найти; или, яснее говоря, они (алхимики) берут его у нас. Если осознать это, любовь и одобрение камня взойдут внутри. Знайте, это несомненная истина». Камень алхимиков (ляпис) символизирует нечто не исчезающее и не изменяющееся, нечто вечное. Некоторые алхимики сравнивали это с мистическим ощущением присутствия бога в собственной душе. Обычно требуется длительное страдание, чтобы избавиться от поверхностных психических наслоений, скрывающих символический камень. Но в той или иной форме у большинства людей случается глубокое переживание Самости — по крайней мере раз в жизни. С психологической точки зрения, подлинно религиозное мировоззрение заключается в стремлении обнаружить это уникальное ощущение и постепенно настроиться на него (уместно отметить, что камень сам по себе является чем-то вечным) таким образом, чтобы внимание было постоянно направлено на диалог с Самостью.

Тот факт, что этот высочайший и наиболее часто встречающийся символ Самости является неорганическим объектом, указывает на еще одну область поиска и раздумий, а именно на все еще неизведанную взаимосвязь между тем, что мы называем бессознательной психикой, и тем, что называем «материей» —

это тайна, которую стремится разгадать психосоматическая медицина. Изучая эту еще не определенную и не объясненную связь (может статься, что «дух» и «материя» на самом деле — одно и то же явление, только одно наблюдаемое «изнутри», а другое — «снаружи»), д-р Юнг ввел в оборот новое понятие, названное им «синхронностью». Этот термин означает «смысловое совпадение» внешних и внутренних событий, которые сами по себе причинно не связаны. Акцент в этом понятии делается на слове «смысловое». Если, когда вы сморкаетесь, на ваших глазах разбивается самолет, это просто совпадение двух событий, не имеющее смысла. Такие случайные совпадения происходят постоянно. Но если вы купили синий костюм, а магазин доставил по ошибке черный, причем в тот день, когда умер один из ваших ближайших родственников, это будет смысловым совпадением. Эти два события причинно не связаны, но они связаны тем символическим значением, которое придается у нас черному цвету.

Каждый раз, когда Юнг замечал такие смысловые совпадения в жизни пациента, создавалось впечатление (и сны пациента это подтверждали), что в его подсознании заработал соответствующий архетип. Проиллюстрируем это на примере с черным костюмом. Человек, получивший черный костюм, также мог видеть сон о смерти. Тогда соответствующий архетип проявился бы одновременно во внутреннем и внешнем событиях, несущих одно и то же символическое послание — в данном случае послание о смерти. Коль скоро мы заметим, что определенным типам событий «нравится» соединяться вместе в определенное время, мы начнем понимать позицию китайцев, чьи теории медицины, философии и даже строительства основаны на «науке» смысловых совпадений. Классический китайский текст исходит не из причин и следствий, а скорее из «притяжения» одних событий к другим. Та же самая тема проходит красной нитью в астрологии, причем в значении, близком у многих народов к предзнаменованиям и консультациям с оракулами. Все это попытки объяснить совпадения иначе, чем прямолинейным причинно-следственным путем.

Создавая концепцию синхронности, д-р Юнг наметил путь, следуя которым мы сможем глубже постичь взаимосвязь духа и

материи. Как раз на эту связь, по всей видимости, указывает символическое значение камня. Но это еще совершенно открытая и недостаточно исследованная проблема, с которой придется иметь дело будущим поколениям психологов и психиатров.

Может показаться, что мои рассуждения о синхронности увели нас от основной темы, но я думаю, что по меньшей мере краткое вводное описание этого понятия необходимо, поскольку не исключено, что эту юнгианскую гипотезу ждут в будущем широкие возможности в плане исследования и практического применения. Более того, синхронные события почти неизменно сопровождают критические фазы процесса индивидуации. Но очень часто они проходят незамеченными, потому что мы не научились следить за такими совпадениями и распознавать их смысловую связь с образами наших снов.

Отношение к самости

В наши дни множится число людей, особенно в больших городах, страдающих от невыносимой опустошенности и скуки, словно они бесплодно желают чего-то несбыточного. Кино и телевидение, зрелищные виды спорта и политические страсти могут ненадолго отвлечь их, но снова и снова, неудовлетворенные и разочарованные, они вынуждены возвращаться в пустыню своей жизни.

Единственно стоящие современного человека ощущения находятся во внутреннем царстве его психики. Смутно догадываясь об этом, многие сейчас обращаются к йоге и другим восточным практикам. Но все это не дает истинно новых переживаний, поскольку человек черпает в них лишь давно известные индусам или китайцам ощущения, не вступая в непосредственный контакт со своим внутренним жизненным центром. И хотя верно, что восточные методы помогают сконцентрировать мышление и направить его внутрь себя (что в определенном смысле сходно с интроверсией аналитической процедуры), но имеется и существенное различие. Юнг разработал метод самостоятельного проникновения к внутреннему центру человека и установления контакта с живой тайной подсознания без помощи

извне. А это коренным образом отличается от движения по хорошо проторенной дороге.

Стремление ежедневно уделять внимание живой реальности Самости подобно старанию одновременно жить на двух уровнях или в двух различных мирах. При этом человек, как и раньше, отдает должное внешним обязанностям, но в то же время хранит чуткость к намекам и знакам, подаваемым сновидениями и внешними событиями, которыми обычно пользуется Самость для символического обозначения своих намерений — то есть к направлению, в котором идет жизненный поток.

В старинных китайских текстах, касающихся такого рода опыта, часто используется сравнение с кошкой, наблюдающей за мышиной норой. В одном из них говорится, что человек не должен допускать никаких посторонних мыслей и, вместе с тем, его внимание не должно быть ни слишком острым, ни слишком притупившимся. Существует вполне определенный требуемый уровень восприятия: «Если тренироваться таким образом... со временем будет получен результат. И когда необходимая готовность созреет, как спелый плод, падающий на землю, то как только что-либо коснется этой внутренней готовности, она внезапно вызовет высшее пробуждение индивидуума. В этот момент практикующий подобен человеку, испившему воды и узнавшему, холодна она или тепла. Он освобождается от всех сомнений относительно себя и переживает величайшее счастье, сравнимое с тем, что испытываешь, встретив своего отца на перекрестке дорог».

Так в потоке обыденной внешней жизни человек неожиданно попадает в захватывающее внутреннее приключение, поскольку оно уникально для каждого индивидуума, его невозможно скопировать или украсть.

Существуют две причины, почему человек теряет контакт с регулирующим центром своей души. Одна из них заключается в том, что какой-то один инстинктивный порыв или эмоциональный образ может вывести из равновесия и привести к однобокости восприятия окружающего. Это случается и с животными. Например, сексуально возбужденный олень-самец может совершенно забыть о голоде и опасности. Такой однонаправленности и связанной с ней утраты равновесия очень боялись первобытные люди,

считая это «потерей души». Другая угроза внутреннему равновесию возникает из-за чрезмерной мечтательности, которая обычно вращается тайком вокруг определенных комплексов. В действительности мечтания возникают только потому, что они соединяют человека с его комплексами; в то же время они угрожают концентрации и непрерывности его сознания.

Второе препятствие полярно противоположно первому, и его причиной является чрезмерная концентрация самосознания. Хотя дисциплина сознания необходима для осуществления цивилизованной деятельности (известно, что может случиться, если замечтается стрелочник), она имеет серьезный недостаток, заключающийся в ее склонности блокировать восприятие импульсов и посланий, идущих из жизненного центра. Вот почему так много снов современных людей касаются восстановления восприимчивости к ним путем корректировки отношения сознания к подсознательному центру или Самости.

Во многих мифологических изображениях Самости обозначаются стороны света. Видимо, поэтому Великий человек часто помещается в центре круга, разделенного на четыре части. Юнг использовал индийское слово «мандала» (магический круг) для обозначения структуры, отражающей ядро человеческой души, сущность которой нам неизвестна. В этой связи интересно отметить, что индейский охотник наскапи рисовал Великого человека не в образе человеческого существа, а в виде мандалы.

Индейцы племени наскапи воспринимают внутренний центр непосредственно и наивно без помощи религиозных обрядов или учений, тогда как в других племенах рисуют магический круг, чтобы восстановить утерянное внутреннее равновесие. Например, индейцы навахо используют рисунки на песке, имеющие форму мандалы, чтобы вернуть больного к состоянию гармонии с собой и с космосом и тем самым поправить его здоровье.

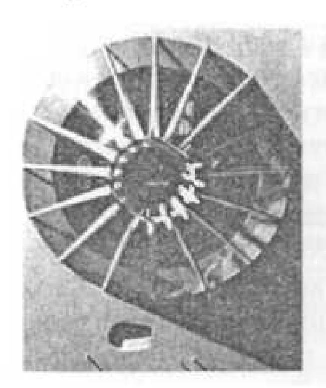
В восточных цивилизациях подобные рисунки используются для обретения внутренней цельности или для погружения в состояние глубокой медитации. Считается, что созерцание мандалы приносит внутреннее умиротворение, чувство осмысленности и упорядоченности жизни. Это же чувство вызывает спонтанное появление мандалы в сновидениях современных людей, вовсе не приверженных подобным религиозным традициям

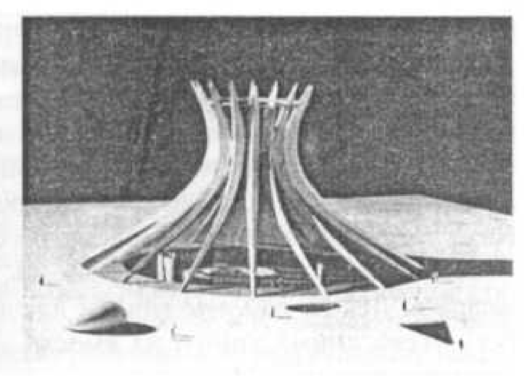
и не имеющих о них представления. Может быть, в таких случаях положительный эффект даже сильнее, потому что знания и традиции иногда смазывают или даже блокируют спонтанный опыт.

Пример спонтанно возникшей мандалы присутствует в нижеследующем сновидении шестидесятидвухлетней женщины. Оно явилось ей как прелюдия к новой, весьма активной в творческом отношении фазе жизни:

«Я вижу сумеречный пейзаж. На заднем плане тянется ввысь, а затем выравнивается гребень холма. Вдоль отрога движется четырехугольный диск, сверкающий как золотой. На переднем плане темная земля, на которой только появились первые ростки. Внезапно я вижу круглый стол, верхняя часть которого — это серая каменная плита, в тот же момент квадратный диск вдруг внезапно оказывается на столе. Он покинул холм — неизвестно как и почему».

Пейзажи в сновидениях (так же, как и в произведениях искусства) часто символизируют непередаваемое настроение. В данном сновидении сумеречный свет пейзажа показывает, что ясность дневного сознания померкла. «Внутренняя природа» может теперь стать видимой — и действительно, на горизонте появляется квадратный диск. До сих пор символ Самости, диск, был главным образом интуитивной идеей на духовном горизонте сновидящей, но

Юнг подчеркивал, что лишь реальные переживания каждой личности могут быть объектом исследования со стороны собственного подсознания. Окончательная цель такого поиска — это установление гармоничных и взвешенных отношений с Самостью. Мандала в виде круга иллюстрирует такое безупречное равновесие, воплощенное в архитектурном решении современного собора в бразильской столице

теперь в этом сне он меняет свое положение и становится центром пейзажа ее души. Давно посеянное зерно начинает прорастать: ранее в течение длительного времени сновидица уделяла большое внимание своим снам, и сейчас эта работа начала приносить плоды. (Вспомним о связи символа Великого человека с миром растений, о чем упоминалось выше). Затем золотой диск внезапно движется вправо — туда, где вещи становятся осознанными. Наряду с другими вещами слово «правый» часто обозначает в психологической терминологии сферу сознания, адаптации, состояния «правоты», тогда как слово «левый» — сферу неадаптированных подсознательных реакций, иногда даже что-то «зловещее». Наконец, золотой диск прекращает движение и обретает покой на круглом — внимание! — каменном столе. Он нашел постоянную опору.

Как отмечает ниже в этой книге Аниэла Яффе, округлость (мотив мандалы) обычно символизирует природную цельность, тогда как четырехугольные формы представляют ее понимание сознанием. В рассматриваемом сновидении встречаются квадратный диск и круглый стол — в результате мы имеем осознанное восприятие жизненного центра. Круглый стол, кстати, хорошо известен как символ цельности, что нашло определенное отражение в мифологии. Так, круглый стол короля Артура — это образ, заимствованный из символики Тайной вечери.

Действительно, если человек искренне поворачивается к своему внутреннему миру и стремится познать себя не путем рассуждений о своих субъективных мыслях и чувствах, а следуя таким проявлениям собственной объективной природы, как сновидения и реальные фантазии, то рано или поздно ему явится Самость. Тогда эго найдет внутреннюю силу для обновления.

Но существует серьезная трудность, которой я вскользь уже касалась. Дело в том, что каждое из олицетворений подсознания — Тень, анима, анимус и Самость — имеет как светлую, так и темную стороны. Мы уже видели, что Тень может быть низменной или подлой, представлять инстинктивное влечение, которое следует преодолеть. Но она может представлять и стремление к росту, которое надо всячески поддерживать в себе. Таким же образом анима и анимус содержат разные заряды: они могут дать личности стимул жизнеутверждающего и творческого ро-

ста или же вызвать застой и физическую смерть. И даже Самость — всеобъемлющий символ подсознания — может вызвать двоякий результат, например, в эскимосском сказании, когда женщина-лилипут предложила спасти героиню от Духа луны, но фактически превратила ее в паука.

Темная сторона Самости наиболее опасна именно потому, что Самость — величайшая сила психики. Она может побудить людей «накручивать» мысли о собственном величии или другие иллюзорные фантазии, которые могут захватить выдумщика и «вселиться» в него. Человек в таком состоянии думает с растущим восхищением, что он выявил и решил величайшие загадки вселенной, и в результате теряет ощущение реальности. Наглядным симптомом такого состояния является потеря чувства юмора и контактов с окружающими. Таким образом, появление Самости может принести большую опасность для человеческого сознательного эго. Двойственный ее характер прекрасно иллюстрируется древней иранской сказкой о «Секрете Батх Бадгерд»:

> «Великий и благородный принц Хатим Тай получил приказ от своего короля изучить загадочный Батх Бадгерд (замок небытия). Обнаружив замок после многих опасных приключений, принц узнает, что никто из приходивших сюда еще не возвращался назад, но решает все равно войти. В круглом здании его принимает цирюльник с зеркалом и ведет в купальню. Но как только принц входит в воду, звучит раскат грома, становится совершенно темно и парикмахер исчезает, а вода начинает подниматься.
>
> Хатим отчаянно плывет по кругу, вода уже почти достигает куполообразной крыши. Ужас смерти охватывает его, он произносит молитву и ухватывается за центральный камень купола. Снова раздастся раскат грома, все изменяется, и Хатим оказывается один в пустыне. После долгих и мучительных блужданий он выходит к прекрасному строению, в середине которого стоят по кругу каменные статуи. В центре он видит попугая в клетке, и голос свыше говорит: «О, герой, тебе, наверное, не уйти живым из этой купальни. Когда-то Гайомарт (Первочеловек) нашел огромный алмаз, который сиял ярче, чем солнце и луна. Он решил спрятать его в таком месте, где никто бы не нашел его. Поэтому он построил эту волшебную купальню, чтобы сохранить алмаз. Попугай, которого ты видишь, — заколдован. У его ног лежит золотой лук и стрела на золотой цепи. Ты можешь трижды попытаться попасть в попугая из лука. Если

убьешь его, заклятие будет снято, а если нет, ты превратишься в камень, как все эти бывшие люди вокруг».

Хатим делает первую попытку, но промахивается. Его ноги становятся каменными. Он промахивается еще раз — и окаменевает по грудь. В третий раз он произносит, закрыв глаза: «Аллах велик», — и стреляет не глядя. На этот раз он попадает в попугая. Звучит раскат грома, вздымаются тучи пыли. Когда все стихает, на месте попугая оказывается огромный прекрасный алмаз. Статуи оживают, и люди благодарят его за спасение».

Читателю наверняка бросились в глаза символы Самости, встречающиеся в этом рассказе. Первочеловек Гайомарт, круглое здание в форме мандалы, краеугольный камень и алмаз. Но этот алмаз окружен опасностью. Демонический попугай олицетворяет злой дух подражания, заставляющий промахиваться и цепенеть («превращаться в камень») психологически.

Как я уже отмечала, процесс индивидуации исключает попугаеподобное подражание другим. Снова и снова люди во всех странах пытались отразить в своем «внешнем» или ритуальном поведении первоначальный религиозный опыт своих величайших религиозных учителей — Христа, Будды и других наставников, и в результате «превращали в камень» свои души. Следовать по стопам великого духовного вождя не означает копировать или переживать ту же схему процесса индивидуации, что сложилась в его жизни. Просто мы должны стараться прожить наши собственные жизни с такой же искренностью и верой, как и он.

Исчезнувший парикмахер с зеркалом символизирует дар отражения, утерянный Хатимом, когда он нуждался в нем более всего. Поднимающаяся вода указывает на опасность утонуть в подсознании и потеряться в собственных эмоциях. Чтобы понять символические значения подсознания, человек должен проявлять осторожность, дабы не оказаться во вне или позади себя, а всегда оставаться эмоционально внутри себя. Жизненно важно, чтобы эго продолжало функционировать нормально. Только оставаясь нормальным человеком, смело сознающим свое несовершенство, можно стать восприимчивым к значимому содержимому подсознания и к процессам, протекающим в нем. Как может человек выдержать напряжение от поединка со

всей вселенной, если видит в себе ничтожного червя земного? Если презирать себя как статистическую, никчемную единицу, то жизнь не имеет смысла, а вы не достойны жизни. Но если чувствовать себя частью чего-то великого, как тогда удержаться в рамках реальности? Действительно, очень трудно совместить в себе эти крайности, не вдаваясь слишком в ту или другую из них.

Социальный аспект самости

Огромный рост населения в наше время, особенно заметный в больших городах, неизбежно оказывает на нас подавляющее воздействие. Мы думаем: «Ну хорошо. Я живу там-то и там-то, как тысячи других людей. Если несколько из них будут убиты, какая мне разница. Ведь в любом случае людей слишком много». Когда мы читаем в газетах о бесчисленных смертях неизвестных нам людей, мы все больше понимаем, что наши жизни ничего не стоят. Именно в такой ситуации внимание к подсознанию приносит величайшую помощь, потому что сновидения показывают сновидцу взаимосвязь мельчайших деталей его жизни с важнейшими ее событиями.

Теоретически известная нам истина: «все в наших руках» — становится посредством сновидений ощутимым фактом, который каждый может испытать на себе. Порой вы можете почувствовать, что Великий человек чего-то желает от вас и ставит перед вами особенные задачи. Развитие подобного опыта может помочь обрести силу, чтобы плыть против течения коллективных суеверий, воспринимая всерьез свою душу.

Конечно, это не всегда приятная задача. Например, вы хотите совершить поездку с друзьями в следующее воскресенье. Но сновидение запрещает вам это и требует, чтобы вы вместо поездки занялись каким-либо творческим занятием. Если прислушиваться постоянно к подсознанию и повиноваться ему, оно может стать вечной помехой вашим планам. Ваша воля будет сталкиваться с ним, и если не подчиняться, то по крайней мере принимать его в расчет. Вот отчасти почему обязательства, взятые по отношению к процессу индивидуации, часто ощущаются скорее бременем, чем немедленным благом.

Святой Христофор, покровитель всех путешественников, является подходящим символом такого рода опыта. Согласно легенде, он возгордился своей невероятной физической силой и пожелал служить только сильнейшим. Сначала он служил королю, но, поняв, что король боится дьявола, он оставил первого и стал слугою сатаны. Затем он обнаружил, что дьявол боится распятия, и поэтому решил служить Христу, если найдет его. Он последовал совету одного священника, предложившего ждать Христа у переправы. За годы, истекшие с тех пор, он переправил много людей через реку. Но однажды темной ветреной ночью его попросил переправить через реку маленький ребенок. С величайшей легкостью Святой Христофор поднял ребенка на плечи, но с каждым шагом его ноша становилась все тяжелее и тяжелее. Когда он достиг середины реки, то почувствовал, «будто несет всю вселенную». Тогда он понял, что несет Христа, и Христос отпустил ему грехи и даровал жизнь вечную.

Этот чудесный ребенок олицетворяет Самость, буквально «подавляющую» обыкновенного человека, хотя это единственное, что может освободить его. Во многих произведениях искусства Христос-дитя изображен как сфера мира или со сферой мира, что ясно указывает на Самость, потому что и ребенок, и сфера — это универсальные символы целостности.

Когда человек стремится послушаться подсознания, зачастую, как мы видели, он не может поступить так, как ему хочется. Но точно так же он не всегда может делать то, что ожидают от него другие. Часто бывает необходимо отделиться от привычного окружения — семьи, любовника или близких друзей, чтобы обрести себя. Вот почему иногда говорят, что обращение к подсознанию приводит к антиобщественному поведению и эгоцентричности. В общем, это не верно, потому что при этом не учитывается такой малоизвестный фактор, как коллективный (или, можно даже сказать, общественный) аспект Самости.

На практике этот фактор проявляет себя в том, что индивидуум, который следит за своими сновидениями в течение значительного отрезка времени, вскоре обнаруживает, что они часто касаются его отношений с другими людьми. Сон может остеречь от чрезмерного доверия к кому-то или подсказать, что встреча с тем, кого раньше не замечал, может оказаться полез-

ной и приятной. Если в сновидении появляется в подобном смысле чей-то образ, то возможны две трактовки. Персонаж сновидения может быть проекцией, символизирующей один из аспектов личности самого сновидца. Например, человек видит во сне соседа нечестным, что в действительности воплощает лишь собственную нечестность сновидца. Стало быть, задача толкования сна для него заключается в том, чтобы выявить, в чем именно проявляется его собственный порок. (Это называется толкованием сна на субъективном уровне).

Но иногда случается, что сновидения действительно говорят нам что-то о других. Роль подсознания в этом раскрыта далеко не полностью. Подобно всем высшим формам жизни, человек подстраивается под живых существ вокруг него. Он в значительной степени понимает их страдания и проблемы, их положительные и отрицательные качества, их ценности — и все это инстинктивно и совершенно независимо от своих осознанных оценок.

Наша жизнь в сновидениях позволяет нам заглянуть в эти подсознательные ощущения и обнаружить, что они оказывают на нас влияние. Увидев приятный сон о ком-либо, мы невольно смотрим на этого человека наяву с большим интересом, даже не задумываясь почему. Образ, пришедший во сне, может ввести и в заблуждение, если это проекция одной из склонностей сновидца, а может и дать объективную информацию. Выяснение того, что является правильным толкованием, требует честного и тщательного обдумывания. Однако, в конечном счете, — и так обстоит со всеми внутренними процессами, — именно Самость упорядочивает и регулирует наши отношения с другими людьми, в то время как рассудочное эго отвечает за выявление вводящих в заблуждение проекций и разбирается с ними внутри себя, а не вовне. Именно таким путем духовно ориентированные и наполненные люди находят друг друга, объединяясь в группы, для которых не имеет значения общественная или профессиональная принадлежность. Такая группа не находится в конфликте с другими; она просто отличается и независима от них. Таким образом сознательно осуществляемый процесс индивидуации изменяет личные отношения. Семейные узы или общность интересов заменяются другим типом единства — узами Самости.

Любые действия и обязательства, которые связаны исключительно с внешним миром, наносят определенный ущерб потайным процессам в подсознании. Именно подсознательная тяга сводит тех, кто подходит друг другу. Вот почему попытки оказать влияние на людей через рекламу и политическую пропаганду деструктивны, даже когда порождены идеалистическими мотивами.

Это поднимает важный вопрос о том, может ли подсознательная часть человеческой психики вообще подвергаться влиянию. Практический опыт и точные наблюдения показывают, что человек не может влиять на собственные сновидения. Есть, правда, люди, утверждающие, что могут это. Однако при знакомстве с материалом их сновидений обнаруживается, что они поступают подобно хозяину своевольной собаки, когда тот приказывает ей сделать то, что она и так бы сделала, тем самым сохраняя иллюзию своего авторитета. Только длительный процесс толкования сновидений и сопоставления их посланий с личными поступками может постепенно преобразить подсознание. Сознательные привычки и взгляды могут измениться в этом процессе.

Если человек, желающий оказать влияние на общественное мнение, злоупотребляет с этой целью символами, они могут произвести впечатление на массы, если это истинные символы, однако невозможно знать наперед, будет или нет подсознание масс эмоционально захвачено. Здесь поведение его совершенно иррационально. Ни один продюсер, например, не может сказать заранее, станет ли песня хитом, даже если она навевает популярные образы и мелодии. Никакие преднамеренные попытки оказать влияние на подсознание пока не принесли существенных результатов. Похоже, что коллективное подсознание сохраняет свою автономность в той же мере, что и индивидуальное.

Иногда, чтобы выразить свою цель, подсознание может использовать мотив из нашего внешнего мира, создавая таким образом впечатление, что оно подверглось его влиянию. Например, мне неоднократно встречались сновидения современных людей, в которых говорится о Берлине. В их снах Берлин выступает в качестве символа психически слабой точки — опасного места, — в силу этого располагающего Самость к появлению. Это место является точкой, где сновидца раздирают конфликты

и где он мог бы, следовательно, объединить внутренние противоположности. Я также столкнулась с необычно большим числом упоминаний в сновидениях кинофильма «Хиросима, любовь моя». Большинство этих снов выражало идею, что двое героев — возлюбленных должны объединиться (что символизирует союз внутренних противоположностей), а не то произойдет атомный взрыв (символ полной диссоциации, эквивалент безумия).

Иногда, в случаях особенно навязчивого воздействия на аудиторию, манипуляторы общественным мнением могут добиться временного успеха. Но здесь лишь подавлены подлинные подсознательные реакции. А как коллективное, так и индивидуальное подавление приводит к одному и тому же результату — неврастенической диссоциации и психическим расстройствам. Любые попытки подавить реакции подсознания в конечном счете обречены на провал, поскольку в своей основе они антагоничны природе инстинктов.

Исследования стадного поведения высших животных показывают, что малые группы примерно из пяти десятков особей являются оптимальными для жизни как отдельного животного, так и их группы. Человек, похоже, не является исключением в этом отношении. Его физическое, духовное, психическое здоровье и — чего не встретишь у зверей — культурная деятельность ярче расцветают в коллективе именно такой численности. Насколько мы разобрались до сих пор в процессе индивидуации, Самость явно стремится к созданию таких малых групп, образуя в то же время четко определенные эмоциональные связи между отдельными индивидуумами и ощущение общности с другими людьми. Только когда эти связи созданы Самостью, можно быть уверенным, что зависть, ревность, конкуренция и все виды негативных проекций не разорвут такую группу. Таким образом, безоговорочное следование собственному процессу индивидуации вызывает также и оптимальную социальную адаптацию.

Это, конечно, не означает, что в таком случае исчезнут столкновения мнений, конфликты обязательств или разногласия относительно «правильности» чего-либо: главное при их возникновении — воздерживаться от спонтанного реагирования и прислушиваться к внутреннему голосу, чтобы поступить так, как хочет Самость. Фанатическая политическая деятельность

(но не выполнение необходимых обязанностей), судя во всему, мало совместима с индивидуацией. Один мужчина, целиком посвятивший себя освобождению своей страны от иностранной оккупации, видел следующий сон:

> «С группой моих друзей-патриотов я поднимаюсь по лестнице на чердак музея, где имеется черный зал, выглядящий как каюта корабля. Дама средних лет солидной наружности открывает дверь. Ее имя N., и она дочь N. (N. был знаменитым национальным героем страны сновидца, предпринявшим несколько столетий назад попытку ее освобождения. Его можно сравнить с Жанной д`Арк или Вильгельмом Тиллем. В действительности N. не имел детей. М.-Л. фон Франц). В зале мы увидели портреты двух дам-аристократок, одетых в красочные парчовые платья. Когда мисс N. начала рассказывать нам об этих картинах, они внезапно ожили. Сначала заморгали, задвигались глаза, затем показалось, что портреты дышат. Удивленные, все направились в лекционный зал, где мисс N. обещала рассказать об этом явлении. Она объяснила, что ее интуиция и чувство позволили этим портретам ожить. Но один из присутствующих возмутился и сказал, что мисс N. сошла с ума, а некоторые даже покинули лекционный зал».

Важной чертой этого сновидения является то, что фигура анимы — мисс N. является лишь творением сна. Имя ее, однако, совпадает с именем знаменитого национального героя-освободителя. (Как если бы она была, например, Вильгельминой Тилль — дочерью Вильгельма Тилля). Через подсказку, содержащуюся в ее имени, подсознание указывает, что в наше время сновидцу не следует пытаться — как в далеком прошлом N. — освобождать свою страну внешним путем. Сейчас, говорит сон, освобождение совершается анимой (душой сновидца) путем возрождения к жизни образов подсознания.

Тот факт, что зал на чердаке музея выглядит отчасти как каюта корабля, окрашенная в черный цвет, имеет глубокий смысл. Черный цвет намекает на темноту, ночь, обращенность вовнутрь, и если зал — каюта, тогда и музей в каком-то смысле корабль. Это предполагает, что когда материк коллективного сознания будет затоплен подсознанием и варварством, этот музей-корабль, наполненный живыми образами, может превратиться в спасительный ковчег, который доставит поднявшихся

на его борт на другой духовный берег. Портреты, висящие в музее, являются мертвыми образами прошлого, и часто все образы подсознания таковы для нас, пока мы не откроем, что они живы и значимы. Когда анима, в присущей ей роли духовного путеводителя, созерцает образы, вступая с ними в интуитивный и эмоциональный контакт, они оживают.

Возмущенные люди в сновидении представляют ту сторону личности сновидца, что находится под влиянием коллективных мнений и препятствует оживлению образов психики, не веря в них. Это сопротивление воздействию подсознания можно сформулировать примерно так: «А что, если на нас начнут сбрасывать атомные бомбы? Никакое прозрение тогда не поможет!»

Эта сопротивляющаяся сторона личности не способна освободиться от стереотипов мышления и экстравертных рациональных предрассудков. Сновидение, однако, показывает, что в наше время подлинное освобождение может начаться лишь с психологической трансформации. С какой целью освобождать страну, если при этом у вас нет осмысленной цели жизни — цели, ради которой стоит быть свободным? Если человек не видит смысла в своей жизни, то не имеет значения, ведет ли он пустую жизнь при коммунистическом или капиталистическом режиме. Свобода имеет смысл, только если можно использовать ее для создания чего-то значимого. Вот почему определить для себя смысл жизни первостепенно важно для личности. Отсюда следует, что индивидуация должна являться первоочередной задачей человека.

Попытки влиять на общественное мнение через газеты, радио, телевидение и рекламу строятся на двух факторах. С одной стороны, они опираются на механизмы отбора, выявляющие тенденции бытующих мнений или желаний, то есть коллективных настроений. С другой стороны, они отражают предрассудки, проекции и подсознательные комплексы (главным образом, комплекс силы) тех, кто манипулирует общественным мнением. Но статистика не может быть справедлива к индивидууму. Если в груде камней средняя окружность одного составляет пять сантиметров, то реально совпадает с этой цифрой весьма малое их количество.

Очевидно, что второй фактор не может создать ничего позитивного. Посвятивший себя индивидуации обретает эффект

позитивного воздействия на окружающих. Будто искра проскакивает от одного человека к другому. Обычно это случается непреднамеренно и зачастую происходит без слов. Именно на этот внутренний путь мисс N. стремилась направить сновидца.

Почти все религиозные системы мира содержат символы, олицетворяющие процесс индивидуации или, по меньшей мере, определенные его стадии. В христианских странах Самость проецируется, как отмечалось выше, на второго Адама — Христа, на Востоке соответствующими фигурами являются Кришна и Будда. У подлинно верующих людей психорегуляция находится под воздействием религиозных символов, которые зачастую оказываются даже основой их сновидений. Например, когда покойный папа Пий XII провозгласил энциклику об Успении Марии, одной женщине-католичке приснилось, что она католическая священнослужительница. Похоже, что ее подсознание развило известную догму следующим образом: «Если Мария сейчас почти богиня, она должна иметь священнослужительниц». Другая женщина-католичка, которой не нравились некоторые мелкие, внешние аспекты ее веры, увидела во сне, что церковь в ее родном городе снесена и перестроена. Но дарохра-

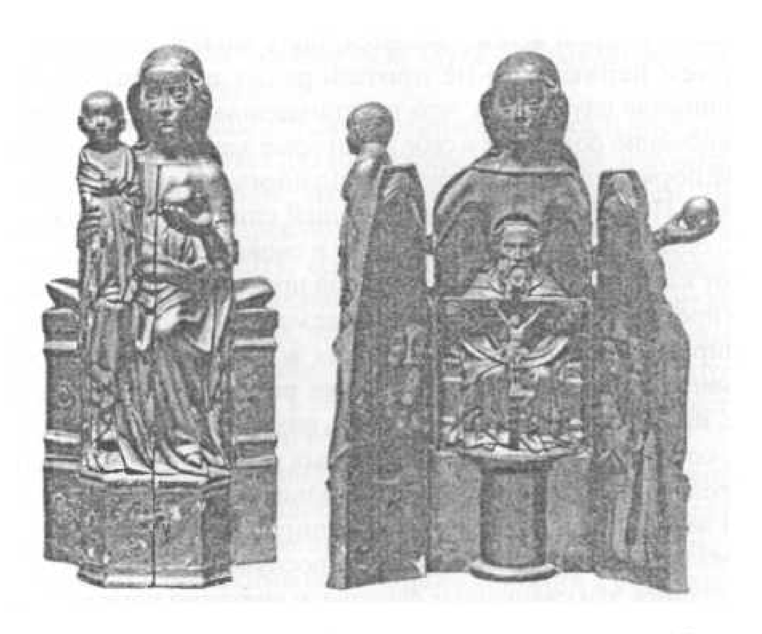

Воплощения положительной анимы обычно помогают людям и направляют их действия. *Слева:* на фреске X в., Давид, вдохновляемый музой. *Справа:* богиня, спасающая потерпевшего кораблекрушение (картина XVI в.)

нительницу с освященным ангелом и статую Девы Марии должны были перевезти из старой церкви в новую. Этот сон показал ей, что некоторые рукотворные символы ее веры нуждаются в обновлении, но основные символы — воплотившийся бог и богоматерь Дева Мария — переживут перемены.

Такие сновидения демонстрируют живой интерес, который проявляет подсознание к осознанным религиозным представлениям индивидуума. Это ставит вопрос о том, возможно ли выявить общую закономерность в религиозных сновидениях современных людей. В проявлениях подсознания, обнаруженных в современной христианской культуре — как протестантской, так и католической, — Юнг не раз замечал действие подсознательного стремления дополнить нашу триипостасную формулу верховного божества четвертым элементом, воплощающим, судя по всему, женское, темное и даже злое начало. В действительности этот четвертый элемент всегда присутствовал в сфере наших религиозных представлений, но был отделен от

Эта статуэтка Богоматери (XV в.) содержит в себе Бога-Отца и Христа. Это наглядно демонстрирует, почему Дева Мария считается воплощением архетипа «Великой Матери»

образа бога, став его противоположностью в виде самой материи (или властелина материи — дьявола). Похоже, что в настоящее время подсознание стремится объединить эти крайности, от разделения которых свет становится слишком ярким, а темнота слишком мрачной. Естественно, что ментальный символ религии — образ верховного божества — наиболее подвержен воздействию подсознательных стремлений к преобразованиям.

Один тибетский настоятель однажды сказал Юнгу, что наиболее впечатляющие мандалы в Тибете создавались воображением или направленной фантазией, когда психологическое равновесие медитирующей группы было нарушено, или когда какая-то мысль не могла быть изображена по причине ее отсутствия в священной доктрине и, следовательно, ее надо было сначала найти. Эти соображения проясняют два основополагающих и в равной степени важных аспекта символизма мандалы. Мандала служит консервативной цели восстановления прежде существовавшего порядка. Но она также служит и созидательной цели придания выразительности и формы чему-то еще не существующему, чему-то новому и уникальному. Второй аспект является, быть может, еще более важным, чем первый, но не противоречит ему, потому что в большинстве случаев то, что восстанавливает старый порядок, одновременно содержит в себе некоторые элементы нового. В новом же порядке прежняя структура поднимается на более высокий уровень. Процесс подобен восходящей спирали, которая растет вверх, одновременно проходя снова и снова ту же точку.

Вот картина, нарисованная одной простой женщиной, выросшей в протестантском окружении, где мандала изображена в форме спирали. Эта женщина получила во сне приказ нарисовать верховное божество. Позднее (также во сне) она увидела его в книге, причем не полностью, а лишь развевающиеся складки его ризы, сочетание света и тени которых составляло захватывающее зрелище, особенно на фоне неподвижной спирали на темно-синем небе. Зачарованная ризой и спиралью, сновидица не рассмотрела другие фигуры на скалах. Проснувшись, она задумалась, чем являлись эти священные фигуры, и внезапно поняла, что это был сам Бог. Это вызвало у нее глубокое потрясение, продолжавшееся долгое время. Обычно Святой Дух изображается в христианском искусстве как огненное колесо или голубь, но

в данном случае он явился в виде спирали. Это новая мысль, еще не попавшая в доктрину, но спонтанно возникшая в подсознании. То, что Святой Дух является силой, формирующей и углубляющей наш религиозный опыт, — это, конечно, не новая идея; новым является его символическое изображение в виде спирали.

По мотивам своего следующего сна эта женщина тоже нарисовала картину, на которой она и ее позитивный анимус стоят, глядя на Иерусалим в тот момент, когда на город затмевая его, опускается крыло сатаны. Сатанинское крыло сильно напомнило ей развевающуюся ризу Господа из первого сна. Но в первом случае действие происходит где-то наверху, на небесах и среди скал, через которые проходит страшный разлом. Развевающаяся риза представляет попытку достичь Христа, находящегося справа, что не вполне удается. На второй картине та же сцена подана снизу — с человеческого угла зрения. При взгляде сверху видно, что движется и расширяется часть Бога, над которой возвышается спираль, как символ потенциального будущего развития. Но при взгляде с земли, с высоты человеческого роста, тот же самый предмет в воздухе оказывается темным, зловещим крылом дьявола.

В жизни сновидицы эти две картины стали реальностью (как именно, не представляет для нас интереса), но они, несомненно, содержат также значение, выходящее за рамки личного. Не исключено, что они предрекают погружение христианского мира в божественную темноту, содержащую, однако, возможность дальнейшего развития. Поскольку ось спирали движется не вверх, а на задний план картины, это развитие приведет не к большим духовным высотам и не вниз — к царству материи, а к другому измерению — возможно, к тому, что стоит за этими божественными персонажами. А это означает к подсознанию.

Когда из подсознания индивидуума выходят религиозные символы, несколько отличающиеся от известных, это часто вызывает опасение, что они могут негативно повлиять на официально признанные религиозные символы или даже привести к обмирщению некоторых из них. Эти опасения побуждают многих людей отвергать аналитическую психологию и подсознание в целом.

Анализируя это неприятное с психологической точки зрения явление, необходимо отметить, что по отношению к религии

людей можно разделить на три типа. К первому типу относятся те, кто еще искренне верит своим религиозным учениям, какими бы они ни были. Для таких людей эти символы и доктрины настолько хорошо «созвучны» их глубоко личным чувствам, что серьезные сомнения не имеют шансов проникнуть в их сознание. Это бывает, когда сознательные убеждения и подсознательная их основа находятся в относительной гармонии. Люди этого типа могут позволить себе рассматривать новые психологические открытия и факты без предрассудков и не боясь утратить веру. Даже если в их сновидениях появятся некоторые относительно неортодоксальные детали, они могут быть интегрированы в их общее мировоззрение.

Второй тип состоит из людей, полностью утративших веру и заменивших ее абсолютно сознательными, рациональными представлениями. Для этих людей глубинная психология просто означает введение в только что открытые области психики. Поэтому они спокойно могут начать новое приключение и заняться исследованием своих сновидений для проверки их правдивости.

Существует также третья группа людей, часть личности которых отказывается верить религиозным традициям, однако вера не покидает их полностью. Французский философ Вольтер — прекрасный пример. Он яростно нападал на католическую церковь (ecrasez l'infame — уничтожьте гадину (*фран.*) — стандартное окончание писем Вольтера к энциклопедистам о религии и церкви. — *Прим. ред.*), рационально аргументируя каждый выпад, но на предсмертном одре, говорят, попросил соборования. Правда это или нет, но его разум был определенно разумом атеиста, тогда как его чувства и эмоции были, по всей видимости, ортодоксально католическими. Такие люди напоминают человека, зажатого дверью автобуса. Он не может ни войти, ни выйти. Вероятно, сновидения таких людей могли бы помочь им сделать выбор, но обычно им бывает очень сложно повернуться лицом к подсознанию, потому что они и сами до конца не знают своих мыслей и желаний. Решение, принимать ли всерьез подсознание, зависит в конечном счете от мужества и цельности конкретной личности.

Непростое положение людей, оказавшихся на ничейной полосе между двумя состояниями разума, вызвано отчасти тем фактом, что все официальные религиозные учения принадлежат в действи-

тельности коллективному сознанию (названному Фрейдом «супер-эго»), хотя когда-то давным-давно они возникли из подсознания. Эту точку зрения оспаривают многие теологи и историки религии. Они предпочитают считать, что начало было положено неким «откровением». В течение многих лет я вела поиски свидетельств, которые бы подтвердили юнгианский подход к этой проблеме, но найти такие доказательства оказалось весьма нелегко, поскольку большинство ритуалов настолько стары, что проследить их истоки невозможно. Однако ниже приводимый пример дает, как мне представляется, очень важную подсказку.

Черный Лось — знахарь племени огалала сиу (умерший совсем недавно) описал в своей автобиографии, названной «Говорит Черный Лось», что, когда ему было девять лет, он серьезно заболел и, находясь в коматозном состоянии, имел потрясающее видение. Он увидел четыре табуна прекрасных лошадей, приближающихся с четырех сторон света, а затем, сидя на облаке, повстречался с шестью дедами, которые были духами предков этого племени, «дедами всего мира». Они вручили ему шесть символических предметов для лечения его народа и указали новый жизненный путь. Но с шестнадцати лет у него вдруг стал появляться животный страх перед каждой грозой — ему слышалось, что «обитатели грома» призывают «поспешить». Это напоминало ему громоподобный топот, раздававшийся при приближении лошадей во время детского видения. Один старый знахарь разъяснил ему, что его страх возникает потому, что он держит свое видение внутри себя, и сказал, что надо рассказать о нем соплеменникам. Черный Лось так и поступил, позднее он вместе с племенем оформил это видение в ритуал, использовав для этого настоящих лошадей. После исполнения действа не только сам Черный Лось, но и многие другие индейцы почувствовали значительное облегчение. Некоторые из них даже излечились от болезней. Черный Лось сказал: «После ритуального танца даже лошади кажутся здоровее и счастливее».

Этот ритуал исчез, потому что и племя вскоре было полностью уничтожено. Но в другом месте сохранился другой сходный ритуал. Несколько эскимосских племен, обитающих возле реки Колвилл на Аляске, объясняют происхождение их праздника орла следующим образом:

«Молодой охотник застрелил необыкновенного орла и был настолько поражен красотой мертвой птицы, что сделал из нее чучело и стал почитать его как фетиш, принося ему жертвоприношения. Однажды, когда охотник удалился во время охоты в глубь материка, рядом с ним вдруг появились два птицеподобных человека и, сказав, что они «посланцы», повели его в страну орлов. Там он услышал глухой барабанный шум, и посланцы объяснили, что это бьется сердце матери погибшего орла. Затем перед охотником появилась женщина в черном. Она попросила организовать праздник орла в его племени в честь ее мертвого сына. Затем люди-орлы показали, как это сделать. После этого охотник внезапно оказался на том месте, где повстречал посланцев, в совершенно изможденном состоянии. Вернувшись домой, он научил соплеменников, как провести большой праздник орла, который с тех пор они устраивают регулярно, соблюдая обычай».

Из этих примеров видно, что ритуал или религиозный обычай может возникнуть непосредственно из подсознательного откровения, испытанного отдельным индивидуумом. Из этих индивидуальных начинаний в группах объединенных общей культурой, развивается разнообразная религиозная деятельность, пронизывающая всю жизнь общества. На протяжении длительного процесса эволюции первоначальное переживание под воздействием слов и действий преобразуется, приукрашивается и приобретает все более и более отточенную форму. К сожалению, у этого процесса кристаллизации есть серьезный недостаток. Все большее число людей не имеет личного опыта первоначального переживания и может лишь верить рассказам о нем учителей и старших. Большинство поэтому не представляет ощущений человека, пережившего подобный опыт. Религиозные традиции в их современном виде, сложившемся в результате многовековой шлифовки, часто отвергают дальнейшие творческие изменения, приносимые подсознанием. Теологи иногда даже защищают «истинные» религиозные символы и символические доктрины от вновь открываемых подсознанием религиозных впечатлений, отказывая психике в творческой функции. При этом забывается, что ценности, за которые они борются, обязаны своим возникновением той же самой функции. Без человеческой психики, воспринимающей божественные вдохновения и воспроизводящей их в словах или в формах искусства, ни один религиозный символ

никогда не стал бы реальностью нашей жизни. (Вспомним лишь о пророках и евангелистах!).

Если же кто-нибудь возразит, что религиозная реальность существует сама по себе, независимо от нашей психики, я могу лишь ответить такому человеку вопросом: «Кто говорит об этом, если не человеческая психика?» Что бы мы ни говорили, нам никогда не избавиться от существования психики, потому что мы находимся внутри нее, и она является единственным средством, через которое мы можем воспринимать реальность.

Таким образом, недавнее открытие подсознания развеивает навсегда иллюзию, так лелеемую некоторыми, будто человек может познать духовную реальность как таковую. В современной физике принцип «недетерминированности» Гейзенберга развеял заблуждение о том, что мы можем представить абсолютную физическую реальность. Открытие подсознания, однако, компенсирует потерю любимых иллюзий, распахивая перед нами необъятное и неизведанное поле деятельности, предоставляющее странным образом возможность и для объективных научных исследований, и для индивидуальных этических дерзаний.

К сожалению, как я отмечала в самом начале, практически невозможно передать всю реальность переживаемых ощущений в этой новой сфере. Многое здесь уникально и частично поддается выражению лишь словами. Также рассеивается иллюзия того, что человек может полностью понять другого человека и посоветовать ему, что для него оптимально. Впрочем это компенсируется функцией Самости, тайно способствующей взаимному притяжению людей, внутренне близких друг другу.

Интеллектуальная болтовня сменяется, таким образом, исполненными смысла событиями, реально происходящими в нашей психике. Следовательно, серьезное вхождение в процесс индивидуации раскрытым выше способом означает для личности совершенно новое, отличное от прежнего отношение к жизни. Для ученых это означает еще и новый научный подход к внешним фактам. Как это скажется на человеческих знаниях и на общественной жизни людей, невозможно предсказать. Но для меня кажется очевидным, что открытие д-ром Юнгом процесса индивидуации — это факт, с которым будущие поколения должны будут считаться, если захотят избежать сползания к застою и деградации.

4. Символы в изобразительном искусстве

Аниэла Яффе

Священные символы: камни и животные

История символов показывает, что символическое значение может присутствовать в чем угодно, в природных объектах (камнях, растениях, животных, людях, горах и долинах, в солнце и луне, в ветре, воде, огне) или в произведенных человеком вещах (домах, судах, автомобилях) и даже в абстрактных формах (числах, треугольнике, квадрате, круге). Фактически весь космос является потенциальным символом.

Человек предрасположен к созданию символов, поэтому он неосознанно преобразует в них объекты и формы, тем самым повышая психологический заряд последних и используя их в религии и в изобразительном искусстве. Взаимопереплетающаяся история религии и искусства, уходящая своими корнями в доисторические времена — это хранилище наиболее важных символов наших предков. Даже в наше время, как свидетельствует современная живопись и скульптура, взаимосвязь религии и искусства продолжает сохраняться.

Я хотела бы начать обсуждение темы «Символы в изобразительном искусстве» с разбора нескольких из них, повсеместно представлявшихся человеку священными или таинственными. Затем будет рассмотрен феномен искусства XX века, которое само по себе является символом, отражающим психологическое состояние современного мира.

Для иллюстрации природы и характера использования символов в искусстве различных эпох я отобрала три повторяющихся образа: камня, животного и круга, — каждый из которых имеет устойчивое психологическое значение как в самых ранних проявлениях человеческого сознания, так и в самых изощренных проявлениях искусства XX века.

Мы знаем, что в древних, первобытных обществах даже необработанные камни имели глубоко символическое значение. Они часто считались местами обитания духов или богов и при-

менялись в первобытных культурах в качестве надгробных памятников, пограничных столбов или объектов религиозного поклонения. Такое использование позволяет рассматривать их как первичную форму скульптуры и первую попытку придать камню большую выразительность, чем та, что определена ему волей случая или прихотью природы.

Описание сна Иакова в Ветхом завете представляет собой типичный пример того, как тысячелетия тому назад человек мог считать, что живое божество или божественный дух пребывают в камне, тем самым превращая его в символ:

«Иаков… пошел в Харран. И пришел на одно место, и остался там ночевать, потому что зашло солнце. И взял один из камней того места, и положил себе изголовьем, и лег на том месте. И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней и говорит: Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака. Землю, на которой ты лежишь, я дам тебе и потомству твоему… Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал! И убоялся и сказал: как страшно сие место: это не иное что, как дом Божий, это врата небесные. И встал Иаков рано утром, и взял камень, который он положил себе изголовьем, и поставил его памятником; и возлил елей на верх его. И нарек имя месту тому: Вефиль» (кн. Быт. 28,10).

Древний менгир. Путем легкой обработки камню приданы женские черты (возможно, это богиня-мать). *Правее:* скульптура Макса Эрнста (1891–1976) следует в основном природной форме камня, лишь слегка подправляя ее

Для Иакова камень был составной частью откровения. Он был посредником между ним и богом.

Во многих первобытных каменных святилищах божество представлено не одним камнем, а множеством необработанных камней, расставленных в определенном порядке. (Известны геометрические узоры из камней в Бретани и каменное кольцо Стоунхеджа). Аранжировки из грубых натуральных камней (каменные сады) также играют важную роль в культуре дзэн-буддизма. Их расположение не составляет какой-либо геометрической фигуры и выглядит совершенно случайным. Тем не менее оно воплощает утонченнейшую одухотворенность.

С очень ранних времен люди пытались выразить то, что считали душой или духом камня, придавая ему определенную форму. Во многих случаях эта форма более или менее точно повторяла человеческие черты. Таковы древние менгиры — каменные столбы с грубо намеченными лицами, гермы, вышедшие из пограничных столбов Древней Греции, а также множество каменных идолов, имеющих человеческий облик. Придание камню черт живых существ следует понимать как проецирование на него подсознания того или иного человека.

Первобытная тенденция придавать камню лишь намек на человеческую фигуру, сохраняя большую часть его природной формы, наблюдается и в современной скульптуре. Многие скульпторы стремятся добиться такого результата, чтобы камень «заговорил», то есть чтобы его форма это сделала сама за себя. Таковы работы швейцарца Ганса Ашбахера, американца Джеймса Розати и выходца из Германии Макса Эрнста. В письме из Малойи Эрнст писал: «Альберто (швейцарский художник Джакометти) и я увлечены созданием скульптур. Мы работаем с гранитными валунами, большими и малыми, из морен ледника Форно. Чудесно отполированные временем, морозом и погодой, они сами по себе фантастически прекрасны. Ни одна человеческая рука не могла бы сделать этого. Почему бы нам не оставить кропотливый труд стихиям, а самим заняться начертанием на них рун нашей собственной тайны?»

Эрнст не объясняет, что за «тайну» он имел в виду. Чуть ниже в этой главе я попробую показать, что «тайны» современных художников не очень отличаются от тайн старинных мастеров, которые были знакомы с «духом камня».

Акцентирование этого «духа» во многих образцах скульптуры указывает на зыбкость невидимой границы между религией и искусством. Иногда бывает даже невозможно отделить одно от другого. Подобная же двойственность присуща и другому древнейшему символу — образу животного.

Первые изображения животных датируются ледниковым периодом (то есть 60—10 тысячелетием до н. э.). Они были обнаружены на стенах пещер во Франции и Испании в конце прошлого столетия. Но лишь в начале нынешнего столетия археологи пришли к пониманию их исключительной важности и начали исследовать их значение. Эти исследования открыли бесконечно далекую доисторическую культуру, о существовании которой никто даже не догадывался. Даже в наши дни в пещерах, где есть наскальные надписи и рисунки, кажется, будто воздух пропитан тайной и волшебством. По словам немецкого историка-искусствоведа Герберта Куна, жители районов Африки, Испании, Франции и Скандинавии, где были обнаружены такие рисунки, никогда не приближаются к пещерам. Их удерживает религиозный страх или боязнь духов, обитающих среди скал и рисунков. До сих пор кочевники в Северной Африке совершают жертвоприношения, проходя перед древними наскальными изображениями. В XV веке Папа Каликстус II запретил религиозные церемонии в «пещере с рисунками лошади». Неизвестно, какую из пещер он имел в виду, но это, несомненно, была одна из пещер ледниковой эпохи, в которой имелись рисунки животных. Все это подтверждает, что пещеры и скалы с изображениями животных всегда инстинктивно воспринимались как места религиозного поклонения, каковыми они и были первоначально. Таким образом, дух этих мест сохраняется веками.

В ряде пещер современный посетитель должен пройти через множество низких, мрачных и унылых переходов, прежде чем достигнет точки, в которой ему внезапно откроются разрисованные «залы». Такой трудный доступ, вероятно, выражает желание первобытных людей скрыть от чужих глаз все, что находилось и происходило в пещерах. Вид рисунков на стене, неожиданно открывающийся после трудного и устрашающего продвижения, производил, очевидно, ошеломляющее впечатление на первобытного человека.

Рисунок доисторического периода из пещеры Труа Фрер, включающий в себя изображение человека (нижний правый угол), возможно шамана, с копытами и рогами

Почти все известные наскальные рисунки эпохи палеолита изображают животных, движения и позы которых взяты с натуры и выполнены с большим художественным мастерством. Однако многие детали свидетельствуют, что рисунки предназначались для цели более важной, чем натуралистическое воспроизведение. Кун пишет: «Странно, что многие из первобытных рисунков использовались в качестве мишеней. В пещере Монтеспан имеется вырезанное на камне изображение лошади, загоняемой в западню. Оно испещрено следами метательных предметов. А в глиняном изваянии медведя в той же самой пещере имеется сорок два отверстия».

Эти картины напоминают охотничью магию, подобную той, что практикуется и поныне охотничьими племенами в Африке. Нарисованное животное выполняет роль «двойника». Символически убивая его, охотники пытаются предвосхитить и гарантировать удачу в реальной охоте. Этот вид симпатической магии исходит из реальности двойника, изображенного на картине: что происходит на картине, произойдет и в реальности. Психологическая подоплека такого подхода заключается в сопряжении живого существа с его изображением, которое рассматривается как душа этого существа. (В этом заключается одна из причин, почему большинство дикарей из первобытных племен, сохранившихся в наши дни, избегают фотографирования).

Другие наскальные рисунки использовались, видимо, для магических обрядов, связанных с плодородием. На них живот-

ные изображаются в момент совокупления. Таков, например, рисунок самца и самки бизонов в пещере Тук-ло-Дюбер во Франции. Таким образом, реалистическое изображение животных, обогащенное магическим обрядом, приобрело символическое значение, став символом жизненной силы животного.

Самыми интересными персонажами наскальной живописи являются изображения получеловеческих существ, нарядившихся зверьми, встречающиеся рядом с изображениями животных. В пещере Труа Фрер во Франции изображен завернувшийся в шкуру мужчина, который играет на примитивной флейте, словно стремясь заворожить зверей вокруг. В той же пещере имеется рисунок с изображением танцующего человеческого существа с рогами, лошадиной головой и медвежьими лапами. Эта фигура, возвышающаяся над скоплением зверья, является, без сомнения, «звериным богом».

Обычаи и традиции некоторых африканских племен, не перешагнувших до сих пор первобытную стадию развития, могут пролить свет на значение этих таинственных и несомненно символических существ. В обрядах посвящения, тайных обществах и даже в монархических институтах этих народностей часто играют важную роль звери и лица, переодетые ими. Король и вождь также представляется животным — обычно львом или леопардом. Следы этого обычая до сих пор сохранились в титуле императора Эфиопии Хайле Селассия («Лев Иуды») или в почетном титуле доктора Хастингса Банда («Лев Ньясаленда»).

Чем древнее изучаемое общество, чем примитивнее оно и ближе к природе, тем буквальнее следует воспринимать такие титулы. Вождь первобытного племени не только наряжается животным, когда во время обряда посвящения во взрослые переодевается в звериные шкуры, но он и является для соплеменников этим животным. Более того, он является для них духом животного, устрашающим демоном, совершающим ритуал обрезания. В такие моменты он воплощает или представляет предка племени и, следовательно, главное божество — тотемное животное этого племени. Таким образом, мы, очевидно, не совершим большой ошибки, если сочтем танцующего зверя-человека, изображенного в пещере Труа Фрер, вождем, который нарядился животным-демоном.

С течением времени полное переодевание было заменено использованием масок животных и демонов. Первобытные люди вкладывали все свое художественное мастерство в изготовление таких масок, и многие из них до сих пор остаются непревзойденными по своей выразительности. Они часто являются объектами такого же почитания, как сам бог или демон. Маски животных являются важной составной частью фольклора многих современных стран, например Швейцарии и Японии. Величественная экспрессия масок — важнейший атрибут популярных по сей день в Японии постановок японского театра древней драмы Но. Символическая функция маски та же, что у первоначального одевания животным. Индивидуальные человеческие черты ряженого скрыты, но вместо них носитель звериного наряда обретает достоинство и красоту (как, впрочем, и устрашающее выражение) животного-демона. В психологических терминах можно сказать, что маска преобразует ее носителя в архетипический образ.

Исполнение танца, первоначально лишь завершающее перевоплощение в животное соответствующими движениями и жестами, по всей видимости, лишь дополняло обряды посвящения и другие ритуалы. Танец, можно сказать, исполнялся демонами в честь демона. В мягкой глине пещеры Тук-ло-Дюбер Герберт Кун обнаружил отпечатки ног вокруг изображений животных. Они свидетельствуют, что танцы были составной частью обрядов уже в ледниковый период. Кун писал: «Видны были только отпечатки пяток. Танцоры двигались, как бизоны. Они исполняли танец бизона, чтобы те размножались, чтобы их поголовье росло и чтобы множилась добыча охотников».

В первой и вступительной главе этой книги д-р Юнг отметил тесную связь, доходящую до отождествления, между туземцем и его тотемным животным (или «лесной душой»). Существуют специальные церемонии, инициирующие эту связь, например ритуалы посвящения для мальчиков. Мальчик вступает в обладание своей животной душой и одновременно приносит в жертву свое собственное животное бытие путем обрезания. Этот двойной процесс позволяет ему вступить в тотемный клан и, одновременно, — в связь со своим тотемным животным. Более того, он становится мужчиной, а в более широком смысле — человеком вообще.

Жители восточного побережья Африки считают необрезанных мальчиков животными. Такие мальчики не обрели душу тотема, поскольку не принесли в жертву свое животное начало. Другими словами, так как ни человеческая, ни животная стороны души не определились у не прошедших обрезание мальчиков и не осознаны ими, считается, что у них доминирует животное начало.

Животная сторона обычно символизирует изначально инстинктивную природу мужчины. Даже цивилизованные люди должны понимать силу своих инстинктивных влечений и свою беспомощность перед эмоциями, автономно возникающими в подсознании. Это еще более верно для первобытных людей, чье сознание недостаточно развито и которые еще менее готовы противостоять эмоциональным порывам. В первой главе, там где д-р Юнг разбирает, как у человека развивалась способность осмысления происходящего, был приведен пример африканца, впавшего в ярость и убившего своего любимого сынишку. Когда этот человек пришел в себя, он был преисполнен горя и угрызений совести за содеянное. В данном случае из подсознания вырвался и проделал свою смертоносную работу негативный импульс, преодолевший волю сознания. Животное-демон — это крайне экспрессивный символ такого импульса. Четкость и конкретность символа дает человеку возможность относиться к нему как к представителю всепоглощающей силы в самом себе. Он боится ее и стремится умиротворить путем жертвоприношений и ритуалов.

Большое количество мифов связано с верховными животными, которых необходимо принести в жертву ради плодородия или даже ради сотворения мира. Например, при заклании быка персидским богом солнца Митрой из его крови возникает земля со всем ее изобилием и плодородием. В христианской легенде о Святом Георгии, поражающем дракона, вновь проявляется первобытный ритуал жертвенного убийства.

В религиях и в религиозном искусстве практически всех континентов имеются случаи почитания богов в облике животных или наделения божеств атрибутами животных. Древние жители Вавилона перенесли своих богов на небеса в виде знаков Зодиака: овна, быка, краба, льва, скорпиона, рыб и т.д. Египтяне изображали богиню Хатор в образе женщины с коровьей головой,

бога Амона — в образе мужчины с бараньей головой, а бога Тота — в образе человека с головой ибиса или в виде павиана. Ганеша — индийский бог удачи — имеет человеческое тело и голову слона, бог Вишну изображается в образе кабана, а бог Хануман — в образе обезьяны и т.д. (Индусы, кстати, не ставят на первое место человека в иерархии живых существ: слон и лев стоят в ней выше человека).

Греческая мифология наполнена символикой, связанной с животным миром. Отец богов, Зевс, желая покорить сердце девы, обычно принимал обличье лебедя, быка или орла. В германской мифологии кот — священное животное богини Фрейи, тогда как кабан, ворон и лошадь шляются представителями Водана.

Образы животных играют удивительно большую роль даже в христианстве. Три евангелиста символизируются следующими животными: Святой Лука — быком, Святой Марк — львом и Святой Иоанн — орлом, и лишь четвертый — Святой Матфей — изображается в виде либо просто мужчины, либо ангела. Сам Христос символически предстает в образе агнца божьего или рыбы, а также в образе змеи, вознесенной на крест, льва и, в редких случаях, единорога. Животные атрибуты Христа показывают, что даже сыну Бога (высшая персонификация человека) животное начало необходимо не менее, чем духовное. Мы чувствуем, что дочеловеческое, как и сверхчеловеческое, должно относиться к божественному; взаимосвязь этих двух сфер прекрасно символизируется рождественским сюжетом о младенце Христе в яслях среди ягнят.

Широкое распространение образов животных в религии и искусстве всех времен не просто акцентирует важность этого вида символов — оно показывает, как важно для человека сделать инстинкты (составляющие психическое наполнение этой символики) составной частью своей жизни. Само по себе животное не является хорошим или плохим. Оно — часть природы и не может желать того, что не свойственно природе. Другими словами, оно повинуется своим инстинктам. Эти инстинкты часто кажутся нам загадочными, но у них имеется параллель в человеческой жизни: в основе человеческой натуры тоже лежит инстинкт.

Однако животное начало человека, обитающее в нем в качестве инстинктивной части психики, может стать опасным, будучи не по-

нято и не включено в жизненный процесс. Человек — единственное существо, способное контролировать свои инстинкты посредством силы воли. Вместе с тем, он способен также подавлять, искажать и ранить их. Но ведь любой зверь, говоря метафорически, более всего свиреп и опасен, когда ранен. Подавленные инстинкты могут подмять под себя человека и даже уничтожить его.

Известный всякому сон, когда кажется, будто вас преследует зверь, почти всегда указывает на оторванность инстинкта от сознания и на необходимость (или старание) ликвидировать этот разрыв, подключив инстинкты к общей работе. Чем опаснее поведение животного во сне, тем глубже в подсознании первобытно-инстинктивная часть души сновидца и тем насущнее ее осознание и включение в жизнь, чтобы не допустить непоправимых неприятностей.

Цивилизованному человеку угрожают подавленные и ущемленные инстинкты, первобытному же — бесконтрольные влечения. В обоих случаях подлинная природа «животного начала» искажается, и в обоих случаях необходимым условием целостной и полной жизни является приятие животной части души. Первобытный человек должен укротить в себе животное и превратить его в помощника, тогда как цивилизованный человек должен оздоровить в себе животное начало и подружиться с ним.

Другими авторами этой книги было рассмотрено значение символов камня и животных в сновидениях и мифах. Я же использовала их лишь в качестве общего примера по истории возникновения в искусстве, особенно религиозном, неувядающих образов. Рассмотрим же аналогичным образом наиболее мощный и универсальный символ — круг.

Символ круга

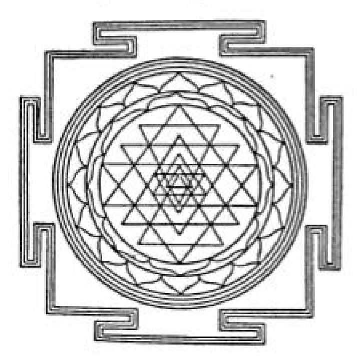
Д-р М.- Л. фон Франц определила круг или сферу как символ Самости. Он выражает целостность психики во всех ее проявлениях, включая взаимоотношения между человеком и всей природой. Где бы ни появился символ круга: в примитивном культе солнца или в современной религии, в мифах или снах, в мандалах, нарисованных тибетскими монахами, в градостроительных

планах городов или в сферических построениях древних астрономов, — он всегда указывает на единственный наиболее существенный аспект жизни — ее абсолютную завершенность.

Один индийский миф о мироздании повествует, что бог Брахма, стоя на огромном тысячелепестковом лотосе, охватывал взглядом сразу четыре стороны света. Такой четырехсторонний обзор с круга лотоса был своего рода предварительной подготовкой, необходимым определением местоположения перед началом работы по созданию мира.

Аналогичная история рассказывается и о Будде. В момент его рождения с земли поднялся цветок лотоса. Будда встал на него, чтобы обозревать пространство в десяти направлениях (в данном случае лотос был восьмилепестковый; Будда смотрел также вверх и вниз, что и дало в сумме десять направлений). Это символическое описание одновременного всеохватывающего обзора было кратчайшим способом показать, что Будда с самого рождения был уникальной личностью, которой на роду было написано стать просветленной. На его личность и дальнейшую жизнь уже легла печать завершенности.

Пространственную ориентацию, осуществляемую Брахмой и Буддой, можно рассматривать как символ потребности человека в психической ориентации. Четыре функции сознания, описанные д-ром Юнгом — мышление, осязание, интуиция и ощущение, — дают человеку возможность воспринимать впечатления о мире, поступающие изнутри и извне. Именно посредством этих функций он постигает и накапливает свой опыт. Благодаря этим функциям он способен реагировать. Наблюдение Брахмы за вселенной в четырех направлениях символизирует необходимость для чело-

Янтра (вид мандалы), составленная из девяти сопряженных треугольников. Мандала, символизирующая целостность, в мифах и легендах часто оказывается так или иначе связана с необычными, сверхъестественными существами

века интеграции этих четырех функций. (В искусстве круг часто бывает восьмидольным. Это отражает такое взаимное наложение четырех функций сознания, при котором появляются еще четыре промежуточные функции, например мышление, дополненное осязанием или интуицией, или осязание, ведущее к ощущению).

В изобразительном искусстве Индии и Дальнего Востока четырех- или восьмидольный круг обычно лежит в основе религиозных образов, являющихся инструментами медитации. Это особенно характерно для тибетского ламаизма, где богато разукрашенные мандалы играют важную роль. Как правило, они представляют космос и его связь с божественными силами.

Однако большинство изображений для медитации на Востоке имеют чисто геометрическую структуру, которую называют «янтра». Помимо круга, самый распространенный мотив янтры — это два пересекающихся треугольника, из которых один расположен вершиной вверх, а другой вершиной вниз. Традиционно эта форма символизирует союз Шивы и Шакти — мужского и женского божеств, и часто встречается также в бесчисленных вариациях в скульптуре. В терминах психологической символики она выражает единство противоположностей — союз личного, преходящего мира эго с безличностным и вечным миром не-эго. В конечном счете этот союз является целью всех религий, фактически, это союз души с богом. Два взаимопересекающихся треугольника несут символическую нагрузку, сходную со значением более распространенной мандалы в форме круга. Они представляют целостность психики или Самость, для которой сознание и подсознание являются равно значимыми составными частями.

И составленные из треугольников янтры, и скульптуры, изображающие союз Шивы и Шакти, подчеркивают напряженность, существующую между двумя противоположностями. Вот почему для них зачастую характерен ярко выраженный эротический и эмоциональный заряд, динамичность которого олицетворяет процесс создания или сотворения целостности. Тогда как четырех- или восьмидольный круг символизирует целостность как таковую, как уже существующую реальность.

Абстрактный круг фигурирует также в картинах дзэн-буддизма. Характеризуя картину «Круг» знаменитого дзэн-буддийского

священника Сангая, другой художник этого же течения писал: «В секте Дзэн круг представляет озарение. Он символизирует совершенство человека».

Абстрактные мандалы были характерны также и для европейского христианского искусства. Это замечательно подтверждают украшенные розами окна кафедральных соборов, олицетворяющие человеческую Самость, перенесенную на космический план. (Космическая мандала в образе сияющей белой розы явилась в видении Данте). Можно рассматривать как мандалу нимбы Христа и христианских святых на иконах. Во многих случаях нимб Христа разделен на четыре части, что напоминает о его страданиях как Сына Человеческого и смерти на кресте, и одновременно символизирует исключительную завершенность его личности. На стенах древнеримских церквей иногда можно встретить абстрактные круглые фигуры. Возможно, их происхождение относится к языческим временам.

В не христианском искусстве такие круги называют «солнечными колесами». Они попадаются в наскальных изображениях эпохи неолита, то есть еще до изобретения колеса. Как отмечал Юнг, термин «солнечное колесо» отражает только внешний аспект изображения. Важнее, однако, было восприятие человеком каменной эпохи архетипического внутреннего образа, который он отображал в своих рисунках с той же добросовестностью, что и образы быков, газелей или диких лошадей.

В христианском искусстве можно обнаружить немало изображений мандалы. Например, нетрадиционное изображение Девы Марии в центре круглого дерева, символизирующего неопалимую купину. Наиболее распространенными мандалами в христианском искусстве являются те, где Христос изображен в окружении четырех евангелистов. Их прототипами являются древнеегипетские изображения бога Гора и его четырех сыновей.

В архитектуре мандала также играет важную роль, но ее часто не замечают. Она входит в план как мирских, так и культовых сооружений почти во всех цивилизациях. Она применялась в древнегреческом, средневековом и даже в современном городском планировании. Классический пример этого мы находим в записях Плутарха об основании Рима. Согласно Плутарху, Ромул послал за строителями из Этрурии, и те объяснили ему по

священным канонам и писаным правилам все церемонии, которые необходимо было соблюдать при строительстве так же, как и при исполнении мистерий. В первый день они вырыли круглую яму в том месте, где в настоящее время стоит Комиция, или здание Народного собрания; в эту яму они бросили символические жертвоприношения из земных плодов. Затем каждый человек кинул туда щепотку земли из тех мест, где родился. Яму назвали «мундус» (что означает — «космос»). Вокруг ямы Ромул с помощью плуга, в который запрягли быка и корову, очертил границу города. В тех местах, где планировались ворота, плуг поднимался и проходил над землей.

Город, основанный во время этой торжественной церемонии, имел форму круга. Однако древнее и известное описание Рима гласит, что он был «квадратным», городом — urbs quadrata. Согласно одной теории, пытающейся снять противоречие, значение слова «quadrata» следует понимать как «состоящий из четырех частей», имея в виду, что круглый город был разделен на четыре части двумя главными уличными артериями, проходящими с севера на юг и с запада на восток, точка пересечения которых совпадала с описанным Плутархом «мундусом».

Согласно другой теории, это противоречие следует понимать символически, а именно как наглядное изображение математически неразрешимой задачи квадратуры круга, которой много занимались греки и которая сыграла в последующем значительную роль в алхимии. Довольно странно, что перед описанием церемонии очерчивания Ромулом круга при основании города Плутарх также называет Рим «Roma quadrata» — «квадратным городом». Для него Рим был одновременно и кругом, и квадратом.

В каждой из теорий фигурирует истинная мандала, и это увязывается с утверждением Плутарха о том, что церемония закладки города сравнивалась этрусками с исполнением мистерий, то есть воспринималась как священный ритуал. Она имела более глубокий смыл, чем простое следование внешней форме. Благодаря планировке, в основе которой лежит мандала, город с его жителями возносится выше чисто мирской сферы. Это еще более подчеркивается тем фактом, что у города есть центр — «мундус», связывающий город с «другим миром» — обителью духов предков. («Мундус» был накрыт большим камнем, называвшимся

«камень души». В определенные дни камень отодвигали, и тогда, гласит предание, души мертвых поднимались из ямы).

Ряд средневековых городов был спланирован на основе мандалы и окружался по возможности круглой стеной. Рим, например, разделялся на кварталы двумя главными уличными магистралями, выходившими к четырем воротам. В месте пересечения этих улиц стоял храм или кафедральный собор. Концепция средневекового города с его кварталами была вдохновлена образом Небесного Иерусалима (из Апокалипсиса). Его планировка была квадратной, а стены оснащались воротами — по три с каждой стороны. Однако в Иерусалиме не было храма в центре, поскольку в этом священном городе Бог присутствовал повсюду. (Планировка города в форме мандалы до сих пор не вышла из моды, о чем свидетельствует планировка столицы США).

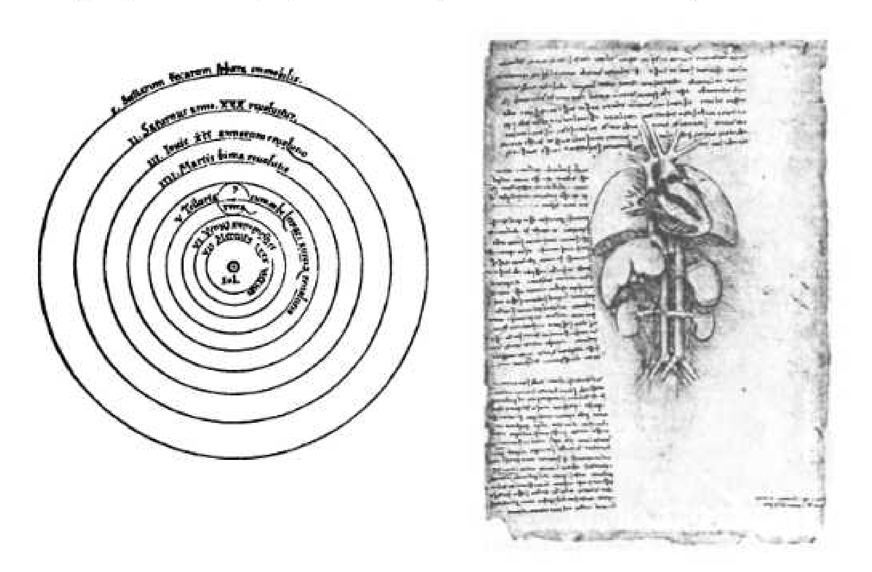
Как в античную эпоху, так и до нее использование мандалы в плане городов при их закладке никогда не диктовалось соображениями эстетики или экономичности. Речь шла о преображении города в упорядоченный космос, священное место, связанное своим центром с потусторонним миром. Подобное преображение соответствовало жизненным ощущениям и потребностям верующего человека того времени.

Любое священное или мирское здание, имеющее в плане мандалу, является проекцией архетипического образа человеческого подсознания на внешний мир. Город, крепость и храм стали символами психической цельности и тем самым оказывают определенное воздействие на человека, пришедшего туда или проживающего там. (Вряд ли есть необходимость подчеркивать, что даже в архитектуре проецирование духовного содержания было чисто подсознательным процессом. «Такие вещи нельзя придумать, — писал д-р Юнг, — они вырастают вновь из забытых глубин, как результат ярчайшего озарения сознания и благороднейшего предчувствия духа, уникальным сплавом нынешнего сознания и многовекового опыт» человечества».)

Центральным символом христианского искусства является не мандала, а крест или распятие. Вплоть до эпохи Каролингов обычной формой креста был равносторонний или греческий крест, что косвенно намекало на мандалу. Но с течением времени центр креста перемещался вверх, пока крест не обрел при-

вычную для наших дней латинскую форму — со стойкой и поперечиной. Это изменение важно потому, что оно соответствует внутреннему развитию христианства вплоть до расцвета средневековья. Попросту говоря, оно символизировало тенденцию удаления средоточия человека и его веры от земной сферы и «вознесения» их в духовную сферу. Эта тенденция происходит из стремления реализовать слова Христа: «Царство мое не от мира сего». Таким образом, земная жизнь, мир и тело человека были силами, которые необходимо было преодолеть. Тем самым надежды средневекового человека обращались к потустороннему миру, потому что обещанное праведникам свершение всех желаний виделось только в раю.

Это стремление достигло апогея в средние века и особенно в мистицизме того времени. Надежды на лучшую загробную жизнь находили отражение не только в смещении ввысь центра креста. Они проявлялись также в увеличении высоты готических соборов, которые, казалось, стремились бросить вызов закону тяготения.

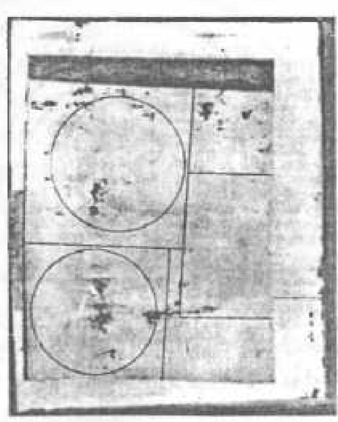
Для эпохи Ренессанса характерен интерес к внешнему миру, его усилило открытие Коперником гелиоцентрического строения Вселенной. Проявился он также и в повороте художников-имажинистов к изучению и изображению природы. *Правее:* исследование Леонардо да Винчи сердечно-сосудистой системы человека

Их крестообразная планировка имела в основе удлиненный латинский крест, тогда как баптистерии с купелью в центре имели в плане истинную мандалу.

С наступлением Ренессанса, в человеческом мировоззрении стали происходить революционные изменения. Движение «вверх» (достигшее апогея в позднем, средневековье) пошло в обратном направлении: человек повернулся к земле. Он вновь открыл красоты природы и тела, совершил кругосветное путешествие и доказал, что земной шар имеет форму сферы. Законы механики и логики стали основами науки. Мир религиозных чувств, иррационального и мистического, игравший такую важную роль в средневековую эпоху, все больше и больше затмевался триумфом логического мышления.

Аналогичным образом и искусство стало более реалистичным и чувственным. Оно порвало с религиозной тематикой, обязательной для средних веков, и охватило весь видимый мир. Оно преисполнилось многообразием земли, се великолепием и ужасом, и стало тем, чем раньше было готическое искусство —

Слева: символически изображенное алхимическое понятие квадратуры круга — символа целостности и единства противоположностей (обратите внимание на фигуры мужчины и женщины).
Справа: современное изображение квадратуры круга, выполненное английским художником Беном Николсоном, — это чисто геометрическая голая форма, обладающая гармонией и прелестью, но не символическим значением

настоящим символом духа эпохи. Следовательно, вряд ли можно считать случайной и перемену, происшедшую в церковном строительстве. Контрастом взмывающим ввысь готическим соборам стали строения сферического типа. Круг заменил латинский крест. Однако перемена формы, что немаловажно для истории символов, была вызвана эстетическими, а не религиозными причинами. Именно это является единственно возможным объяснением того факта, что центр таких сферических храмов (самое «святое» место в церкви) обычно пуст, а алтарь находится в нише стены вдали от центра храма. По этой причине их план нельзя признать соответствующим подлинной мандале. Важным исключением является собор Святого Петра в Риме, построенный по проектам Браманте и Микеланджело, алтарь которого расположен в центре. Правда, здесь возникает соблазн приписать это исключение гениальности архитекторов, ибо гений всегда и принадлежит своей эпохе, и превосходит ее.

Несмотря на значительные перемены, принесенные Ренессансом в искусство, философию и науку, центральный символ христианства остался неизменным. Христос по-прежнему, как и в наши дни, изображался на латинском кресте. Это означало, что средоточие религиозного человека осталось зафиксировано на более высоком, более духовном плане, чем у земного человека, вернувшегося к природе. Таким образом у человека возник барьер между традиционной христианской духовностью и его чисто рациональной или интеллектуальной манерой мыслить. С того времени эти две стороны современного человека так и не соединились. На протяжении столетий это разделение, несмотря на все большее проникновение в законы природы, постепенно расширялось и до сих пор раскалывает психику христиан Запада.

Конечно, приведенный здесь краткий исторический обзор слишком упрощен. Более того, он не касается тайных религиозных движений вне христианства, принимавших во внимание в своих верованиях то, что обычно игнорировалось большинством христиан — проблему зла, хтонического (или земного) духа. Такие движения всегда были в меньшинстве и редко оказывали сколько-нибудь заметное влияние на общие процессы. Для христианской духовности они являлись своего рода аккомпанементом в контрапункте, что и определяло их значение.

Наряду со многими сектами и движениями, возникшими примерно в 1000-м году нашей эры, важную роль сыграли исследователи-алхимики. Они превозносили тайны материи и ставили их в один ряд с тайнами «небесного» духа христианства. Целью их поисков была целостность человека, охватывающая дух и тело, и они изобрели тысячи имен и символов для нее. Одним из важнейших был символ «квадратуры круга», который является не чем иным, как истинной мандалой.

Алхимики не только описывали результаты своих исследований, но и создали множество картин, представляющих их сны и видения — символические изображения, которые настолько же сложны, насколько загадочны. Их вдохновляли темные стороны природы — зло, сны, духи земли. По форме их сочинения и картины всегда были загадочными и нереальными — подобно снам. Великий фламандский художник XV столетия Иероним Босх — наиболее яркий представитель такого рода имажинистского искусства для нас.

Наряду с ними художники Ренессанса, работая в более привычной манере, так сказать, при свете дня, создавали замечательнейшие произведения сенсуального искусства. Их очарование землей и природой было настолько глубоко, что оно практически предопределило развитие изобразительного искусства на следующие пять столетий. Последними великими представителями сенсуального искусства, искусства преходящего момента, наполненного светом и воздушностью, были импрессионисты XIX века.

Здесь следует отличать две совершенно различные формы художественного творчества. Предпринималось много попыток охарактеризовать их. Недавно Герберт Кун, чьи работы о наскальных рисунках я уже упоминала, попробовал определить то, что он называет «имажинистским» и «сенсуальным» стилями в живописи. Сенсуальный стиль обычно непосредственно воспроизводит природу или избранный объект. Тогда как имажинистский стиль представляет фантазию или впечатление художника в нереалистической, сходной со сном, а иногда даже абстрактной манере. Определения Куна настолько просты, что я с удовольствием пользуюсь здесь ими.

Зачатки имажинистского искусства рассеяны далеко в глубине веков. В Средиземноморском бассейне его расцвет относится

к третьему тысячелетию до нашей эры. И только недавно стало ясно, что эти древние памятники искусства не свидетельствуют о некомпетентности или невежестве, а выражают вполне определенные религиозные и духовные эмоции их создателей, которые особенно притягательны в наши дни, поскольку за последние полвека искусство еще раз прошло через период «имажинизма».

В наше время геометрический (или абстрактный) символ круга вновь стал играть в живописи важную роль. Но за некоторыми исключениями его традиционная форма претерпела существенную трансформацию, соответствующую недугу бытия современного человека. Круг не является больше единственной смысловой фигурой, охватывающей мир и доминирующей в картине. Иногда художник заменяет его доминирующее положение слабо организованной группой кругов. Иногда же круг рисуется асимметричным.

Пример асимметрии круга можно видеть в известных солнечных дисках французского художника Робера Делоне. А на одной из картин современного английского художника Сери Ричардса, находящейся сейчас в коллекции д-ра Юнга, изображен совершенно асимметричный круг, причем далеко слева от него виден значительно меньший пустой круг.

На картине французского художника Анри Матисса «Натюрморт с вазой настурций» в центре изображена зеленая сфера на изгибающемся черном луче, который как будто вбирает в себя многочисленные круги листьев настурции. Сфера перекрывает собой прямоугольную фигуру, верхний левый угол которой свернут. Художественное совершенство картины заставляет забыть, что в прошлой манере живописи эти две геометрические фигуры (круг и квадрат) были бы непременно объединены, что передавало бы целую гамму мыслей и чувств. Если же не забывать об этом или задуматься о значении именно такого изображения, то возможны самые разные варианты толкования. Круг и квадрат, испокон веков образовывавшие единое целое, на этой картине разъединены. Но оба они находятся там и касаются друг друга.

На картине русского художника Василия Кандинского, изображена группа разбросанных цветных мячей и кругов, которые напоминают плывущие мыльные пузыри. Они также тонко соотнесены с фоном — большим прямоугольником с двумя маленькими,

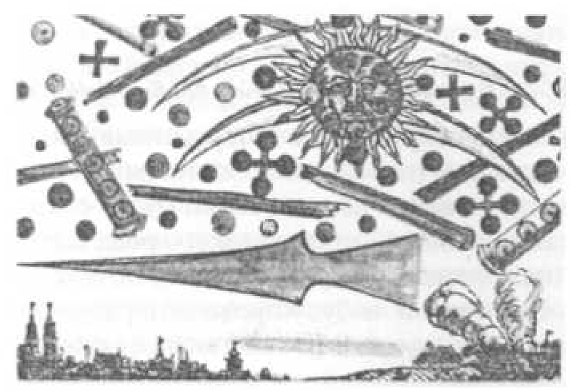
почти квадратными прямоугольниками, содержащимися в нем. На другой его картине «Несколько кругов» изображена темная туча (а может быть, падающая птица?), которая также несет разбросанную группу ярких шаров или кругов.

Круги часто появляются в неожиданных сочетаниях на таинственных композициях английского художника Пола Нэша. В первозданной уединенности пейзажа, изображенного на картине «Случай на холмах», на правом переднем плане лежит мяч. Хотя это явно теннисный мяч, рисунок на его поверхности образует китайский иероглиф вечности «Тай-ги-ту». Таким образом уединенность оборачивается новой стороной. Нечто подобное происходит в картине Нэша «Пейзаж из сна». Исчезая из виду, шары катятся в неохватную перспективу отражающегося в зеркале пейзажа с огромным солнцем, встающим над горизонтом. Другой шар лежит на переднем плане перед грубым квадратным зеркалом.

В своем рисунке «На грани понимания» швейцарский художник Пауль Клее помещает простое изображение сферы или круга сверху сложной структуры из лестниц и линий. Д-р Юнг отмечал, что истинный символ появляется лишь тогда, когда надо выразить нечто, не охватываемое мыслью, а лишь предугадываемое или ощущаемое. Это и показывает простая фигура, изображенная Клее.

Важно отметить, что квадрат, группа прямоугольников и квадратов или прямоугольников и ромбов встречаются в современной живописи так же часто, как круг. Мастером гармонических, поистине музыкальных композиций с квадратами является голландский художник Пит Мондриан. Как правило, во всех его картинах нет настоящего центра, но они образуют строго упорядоченное единство почти в аскетической манере. Еще более распространенными являются картины других художников с изображением неправильных четырехэлементных композиций или многочисленных прямоугольников, скомбинированных в более или менее увязанные группы.

Круг — это символ психики (даже Платон описывает психику как сферу). Квадрат и нередко прямоугольник являются символами земной материи, тела и реальности. В большинстве произведений современного искусства связь между этими двумя изначаль-

Немецкая иллюстрация XVI в. с видом множества округлых объектов в воздухе, сходных с «летающими тарелками», наблюдаемыми в последнее время. Юнг предположил, что подобные видения являются проекцией архетипа целостности

ными формами или вообще отсутствует, или слаба и случайна. Их разделение — это еще одно из символических свидетельств психического состояния человека XX столетия, душа которого утратила корни, и ей все больше угрожает опасность диссоциации. Даже современная международная ситуация (как отмечал д-р Юнг в своей вступительной главе) демонстрирует очевидность раскола: Запад и Восток разделены Железным занавесом.

Вместе с тем, нельзя не задуматься, почему в живописи так часто появляются квадрат и круг. Похоже, что существует непрерываемое психическое стремление довести до сознания людей основные ценности жизни, которые они символизируют. Более того, даже на некоторых из современных абстрактных картин (обычно представляющих цветовую структуру или что-то вроде «первичной материи») стали изредка попадаться эти фигуры — будто зародыши нового. Символ круга не раз играл курьезную роль в самых разнообразных явлениях современной жизни, и порой продолжает играть ее. В последние годы второй мировой войны возникли слухи о якобы виденных круглых летающих телах, названных «летающими тарелками» или НЛО (неопознанные летающие объекты). Юнг охарактеризовал НЛО как проекцию содержимого психики (целостности), которое во все времена символизировалось кругом. Другими словами, слухи о подобных видениях, как и содержание многих снов современных людей, являются попыткой духа коллективного подсознательного излечить раскол, присущий нашему апокалиптическому веку, с помощью символики круга.

Термины «современное искусство» и «современная живопись» применяются в данной главе в их обыденном смысле. Предметом моего анализа, говоря языком Куна, будет современная имажинистская живопись. Картины такого рода могут быть абстрактными (или, скорее, не предметными), но это совсем не обязательно. При этом я не буду проводить различий между такими разнородными направлениями, как фовизм, кубизм, экспрессионизм, футуризм, супрематизм, конструктивизм, орфизм и т.д. Какие-либо ссылки на то или другое произведение, относящееся к этим течениям, будут скорее исключениями.

Кроме того, меня не интересует эстетическая дифференциация современных произведений искусства, а еще менее — их художественная оценка. Современная имажинистская живопись рассматривается здесь просто как явление нашего времени. Такой подход является единственным, при котором можно оправдать и рассмотреть вопрос о его символическом содержании. В данной короткой главе можно упомянуть лишь немногих художников, отобрав более или менее произвольно только некоторые из их работ. Таким образом, современная живопись будет рассмотрена на примере небольшого числа ее представителей.

Моей исходной позицией является тот психологический факт, что художник во все времена был орудием и выразителем духа своей эпохи. Его творчество лишь отчасти можно понять с точки зрения его личной психологии. Сознательно или неосознанно художник придает форму основным ценностям своего времени, которые, в свою очередь, формируют его самого

Сами художники часто признают взаимосвязь между своим художественным творчеством и исторической эпохой. Так французский критик и художник Жан Базен писал в «Очерках о современной живописи»: «Никто не рисует так, как ему хочется. Художник может лишь стремиться изо всех своих сил к живописи, на которую способен его век». Немецкий художник Франц Марк, погибший в первой мировой войне, говорил: «Великие художники не стремятся искать образы своих произведений в глубине прошлого, а черпают в той мере, на которую способ-

ны, в подлинном глубочайшем источнике — средоточии духа эпохи». Еще в 1911 году Кандинский писал в знаменитом очерке «По поводу духовного в искусстве»: «Каждой эпохе дается собственная мера творческой свободы, и даже самые талантливые гении не могут перепрыгнуть границы этой свободы».

За последние полвека кто только не ломал копья вокруг темы «современного искусства», и накал этих споров до сих пор ничуть не ослаб. Его одобряют так же страстно, как и порицают, однако неоднократные предсказания его краха так и не сбылись. Торжество новой манеры выражения достигло невообразимых масштабов. Если что ей и угрожает, так это возможность вырождения в маньеризм и следование моде. (В Советском Союзе, где абстрактное искусство часто публично осуждалось и создавалось тайком, та же беда грозит официальному искусству).

В Европе, во всяком случае, общественность до сих пор одержима этой дискуссией, острота которой свидетельствует, что эмоции берут верх над разумом в обоих лагерях спорящих. Даже те, кто настроен к современному искусству враждебно, не могут избежать влияния отвергаемых произведений. Такие произведения вызывают у них раздражение или неприязнь, но, как показывает острота подобных чувств, они задевают за живое. Как правило, негативное очарование по своей силе не уступает позитивному. Поток посетителей выставок современного искусства, где бы и когда бы они ни проводились, свидетельствует о чем-то большем, чем любопытство. Любопытство удовлетворяется быстро, а фантастические цены, которые платят за произведения современного искусства, указывают на истинное место, отводимое им обществом.

Восхищение возникает тогда, когда затрагивается подсознание. Эффект, вызываемый произведениями современного искусства, невозможно объяснить только их видимой формой. Для глаза, натренированного на классическом (или «сенсуальном») изобразительном искусстве, они и новы, и чужды. Ничто в работах абстрактного искусства не напоминает зрителю о его собственном мире — ни одного объекта в его собственном повседневном окружении, ни одного человеческого существа или животного, которые изображались бы на привычный для него лад. В космосе, явленном художником такого направления, нет

ни желанного приветствия, ни видимой гармонии. И тем не менее в нем бесспорно ощущается какая-то связь с человеком. Она даже может быть более прочной, чем в произведениях изобразительного искусства, традиционным путем взывающих к чувствам и психике.

Цель современных художников заключается в том, чтобы выразить свое внутреннее видение человека и духовных основ жизни и мира. Современное произведение искусства покинуло не только царство конкретного, естественного, чувственного мира, но и сферу индивидуального. Оно стало в значительной степени отражением коллективного и, следовательно, даже в произведениях, имеющих форму иероглифической идеограммы, затрагивает не избранных, но многих. Индивидуальной остается лишь манера изображения, стиль и качество произведений современного искусства. Зачастую неискушенному зрителю бывает трудно распознать, естественны ли намерения художника и его манера творчества или они представляют собой плагиат и продиктованы только расчетом на создание желаемого эффекта. Во многих случаях зритель должен приспособиться к новым видам линий и красок или даже предварительно изучить их (как изучают иностранный язык), прежде чем он сможет оценить их по достоинству.

Пионеры современного искусства, по-видимому, понимали, сколь многого они требовали от публики. Никогда еще художники не публиковали так много манифестов и деклараций, как в XX столетии. При этом они стремились объяснить и оправдать свою деятельность не столько для окружающих, сколько для самих себя. Большей частью эти манифесты являются художественными символами веры — поэтической, часто путаной и противоречивой попыткой объяснить своеобразие своих творений.

Главное — это впечатление от непосредственного контакта с произведением искусства (и так было всегда). Но для психолога, имеющего интерес к символическому содержанию современного искусства, изучение подобных манифестов является особенно полезным. Поэтому далее, по возможности, будут приводиться наиболее красноречивые высказывания самих художников.

Начало современного искусства приходится на 1900-е годы. Одной из наиболее внушительных личностей этого периода был

Кандинский, влияние которого до сих пор четко прослеживается в живописи второй половины нынешнего столетия. Многие из его идей оказались пророческими. В эссе «О форме» он писал: «Современное искусство воплощает в себе духовность, ставшую откровением. Формы этого воплощения варьируются между двумя крайностями: (1) полная абстракция, (2) полный реализм. Эти две крайности открывают два пути, ведущие к одной и той же цели в конце. Эти два элемента всегда присутствовали в искусстве — первый выражался во втором. В наши дни кажется, будто они существуют раздельно. Искусство, видно, положило конец приятному дополнению абстрактного конкретным и наоборот».

Для иллюстрации точки зрения Кандинского о размежевании абстрактного и конкретного элементов искусства приведем следующие факты. В 1913 году русский художник Казимир Малевич написал картину, состоявшую только из черного квадрата на белом фоне. Возможно, это была первая чисто абстрактная картина. Он объяснял ее так: «В моей отчаянной борьбе за освобождение искусства от балласта предметного мира я нашел убежище в форме квадрата».

Годом позднее французский художник Марсель Дюшам установил произвольно выбранный объект (подставку для бутылок) на пьедестал и представил на выставку. Жан Базен писал об этом: «Эта подставка для бутылок, оторванная от своего утилитарного контекста и выброшенная волнами на берег, наделена одиноким достоинством заброшенности. Непригодная для использования, готовая на что угодно, эта никчемная вещь жива. Она живет на грани существования своей собственной, беспокойной и абсурдной жизнью. Вызывающий беспокойство объект — это первый шаг к искусству. В своем таинственном достоинстве и отчужденности объект был непомерно превознесен и удостоен значения, которое можно назвать магическим. Отсюда его «беспокойная и абсурдная жизнь». Он стал идолом и одновременно объектом насмешек. Его подлинная реальность была уничтожена. Как квадрат Малевича, так и подставка для бутылок Дюшама были символическими жестами, не имеющими, строго говоря, ничего общего с искусством. Вместе с тем, они отражают две крайности («полная абстракция» и «полный реализм»), между

которыми можно разместить и понять имажинистское искусство последующих десятилетий.

С психологической точки зрения, эти два жеста, указующие на голый объект (материю) и голый не-объект (дух), свидетельствуют о коллективном психическом надломе, нашедшем в них свое символическое отображение в годы, предшествовавшие катастрофе первой мировой войны. Впервые этот надлом проявился в эпоху Ренессанса как конфликт знания и веры. Между тем, цивилизация все более и более отдаляла человека от его инстинктивной основы, и в результате между природой и разумом, между подсознанием и сознанием разверзлась пропасть. Эта обособленность характерна для того психического состояния, которое стремится выразить себя в современном искусстве.

Секретная душа вещей

Как мы уже видели, исходной точкой конкретного в искусстве была знаменитая и скандально известная подставка для бутылок Дюшама. Подставка для бутылок сама по себе не предназначена быть произведением искусства Хотя Дюшам и называл себя «антихудожником», его акция вызвала к жизни элемент, который в последующем приобрел огромное значение для художников и получил название objet trouve, то есть «готовое изделие». Например, испанский художник Жоан Миро каждый день на заре ходил на морской берег «собирать предметы, выброшенные приливом. Валяясь на берегу, предметы ждали кого-нибудь, кто открыл бы их индивидуальность». Он складывал свои находки в мастерской, затем всячески комбинировал их друг с другом и в результате получал удивительнейшие композиции: «художник часто удивлялся формам собственного творчества».

Еще в 1912 году испанский художник Пабло Пикассо и французский художник Жорж Брак делали из кусков тряпья предметы, которые они называли «коллажами». Макс Эрнст делал вырезки из иллюстрированных газет «века большого бизнеса», компоновал их, как ему подсказывала фантазия, и таким образом превращал чопорное величие буржуазного века в демоническую, подобную сну нереальность. Немецкий художник Курт

Швиттерс работал с содержимым своей мусорной корзины. Он использовал гвозди, оберточную бумагу, истрепанные обрывки газет, железнодорожные билеты и остатки одежды. Он так серьезно и неожиданно компоновал этот хлам, что добивался потрясающего эффекта необычной красоты. Однако одержимость Швиттерса вещами временами доводила его композиции до полного абсурда. Он сделал сооружение из тряпья, которое назвал «собором, построенным для вещей». Швиттерс работал над его созданием десять лет. При этом ему пришлось снести три этажа собственного дома, чтобы обеспечить необходимое пространство.

Творчество Швиттерса и магическую экзальтацию объекта можно рассматривать как первую подсказку о месте современного искусства в истории человеческого разума и о его символическом значении. Они отражают неосознанно продолженную традицию — традицию герметических христианских братств средневековья, а также алхимиков, наделявших даже материю, соль земли, благородством своего религиозного созерцания.

Возвышение Швиттерсом грубого материала до уровня искусства, «собора» (в котором хлам не оставляет места для человека) в точности соответствовало старому принципу алхимиков, согласно которому искомый драгоценный объект следует искать в грязи. Кандинский выразил те же идеи, написав: «Все, что мертво, содрогается. Не только поэзия, звезды, луна, деревья, цветы, но и белая пуговица от брюк, блестящая в луже на улице. Все имеет тайную душу, которая чаще молчит, чем говорит».

Художники, как и алхимики, видимо, не понимали того психологического феномена, что, проецируя часть своей психики на материю или на неодушевленные объекты, они сами и наделяли их таинственной душой и преувеличенной ценностью, придаваемой даже хламу. В действительности это проекция их собственной темноты, собственной земной тени, содержимого, утерянного и покинутого ими и их эпохой психического содержимого.

Однако в отличие от алхимиков люди, подобные Швиттерсу, не соответствовали христианскому порядку и не защищались им. В определенном смысле произведения Швиттерса противоположны ему. Своего рода мономания привязывает его к материи, тогда как христианство стремится ее превзойти. И все же, как это ни парадоксально, именно мономания отчуждает у объектов его

произведений присущее им значение конкретной реальности. В его картинах материя преобразована в абстрактные композиции. Следовательно, она начинает высвобождаться и отторгаться от своей вещественности. Именно в этом процессе картины становятся символическим выражением нашего времени, ставшего свидетелем подрыва концепции абсолютной конкретности материи достижениями современной ядерной физики.

Мысли о «магическом» объекте и «тайной душе» вещей волновали и других художников. Итальянский художник Карло Карра писал: «Именно обычные вещи являют ту форму простоты, через которую мы можем понять то более высокое, более значительное состояние бытия, в котором обитает все великолепие искусства». Пауль Клее отмечал: «Объект выходит за границы своего внешнего облика благодаря нашему знанию о том, что он представляет из себя большее, чем мы видим, глядя на него». А Жан Базен считал, что «объект пробуждает нашу любовь именно потому, что, похоже, является носителем более великих, чем он сам, сил».

Такого рода высказывания напоминают древнюю концепцию алхимиков о «духе материи», согласно которой считалось, что любая неодушевленная субстанция вроде металла или камня имеет своего духа. С психологической точки зрения, такой дух является подсознанием. Оно проявляет себя всегда, когда осознанное или рациональное знание достигает своих пределов и сталкивается с таинственным, поскольку человек стремится заполнить необъяснимое и таинственное содержимым своего подсознания, будто проецируя это содержимое в темный пустой сосуд.

Ощущение того, что рисуемый объект представляет нечто «большее, чем видится», упоминавшееся многими художниками, нашло наиболее заметное выражение в творчестве итальянского художника Джорджио де Чирико. По своему темпераменту он был мистиком и трагическим искателем, никогда не обретающем искомое. На своем автопортрете 1908 г. он сделал надпись «Et quid amabo nisi quod aenigma est» («Что же мне любить, как не тайну?»).

Чирико был основателем так называемой «метафизической живописи». «Каждый объект, — писал он, — имеет два аспекта, обычный, видимый всем и каждому, и призрачный, метафизичес-

кий, доступный лишь немногим в моменты ясновидения и метафизической медитации. Произведение искусства должно повествовать о чем-то таком, что не проявляется в видимой всем форме».

Произведения Чирико раскрывают этот призрачный аспект вещей. Это снoподобные перемещения реальности, встающие словно видения подсознания. Его метафизические абстракции выписаны в манере, пронизанной паникой оцепенелости, что создает в картинах атмосферу кошмара и бездонной меланхолии.

Площади итальянских городов, башни и другие объекты размещены в чрезмерно резкой перспективе, будто они находятся в вакууме и освещены безжалостно холодным светом из невидимого источника. Древние головы и статуи богов вызывают в памяти образы античного прошлого.

В одной из своих самых ужасающих картин он поместил рядом с мраморной головой богини пару красных резиновых перчаток — «магический объект» в современном смысле. Зеленый шар на полу играет роль символа, объединяющего диаметральные противоположности. Если бы не он, картина явно говорила бы о духовном распаде. Скорее всего, эта картина не была результатом тщательного обдумывания. Ее следует воспринимать как картину-сновидение.

«Муза Метафизики» — работа Карло Карра (1881–1966). Манекен без лица — а значит, и без души, — также часто встречался в работах Чирико

Глубокое влияние на Чирико оказали философские учения Ницше и Шопенгауэра. Он писал: «Шопенгауэр и Ницше были первыми, кто разъяснил глубокое значение бессмысленности жизни и показал, как эта бессмысленность может быть преображена в искусство. Страшная пустота, которую они открыли, и является той самой бездушной и непотревоженной красотой материи». Можно сомневаться, что Чирико удалось переместить «страшную пустоту» в «непотревоженную красоту». Некоторые из его картин чрезвычайно тревожны, другие кошмарно страшны. Но в его усилиях найти художественный образ пустоты он проник в самую суть экзистенциалистской дилеммы современного человека.

Ницше, много значивший для Чирико, дал название этой «страшной пустоте», сказав: «Бог мертв». О том же, но не упоминая Ницше, писал Кандинский в работе «О духовном в искусстве»: «Небеса опустели — Бог умер». Такая фраза может звучать отвратительно. Но она не нова. Идея смерти бога и непосредственно из нее вытекающая идея «метафизической пустоты» беспокоила умы поэтов XIX столетия, особенно во Франции и Германии. Но лишь в XX веке она стала открыто обсуждаться и отразилась в искусстве. Раскол между современным искусством и христианством был окончательно завершен.

Анализируя этот странный и загадочный феномен, д-р Юнг пришел к выводу, что смерть бога является психическим фактом нашего времени. В 1937 году он писал: «Я знаю, здесь я выражаю то, что знает бесчисленное множество других людей: наше время является временем исчезновения и смерти бога». В течение многих лет он наблюдал угасание христианского образа бога в сновидениях своих пациентов, то есть в подсознании современных людей. Утрата этого образа является потерей высшего фактора, придающего жизни смысл.

Необходимо, однако, отметить, что ни утверждение Ницше о смерти бога, ни выдвинутая Чирико концепция метафизической пустоты, ни дедукции Юнга из подсознательных образов не являются истиной в последней инстанции относительно реального существования бога или трансцендентности бытия или небытия. Все это — человеческие утверждения. В каждом случае они основаны, как показал Юнг в книге «Психология и религия», на со-

держимом подсознательной части психики, ставшей осознанной через образы, сновидения, идеи или интуитивные ощущения. Происхождение такого содержимого и причина трансформации (от живого к мертвому богу) продолжают оставаться неведомыми, на границе тайного и явного.

Чирико так и не удалось решить проблему, поставленную перед ним подсознанием. Его неудача наиболее заметна в том, как он изображает человека. С учетом современной религиозной ситуации представляется, что человека следует вновь наделить достоинством и ответственностью, пусть и в обезличенной форме. (Юнг назвал это «явственностью перед сознанием»). Но в творчестве Чирико человек лишен души. Он становится марионеткой без лица (а значит, и без сознания).

Во многих вариантах его работы «Великий метафизик» безликая фигура вознесена на пьедестал из мусора. Эта фигура, осознанно или нет, изображает человека, стремящегося раскрыть «правду» о метафизике, одновременно олицетворяя бесконечное одиночество и бессмысленность. Быть может, образ марионетки (встречающийся также и в творчестве других современных художников) — это предчувствие безликого человека толпы.

Когда Чирико исполнилось сорок лет, он оставил свою «метафизическую живопись» и вернулся к традиционным формам, но его творчество утратило глубину. Это еще раз доказывает, что для творческого ума, подсознание которого работало над фундаментальными вопросами бытия, нет возврата назад.

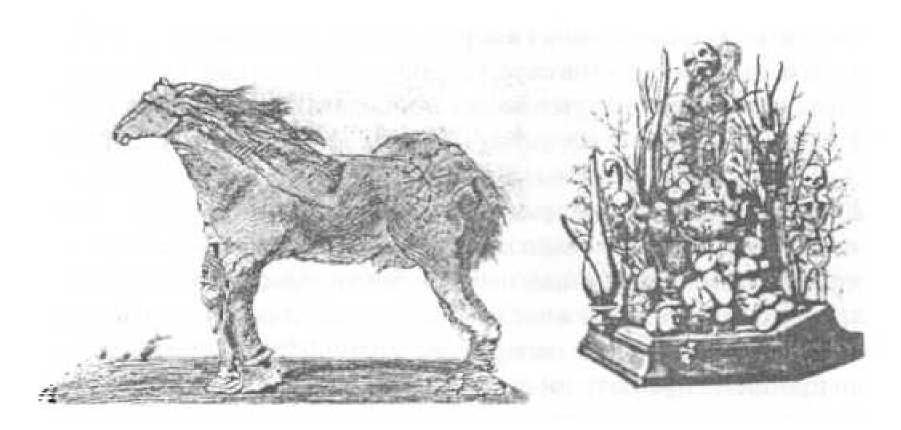
Противоположностью Чирико можно считать родившегося в России художника Марка Шагала. В своем творчестве он также искал «поэзию тайны и одиночества» и «призрачную сторону вещей, видимую немногим». Но богатство символики Шагала коренится в набожности ближневосточного еврейского хасидизма и в теплоте восприятия жизни. Перед ним не стояла ни проблема пустоты, ни проблема смерти бога. Он писал: «Все может измениться в нашем деморализованном мире кроме сердца, человеческой любви и стремления познать божественное. Живопись, как и вся поэзия, является частью божественного, люди ощущают это сегодня с такой же силой, как и ранее».

Английский искусствовед, сэр Герберт Рид, однажды написал о Шагале, что он никогда не переступал полностью порог

подсознания и «всегда стоял одной ногой на вскормившей его земле». Таким в точности и должно быть «правильное» отношение к подсознанию. Еще более важно, что, по мнению Рида, Шагал остался одним из наиболее значительных художников нашего времени.

При всем контрасте между Шагалом и Чирико возникает важный для понимания роли символов в современном искусстве вопрос: каким образом взаимосвязь между сознанием и подсознанием обретает форму в творчестве современных художников? Или, иначе, где обретается человек?

Один из ответов дает нам движение так называемого сюрреализма, основателем которого считается французский поэт Андре Бретон. (Чирико также можно охарактеризовать как сюрреалиста). Изучая в институте медицину, Бретон получил представление о творчестве Фрейда. Так тема сновидений заняла важное место в его мыслях. «Нельзя ли использовать сны для решения фундаментальных проблем жизни? — писал он, — Я считаю, что кажущийся антагонизм между сновидением и реальностью может быть разрешен в своего рода абсолютной реальности — сюрреальности».

Слева: «Фроттаж» Макса Эрнста из его серии «История Природы». «История Природы» Эрнста напоминает о наблюдавшемся еще в прошлые времена интересе к «случайным» природным композициям. Изображение экспоната XVIII в., состоящего из кораллов, камней и костных останков, хранящегося в нидерландском музее, весьма близкого к сюрреалистической «Истории Природы»

Древнеримские монеты, применявшиеся в отдаленных от Рима провинциях. (Расположены по мере все большего удаления). На последней монете (из наиболее удаленной и независимой от центра империи области) от лица уже ничего не осталось. Это странным образом соответствует психической дезинтеграции, происходящей под воздействием наркотических средств типа ЛСД-25. *Ниже:* серия рисунков, сделанных художником после применения этого препарата во время эксперимента в Германии в 1951 г. Рисунки становятся все более абстрактными по мере того, как контроль сознания подавляется подсознанием

Бретону удалось уловить самую суть дела. Целью его поиска было примирение противоположностей — сознания и подсознания. Но путь, избранный им для достижения цели, не мог не увести его в сторону. Он начал экспериментировать с фрейдовским методом свободных ассоциаций, а также с автоматической записью, при которой слова и фразы, возникающие в подсознании,

записываются без какого-либо сознательного контроля. Бретон назвал это «диктовкой мыслей, свободной от любых эстетических или этических волнений».

Однако подобное занятие означает всего лишь освобождение пути потоку подсознательных образов при одновременном игнорировании роли сознания, которая должна быть весомой или даже решающей. Как показал в своей главе д-р Юнг, именно сознание располагает ключами к ценностям подсознания и, следовательно, играет решающую роль. Лишь сознание способно определить смысл образов и распознать их значение для человека здесь и теперь, в конкретной реальности настоящего. Только взаимодействуя с сознанием, подсознание может подтвердить свою ценность и, может быть, даже указать путь к преодолению тоски пустоты. Если же предоставить подсознанию возможность самостоятельного действия, существует риск того, что его содержимое полностью захватит человека или проявит свою негативную, деструктивную сторону.

Если взглянуть на сюрреалистические картины (например, «Горящего жирафа» Сальвадора Дали) с этой точки зрения, мы сможем ощутить богатство их фантазии и захватывающую силу их подсознательной образности, но вместе с тем мы поймем и тот ужас, которым веет от их символики, олицетворяющей конец всего сущего. Подсознание — это чистая природа и, как и подобает природе, в изобилии приносит плоды. Но предоставленное само себе и не получающее отклика со стороны сознания, оно может разрушить (опять же подобно природе) свои собственные плоды и рано или поздно смести их в небытие.

Вопрос о роли сознания в современной живописи возникает также в связи с использованием случайности как средства композиции картин. В книге «За кулисами живописи» Макс Эрнст писал: «Соединение швейной машинки и зонтика на хирургическом столе (он цитирует поэта Лотреамона) это известный и ставший уже классическим пример феномена, открытого сюрреалистами: соединение двух (или более) внешне чуждых элементов на плоскости, чуждой обоим, является одним из сильнейших средств, чтобы высечь искру поэзии».

Очевидно, для неискушенного человека это так же трудно представить, как и комментарий Бретона по тому же поводу:

«Человек, который не может вообразить лошадь, галопирующую на помидоре, — просто идиот». (Здесь также можно вспомнить о «случайном» соединении мраморной головы и красных резиновых перчаток в картине Чирико). Конечно, многие композиции этого типа создавались как шутка и нелепица. Но большинство художников было все-таки настроено нешуточно.

Случайность играет важную роль в творчестве французского скульптора Жана Арпа. Сработанные им по дереву листья и другие вещи, наугад соединенные вместе, явились новой формой поиска «тайного изначального смысла, скрывающегося за миром внешних обличий». Он назвал эти композиции «Листья, размещенные законом случая» и «Квадраты, размещенные по закону случая». В них глубина достигается случайным путем, отражающим действие неизвестного, но активного фактора, придающего вещам порядок и смысл и выступающего как «тайная душа» вещей.

Именно желание «превратить случайность в сущность» (как это сформулировал Пауль Клее) лежит в основе усилий сюрреалистов брать за отправную точку своих «визионерских» произведений кусочек дерева, нагромождения облаков и тому подобное. Макс Эрнст, например, вернулся к опыту Леонардо да Винчи, написавшего целый очерк в связи с замечанием Ботичелли о том, что бросив пропитанную краской губку на стену, можно увидеть в следах брызг какие-то лица, животных, пейзажи и множество других картин.

Эрнст описал, как в 1925 году его преследовало навязчивое видение, пришедшее когда он смотрел на кафельный пол, испещренный тысячью царапин: «Чтобы подвести базу под мои занятия медитацией и галлюцинацией, я сделал серию зарисовок кафельных плиток, накладывая на них наугад листы бумаги и заштриховывая их карандашом. Осмотрев результат, я был удивлен внезапно обострившимся ощущением, сходным с галлюцинацией, вызванным изменениями контрастно наложенных друг на друга рисунков. Я объединил первые «фроттажи» — рисунки, полученные таким образом — в серию и назвал ее «История природы».

Важно отметить, что на некоторых из этих рисунков Эрнст поместил сверху или на заднем плане кольцо или круг, что придало им особую атмосферу и глубину. Психолог обнаружил бы в этом подсознательное стремление противопоставить естественному языку хаотического нагромождения образов символ достаточности

и психического единства, восстановив таким образом равновесие. Кольцо и круг доминируют в картине. Психическая цельность правит природой, будучи сама полна смысла и неся смысл другим.

В стремлении Макса Эрнста уловить скрытую суть вещей мы можем обнаружить сходство с романтиками XIX столетия. Они говорили о «почерке» природы, который различим повсюду — на крыльях, яичной скорлупе, в облаках, снегу, во льду, кристаллах и других «странных соединениях случайностей», так же как и в снах, и видениях. Все предметы рассматривались ими как слова-картинки «языка природы». Таким образом, когда Макс Эрнст назвал картины, полученные в результате своих экспериментов «Историей природы», это было поистине романтическим жестом. И он был прав, потому что подсознание (случайным образом соединившее картины) — это часть природы. Именно «История природы» Эрнста или случайные композиции Арпа заставили психологов задуматься о воздействии случайной аранжировки некоторых предметов, независимо от места и времени ее создания, на сталкивающегося с ней человека. При этом неизбежно затрагивается проблема соотношения сознательного и подсознательного в человеческой психике, влияющих на интерпретацию увиденного.

Случайно созданная картина может быть прекрасной или безобразной, гармоничной или хаотичной, богатой или бедной по содержанию, хорошо или плохо нарисованной. Эти факторы определяют ее художественную ценность, но они не могут удовлетворить психолога (к разочарованию художника и любого, кто находит высшее удовольствие в любовании формой). Психолог идет дальше, пытаясь понять «тайный код» случайного расположения — настолько, насколько его вообще возможно расшифровать. Количество и форма предметов, собранных Арпом вместе наугад, вызывают не меньше вопросов, чем любая деталь фантастических «фроттажей» Эрнста. Для психолога они являются символами, а значит, их можно не только прочувствовать, но и до известной степени истолковать.

Кажущийся или реально свершившийся уход человека из многих произведений современного искусства, их слабая связь с действительностью и доминирование подсознательного над сознанием часто дают повод для нападок критиков, называющих такое

искусство патологическим или сравнивающих его с картинами сумасшедших. В самом деле, одним из признаков психоза является затопление сознания и эго-индивидуальности потоками, поступающими из подсознательных областей психики.

Правда, в наше время подобное сравнение выглядит не столь отталкивающе, как для предшествующего поколения. Когда д-р Юнг впервые указал на связь такого рода в своем эссе о Пикассо (в 1932 г.), это вызвало бурю возмущения. Сегодня в каталоге хорошо известной художественной галереи в Цюрихе говорится «о почти шизофреническом наваждении», охватившем одного известного художника, а немецкий писатель Рудольф Каснер, считая Георга Тракля одним из величайших немецких поэтов, пишет: «В нем было что-то шизофреническое. Это чувствовалось в его творчестве, на нем ощущается налет шизофрении. Да, Тракль — великий поэт».

Теперь мы знаем, что шизофренические состояния и художественное видение вовсе не исключают друг друга. Такое изменение подхода связано, по-моему, с известными экспериментами с мескалином и другими аналогичными наркотиками, вызывающими сходное с шизофреническим состояние, сопровождающееся насыщенными по цвету и форме видениями. Многие из современных художников искали вдохновение в подобных наркотических средствах.

Уход от реальности

Франц Марк однажды сказал: «Грядущее искусство даст формальное выражение нашим научным представлениям». Его слова оказались воистину пророческими. Влияние на художников психоанализа Фрейда и открытия (или повторного открытия) подсознания в первые годы XX столетия мы уже рассмотрели. Не менее важна связь современного искусства с результатами исследований в ядерной физике.

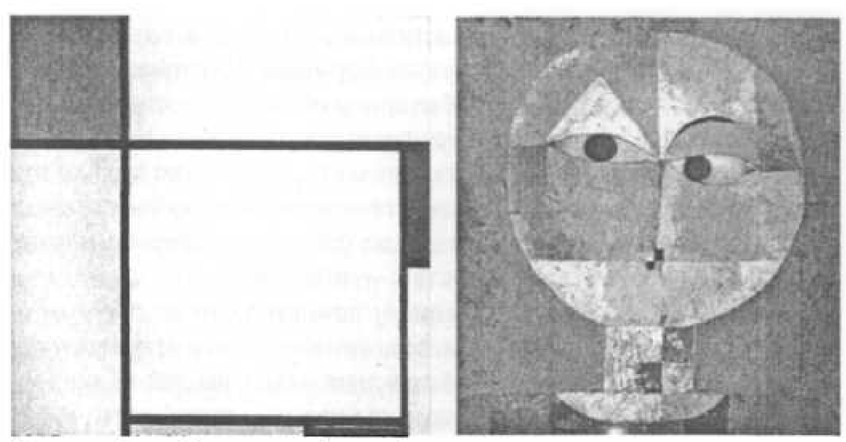
Говоря простым, не научным языком, можно сказать, что ядерная физика лишила элементарные, первичные частицы материи их конкретности, что сделало материю таинственной. Выяснилось, что масса и энергия, волны и частицы являются — как это ни парадоксально — взаимозаменяемыми. Законы причинности и

следствия оказались действительны только до определенной степени. Не важно, что все эти «относительности», прерывистости и парадоксы применимы лишь для граничных зон нашего мира, только для бесконечно малых (атом) и бесконечно больших (космос) величин. Они вызвали революционную перемену в представлении о реальности, ибо на почве реальности нашего «естественного» мира, управляемого законами классической физики, расцвела новая, абсолютно не похожая на старую, иррациональная реальность.

Свои «относительности» и парадоксы были открыты и в области психики. Здесь также возник другой мир — мир на грани сознания, управляемый новыми, до сих пор не известными законами, удивительно похожими на законы ядерной физики. Параллелизм между ядерной физикой и психологией коллективного подсознательного не раз обсуждался Юнгом и Вольфгангом Паули, лауреатом Нобелевской премии в области физики. Пространственно-временной континуум в физике и коллективное подсознательное можно рассматривать как внешний и внутренний аспекты одной и той же реальности, принимающей множество обликов. (Взаимосвязь между физикой и психологией будет рассмотрена д-ром М.-Л. фон Франц в конце книги).

Характерной чертой этого мира, стоящего за миром физики и психики, является то, что его законы, явления и содержимое невообразимы. Это исключительно важно для понимания искусства нашего времени, поскольку его главным объектом в определенном смысле является невообразимое. Вот почему многое в современном искусстве стало «абстрактным». Великие художники нашего столетия стремились сделать видимой «жизнь по ту сторону вещей», и поэтому их произведения символически отображают мир по ту сторону сознания (или даже по ту сторону снов, потому что сновидения достаточно редко бывают не описательными). Таким образом, они указывают на «одну» реальность, «одну» жизнь, которая, судя по всему, лежит в основе явлений физического и психического.

Лишь немногие художники осознали связь между формами своего творчества, с одной стороны, а физикой и психологией — с другой. Среди тех мастеров, кого глубоко взволновали первые открытия современной физики, был Кандинский: «По моему мнению, расщепление атома стало крахом всего мира. Вне-

Картина Пита Мондриана *(слева)* — пример современного подхода к «чистой форме» (термин Мондриана) через использование абсолютно абстрактных, чисто геометрических фигур. Искусство Пауля Клее представляет собой исследование визуального выражения духа, скрывающегося за внешней стороной природы — которым она бессознательно или, по его словам, «тайно» пронизана. Порой его видение может быть будоражащим, дьявольским, но чаще оно скорее отмечено игрой поэтического воображения

запно рухнули крепчайшие стены. Все оказалось шатким, непрочным и аморфным. Я бы не удивился, если бы камень на моих глазах растаял в воздухе. Казалось, что наука уничтожена». Результатом этого разочарования стал отход художников от «царства природы», от «обжитого переднего плана вещей». «Казалось, — добавил Кандинский, — будто я видел, как искусство постепенно отделяется от природы».

Отделение от мира вещей произошло более или менее одновременно и у других художников. Франц Марк писал: «Разве мы не усвоили из тысячелетнего опыта, что вещи прекращают говорить, когда мы все ближе подносим к ним визуальное зеркало их внешности? Внешность всегда плоска...» Для Марка цель искусства заключалась в «раскрытии неземной жизни, тайно пребывающей во всем, разрушении зеркала жизни с тем, чтобы взглянуть в лицо бытию». Пауль Клее писал: «Художник не приписывает естественным внешним формам такое же убедительное значение, как это делают реалисты, являющиеся его критиками. Он не ощущает себя глубоко привязанным к реальности, поскольку

не видит ничего творческого в использовании форм, сотворенных природой. Он больше интересуется формообразующими силами, чем готовыми формами. Пит Мондриан обвинял кубизм за то, что он не доводил абстракцию до ее логического конца — «выражения чистой реальности». Это может быть достигнуто только путем «создания чистой формы», независимой от субъективных чувств и идей. «За изменяющимися естественными формами таится неизменная, чистая реальность», — писал он.

Многие художники стремились проникнуть за видимую оболочку вещей в «реальность» их подосновы, то есть открыть «дух материи» путем преобразования вещей через фантазии, сюрреализм, картины сновидений, использование случайности и т.д. Абстрактные художники, однако, игнорировали вещи. Их картины не содержали никаких опознаваемых конкретных объектов; они были, по словам Мондриана, просто «чистой формой».

Однако следует иметь в виду, что этих художников интересовало нечто более существенное, чем проблема формы или различия между «конкретным» и «абстрактным», предметным и беспредметным. Их целью была суть жизни и вещей, их неизменная и внутренне непоколебимая основа. Искусство превратилось в мистицизм.

Дух, в тайну которого погрузилось искусство, был земным духом, который средневековые алхимики называли Меркурием. Он символизирует то, чему эти художники поклонялись или что искали в природе и вещах, считая, что этот дух скрывается за «видимым обликом природного». Их мистицизм был чужд христианству, ибо дух «Меркурия» чужд «небесному». Фактически в искусстве прокладывал себе дорогу сумеречный противник христианства. Вот когда становится понятнее истинное историческое и символическое значение «современного искусства». Подобно герметическим движениям средневековья, его следует понимать как мистицизм земного начала и, следовательно, как своего рода ответную реакцию нашей эпохи на христианство.

Ни один художник не воспринимал эту мистическую изнанку искусства так отчетливо и близко к сердцу, как Кандинский. Значение мировых шедевров искусства, к какой бы эпохе они ни относились, определяется, по его мнению, «не вне, не внешне, а в корне всех основ — в мистическом содержании искусства». Поэтому он говорит: «Глаз художника должен быть направлен к

его внутренней жизни, и ухо его всегда должно быть обращено к голосу внутренней необходимости... Таков единственный путь, приводящий к выражению мистически необходимого».

Кандинский называл свои картины духовным выражением космоса, музыкой сфер, гармонией цвета и форм. «Форма, даже если она совершенно абстрактна и подобна геометрической, имеет свое внутреннее звучание, она является духовным существом с качествами, которые идентичны с этой формой». «Воздействие острого угла треугольника на круг столь же ошеломляюще по результату, как изображение перста Господня, дотрагивающегося до пальца Адама в произведении Микеланджело».

В 1914 году Франц Марк писал в книге «Афоризмы»: «Материя — это вещь, которую человек в лучшем случае может терпеть; он отказывается понять ее. Созерцание мира сменилось проникновением в него. Ни один мистик, как бы высоко ни воспарял в своем озарении и как бы глубоко ни погружался в пучины своей души, не мог достичь совершенства абстракции современного мышления».

Пауль Клее, которого можно рассматривать как поэта среди современных художников, говорит: «Призвание художника заключается в возможно более глубоком проникновении к тем скрытым основам, где действуют первичные законы роста. Какой художник не хотел бы очутиться в главном органе, управляющем всем движением во времени и пространстве (будь то мозг или сердце мироздания), в котором зарождаются все функции? В лоне природы, в первооснове мироздания, где хранятся тайные ключи всех начал? Наше бьющееся сердце движет нас вниз, все ниже и ниже к первоосновам». То, что встречается нам на этом пути, «следует воспринимать самым серьезным образом, если это адекватно передано соответствующими художественными средствами», потому что, добавляет Клее, это вопрос не просто воспроизведения увиденного: «художник делает видимым постигнутое тайно». Творчество Клее коренится в этих основах. «Моей рукой полностью управляют далекие сферы. Разум не участвует в моем творчестве, это что-то другое...» Дух природы и дух подсознания стали неотъемлемой частью его работ. Их магический круг влек Клее и притягивает нас, его зрителей.

Творчество Клее наиболее полно выражает — то с поэтической, то с демонической стороны — хтонический дух. Юмор и

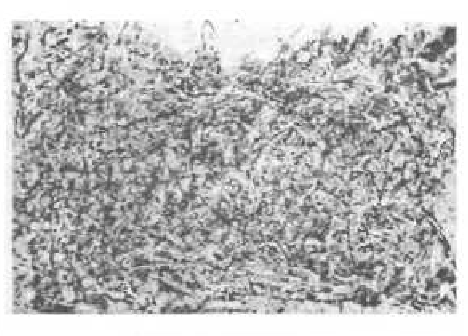
диковинные идеи образуют мост от сферы темного потустороннего мира к человеческому миру, связующим звеном между фантастическим и земным выступают законы природы и любовь ко всем существам. «Для художника, — однажды писал он, — диалог с природой является непременным условием творчества».

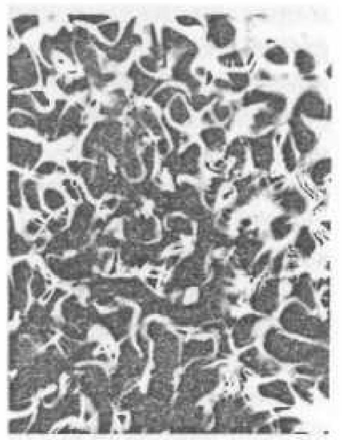
Другое выражение скрытого духа подсознания обнаруживается в творчестве одного из самых известных молодых художников-абстракционистов Джексона Поллока — американца, погибшего в возрасте сорока четырех лет в автомобильной катастрофе. Его творчество оказало огромное влияние на молодых художников нашего времени. В работе «Моя живопись» он признался, что рисовал в состоянии, подобном трансу: «Когда я рисую, я не сознаю, что делаю. И только после некоторого «привыкания» я понимаю, что начал делать. Я не боюсь вносить изменения, разрушающие весь образ, потому что картина живет своей собственной жизнью. Я стараюсь дать ей возможность проявиться. Когда я теряю контакт с картиной, получается пачкотня. И наоборот, при сохранении контакта достигается полная гармония, диалог, в результате получается хорошая вещь».

Написанные практически бессознательно картины Поллока заряжены безграничной эмоциональной страстностью. Не имея структуры, они почти хаотичны и выглядят как пылающий лавинный поток цвета, линий, плоскостей и точек. Их можно рассматривать как параллель тому, что алхимики называли бесформенной массой — massa confusa, первичной материей — prima materia или хаосом. Все эти определения относятся к драгоценному исходному продукту алхимического процесса, к начальной точке поиска сущности бытия. Картины Поллока изображают ничто, содержащее все, то есть само подсознание. Кажется, что они относятся ко времени до появления сознания и бытия или являются фантастическими пейзажами эпохи исчезнувшего сознания и бытия.

В середине нашего столетия чисто абстрактная картина без какого-либо порядка форм и цвета стала наиболее частой формой самовыражения в живописи. Чем сильнее растворение «реальности», чем дальше отход от нее, тем больше картина теряет свое символическое содержание. Причина этого лежит в природе символа и его функции. Символ — это объект известного

Картины Джексона Поллока *(справа вверху,* его «№ 23») нарисованы в состоянии транса (подсознательно), как и работы некоторых других современных художников, например французского художника «действия» Жоржа Матье *(вверху слева).* Получаемый хаотичный, но мощный результат сравним с алхимической massa confusa и странным образом сопоставим с видом материи, открывшимся при микрофотосъемке и ранее не известным для нас. *Справа:* пример такого сходства: глицерин под воздействием вибрации от звуковых волн

мира, намекающий на что-то неизвестное; это известное, выражающее жизнь и смысл невыразимого. Но в чисто абстрактных картинах мир известного полностью исчезает. И для создания моста к неизвестному ничего не остается.

С другой стороны, эти картины открывают неожиданный фон, скрытый смысл. Часто они оказываются более или менее точными образами самой природы, обнаруживая удивительное сходство с молекулярной структурой органических и неорганических элементов природы. Это потрясающий факт. Чистая абстракция стала изображением конкретного природного элемента. У Юнга мы можем найти ключ к пониманию этого.

«Более глубокие слои психики, — писал он, — теряют индивидуальную неповторимость постольку, поскольку уходят все дальше и дальше в темноту. Глубоко внизу, по мере приближения к автономно функционирующим системам организма, они становятся все

более однородными — до полного растворения в материальности тела, то есть в химических субстанциях Углерод тела — это просто углерод. Следовательно, «дно» психики — это просто мир».

Сравнение абстрактных картин и фотографий, полученных съемкой через микроскоп, показывает, что крайняя абстракция имажинистского искусства стала тайным и удивительным образом «натуралистической», поскольку ее субъектами являются частицы материи. «Великая абстракция» и «великий реализм», размежевавшиеся в начале века, вновь объединились. Мы помним слова Кандинского. «Полюсы открывают два пути, которые приведут к одной цели в конце». Эта «цель» — точка слияния — достигнута в современных абстрактных картинах. Но достигнута совершенно неосознанно. Намерения художников не играют никакой роли в этом процессе.

Из этого вытекает самый важный вывод о современном искусстве: художник не настолько свободен в своем творчестве, как ему кажется. Если его работа выполняется более или менее бессознательно, она контролируется законами природы, которые, в свою очередь, на глубочайшем уровне соответствуют законам психики, и наоборот.

Великие первопроходцы современного искусства совершенно ясно раскрыли его истинные цели и указали те глубины, из которых поднялся дух, оставивший на них свой отпечаток. Позднее не всем художникам удавалось постичь этот дух или проникнуть в те же глубины. Однако ни Кандинский, ни Клее, ни кто-либо другой из ранних мастеров современной живописи не догадывались о той серьезной психологической опасности, которой они подвергались в результате мистического общения с хтоническим духом и погружения в первооснову природы. Эту опасность мы подробнее рассмотрим ниже.

В качестве отправной точки можно взять другой аспект абстрактного искусства. Немецкий писатель Вильгельм Воррингер интерпретировал абстрактное искусство как выражение метафизического дискомфорта и озабоченности, которые казались ему более присущими северным народам, страдающим, как он объяснял, от реальности. Они не наделены естественностью южных народов и стремятся к сверхреальному миру, выражая его в имажинистском или абстрактном искусстве.

Однако, как отмечал сэр Герберт Рид в «Краткой истории современного искусства», метафизическая озабоченность больше не является отличительной чертой только немцев или северных народов, она теперь присуща всему современному миру. Рид цитирует Клее, записавшего в своем дневнике в начале 1915 года: «Чем более ужасающим становится этот мир (особенно в наши дни), тем более абстрактным становится искусство; тогда как в мирное время мир рождает реалистическое искусство». Для Франца Марка абстракция была убежищем от зла и безобразия этого мира. «Очень рано в жизни я понял, — писал он, — что человек безобразен. Животные казались мне более приятными и чистыми, но и среди них я обнаружил так много отталкивающего и уродливого, что был вынужден писать картины все более схематично и абстрактно».

Многое можно почерпнуть из беседы, состоявшейся в 1958 году между итальянским скульптором Марино Марини и писателем Эдуардом Родити. Основной темой работ Марини в течение многих лет была обнаженная фигура юноши на коне в самых различных вариациях. В ранних вариациях, представлявших символы надежды и благодарности (после окончания второй мировой войны), всадник сидит на коне с распростертыми руками, его тело слегка отклонено назад. В последующие годы трактовка темы стала более «абстрактной». Более или менее «классическая» поза наездника постепенно сошла на нет.

Говоря об ощущениях лежавших в основе этой перемены, Марини отмечал: «Если посмотреть на мои композиции последних двенадцати лет в хронологическом порядке, можно заметить, что тревога животного постепенно нарастает. Но проявляется это в том, что животное замирает от ужаса и стоит парализованное страхом, а не встает на дыбы или уносится вскачь. Все это потому, что я считаю, что мы приближаемся к концу света. В каждой фигуре я стремился выразить растущий страх и отчаяние. Таким образом, я пытаюсь символически выразить последнюю стадию умирающего мифа, мифа о героической личности победителя, о добропорядочном человеке, придуманном гуманистами».

В сказках и мифах «герой-победитель» является символом сознания. Его поражение, как говорит сам Марини, означает смерть личности: феномен, который в социальном контексте

выглядит как растворение личности в толпе, а в искусстве — как упадок человеческого.

Когда Родити спросил Марини, не попирает ли его стиль классические каноны на пути к превращению в абстрактный, Марини ответил: «Коль скоро искусство выражает страх, оно само должно избавиться от классического идеала». Он находил объекты для своей работы в телах, обнаруженных в Помпее. Родити назвал искусство Марини «хиросимским стилем», потому что оно вызывает ассоциации с концом света, и Марини согласился с этим, сказав, что чувствует, «будто изгнан из земного рая». Ранее скульпторы обычно использовали формы, полные чувственности и силы, но в последние пятнадцать лет скульптура предпочитает распадающиеся формы.

Беседы Марини и Родити показывают трансформацию «сенсуального» искусства в абстракцию, что должно быть понятно любому, кто хоть раз посетил любую выставку современного искусства, не закрывая при этом глаза. Как высоко ни оценивать формальные качества экспонатов такой выставки, невозможно не почувствовать страх, отчаяние, агрессивность и насмешку, исходящие как крик от многих произведений. «Метафизическая озабоченность», находящая выражение в ощущении несчастья, которым пронизаны эти картины и скульптуры, очевидно, возникла из отчаяния, из чувства обреченности мира так же, как это случилось у Марини. В других случаях может акцентироваться религиозный фактор, ощущение, что бог мертв.

Эти два ощущения тесно связаны. В основе этой внутренней несчастливости лежит поражение (или, скорее, отступление) сознания. В процессе роста мистического опыта было отброшено или уничтожено все, что когда-то привязывало человека к человеческому миру, земле, времени и пространству, материи и естественным условиям жизни. Но если подсознание не уравновешивается опытом сознания, оно неизбежно будет проявлять свой враждебный или негативный аспект. Богатство созидательных мотивов, сотворивших гармонию сфер, восхитительные тайны первооснов, уступят место распаду и отчаянию. Художники нередко становились пассивной жертвой этого аспекта подсознания.

Парадоксальным оказался и фундаментальный мир физики: законы первичных элементов природы, заново открытые наукой

структуры и связи в ее базисной единице — атоме стали ключом для создания невиданной разрушительной силы и открыли путь к уничтожению. Максимальное знание и разрушение мира — вот два результата постижения первооснов природы.

Юнг, осознававший и опасность дуалистической природы подсознания, и значение человеческого сознания, мог предложить человечеству только одно средство против катастрофы — обратиться к своему индивидуальному сознанию. Это кажется таким простым, но на самом деле представляет собой тяжкий труд. Сознание необходимо не только как противовес подсознанию, дающий возможность осмысленной жизни. С его помощью можно изменить свое отношение к миру, если рассматривать зло, обнаруженное вокруг например, в соседях или в окружающих — как недоброе содержимое своей собственной психики. Такое прозрение будет первым шагом к коренной переоценке отношения к ближнему.

Зависть, похоть, сладострастие, ложь и все известные пороки относятся к темной стороне подсознания, которое может проявлять себя двояко. В позитивном смысле оно является как «дух природы», творчески оплодотворяющий человека, вещи и весь мир. Это и есть «хтонический дух», не раз упоминавшийся в этой главе. В негативном смысле подсознание (тот же самый дух) являет себя как дух зла, стремящийся к разрушению.

Как уже отмечалось, алхимики отождествляли этот дух с духом Меркурия, называя его, с полным на то основанием, Mercurius duplex — двуликий Меркурий, что на религиозном языке христианства означает «дьявол». Но природа дьявола, как бы неправдоподобно это ни звучало, также двойственна. В позитивном аспекте — это Люцифер (буквально — «светоносец»).

Рассматривая в свете этих непривычных и парадоксальных идей современное искусство (которое мы признали символическим отражением хтонического духа), мы убеждаемся в двойственности его природы: в позитивном смысле оно является выражением глубоко скрытого натур-мистицизма; в негативном его можно интерпретировать лишь как выражение зла или деструктивного начала. Эти два аспекта смыкаются. Такова парадоксальная природа подсознания, присущая и его плодам.

Чтобы предотвратить любое недопонимание, хочу еще раз подчеркнуть, что приведенные выше соображения не имеют никакого отношения к художественным и эстетическим ценностям, а касаются лишь рассмотрения современного искусства в качестве символа нашего времени.

Единство противоположностей

Необходимо разобрать еще один вопрос. Дух современной эпохи находится в постоянном движении. Он подобен незаметно текущей реке, но скоротечность жизни в наш век такова, что даже десятилетие является долгим сроком.

Примерно в середине нынешнего столетия в живописи, в рамках ее абстрактного направления, стали происходить перемены. Они не несли ничего революционного и были не сравнимы с изменениями, происшедшими в первом десятилетии века, которые перевернули искусство до самого основания. Просто отдельные группы художников сформулировали свои цели неслыханным ранее образом.

Одни встали на путь отображения конкретной реальности, продиктованный вечным стремлением остановить текущее мгновение: таковы фотоработы Генри Картье-Брессона (Франция) и Вернера Бишофа (Швейцария), положившие начало новому направлению в сенсуальном искусстве. Другие художники продолжили поиски путей к глубинам своего «я» и воображения. При этом многие молодые живописцы попытались выйти за пределы абстракционизма, который после многолетней практики не сулил ничего захватывающего или загадочного. В поисках нового они обнаружили его совсем рядом: в уже утерянных природе и человеке. Главное для них не в том, чтобы воспроизвести природу на картинах, а в том, чтобы выразить свое настроение и ощущения от соприкосновения с природой.

Французский художник Альфред Манессье определил цели своего искусства следующим образом: «Нам необходимо вновь завоевать ценности утраченной реальности. Мы должны обрести новое сердце, новый дух новую душу, чтобы измерить человека. Подлинная реальность художника — не в абстракции, не в реализме, а в обретении своей человеческой значимости. Мне

кажется, что в настоящее время именно предметное искусство даст художнику возможность приблизиться к своей внутренней реальности и осознать не только свою собственную сущность, но и суть своего бытия. Только вновь обретя свое мироощущение, художник, я верю, сможет в последующем постепенно повернуться к самому себе, вновь открыть свою значимость и так ее упрочить, что она сможет проявиться и во внешней реальности мира».

Аналогичным образом размышляет и Жан Базен: «Для сегодняшнего художника велик соблазн изобразить чистый ритм настроения, сокровеннейшие биения сердца, не наделяя их конкретной формой. Это, однако, ведет лишь к сухой математике или к разновидности абстрактного экспрессионизма, сводящегося к монотонности и нарастающей бедности форм. Между тем, «искусство общения» является той формой, которая, сводя человека и слово, им изреченное, позволяет распознать в любой момент свой, не имеющий формы облик, являемый миру».

В сердце художника сейчас переплетаются его собственная внутренняя реальность и реальность внешнего мира или природы; в крайнем случае — это новый сплав души и тела, духа и материи. В этом их путь «к обретению своей человеческой значимости». Только сейчас осознается и преодолевается огромный разрыв, образовавшийся в современном искусстве (между «великой абстракцией» и «великим реализмом»).

Для постороннего наблюдателя это, прежде всего, становится заметно по изменившейся атмосфере живописных работ. Картины Альфреда Манессье и родившегося в Бельгии художника Густава Санжи, несмотря на их абстрактную манеру, излучают веру в мир. Их эмоциональная насыщенность не мешает гармонии форм и цвета, часто доходящей до умиротворенности. На знаменитых гобеленах французского художника Жана Люрса, созданных в 1950-х годах, пышность природы затмевает все остальное. Его искусство можно считать как сенсуальным, так и имажинистским.

Умиротворенность гармонии форм и цвета обнаруживается также в творчестве Пауля Клее. Именно к ней он всю жизнь стремился. Прежде всего, он понял необходимость не отрицать зла. «Даже зло должно рассматриваться не как побеждающий или ослабевающий противник, но как сила, одна из сторон, участвующих в едином». Однако начинал Клее не с этого. Он жил вблизи

«мертвых и нерожденных», почти на космическом расстоянии от мира сего, тогда как молодое поколение художников, можно сказать, было более тесно привязано к земному.

Следует отметить, что, продвинувшись до различения единства противоположностей, современная живопись заинтересовалась религиозной тематикой. «Метафизическая пустота», похоже, была преодолена, и случилось невероятное: покровителем современного искусства стала церковь. Достаточно упомянуть здесь такие примеры, как храм Всех Святых в Басле, окна которого расписаны Альфредом Манессье; церковь в Асси, в оформлении которой принимали участие многие современные художники; часовню Матисса в Вэнсе и церковь в Аудинкуре, имеющую работы Жана Базена и французского художника Фернана Леже.

Допущение современного искусства в церковь означает не просто широту взглядов ее патриархов. Это символизирует изменение отношения современного искусства к христианству. Такое сотрудничество стало возможным благодаря компенсационной роли древних герметических движений, подготовив-

«Посвящение Св. Марии Магдалине» Альфреда Манессье. Формы, цвет и религиозный сюжет, использованные в этих работах, говорят о присущей современному искусству тенденции творить, открывая жизнь, гармонию, целостность

ших необходимую почву для сотрудничества. При обсуждении животных, символизирующих Христа, выше отмечалось, что свет и хтонические духи неразрывно взаимосвязаны. Кажется, сегодня пришло время, когда в разрешении этой тысячелетней проблемы может быть достигнут новый этап.

Мы не можем знать, что принесет будущее: даст ли смыкание противоположностей позитивные результаты или этот путь приведет к неслыханным еще катастрофам. В мире слишком много тревог и страхов, и они до сих пор являются доминирующими факторами в искусстве и в обществе. А главное, у человека все еще слишком мало желания применить к себе и своей жизни выводы, которые можно извлечь из искусства, хотя он, может быть, и готов принять их в искусстве. Художник часто подсознательно выражает, не вызывая враждебного к себе отношения, много такого, что, будучи высказано пациенту психологом, неизбежно дало бы негативную реакцию. Этот факт может быть продемонстрирован даже более наглядно в литературе, чем в изобразительном искусстве. Слушая рассуждения психотерапевта, человек чувствует личный вызов; то же, что хочет сказать художник, остается обычно, особенно в наше время, безличным.

Вместе с тем представляется необходимым появление уже в наше время более целостной, более человечной формы самовыражения. Мне видится проблеск надежды на это (написано в 1961 г.) в ряде полотен французского художника Пьера Солажа. Позади заслона из огромных черных стропил мерцают чисто-голубые или ярко-желтые лучи. Из тьмы пробивается свет.

5. Индивидуальная символика: случай из психоаналитической практики

Иоланда Якоби

Начало анализа

Широко распространено мнение, что методы юнгианской философии применимы только к людям среднего возраста. Действительно, психика многих мужчин и женщин, достигших средних лет, остается незрелой и нуждается в помощи для прохождения пропущенных фаз в развитии. Они не завершили первую часть процесса инициации, описанного д-ром М.-Л. фон Франц. Но верно и то, что молодые люди тоже нередко сталкиваются с серьезными проблемами по мере взросления. Если молодой человек боится жизни и ему трудно адаптироваться к реальности, то он может предпочесть ей пребывание в своих фантазиях или остаться ребенком. У него (особенно, если он интроверт) иногда можно обнаружить неожиданно богато развитое подсознание. Перевод этих богатств в область сознания может укрепить его эго и дать ему психическую энергию, необходимую для становления зрелой личности. На это и направлена богатая символика наших сновидений.

Природа этой символики и ее роль в психологии человека были описаны выше. Я хотела бы показать, как психоанализ может помочь процессу индивидуации на примере молодого инженера в возрасте двадцати пяти лет, назовем его Генри.

Генри родился в сельской местности в Восточной Швейцарии. Его отец, выходец из протестантской крестьянской семьи, был простым участковым врачом. Генри описывал его как человека с высокими моральными устоями, но довольно замкнутого, которому не легко давалось общение с другими людьми. Он был больше отцом для пациентов, чем для собственных детей. Мать Генри была главою семьи. Как-то раз он сказал: «Нас взрастили сильные руки матери». Она выросла в семье с научными традициями и глубокой любовью к искусству. Несмотря на свою строгость, мать была человеком широкой души, им-

пульсивной и романтической (и очень любила Италию). Хотя по рождению она была католичкой, ее дети были воспитаны в духе протестантской религии отца. У Генри была старшая сестра, с которой он поддерживал хорошие отношения.

Генри был обращенным в себя стеснительным молодым человеком, с утонченными чертами лица, очень высокого роста, светловолосым и голубоглазым, с высоким лбом и кругами под глазами. Он считал, что ко мне его привел не невроз (самая распространенная причина обращения к психоаналитику), а скорее внутренняя потребность в работе над своей психикой. За этой потребностью скрывались сильная привязанность к матери и боязнь житейских проблем. Но эти мотивы были выявлены во время сеансов психоанализа, проведенных со мной. Он только что завершил учебу, получил работу на большом заводе, и перед ним стояли проблемы, типичные для молодого человека на пороге возмужания. В письме с просьбой о встрече он писал: «Мне кажется, что эта фаза моей жизни особенно важна и значима. Я должен решить, предпочесть ли мне гарантированную стабильность в жизни при неразвитом сознании или же отважиться пойти еще неведанным путем, возложив на него большие надежды». Выбор, перед которым он стоял, заключался в том, оставаться ли одиноким, колеблющимся и непрактичным юношей или стать самостоятельным и ответственным взрослым мужчиной.

Генри сказал мне, что предпочитает книги обществу, он чувствовал себя скованно среди людей и часто мучился сомнениями по поводу своих поступков. Он был хорошо начитан для своего возраста и склонялся к эстетическому интеллектуализму. Начав с атеизма, он прошел через ревностный протестантизм, но в конечном счете его религиозные убеждения стали совершенно нейтральны. Он выбрал техническое образование, понимая, что имеет способности к математике и геометрии. Ум у него был логический, приспособленный к естественным наукам, но была у него и склонность к иррациональному и мистическому, в чем он не хотел признаться даже самому себе. За два года до начала сеансов Генри был помолвлен с девушкой-католичкой, жившей ранее во Франции и некоторое время в Швейцарии. Он охарактеризовал ее как очаровательную, деловую и очень инициативную. Тем не менее, он не был уверен, сможет ли взять на себя ответственность

брачных уз. Поскольку он был мало знаком с девушками, то думал, что для него может быть лучше подождать с женитьбой или даже остаться холостяком, посвятив жизнь науке. Его сомнения были достаточно сильны, чтобы помешать принятию решения; ему надо было сделать еще один шаг к зрелости, чтобы почувствовать себя уверенно. Хотя в Генри слились качества обоих его родителей, он был явно в мать. Сознательно он отождествлял себя со своей реальной (или «светлой») матерью, олицетворяющей высокие идеалы и интеллектуальные амбиции. Но подсознательно он был глубоко во власти темных аспектов своей сыновьей привязанности. Его подсознание держало в путах его эго. Вся четкость его мышления, все усилия найти твердую позицию чисто рациональным путем не помогали продвинуться дальше умозрительных построений.

Необходимость избавиться от «материнской тюрьмы» выражалась во враждебном отношении к его реальной матери и в неприятии «внутренней матери» как символа женской стороны подсознания. Но внутренняя сила стремилась удержать его в состоянии детства, сопротивляясь всему, что влекло его к внешнему миру. Даже привлекательность его невесты была недостаточной для того, чтобы освободить его от материнских уз и тем самым помочь ему найти себя. Он не понимал, что его внутренний стимул к росту (который он сильно ощущал) содержал в себе необходимость отдалиться от матери.

Моя аналитическая работа с Генри продолжалась девять месяцев. В общей сложности получилось тридцать пять сеансов, на которых он поделился содержанием своих пятидесяти снов. Такой короткий курс психоанализа вовсе не характерен. Он возможен лишь тогда, когда заряженные энергией сны, подобные снам Генри, ускоряют процесс развития. Конечно, с точки зрения теории Юнга, продолжительность времени, необходимого для успешного анализа, не задается каким-либо правилом. Все зависит от готовности личности осознать скрытые факты и от сложности материала подсознания. Подобно большинству интровертов Генри вел довольно однообразный образ жизни. Днем он был целиком поглощен работой, а вечерами иногда развлекался с невестой или друзьями, с которыми любил вести литературные дебаты. Довольно часто он оставался

дома, погруженный в книги или собственные мысли. Хотя мы регулярно обсуждали события его повседневной жизни, а также его детство и юность, мы обычно довольно быстро переходили к обсуждению снов и проблем его внутренней жизни. Было необычно наблюдать, с какой силой в его снах отражалась неотложная потребность в духовном развитии.

Я должна откровенно сказать, что не все описанное здесь было рассказано Генри. В ходе психоанализа всегда необходимо сознавать, какой взрывоопасной силой могут обернуться для сновидца символы его сновидений. Если пролить слишком яркий свет на них, то это может встревожить сновидца и тем самым вызвать в нем в качестве защитной реакции стремление их рационализировать.

Или породить такое состояние, что разбор снов станет невозможным и начнется глубокий психический кризис. Изложенные ниже и прокомментированные сны ни в коей мере не являются всеми снами, которые видел Генри за время проведения сеансов. Я рассмотрю лишь несколько наиболее важных, оказавших воздействие на его развитие.

В начале нашей работы обнаружились воспоминания детства, имеющие важное символическое значение. Самое раннее из них относится к периоду, когда Генри было четыре года: «Однажды утром мне позволили пойти с мамой в булочную, и там я получил рогалик от жены булочника. Я не съел его, а с гордостью нес в руке. Присутствовали только моя мама и жена булочника, так что я был единственным мужчиной». Такие рогалики в народе называют «лунными зубами», и этот символический намек на луну подчеркивает доминирующую силу женщины — силу, воздействие которой, видимо, ощущал мальчик и которой он мог с гордостью противостоять как «единственный мужчина».

Другое воспоминание детства относится к периоду, когда ему шел пятый год. Оно касается сестры Генри, которая пришла домой после экзамена в школе и увидела, что он строит игрушечный амбар. Амбар был сделан из деревянных кубиков в форме квадрата, окруженного забором, выглядевшим словно крепостная стена замка. Генри был доволен своим сооружением и с вызовом сказал сестре: «Ты только начала ходить в школу, а

уже отдыхаешь». На это она ответила, что у него весь год как выходной. Такой ответ не на шутку потряс мальчика. Он почувствовал себя глубоко задетым тем, что его строительный успех не был воспринят серьезно. Даже много лет спустя Генри не забыл горечь обиды и несправедливости по поводу неприятия его постройки. Его проблемы более позднего возраста, касающиеся утверждения мужественности и конфликта между реальными и фантастическими ценностями, уже были видны в его ранних переживаниях. Эти проблемы просматриваются также и в образах его первого сна.

Первый сон

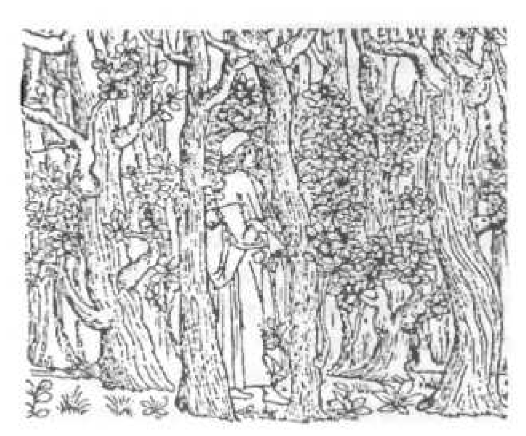
Через день после первого визита ко мне Генри увидел следующий сон:

> «Я был на загородной прогулке с экскурсионной группой незнакомых мне людей. Мы шли в Циналротхорн. Вышли мы из Самадена и, пройдя около часа, остановились на привал, во время которого устроили театральную постановку. Мне не дали никакой роли, пришлось довольствоваться зрительской. Я особенно запомнил саму исполнительницу — молодую женщину в длинном развевающемся платье, исполнявшую патетическую роль.
>
> В полдень я захотел пойти на перевал. И поскольку все другие решили остаться, пошел один, оставив снаряжение. Я оказался на прямо противоположной стороне долины и полностью потерял ориентировку. Хотел было вернуться к своей компании, но не знал, на какой склон горы забираться. Мне некого было спросить об этом. В конце концов, встретившаяся старушка указала дорогу, по которой следовало идти. Затем я поднялся с другой стороны, не откуда шла наша группа утром. Чтобы вернуться к ней, мне нужно было повернуть вправо и затем идти вдоль горного склона. Я шел вдоль ограды фуникулера по правой стороне. Слева от меня непрерывно проносились мимо вагончики, в каждом из которых скрывался маленький надутый человечек в синем костюме. Какой-то голос сказал, что они мертвые. Я боялся вагончиков, приближавшихся сзади, и постоянно оглядывался назад, чтобы на меня не наехали. Но мое беспокойство оказалось напрасным. В месте, где я должен был повернуть направо, были люди, ожидавшие меня. Они повели меня в гостиницу. Начался ливень. Я сожалел, что со мной не оказалось снаряжения — рюкзака и мотоцикла, но мне

сказали, чтобы я не забирал эти вещи до следующего утра, и я послушался».

В проведении психоанализа д-р Юнг придавал большое значение первому сну пациента, потому что, по его мнению, он часто имеет характер предвосхищения. Решение обратиться к психоаналитику обычно сопровождается эмоциональным потрясением, возбуждающим глубокие психические уровни, в которых рождаются архетипические символы. Вот почему первые сны часто представляют «коллективные образы», которые намечают перспективу для комплексного анализа и позволяют психотерапевту заглянуть в глубь душевных конфликтов сновидца.

Что говорит нам приведенный выше сон о будущем развитии Генри? Прежде всего следует изучить некоторые ассоциации, приведенные самим Генри. Деревня Самаден была местом жительства Юрга Дженача, знаменитого в XVII веке швейцарского борца за свободу. «Театральная постановка», упоминавшаяся во сне, напомнила ему о романе Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера», который очень нравился Генри. В женщине он увидел сходство с персонажем картины швейцарского художника XIX века Арнольда Беклина «Остров смерти». «Мудрая старушка», как он называл ее, явно ассоциировалась, с одной стороны, с его психоаналитиком, а с другой — с горничной из пьесы Д. Б. Пристли «Они пришли в город». Фуникулер напомнил ему амбар с крепостными стенами, который он построил в детстве.

Первый этап процесса индивидуации порой становится периодом «дезориентации» — как это произошло с Генри. Иллюстрация из книги XV в. «Сон Полифила» изображает сновидца, боязливо пробирающегося по лесной чаще, что, скорее всего, означает его погружение в неведомое

Сон Генри описывает «экскурсионный поход за город» (разновидность пешего туризма), что поразительно перекликается с решением Генри начать посещать сеансы психоанализа. Процесс инициации часто символизируется путешествием, предпринимаемым для открытия невиданных стран. Такое путешествие описывается Джоном Буньяном в «Пути пилигрима», а также в «Божественной комедии» Данте. «Путешественник» в поэме Данте подходит в поисках дороги к горе, на которую хочет взобраться Но, увидев трех странных животных (мотив, который также появляется в одном из более поздних снов Генри), он вынужден спуститься в долину, а затем в преисподнюю. (Позднее он все-таки поднимается к чистилищу и в конце концов попадает в рай). Исходя из этой аналогии, можно предсказать, что Генри предстоит пережить сходный период потери ориентации и блужданий в одиночку. Первая часть этого жизненного путешествия, олицетворяемая восхождением на гору, является восхождением от подсознания к возросшей зоркости эго, то есть к выросшему сознанию.

Как исходный пункт похода упомянута деревня Самаден. Как раз в этом месте Дженач (которого можно принять за воплощение стремления к свободе в подсознании Генри) начал свою кампанию за освобождение швейцарского района Велтлин от французов. Дженач имел и другие сходные с Генри черты. Он тоже был протестантом, влюбившимся в девушку-католичку, и, подобно Генри, обратившемуся к психоаналитику, чтобы освободиться от привязанности к матери и страха перед жизнью, также боролся за освобождение. Это можно истолковать как благоприятное предзнаменование будущего успеха Генри в обретении свободы. Цель упомянутой прогулки — Циналротхорн — гора в Западной Швейцарии, о которой он не имел представления. Значение слога «рот» (красный) в слове «Циналротхорн» затрагивает эмоциональную проблему Генри. Красный цвет обычно символизирует чувство или страсть; здесь он указывает на значимость чувств, не развитых у Генри в достаточной мере. А значение слога «хорн» (рог) напоминает рогалик, который Генри в детстве получил в булочной.

После короткого перехода объявлен привал, и Генри может вернуться к пассивности, характерной для его натуры. Эта осо-

бенность подчеркнута упоминанием о «театральной постановке». Посещение театра, являющегося имитацией реальной жизни, является обычным способом уклонения от активной роли в драме жизни. Зритель может сопереживать событиям, разворачивающимся на сцене, продолжая потакать своим фантазиям. Такой вид отождествления позволял грекам испытывать состояние катарсиса, имеющее подобие в психодраме, изобретенной американским психиатром Дж. Л. Морено и до сих пор применяемой в терапевтических целях. По всей видимости, схожий процесс развития происходил в душе Генри, когда его ассоциации вызвали воспоминания о Вильгельме Мейстере — персонаже романа Гете, описывающего возмужание молодого человека.

Неудивительно и то, что на Генри произвела впечатление и романтическая внешность девушки. Она напоминает ему мать и одновременно олицетворяет женское начало в его подсознании. Связь, которую Генри ощутил между ней и картиной Беклина «Остров смерти», указывает на его депрессивное настроение, так хорошо переданное на полотне, где изображена напоминающая священника человеческая фигура в белом одеянии, которая правит лодкой, перевозящей гроб на остров. Мы имеем здесь важный двойной парадокс. Кажется, что нос лодки направлен в противоположную от острова сторону, а «священник» представлен лицом неопределенного пола. В ассоциативном восприятии Генри эта фигура явно гермафродитическая. Этот двойной парадокс совпадает с двойственностью Генри, противоположности в его душе все еще слишком расплывчаты для их четкого разделения.

После подобной интермедии спящий Генри внезапно осознает, что уже полдень и ему необходимо продолжить свой путь. Поэтому он вновь отправляется на перевал. Горный перевал — это хорошо известный символ «переходного состояния», ведущего от прежнего типа мышления к новому. Генри должен идти один. Для его эго важно выдержать предстоящее испытание без какой-либо помощи. Поэтому он идет без снаряжения, и это символизирует, что багаж его интеллекта стал обременителен или что ему следует изменить привычную реакцию на окружающее.

Но он не достигает перевала, теряет ориентировку и оказывается снова в долине. Эта неудача показывает, что в то время

как эго Генри решается на активность, другие составляющие его психики (представленные остальными членами компании) остаются в прежнем состоянии пассивности и отказываются сопровождать эго (когда человек видит во сне себя самого, это обычно символизирует его сознательное эго; а другие персонажи означают мало известные или совсем не известные, неосознанные качества его психики).

Генри оказывается в ситуации, где он беспомощен, но стыдится признаться в этом. В этот момент он встречает старушку, и она указывает верный путь. Ему ничего не остается, как принять ее совет. Приходящая на помощь старушка является хорошо известным символическим образом мифов и сказок, обозначающим мудрость вечной женской натуры. Будучи рационалистом, Генри колеблется, принимая от нее помощь, поскольку это потребует Sacrificium intellectus — пожертвовать или отказаться от рационального образа мышления. (Это требование к Генри будет часто выдвигаться в более поздних снах). Такое жертвоприношение неизбежно: оно относится к его участию в сеансах психоанализа и к повседневной жизни.

Старушка вызвала у него ассоциацию с горничной из пьесы Пристли о новом «сказочном» городе (может быть, по аналогии с Новым Иерусалимом Апокалипсиса), в который герои пьесы могут войти только после ритуала посвящения во взрослые. Эта ассоциация, похоже, показывает, что Генри интуитивно понимал эту конфронтацию как нечто решающее для него. Горничная в пьесе Пристли говорит, что в городе «ей обещали собственную комнату». Там она будет самостоятельной и независимой, к чему и стремится Генри

Если человек с таким техническим складом ума, как у Генри, сознательно хочет стать на путь духовного развития, он должен быть готов поменять свои прежние взгляды. Вот почему, следуя совету старушки, он должен начать восхождение с другого места. Только тогда он сможет понять, на каком уровне надо свернуть, чтобы добраться до группы, которую он покинул, то есть прийти к другим составляющим своей психики. Он идет вдоль ограды фуникулера (мотив, который, вероятно, отражает его техническое образование), держась правой стороны, являющейся стороной сознания. (В истории символов правая сторона обыч-

но представляет область сознания, а левая — подсознания). Слева от него бегут маленькие вагончики, в каждом из которых спрятан маленький человечек. Генри опасается, что незамеченный вагончик, бегущий вверх, может ударить его сзади. Его беспокойство оказалось напрасным, но это показывает, что Генри боится того, что находится, так сказать, позади его эго.

Надутые, одетые в синее люди, вероятно, символизируют бесплодные рациональные мысли, возникающие машинально. Синий цвет часто означает функцию мышления. Тогда как люди могут означать идеи или подходы, развеявшиеся на интеллектуальных высотах, где воздух слишком разрежен Они могут также обозначать лишенные жизни составляющие психики Генри. В его сне звучит комментарий по поводу этих людей: «Какой-то голос сказал, что они мертвые». Генри один. Чьи же это слова? Это имеет огромное значение. Д-р Юнг отождествлял появление голоса в сновидениях с вмешательством Самости. Он выражает знание, корни которого лежат в коллективных основах психики. То, что скажет голос, не подлежит обсуждению.

Понимание того, что Генри постиг «безжизненность» формул, к которым он был слишком привязан, означает поворотный пункт в сновидении. Он в конце концов достиг нужного места, чтобы отправиться в новом направлении: направо (осознанное направление) — к сознанию или внешнему миру. Там он обнаруживает ждущих его людей, то есть он готов осознать ранее не известные аспекты своей личности. Поскольку его эго самостоятельно преодолевает встретившиеся опасности, что ведет к достижению большей зрелости, он может присоединиться к группе (то есть к коллективу) и обрести кров и пищу.

Потом начинается ливень, снимающий напряжение и повышающий плодородие земли. В мифологии дождь часто воспринимался как «любовный союз» неба и земли. В Элевсинских мистериях, например, после очищения водой к небесам обращались с призывом: «Да будет дождь!» А землю призывали: «Будь плодородной! « Это понималось как священный брак богов. Таким образом, можно сказать, что дождь — это «растворение» в буквальном смысле слова.

Спустившись вниз, Генри снова сталкивается с коллективными ценностями, представленными рюкзаком и мотоциклом.

В другом сне Генри появляется лань, символизирующая женскую застенчивость, как и олененок на картине *справа* (XIX в., Англия, Эдвин Лендсир)

Древнегреческая Даная, зачавшая от Зевса, принявшего облик золотого дождя (картина фламандского художника XVI в. Яна Госсарта). Как и сон Генри, этот миф отражает символическое значение ливня, как священного союза неба и земли

Он прошел через фазу укрепления своего самосознания, доказав, что может настоять на своем, и вновь обрел потребность в контактах с обществом. Однако он принимает предложение своих друзей подождать и забрать вещи на следующее утро. Таким образом, он второй раз следует советам, приходящим извне в первый раз — совету старушки, то есть подчиняется некой субъективной силе, архетипичесхому персонажу, второй раз — коллективному стереотипу. Сделав этот шаг, Генри минует еще один этап на пути к зрелости.

Как предвосхищение того внутреннего развития, которое Генри рассчитывал обрести путем психоанализа, этот сон был исключительно обещающим. Конфликтующие противоположности, держащие душу Генри в напряжении, были изображены весьма отчетлива с одной стороны, его осознанная потребность

к росту, и тенденция к пассивному созерцанию — с другой. Кроме того, трогательный образ девушки в белых одеждах (представляющий чувствительность Генри и его романтические настроения) контрастирует с вздувшимися трупами в синих костюмах (символизирующими бесплодие его интеллектуальной сферы). Однако преодоление этих препятствий и достижение равновесия между ними станут возможными для Генри только после весьма суровых испытаний.

Боязнь подсознания

Проблемы, встретившиеся в первом сновидении Генри, проявились впоследствии и в других снах: это колебания между активностью мужского начала и пассивностью женского и тенденция прятаться за интеллектуальным аскетизмом. Он боялся мира, но мир притягивал его. Главным образом, он боялся брачных уз, означавших необходимость ответственного отношения к женщине. Такая двойственность часто встречается на пороге возмужания. Хотя по своим годам Генри миновал эту фазу, его внутренняя зрелость не соответствовала возрасту. Это часто встречается у интровертов с их страхом перед реальностью и внешней жизнью.

Четвертый сон, увиденный Генри, ярко иллюстрирует его психологическое состояние.

> «Мне кажется, будто я видел этот сон бесконечно много раз. Военная служба, кросс на длинную дистанцию. Я бегу один по своему маршруту. Я никак не добегу до финиша. Буду ли я последним? Маршрут мне хорошо знаком, будто я видел его наяву. Старт в роще, на поляне, покрытой сухими листьями. Местность мягко спускается к идиллическому ручейку, который так и приглашает путника сделать привал. Потом пыльный сельский тракт. Он ведет к Хомбречтикону — деревеньке вблизи горного озера в окрестностях Цюриха. Берега ручья все в ивах, как на картине Беклина, на которой бредет задумчивая фигура. Наступает ночь. В деревне я спрашиваю, как выйти на маршрут. Мне говорят, что через семь часов дорога приведет к перевалу. Я внутренне собираюсь и продолжаю свой путь».

Слева: так Генри изобразил странных животных из своего сновидения. Они молчаливы и слепы, не способны к общению, т. е. представляют его подсознательное состояние. Животное, стоящее на земле (его он нарисовал зеленым— цветом обильного роста и природы, означающим в фольклоре цвет надежды), является аллегорией возможного становления. Свиноподобное животное из сновидения указывает на скотство и похотливость — как и миф о Цирцее, обратившей несколько человек в свиней.

Вверху: рисунок с греческой вазы с изображением человека-свиньи, Одиссея и Цирцеи. *Внизу:* на одной из карикатур Жоржа Гроса, высмеивавшего довоенное немецкое общество, нарисован мужчина (взявший проститутку) с головой свиньи, что указывает на его вульгарность.

Однако на этот раз у сна другой конец:

«После заросшего ивами ручья я попадаю в лес. Там натыкаюсь на косулю, она убегает. Я горжусь, что заметил ее. Косуля появилась с левой стороны, я поворачиваюсь направо и вижу трех странных существ — полусвиней, полусобак с лапами как у кенгуру. Их морды почти одинаковы, а уши длинные и обвислые, как у собак. Может быть, это переодетые люди. Когда я был мальчиком, я однажды нарядился в цирковой костюм, изображающий осла».

Начало этого сна и первый сон Генри удивительно схожи. Снова появляется сказочная женская фигура, а обстановка ассоциируется с другой картиной Беклина. Это картина «Осенние раздумья», что наряду с сухими листьями, упомянутыми выше, подчеркивает осеннее элегичное настроение. Очевидно, этот внутренний пейзаж, передающий меланхолию Генри, очень близок ему. Он снова в коллективе, но на этот раз вместе с друзьями по военной службе участвует в кроссе.

Всю эту ситуацию (как, впрочем, и воинскую службу) можно рассматривать как символ судьбы среднего человека. По словам Генри, она олицетворяет саму жизнь. Но сновидец, не желая приспосабливаться к ней, движется один, что, судя по всему, всегда было характерно для Генри. Вот почему у него складывается впечатление, что все происходит будто наяву. Его мысль, что он никогда не добежит до финиша, указывает на обостренное чувство неполноценности и неверие в победу на длинной дистанции.

Его путь ведет в Хомбречтикон. Это слово напоминает об его тайных планах вырваться из дома (слог «hom» означает «home»- дом, а слог «brech» — «break», то есть порывать), но поскольку ему не удастся сделать это, он снова, как и в первом сне, теряет ориентацию и вынужден спрашивать дорогу.

Сны уравновешивают с большей или меньшей точностью состояния ума, характерные для сновидца во время бодрствования. Романтический женственный образ осознанного идеала Генри балансируется появлением во сне странных женоподобных животных. Инстинктивное начало в Генри передается чем-то женственным.

Лес представляет область подсознания — темное место, где обитают животные. Сначала появляется, но лишь на мгновение, косуля — символ женской застенчивости, пугливости, невинности. Затем Генри видит трех животных со странной, отталкивающей

внешностью. Они, вероятно, представляют неструктурированную инстинктивность — этакую мешанину из инстинктов, содержащую сырье для дальнейшего развития. Их необычность в том, что они практически безлики, а значит, лишены малейших проблесков сознания. У многих людей свинья ассоциируется с грязной сексуальностью. (Цирцея, например, превращала мужчин, возжелавших ее, в свиней). Собака может ассоциироваться с верностью, хотя и с распущенностью тоже — из-за неразборчивости в выборе партнеров. А кенгуру всегда олицетворяет материнство и нежную заботу о детенышах.

Эти животные представляют лишь зачаточные черты личности, да и то беспорядочно перемешанные. «Исходный материал» в алхимии часто символизировался такими сказочными чудовищами — гибридами различных животных. С точки зрения психологии они, видимо, символизируют первоначальное состояние полного отсутствия сознания, из которого зарождается индивидуальное эго, начиная свое развитие к зрелости.

Боязнь чудовищ у Генри проявляется в попытке придать им видимость безвредности. Он хочет убедить себя, что они лишь люди, нарядившиеся, как он в детстве, на маскарад. Его беспокойство естественно. Человек, обнаруживающий внутри себя таких чудищ, олицетворяющих отдельные черты своего подсознания, имеет основания для страха.

Другой сон также свидетельствует о страхе Генри перед глубинами подсознания.

> «Я — юнга на паруснике. Как это ни странно, паруса наполнены, несмотря на абсолютный штиль. Моя задача — держать трос, крепящий мачту. Довольно странно, что ограждение палубы это стена, покрытая каменными плитами. Все это сооружение лежит точно на границе между водой и одиноко плывущим парусным судном. Я крепко держусь за трос (не за мачту), мне запрещено смотреть на воду».

В этом сне Генри находится в психологически пограничной ситуации. Ограждение защищает его и закрывает ему обзор. Ему запрещено смотреть в воду (где он может обнаружить неизвестные силы). Все эти образы отражают его сомнения и страх.

Человек, испытывающий, подобно Генри, страх перед посланиями из глубин своего «я», так же боится женского начала в самом себе, как и реальных женщин. То, очарованный, он стре-

мится к женщине, то, напуганный, спешит исчезнуть, чтобы не стать ее «жертвой». Он не осмеливается показать возлюбленной (то есть идеализированному партнеру) свою животную сексуальность. Как типичное следствие привязанности к матери, Генри испытывает сложность общения с одной и той же женщиной как в эмоциональном, так и в чувственном плане. Его сны приносят неоднократные свидетельства его желания освободиться от этой дилеммы. В одном сновидении он был «монахом, выполняющим секретное задание». В другом — инстинкты заманили его в публичный дом:

> «Вместе с сослуживцем по воинской части, имеющим опыт по части любовных похождений, я оказался в незнакомом городе на темной улице в очереди перед каким-то домом. Вход был только для женщин, поэтому в фойе мой друг надел небольшую карнавальную женскую маску и поднялся наверх по лестнице. Возможно, я сделал то же самое, но отчетливо не помню».

Решение, предлагаемое этим сном, возможно, и удовлетворит любопытство Генри, но только ценой обмана. Как мужчине, ему не хватает храбрости войти в дом, который является, судя по всему, борделем. Только избавившись от своего мужского начала, он может заглянуть в этот мир, запретный для его сознания. Сон, однако, не говорит нам о том, решился ли Генри войти. Он еще не преодолел свою скованность — понятная неудача, если принять во внимание возможные последствия от посещения подобного заведения.

Приведенный сон, на мой взгляд, указывает на гомоэротическую предрасположенность Генри; ему кажется, что женская маска сделала бы его привлекательным для мужчин. Эта гипотеза подтвердилась следующим сном:

> «Я увидел себя снова мальчиком пяти или шести лет. Мой друг тех дней рассказывает, каким непристойным делом он занимался с директором завода. Мой друг положил свою правую руку на пенис этого мужчины, чтобы погреть его и одновременно погреть собственную руку. Директор был близким другом моего отца, которого я обожал за широту взглядов и разносторонность его натуры. Но мы смеялись над ним, как над «вечным юношей»».

Для детей такого возраста эротическая игра гомосексуальной направленности — обычное явление. То, что Генри до сих

пор возвращается к ней во сне, свидетельствует о сопряженности у него подобных влечений с чувством вины и, следовательно, о сильном их подавлении. Все это связано с его глубоко лежащим страхом крепко «привязаться» к какой-либо женщине. Другой сон и вызванные им ассоциации наглядно демонстрируют этот конфликт:

> «Я принимаю участие в свадебной церемонии незнакомой пары. Утром небольшой свадебный кортеж возвращается с празднества — молодожены, шафер и подружка невесты; они входят в большой двор, где я жду их. Мне показалось, что молодые уже поссорились, и свидетели тоже. В конце концов, они нашли выход — мужчины и женщины уходят порознь».

Генри пояснял: «Вы видите здесь войну полов, как ее описывает Жироду». Затем он добавил: «Дворец в Баварии, внутренний двор которого я и увидел во сне, стал последнее время обезображен в результате временного расселения в нем бедняков. Побывав там, я задался вопросом, не лучше ли сводить концы с концами на красивейших античных руинах, чем вести активную жизнь в окружении уродств большого города. Я также подумал, когда был свидетелем на свадьбе у одного знакомого, долго ли продлится его брак, потому что его невеста произвела на меня неприятное впечатление».

Стремление удалиться от активных ролей к интроверсии, боязнь неудачного брака, переживаемая во сне отчужденность полов — все это безошибочные симптомы сомнений, находящихся под покровом сознания Генри.

Святой и проститутка

Психическое состояние Генри было с наибольшей точностью отображено в следующем сне, раскрывшем его боязнь примитивной чувственности и его желание укрыться от нее в своего рода аскетизме. Это показывает, в каком направлении пошло его развитие. Вот почему это сновидение будет проанализировано более подробно.

> «Я на узкой горной тропинке. Слева внизу — пропасть, справа — стеной нависает скала. В скале выбито несколько пещер-убежищ

для укрытия одиноких путников от непогоды. В одной из них полускрытно живет проститутка. Странно, что я вижу ее сзади, со стороны скалы. У нее рыхлое и бесформенное тело. Я с любопытством разглядываю ее и трогаю за ягодицы. Внезапно мне кажется, что это не женщина, а мужчина.
Это же существо выступает затем в роли святого. На его плечи наброшено короткое пальто пурпурного цвета. Он спускается вниз по тропинке и заходит в другую, более просторную пещеру, обставленную грубо отесанными стульями и скамейками. С надменным видом он выгоняет оттуда всех присутствующих, в том числе и меня. Затем заходят и располагаются его последователи».

Образ проститутки вызвал у Генри ассоциацию с «Венерой из Виллендорфа» — археологической находкой эпохи палеолита, представляющей из себя небольшую резную фигурку пышнотелой женщины — возможно, богини природы или плодородия. Затем он добавил:

«Впервые я услышал о том, что прикосновение к ягодицам является ритуалом плодородия, когда совершал поездку по району Валлис (кантон французской Швейцарии), где посетил древние кельтские могилы и раскопки. Там мне рассказали, что здесь когда-то был гладкий склон, выложенный плитками и намазанный самыми различными снадобьями. Бесплодные женщины съезжали по нему, как с горки, раздевшись, чтобы избавиться от бесплодия». Пальто «святого» было прокомментировано Генри следующим образом: «У моей невесты есть жакет сходного покроя, но белого цвета. В вечер накануне сновидения мы ходили на танцы, и она надела этот белый жакет. С нами была ее подруга в пурпурном жакете, который мне понравился больше».

Если принимать сновидения не за картину исполнения желаний (как учил Фрейд), а за «самовыражение подсознания», как считал Юнг, то следует признать, что психическое состояние Генри вряд ли можно было бы отразить лучше, чем в образе «святого», встретившегося в упомянутом сне.

Генри — «одинокий путник» на узкой тропе. Но (может быть, благодаря сеансам психоанализа) он уже на пути вниз с негостеприимных высот. Слева, со стороны подсознания, путь ограждает жуткая пропасть. Справа, со стороны сознания, путь блокирует застывшая каменная стена его взглядов. Но в пещерах

(которые, быть может, представляют, так сказать, неосознаваемые участки в сфере сознания Генри) можно укрыться от непогоды или, другими словами, передохнуть, когда внешнее напряжение становится слишком угрожающим.

Пещеры — это плод целенаправленной человеческой работы: «вгрызания» в скалу. В некоторой степени они напоминают провалы, образующиеся в сознании, когда способность к сосредоточению достигает предела и рассеивается, что позволяет всяческим фантазиям легко заполнять голову. В такие моменты могут открыться необычнейшие вещи, вводящие в глубинные основы психики и озаряющие на мгновение те области подсознания, где игра воображения не знает границ. Более того, пещеры в скалах могут олицетворять лоно Земли-Матери, таинственные пустоты, где происходит преображение и возрождение.

Таким образом, данный сон, судя по всему, представляет интровертный уход Генри в себя, когда мир вокруг становится слишком тяжел для него; уход в себя как в некую «пещеру» в сознании, где он может предаваться своим фантазиям. Такая интерпретация также объясняет, почему он видит женскую фигуру, воплощающую присущие его психике черты женственности. Бесформенная, мягкотелая, полускрытая — проститутка олицетворяет в его подсознании подавленный образ женщины, к которой Генри никогда и не приблизился бы в реальной жизни. Видимо, такие женщины для него всегда являлись абсолютным табу, несмотря на тайное восхищение ими (в противоположность слишком почитаемой матери), что характерно для мужчин с материнским комплексом.

Идея свести отношения с женщиной к чисто животным и чувственным, исключив иные, часто бывает соблазнительна для таких молодых людей. Тогда его душа и сердце не затрагиваются, а значит, он остается в конечном счете «верным» своей матери. Вот так однажды установленное матерью табу на связь с любой другой женщиной действует, несмотря ни на что, в психике сына.

Отойдя, судя по всему, до конца в глубь пещеры (своих фантазий), Генри видит проститутку только со спины. Он не смеет заглянуть ей в лицо. Но «со спины» означает также со стороны ягодиц — той части тела, которая меньше всего отличается

Слева: нарисованная Генри лодка, борт которой — еще один символ его интровертности и страха перед жизнью. *Справа:* доисторическая статуэтка, известная как «Венера из Виллендорфа», с которой у Генри ассоциировалась приснившаяся ему проститутка

у человека и животных (и стимулирующей чувственную активность мужчин). Прикасаясь к ягодицам проститутки, Генри подсознательно осуществляет своего рода ритуал плодородия, аналогичный тем, что практикуются во многих первобытных

Плащ часто может символизировать психическую маску или личину, выставляемую на обозрение миру. Именно такое значение несет одеяние пророка Илии, которое он при вознесении в рай (шведский лубок, *справа)* оставляет своему преемнику Елисею. Таким образом, мантия воплощает пророческую силу и функцию, передаваемую преемнику. Цвет мантии красный, как и у плаща святого в сновидении Генри

племенах. Наложение рук используется при лечении; таким же образом прикосновение руки может иметь смысл предохраняющего или несущего проклятие жеста. Затем во сне возникает мысль, что этот персонаж все-таки не женщина, а мужчина-проститут. То есть образ становится гермафродитическим, подобно многим мифологическим персонажам (и подобно священнику в первом сне). Неуверенность в отношении собственного пола часто наблюдается в период полового созревания — вот почему гомосексуальность в юности не считается чем-то необычным. Не является это исключением и для Генри с учетом структуры его психики, что подтверждают и его предыдущие сны.

Подавление подобных мыслей (равно как и неуверенность в вопросах пола) могло стать причиной путаницы относительно пола проститутки. Женщина, притягивающая и одновременно отталкивающая сновидца, сначала превратилась в мужчину, а затем в святого. Второе превращение полностью лишает этот персонаж сексуальности и подразумевает, что избежать реальности секса можно лишь одним способом: ведя аскетический и святой образ жизни, отвергая желания плоти. Такие неожиданные и захватывающие преображения обычны для сновидений: нечто обращается в свою противоположность (как проститутка — в святого), словно для того, чтобы показать, что даже крайние противоположности могут, трансмутировав, поменяться местами.

При разборе сна Генри также сообщил, что пальто святого показалось ему имеющим какую-то значимость. Пальто часто символизирует маску (у Юнга — «личина»), в которой индивидуум является окружающим. Это делается с тем, чтобы, во-первых, произвести определенное впечатление на людей, и, во-вторых, скрыть свой внутренний мир от чужих любопытных глаз. Личина, которой Генри наделяет святого из сна, говорит нам об его отношении к невесте и ее подруге. Цвет пальто у святого тот же, что у жакета подруги невесты, понравившегося Генри, а его покрой — как у жакета невесты. Это может означать, что подсознание Генри стремилось придать элемент святости обеим женщинам, чтобы защитить себя от их женской привлекательности. К тому же цвет пальто — красный, что, как отмечалось выше, традиционно символизирует чувство и страсть. Таким образом, духовность этого святого приобретает

эротическую окраску — нередко встречающееся сочетание у мужчин, подавляющих свою сексуальность и старающихся полагаться исключительно на свой «дух» или здравый смысл.

Однако для молодого человека такое бегство из мира плоти не естественно. В первой половине жизни следует научиться принимать свою сексуальность как должное, ибо она необходима для сохранения и продолжения человеческого рода. Судя по всему, анализируемый сон напоминает Генри как раз об этом.

Покинув пещеру, святой направляется вниз по тропинке (спускаясь с вершин в долину) и заходит во вторую пещеру, где стоят грубо отесанные лавки и стулья, что напоминает об укрытиях ранних христиан, в которых они молились или спасались от преследования. Эта пещера выглядит как целебное и святое место — место медитации и тайного преображения земного в небесное, плотского в духовное. Генри не позволяют следовать за святым, а выгоняют из пещеры со всеми присутствующими (то есть вместе с его подсознательными образованиями). Вероятно, Генри и всем, кто не из числа последователей святого, было сказано, чтобы они жили снаружи. Сон как будто говорит, что Генри должен сначала преуспеть во внешней жизни, прежде чем сможет погрузиться в религиозную или духовную сферу. Похоже, что образ святого символизирует еще и Самость (в почти не различимом, зачаточном виде), но Генри еще недостаточно зрел, чтобы тесно контактировать с ней.

Сеансы психоанализа: дальнейшее развитие

Несмотря на первоначальный скептицизм и внутреннее сопротивление, Генри начал проявлять живой интерес к процессам, идущим в его психике. Он был явно под впечатлением своих сновидений, которые, по-видимому, уравновешивали его сознательную жизнь, помогая ее осмыслить и разобраться в природе присущих ему раздвоенности, колебаний и пассивности.

Через некоторое время появились сны с более позитивным содержанием, указывающие, что Генри на верном пути. Спустя два месяца после начала сеансов он рассказал о следующем сне:

«В гавани небольшого поселка недалеко от моего дома на берег окрестного озера поднимали локомотивы и грузовые вагоны,

> затопленные во время минувшей войны. Сначала подняли большой цилиндр, напоминающий котел локомотива. Затем огромный, весь в ржавчине вагон. Общая картина представляла ужасное, но романтическое зрелище. Извлеченные предметы предстояло вывезти по железной дороге с соседней станции. Затем дно озера превратилось в зеленую лужайку».

Мы видим здесь у Генри заметное внутреннее продвижение. Локомотивы (символизирующие, по всей видимости, энергию и динамичность) были «затоплены», то есть погружены в подсознание, но теперь они поднимаются на дневной свет. Вместе с локомотивами поднимаются и вагоны, в которых можно перевозить различные ценные грузы (качества психики). Теперь, когда эти «предметы» снова стали доступны сознанию Генри, он сможет понять, сколько активной энергии может быть в его распоряжении. Преображение темного дна озера в лужайку подчеркивает потенциал его позитивной деятельности.

В своем «путешествии в одиночку» к зрелости Генри иногда получал помощь от своего женского начала. В двадцать четвертом сне он встречается с девушкой-горбуньей:

> «Я иду в школу вместе с незнакомой молодой девушкой небольшого роста с изящной внешностью, но обезображенной горбом. Многие другие ученики также заходят в здание школы. Но они расходятся по классам перед уроком пения, а мы с девушкой садимся за маленький квадратный стол, и она дает мне индивидуальный урок пения. Я чувствую к ней порыв жалости и поэтому целую ее в губы. При этом я сознаю, что тем самым я нарушаю верность невесте, хотя этот поступок можно и оправдать».

Пение — это один из способов непосредственного выражения чувств. Но Генри (как мы видели) опасается своих чувств, он знает их лишь в идеализированной юношеской форме. Тем не менее, в этом сне его учат петь (что означает «чувствовать»), причем за квадратным столом. Стол с его четырьмя равными сторонами, олицетворяет мотив «четырехуровневости», часто символизирующий завершенность. Таким образом, привязка пения к квадратному столу означает, скорее всего, что Генри должен «включить» свою чувственную сторону, чтобы достичь психической целостности. Фактически урок пения усиливает его чувства, и он целует девушку в губы. Тем самым он в определенном

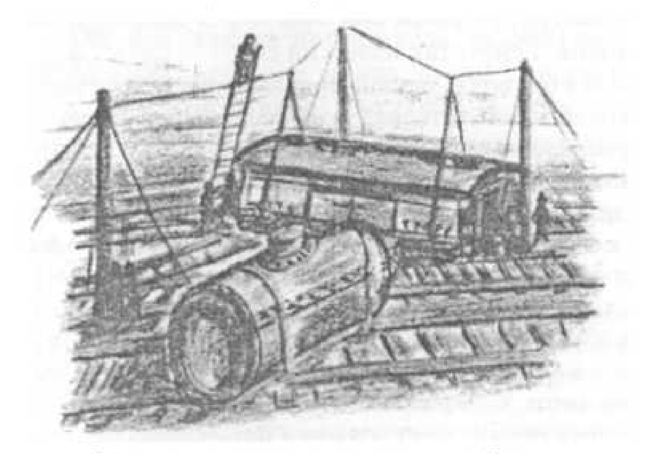
смысле привязался к ней (иначе он не испытывал бы чувства неверности); он понял, как обходиться с «женщиной внутри себя».

Следующий сон показывает, какая роль отведена этой маленькой горбунье во внутреннем развитии Генри:

> «Я в незнакомой мужской гимназии. Во время уроков я тайком пробрался туда — не знаю зачем. Я прячусь в комнате за небольшим квадратным шкафом. Дверь в коридор полуоткрыта. Я боюсь, что меня найдут. Мимо проходит кто-то взрослый, не замечая меня. Тут заходит маленькая горбунья и сразу же обнаруживает меня. Она вытаскивает меня из укрытия».

В обоих снах не только появляется одна и та же девушка, но и происходит это в одном и том же месте — в школе. В каждом случае Генри должен научиться чему-то такому, что поощряет его развитие. Судя по всему, он предпочел бы удовлетворить свою тягу к знаниям, оставаясь незамеченным и играя пассивную роль.

Образ уродливой девочки присутствует во многих сказках. Обычно в этих сказках уродливость горба скрывает большую красоту, которая обнаруживается, когда приходит некто, чтобы освободить девушку от колдовского заклинания — часто путем поцелуя. Не исключено, что девушка в сновидении Генри является символом его души, которую также необходимо освободить от «заклятия», обезобразившего ее.

В сновидении Генри, картину из которого он изобразил, затонувшие локомотивы поднимают из озера, что говорит о высвобождении ранее подавленной в подсознании энергии для значимых действий

Когда девочка-горбунья пытается пробудить пением чувства Генри или вытаскивает его из темноты укрытия (на свет дня), она действует подобно поводырю, приходящему на помощь к слепому. Генри может и должен в каком-то смысле принадлежать одновременно и своей невесте, и маленькой горбунье (первой — как представительнице реальных женщин внешнего мира, а второй — как воплощению анимы, обитающей во внутреннем мире его психики).

Сон с гаданием

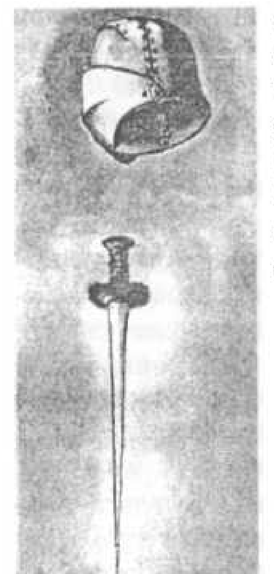
Люди, всецело полагающиеся на рациональное мышление и игнорирующие или подавляющие иные проявления своей психики, часто имеют необъяснимую склонность к суевериям. Они прислушиваются к прорицателям с их пророчествами и легко могут быть обведены вокруг пальца магами и заклинателями. И поскольку сны уравновешивают внешнюю жизнь человека, то доступная днем опора на интеллект неизбежно сменяется ночью встречами с иррациональным.

В ходе сеансов Генри испытал это явление на себе весьма ощутимо. Ему приснились четыре необычных сна иррационального содержания, ознаменовавшие определенные этапы его духовного развития. Первый сон был через десять недель после начала сеансов. Генри так изложил его:

> «Совершая в одиночку полное приключений путешествие по Южной Америке, я почувствовал, наконец, желание возвратиться домой. В расположенном на горе чужом городе я хотел попасть на железнодорожную станцию, инстинктивно ожидая, что она находится в центре города, на самой круче. Я боялся опоздать на поезд. Но, к счастью, сквозь ряд домов справа от меня, стоящих впритык друг к другу глухой стеной, словно в средневековом городе, открылся арочный проход. Он, вероятно, ведет к станции. Вся сцена очень живописна. Светлоокрашенные фасады домов освещены солнцем, а в мрачной тени арки видны сидящие на мостовой четыре оборванца. Со вздохом облегчения я поспешил к арке, когда впереди меня неожиданно появился похожий на охотника незнакомец, очевидно также спешащий попасть на поезд.
>
> Когда мы приблизились, четыре привратника, оказавшиеся китайцами, вскочили, не давая нам пройти. В завязавшейся драке один

из них поранил мне ногу длинными ногтями своей левой ступни. Нашу судьбу предстояло решить гаданием: пропустить ли нас или лишить нас жизни. Начали с меня. Моего попутчика связали и отвели в сторону, в это время китайцы гадали, используя для этого маленькие палочки из слоновой кости. Приговор оказался не в мою пользу, но мне дали еще один шанс. Меня заковали в кандалы и отвели в сторону, так же, как ранее моего попутчика. Теперь он занимает мое место. В его присутствии гадание должно вторично решить мою судьбу. На этот раз решение в мою пользу. Я спасен».

Бросаются в глаза необычность содержания и исключительная важность значения этого сна, богатство его символики и краткость. Однако мне показалось, что рассудок и сознание Генри хотят проигнорировать этот сон. С учетом его скептицизма по отношению к продуктам своего подсознания, важно было избежать опасности рационалистического разбора сновидения со стороны Генри, позволяя сну воздействовать на него без стороннего вмешательства. Поэтому сначала я воздержалась от толкования сновидения. Вместо этого я рекомендовала ему почитать знаменитую китайскую книгу предсказаний «И Цзин» и вопросить ее о своей судьбе (аналогично гаданию китайцев в сновидении). «И Цзин», или «Книга перемен» — одна из самых древних книг мудрости. Созданная во времена, от которых остались лишь мифы, за 3000 лет до нашей эры, она дошла до нас в своем первозданном виде. Согласно Рихарду Вильгельму (сделавшему ее перевод на немецкий язык и снабдившему ее прекрасными комментариями), и даосизм, и конфуцианство — две

Слева: нарисованные Генри меч и боевой шлем, приснившиеся ему и упоминающиеся в знаке «И Цзин» Ли: «привязанность, огонь». Этот знак, помимо прочих, содержит следующее значение: «Для того чтобы природа психики человека могла преобразиться и воздействовать на землю, она должна быть привязана к силам духовной жизни»

основные ветви китайской философии — имеют один и тот же первоисточник: «И Цзин». Книга исходит из гипотезы единства человека с окружающим его космосом и дополняющими друг друга противоположностями Инь и Ян (то есть женского и мужского начал). Она состоит из шестидесяти четырех «знаков», каждый из которых представляет гексаграмму — рисунок из шести линий. Эти знаки включают все возможные комбинации Инь и Ян. Сплошные линии считаются соответствующими мужскому началу, а прерывистые — женскому.

Каждый знак описывает перемены в человеческой или космической ситуации и предписывает, как следует поступать в такое время. Считая эту книгу оракулом, китайцы спрашивали у нее совета, определяя, какой из знаков относится к данному моменту. Для этого они брали пятьдесят маленьких палочек, в результате манипуляций с которыми получали нужное число. (Генри, кстати, говорил, что читал однажды — видимо, в комментарии Юнга к книге «Секрет золотого цветка» — о странной китайской игре, используемой для гадания).

В наши дни, чтобы посоветоваться с «И Цзин», обычно используют три монеты. Каждый бросок одной из них соответствует одной линии. Орел, означающий сплошную мужскую линию, считается равным трем, а решка, соответствующая прерванной женской линии, двум. Монеты бросают шесть раз. Затем строят гексаграмму, содержащую ответ на заданный вопрос.

Однако какое значение имеет такое «предсказание будущего» для нашего времени? Даже будучи согласным с тем, что «И Цзин» — кладезь мудрости, сложно поверить, что подобные обращения к оракулу представляют из себя нечто большее, чем оккультный эксперимент. Действительно, обычному современному человеку, сознательно отвергающему как древнюю чепуху все методы гадания, трудно представить, что здесь скрыто нечто серьезное. Однако это вовсе не чепуха. Как показал д-р Юнг, этот метод основан на «принципе синхронности» (проще говоря, смысловом совпадении). Эта трудная для восприятия новая идея описана в его очерке «Синхронность — как принцип акаузальной связи». Юнг отталкивается от допущения существования некоего внутреннего знания, соединяющего некое физическое явление с неким психическим состоянием таким об-

разом, что явление, кажущееся «случайным» или «совпадением», может нести определенную смысловую нагрузку, которая часто передается в символической форме через сновидения, совпадающие с этим явлением. Спустя несколько недель после знакомства с «И Цзин» Генри последовал моему предложению (со значительной долей скептицизма) и бросил монеты. Предсказание произвело на него огромное впечатление. Коротко говоря, его содержание удивительным образом перекликалось с несколькими местами из его сновидений и с его психологическим состоянием в целом. В этом случае явное «синхронное» совпадение заключалось в том, что знак, на который указали монеты, назывался «Мэнь» — «Юношеское безрассудство». Комментарий к этой гексаграмме включает несколько моментов, аналогичных встретившимся в сновидениях. Согласно «И Цзин», три верхние линии этой гексаграммы символизируют гору и означают «сохранять спокойствие»; кроме того, их можно истолковать как «ворота». Три нижние линии символизируют воду, пропасть и луну. Все эти образы являлись Генри в его снах. В комментарии помимо прочих утверждений, применимых к Генри, было следующее предупреждение: «Для безрассудного юноши самое безнадежное дело — увлекаться пустопорожними фантазиями. Чем упорнее он цепляется за них, тем вероятнее, что они сменятся унижением».

В такой форме и другими сложными путями предсказание как будто напрямую затрагивало проблемы Генри. Сначала он пытался не думать о нем, но его мысли, как и сны, постоянно возвращались к этой теме. Откровение «И Цзин», видимо, очень глубоко затронуло его, несмотря на загадочность формулировок. Его покорила та самая иррациональность, существование которой он так долго отрицал. То спокойно, то раздраженно он читал строки, судя по всему тесно совпадавшие с образами его сновидений, а затем сказал: «Мне необходимо обдумать все это как следует», — и оставил меня, не дожидаясь окончания сеанса. Он отменил следующий сеанс по телефону из-за гриппа и больше не появлялся. Я ожидала, «сохраняя спокойствие» и предполагая, что ему требуется время, чтобы «переварить» предсказанное.

Прошел месяц. Наконец Генри появился вновь, весьма возбужденный, и рассказал, что произошло за это время. Сначала

его рациональное мышление, на которое он всегда полагался, перенесло сильный шок, от которого он пытался оправиться, избегая думать об этом. Вскоре, однако, он вынужден был признать, что полученное предсказание преследовало его. Он намеревался еще раз обратиться к «Книге перемен», потому что в его сновидении гадали дважды. Но комментарий к знаку «Юношеское безрассудство» строго запрещает вопрошать оракула второй раз. Две ночи Генри бессонно ворочался в постели, а на третью ночь ему во сне явился ослепительный образ великой силы: шлем и меч, парящие в пустоте.

Генри тут же взял «И Цзин» и, открыв ее наугад на комментарии к знаку 30, к своему изумлению прочел следующие строки: «Привязанность и огонь обозначаются кольчугами и шлемами, копьями и другим оружием». Тогда он почувствовал, что понимает, почему книга запрещает дважды советоваться с ней. Ведь в его сне эго было отстранено от участия во втором обращении к оракулу — во второй раз вопрошал судьбу не он сам, а охотник. Точно так же не Генри, а его практически не осознанное действие задало второй вопрос: «И Цзин», открыв книгу наугад, и натолкнулось на образ, совпавший с его ночным видением.

Генри был настолько взволнован, что я решила воспользоваться моментом, чтобы попытаться истолковать сон, вызвавший такое преображение. С учетом развития событий в сновидении было ясно, что его содержание соотносится с содержанием внутреннего мира Генри, а шесть персонажей сна — олицетворяют качества его психики. Такие сны относительно редки, но тем сильнее их эффект. Вот почему их можно назвать «преображающими снами».

Когда сон столь выразителен, то лишь немногие его элементы ассоциируются у сновидца с чем-то личным. Все, что Генри пришло в голову по поводу этого сновидения, было воспоминание о недавней попытке устроиться на работу в Чили, окончившейся отказом, потому что там не принимали холостых мужчин. Он также вспомнил, что некоторые китайцы отращивают ногти на левой руке в знак того, что вместо работы посвящают себя медитации.

Неудача с получением работы и отобразилась в сновидении Генри. Во сне он переместился в жаркий южный мир — дикий

раскованный и чувственный в противоположность европейскому, что отлично символизирует царство подсознания.

В этом царстве нет места культивации интеллекта и швейцарского пуританизма, господствующим в сознательном мышлении Генри. Фактически это та реальная «страна теней», о которой он так мечтал. Однако, оказавшись там ненадолго, он, похоже, не почувствовал себя особенно уютно. От темных, хтонических материнских сил (олицетворяемых Южной Америкой) его тянет во сне назад, к светлому — реальной матери и невесте. Внезапно он понимает, как далеко он оказался от них — один в «чужом городе».

Это повышение сознания передано в сновидении «кручей» — горой, на которой стоит город. Поэтому, поднимаясь к вокзалу, Генри поднимается на более высокий уровень сознания в «стране теней», откуда надеется «найти путь к дому». Задача восхождения на гору уже ставилась перед ним в первом сне. И в сновидении о святом и проститутке, во многих мифических сказаниях гора часто олицетворяет место откровений, где происходят преображения и перемены.

Понятие «город на вершине» — это также хорошо известный архетипический символ, то тут, то там встречающийся в разных обличьях в истории культуры человечества. Город, имеющий в плане мандалу, воплощает ту «область души», в центре которой обретается обитель Самости (сокровеннейшей сердцевины психики, вместилища целостности).

Удивительно, что место расположения Самости представлено в сновидении Генри как пункт перевозки людских масс: станцией железной дороги. Вероятно, это объясняется тем, что Самость (если сновидец молод и находится на относительно низком уровне духовного развития) обычно символизируется объектом из области личного опыта сновидца, часто банальным, что компенсирует высокие устремления спящего. Только у зрелого человека, знакомого с образами своей души, Самость реализуется в символах, соответствующих ее уникальному значению.

Хотя Генри и не знает точно, где находится станция, он предполагает, что она расположена в центре города, на самой круче. В этом видна помощь, как и в предыдущих снах, со стороны

его подсознания. Рассудок Генри настроен на его профессию инженера, поэтому ему хотелось бы, чтобы и внутренний мир был связан с плодами рациональной деятельности цивилизации, вроде железнодорожной станции. Сон, однако, отвергает эту позицию и указывает совершенно иной путь.

Этот путь ведет под темную арку. Ворота в виде арки символизируют обычно порог — место, где витают опасности, и место, разделяющее и объединяющее одновременно. Вместо железнодорожной станции, которую искал Генри, соединяющей нецивилизованную Южную Америку с Европой. Генри оказывается перед темными арочными воротами, проход к которым преграждают четыре китайца в лохмотьях, растянувшиеся на земле. Сон не делает различий между ними, и поэтому их можно считать четырьмя еще не вполне оформившимися аспектами мужской целостности. (Число «четыре» — символ цельности и завершенности, олицетворяет архетип, которому д-р Юнг уделил немало внимания в своих работах).

Таким образом, китайцы представляют части бессознательного мужского начала в психике Генри, которые невозможно игнорировать, потому что они блокируют путь к Самости (то есть к психическому центру), который еще надо расчистить. Пока эта проблема не будет решена, он не сможет продолжить свое путешествие.

Не зная о грозящей опасности, Генри спешит к воротам, рассчитывая попасть наконец на станцию. Но на пути туда он встречает свою «Тень» — не дававшее о себе знать в реальной жизни первобытное начало, появляющееся в облике грубого охотника. Появление этого персонажа означает, вероятно, что к интровертному эго Генри присоединилось (как противовес) его экстравертное начало, представляющее его подавленные эмоциональные и иррациональные черты. Этот теневой персонаж выходит, минуя рассудочное эго, на передний план и, олицетворяя активность и самостоятельность элементов подсознания, становится выразителем судьбы. С его участием происходят все дальнейшие события.

Сновидение подходит к ключевому эпизоду. Во время схватки Генри и охотника с четырьмя неряшливыми китайцами левая нога Генри оказывается исцарапанной ногтями левой ноги

одного из четырех китайцев. (Здесь, похоже, европейская натура рассудочного эго Генри конфликтует с олицетворением древней мудрости Востока, противостоящей его эго. Китайцы означают совершенно другой психический континент, пока еще не знакомый Генри и кажущийся ему опасным). Можно также сказать, что китайцы олицетворяют «желтую землю», поскольку эта нация привязана к земле как немногие другие. А Генри как раз должен впустить к себе земные, хтонические качества. Его подсознанию, с представителем мужской целостности которого он столкнулся в своем сновидении, присущи хтонические материальные черты, которых недостает его интеллектуальной рассудочной сфере. Таким образом, то, что он распознал в четырех оборванцах китайцев, показывает, что Генри обрел большее внутреннее понимание природы своих противников.

Генри слышал, что китайцы иногда отращивают ногти на левой руке. Но в сновидении говорится о ногтях на левой ноге; утрируя, это почти когти. Это может указывать на то, что убеждения китайцев настолько отличаются от взглядов Генри, что причиняют ему боль. Как мы знаем, рассудочное отношение Генри к хтоническому и женскому началам, к материальным глубинам своего характера было крайне неопределенным и двойственным. Это отношение, символически представленное как его «левая нога» (и отражающее «точку зрения» его женского неосознанного начала, которого он все еще боится), было ущемлено китайцем. Однако это «ущемление» само по себе не вызвало перемены в Генри. Любое преображение требует в качестве предпосылки «конца света» крушения старого мировоззрения. Как отмечал д-р Хендерсон в начале этой книги, на церемониях инициации юноша должен пройти через символическую смерть, чтобы стать мужчиной и быть принятым в племя в качестве полноправного члена. Так и научные логические убеждения инженера должны исчезнуть, уступая место новым.

В психике инженера — «технаря» все иррациональное должно быть подавлено, и потому оно часто проявляется в драматических парадоксах мира сновидений. Так, иррациональное появляется в сновидениях Генри в виде гадательного сеанса чужеземного происхождения — страшной и непонятной силы, предопределяющей человеческие судьбы. Рациональному эго

Параллель с охранниками ворот из «сна с гаданием» Генри — одна из скульптур (X–XIII вв.), охраняющих вход в китайскую пещеру Май-Чи-Сан

Генри не оставалось другого выхода кроме безоговорочной капитуляции — настоящей Sacrificium intellectus.

Однако рассудочное мышление такого неопытного и незрелого человека, как Генри, недостаточно готово к подобному акту. Он упускает шанс фортуны, и его жизнь — на кону, он схвачен, не может продолжать действовать как раньше или вернуться домой, то есть уклоняться от обязанностей взрослого человека. (Именно к пониманию этой ситуации и подталкивал Генри «великий сон»). Затем рассудочное и цивилизованное эго Генри связывают и отводят в сторону, позволяя дикарю-охотнику занять его место и вопросить оракула. Жизнь Генри зависит от ответа «И Цзин». Но когда эго изолировано, то элементы подсознания, олицетворяемые теневым персонажем, могут прийти на помощь и разрешить проблему. Это становится возможным, если признать существование таких элементов и убедиться в их силе. В этом случае они могут стать нашими осознанно воспринятыми спутниками. Генри был спасен благодаря тому, что охотник (его Тень) выиграл в сеансе гадания, заменив его.

Последующее поведение Генри красноречиво продемонстрировало, что последний сон (наряду с тем, что сновидение вкупе с книгой предсказаний «И Цзин» поставило его перед фактом существования глубинных иррациональных сил внутри себя) оказал на него очень глубокое влияние. С тех пор он увлеченно вслушивался в сообщения своего подсознания, а сеансы психоанализа становились все более неспокойными. Напряжение, до сих пор угрожавшее глубинам его психики разладом, выплеснулось наружу. Тем не менее он мужественно надеялся, с каждым разом все сильнее, на то, что все закончится хорошо.

Не прошло и двух недель после сна с гаданием (мы еще не успели на наших сеансах обсудить и истолковать его), как Генри приснился другой сон, в котором он вновь столкнулся с проблемой вызывающего беспокойство иррационального:

> «Я один в моей комнате. Множество гадких черных жуков выползают из дырки и расползаются по моему письменному столу. Я пытаюсь загнать их назад в отверстие при помощи волшебства. Мне это удается, только четыре-пять жуков снова вылезают из стола и расползаются по всей комнате. Я отказываюсь от их дальнейшего преследования: они уже не кажутся мне столь отвратительными. Я поджигаю место, где они прячутся. Подымается столб пламени. Я боюсь, что моя комната загорится, но ничего подобного не происходит».

На этот раз Генри уже приобрел некоторый опыт в толковании своих снов и попробовал сам объяснить увиденное. Он сказал: «Жуки — это мои плохие свойства. Их пробудил психоанализ, и они теперь выходят на поверхность. Существует опасность, что они могут отрицательно сказаться на моей профессиональной работе (символизируемой письменным столом). Но я не осмеливаюсь раздавить жуков, напомнивших мне что-то вроде черных скарабеев, собственными руками, как сначала собирался, и поэтому решаю применить «волшебство». Поджигая их укрытие, я, так сказать, призываю на помощь какое-то божество, поскольку взметнувшийся ввысь язык пламени ассоциируется у меня с огнем, озаряющим ковчег Завета».

Углубляясь в символику этого сна, следует прежде всего обратить внимание на черный цвет жуков — цвет тьмы, депрессии и смерти. В сновидении Генри находится один в комнате, что способствует интроспекции с последующим ухудшением настроения. В мифологии жуки-скарабеи часто изображаются золотистыми; в Египте они считались священными насекомыми, символизирующими солнце. Но раз они черные, значит, они символизируют противоположное солнцу — нечто дьявольское. Следовательно, инстинктивно выбранный Генри способ борьбы с жуками с помощью магии совершенно правилен.

И хотя четыре или пять жуков остались живы, такого уменьшения их численности достаточно, чтобы избавить Генри от чувства страха и отвращения. Затем он пытается уничтожить их обиталище огнем. Это позитивное действие, потому что огонь символизирует преображение и возрождение (характерный пример — древний миф о птице Феникс).

В своей дневной жизни Генри теперь, судя по всему, полон предприимчивости, хотя и не научился еще как следует ею пользоваться. Вот почему я хотела бы проанализировать другой, более поздний его сон, ясно раскрывающий суть его проблемы. Этот сон описывает языком символов страх ответственности, испытываемый Генри в отношениях с женщинами, и его стремление уйти от эмоциональной стороны жизни:

> «Пожилой мужчина находится при смерти. Он окружен родственниками, среди которых и я. В гостиной собирается все больше и больше людей. Каждого из них характеризуют несколько точных реплик. Собралось уже целых сорок человек. Старик стонет и невнятно говорит о «непрожитой жизни». Его дочь, желая облегчить ему признание, спрашивает, в каком смысле: с точки зрения культуры или морали следует понимать слово «непрожитая». Старик не отвечает. Его дочь посылает меня в соседнюю комнатку, где я должен найти ответ, гадая на картах. Я должен вытащить из колоды девятку, масть которой и будет ответом. Я ожидал открыть девятку с самого начала, но сперва мне попадаются короли и дамы разных мастей. Я разочарован. Теперь я вытаскиваю почему-то только обрывки бумаги, не имеющие никакого отношения к колоде. Наконец, я обнаруживаю, что в колоде нет больше карт — лишь конверты и другие бумаги. Вместе с моей сестрой, присутствующей при этом, я повсюду ищу карты. Наконец, я обнаруживаю одну

то ли под учебником, то ли под тетрадью. Это девятка, девять пик. Мне кажется, это может означать лишь одно: старику помешали прожить уготованную ему жизнь моральные узы».

Главный смысл этого странного сна заключался в предупреждении Генри о том, что ожидает его, если ему не удастся прожить свою жизнь. Старик, видимо, олицетворяет умирающее правило, управляющее сознанием Генри, сущность которого, однако, ему неизвестна. Сорок человек присутствующих символизируют целостность элементов психики Генри (40 — число целостности, возвышенная форма числа «четыре»). То, что старик умирает, может означать, что часть мужского начала Генри находится на грани окончательного преображения.

Вопрос дочери о возможной причине смерти является неизбежным и решающим. Вероятно, в нем содержится намек на то, что моральные убеждения старика не давали ему выражать свои естественные чувства и стремления. Но сам умирающий молчит. Поэтому его дочь (олицетворение связующего женского начала — анимы) должна проявить активность. Она посылает Генри выяснить ответ с помощью гадальных карт: масть первой открывшейся девятки и будет ответом. Гадание должно проводиться в неиспользуемой, удаленной комнате (что указывает на то, сколь далека такая ситуация от рассудочного к ней отношения Генри).

Он разочарован, когда сначала открывает только королей и дам (вероятно, собирательные образы юношеского восхищения силой и богатством). Это разочарование усиливается, когда карты кончаются, поскольку это означает, что символы внутреннего мира также истощены. Остались лишь «обрывки бумаги» без каких-либо изображений. Таким образом источник изображений в сновидении иссякает. И тогда Генри вынужден принять помощь своего женского начала (на этот раз представленного сестрой), чтобы найти последнюю карту. Вместе с сестрой он, наконец, обнаруживает ее — девятку пик. Именно масть этой карты должна указать своим цветом, что означала в сновидении фраза о «непрожитой жизни». Важно при этом, что карта была спрятана под учебником или тетрадью, что, видимо, изображает сухие формулы «технарской» стороны рассудка Генри.

Девятка веками была «магическим» числом. Согласно традиционной символике чисел, она представляет совершенную форму идеальной Троицы в ее трехуровневом вознесении. Существует еще бесконечно много других значений девятки, относящихся к разным эпохам и культурам. Цвет пиковой масти — это цвет смерти и безжизненности. Кроме того, изображение масти пик обычно ассоциируется с листом, следовательно, черный цвет масти пик подчеркивает, что лист — не живой, не зеленый, а мертвый. Более того, слово «пиковый» («Spade», англ.) происходит от итальянского Spada, что означает «меч» или «копье». Эти виды оружия обычно символизируют проникающую, «рассекающую» функцию интеллекта.

Таким образом, этот сон ясно показывает, что старику не позволили прожить уготованную ему жизнь скорее моральные, чем культурные узы. Для Генри такими «узами» были прежде всего его опасения целиком отдаться жизни, взять на себя обязательства перед женщиной и тем самым «предать» свою мать. Сон возвестил, что не прожить свою жизнь — это равнозначно болезни, от которой можно умереть.

Послания этого сна Генри уже не мог игнорировать. Он понял, что человеку необходимо нечто большее, чем рассудок, чтобы ориентироваться в жизненных перипетиях, что необходимо искать союза с силами подсознания, поднимающимися в виде символов из глубин психики. С пониманием этого цель данной части сеансов психоанализа была достигнута. Теперь он знал, что окончательно и бесповоротно изгнан из рая беспечной жизни.

Последний сон

Ниже приведенный сон Генри окончательно подтвердил достигнутое им понимание своего «я». После нескольких незначительных и коротких снов, касавшихся его повседневной жизни, последний (пятидесятый по счету) явил все многообразие символов, характерное для так называемых «великих снов»:

«Нас четверо приятелей, и с нами происходят следующие события. Вечер. Мы сидим за дощатым столом, пьем три напитка, каж-

дый из особой посуды: из ликерной рюмки — золотистый сладкий ликер; из винного фужера — темно-красное Кампари; из большой классической чаши — чай. Кроме нас, четырех молодых людей, в компании есть также девушка, ведущая себя сдержанно и деликатно. Она подливает себе ликер в чай.

Ночь. Мы возвратились с пьянки. Один из нас — Президент Французской Республики. Мы находимся в его дворце. Выйдя на балкон, мы видим его внизу на заснеженной улице, он пьян и писает на сугроб. Кажется, что он никогда не закончит. Затем он вдруг погнался за старой девой, несущей в руках завернутого в коричневое одеяло ребенка. Он поливает своей струей и ребенка. Женщина чувствует, что одеяло мокрое, но думает, что это натворил ребенок. Она поспешно уходит, размашисто шагая.

Утро. По улице, сверкающей в лучах зимнего солнца, идет прекрасно сложенный и совершенно голый негр. Он идет на восток, в сторону Берна (столицы Швейцарии). Мы находимся во французской Швейцарии. Мы решаем нанести ему визит.

Полдень. После долгой поездки на автомобиле по пустынным, занесенным снегом местам мы приезжаем в город и заходим в темный дом, где, как нам сказали, расположился негр. Мы очень боимся, что он, наверное, замерз до смерти. Но его слуга, столь же черный, принимает нас. И негр, и слуга немы. Мы заглядываем в рюкзаки, принесенные с собой, прикидывая, что можно было бы подарить негру от каждого из нас. Это должен быть какой-то предмет, характерный для современной цивилизации. Я принимаю решение первым, беру с пола коробок спичек и с почтением предлагаю его негру. После того как все вручили негру подарки, мы вместе с ним начинаем веселиться, праздновать и дурачиться от души».

Даже с первого взгляда этот сон из четырех частей производит необычное впечатление. Он охватывает целый день и развивается «вправо», то есть в сторону растущего сознания. События сна начинаются вечером, продолжаются ночью и заканчиваются в полдень, когда солнце в зените. Таким образом, дневной цикл выглядит здесь целостной структурой.

Четыре друга в этом сновидении символизируют, судя по всему, процесс возмужания психики Генри. Их передвижение в четырех «актах» сна геометрически упорядочено и напоминает одну из основных схем мандалы. Поскольку они сначала пришли с востока, затем с запада двигаются к столице Швейцарии,

Сосуд для питья Древнего Перу в виде женщины является таким же архетипическим символом женского начала, как и сосуды, появившиеся в заключительном сновидении Генри

то есть к центру, они, похоже, следуют такому порядку, который стремится объединить противоположности в центре. И это также подчеркивается их передвижением во времени вслед за солнцем — сначала спуск в ночь подсознания, затем подъем к яркому зениту сознания.

Сновидение начинается вечером, когда порог сознания снижен и облегчено прохождение через него импульсов и образов подсознания. В таких условиях (когда у мужчин легче всего пробуждается женское начало) естественным выглядит появление среди четырех друзей женщины. Это анима, она принадлежит им всем («сдержанная и деликатная», напоминающая Генри его сестру) и объединяет их друг с другом. На столе три сосуда для питья разной формы, которые своей вогнутостью подчеркивают восприимчивость, свойственную женщине. То, что этими сосудами пользуются все присутствующие, указывает на их взаимную близость. Сосуды отличаются не только по форме (ликерная рюмка, винный фужер, чаша), но и по цвету их содержимого. Противоположные черты жидкостей: сладость и горечь, пурпурность и золотистость, пьянящие и отрезвляющие их свойства — все смешивается, поскольку потребляется каждым из пяти присутствующих, погружающихся при этом в бессознательное общение. Кажется, что девушка является тайным агентом,

катализатором, ускоряющим события (потому что роль анимы заключается в том, чтобы привести человека к сфере подсознания, пробуждая в нем таким образом более глубокие воспоминания и повышая его сознание). Это аналогично смешиванию ликера и чая, ведущему к веселью.

Вторая часть сновидения подробнее рассказывает нам о событиях той ночи. Четверо друзей внезапно оказываются в Париже (который у швейцарцев считается городом чувственности, безудержной радости и любви). Здесь между друзьями происходит некоторая дифференциация, особенно между эго (чья роль во сне в значительной степени тождественна функции мышления, главенствующей во время бодрствования) и «Президентом Французской Республики», олицетворяющим неразвитую и бессознательную функцию эмоций. Эго (Генри и его два друга, которых можно считать олицетворениями его полусознательных функций) смотрит вниз с высоты балкона на «президента», описание которого в точности соответствует тому, что можно ожидать от несформировавшейся части психики. «Президент» нетвердо стоит на ногах и следует своим инстинктам. В состоянии опьянения он мочится на улице; он не осознает себя человеком, как дикарь, не принадлежащий к цивилизации и следующий лишь своим животным побуждениям. Таким образом, поведение «президента» весьма контрастирует со стандартами добропорядочного поведения (усвоенными сознанием) среднего класса, к которому принадлежит наш швейцарский инженер. Эта сторона Генри могла проявить себя лишь в кромешной ночной тьме подсознания.

Но образ «президента» имеет также и весьма позитивный аспект. Его моча (которая может символизировать психический поток) кажется неистощимой. Это свидетельствует об изобилии, о творческой и жизненной силе. (Так, дикари считают все исходящее из тела: волосы, экскременты, мочу, слюну — созидательным и наделенным магической силой). Получается, этот неприятный образ может означать также силу и изобилие, нередко присущие теневой стороне эго. Он не только без смущения мочится, но и бежит за старой девой, держащей ребенка.

Эта старая дева является своего рода противоположностью или дополнением образа хрупкой и застенчивой анимы из первой части сновидения. Она еще девственница, несмотря на возраст и на

то, что вроде бы является матерью. Фактически она ассоциируется у Генри с архетипическим образом Девы Марии с ребенком — Христом на руках. Однако то, что ребенок закутан в коричневое (цвет земли) одеяло, создает впечатление, что это не дитя небес, спаситель, а скорее, его хтонический, земной антипод. Обрызгивая ребенка мочой, «президент» будто пародирует обряд крещения. Если считать ребенка символом еще не окрепших внутри Генри потенций, то этот ритуал мог бы их усилить. Но сон не сообщает ничего более, женщина с ребенком поспешно уходит.

Следующая сцена является в сновидении кульминационной. Вновь наступает утро. Все темное, мрачное, дикое и мощное из последнего эпизода собрано вместе и воплотилось в прекрасно сложенном негре, который появляется голым, то есть реальным и всамделишным.

На этот раз, аналогично контрасту между ночной темью и утренним светом или горячей мочой и холодным снегом, резко контрастируют черный человек и белый пейзаж. Четверо приятелей должны теперь сориентироваться в новой обстановке. Их положение изменилось, путь через Париж неожиданно привел во французскую Швейцарию (оттуда родом невеста Генри). Генри, судя по всему, преобразился во время предыдущей стадии, когда его психика была под властью подсознательного содержимого. Впервые он начинает поиск своего пути из мест, являющихся родными для его невесты (что указывает на принятие им основ ее психологии).

В начале сна он выехал из восточной Швейцарии в Париж (то есть с востока на запад — в темноту, в подсознательное). Теперь он разворачивается на сто восемьдесят градусов — к встающему солнцу и нарастающей ясности сознания. Этот путь ведет в сердце Швейцарии, к ее столице Берну и символизирует устремление Генри к центру, который объединил бы противоположности внутри его.

Для некоторых людей негр — это архетипический образ «темного первобытного создания», олицетворяющий, следовательно, некоторые элементы подсознания. Может быть, это одна из причин того, почему белые люди так часто с неприязнью относятся к неграм и боятся их. Белый человек видит в нем своего живого антипода, свою скрытую, темную сторону, явившуюся

вдруг воочию. (Именно этого стремится избежать большинство людей; любое ее появление вызывает желание прервать и подавить в себе подобный импульс). Белые люди проецируют на негров свои примитивные влечения, архетипические силы, неподвластные инстинкты, о существовании которых внутри себя не подозревают или не хотят себе признаться, а потому и наделяют других людей этими качествами.

Для молодого человека в возрасте Генри негр может, с одной стороны, означать совокупность всех темных черт, подавленных и находящихся в подсознании, а с другой — совокупность его первобытной мужской мощи, потенциально заложенных способностей, а также эмоциональных и физических сил. То, что Генри с друзьями сознательно собираются противостоять негру, означает решающий шаг на пути к возмужанию.

Тем временем наступает полдень, когда солнце в зените, а сознание наиболее ясно. Можно считать, что эго Генри становится все более и более собранным, укрепляя его способность к осознанному принятию решений. На улице зима, что указывает на эмоциональную скупость и недостаток тепла у Генри, зима и на дворе его психики, а уж рассудок холоден донельзя. Четыре друга опасаются, что обнаженный негр (не привыкший к холодному климату) может замерзнуть. Их опасения не оправдываются. После длительной поездки по безлюдной заснеженной местности они останавливаются в незнакомом городе и заходят в темный дом. Эта поездка и пустынная местность символизируют долгий и утомительный поиск пути самосовершенствования. Но тут четверку приятелей поджидают новые трудности. Негр и его слуга немы, и общаться с ними, разговаривая, — невозможно; друзьям надо поискать другие способы для контакта. Интеллектуальные средства (слова) отпадают, остаются эмоциональные — жесты. Они предлагают ему подарок, словно жертвоприношение божеству, чтобы заручиться поддержкой и расположением. А подарок должен быть вещью нашей цивилизации, из числа ценностей разумного белого человека. Снова требуется sacrificium intellectus (принесение в жертву интеллекта), чтобы завоевать благосклонность негра, олицетворяющего природное и инстинктивное.

Генри первый должен сообразить, что предпринять. Это естественно, потому что он является носителем эго, чье гордое сознание

(или hybris) приходится унижать. Он поднимает с пола коробок спичек и «с почтением» преподносит его негру. С первого взгляда может показаться абсурдным, что маленький, лежащий на полу и, видимо, выброшенный предмет может стать подходящим подарком, но выбор оказался верен. Спички — это сохраняемый и управляемый огонь, который можно разжечь в любой момент. Огонь и пламя символизируют теплоту, любовь, чувства и страсть — неотъемлемые сердечные качества человека.

Вручая негру такой подарок, Генри символически соединяет высокоцивилизованные плоды своего рассудочного эго с сердцевиной собственной первобытности и мужской силы, олицетворяемыми негром. Таким образом, Генри может полностью овладеть своим мужским началом, с которым его эго отныне должно будет находиться в постоянном контакте. Так и получилось. Шестеро мужчин — четыре друга, негр и его слуга — веселятся теперь вместе за одним столом. Ясно, что здесь свершилось формирование мужской целостности Генри. Его эго, похоже, обрело стабильность, необходимую чтобы подготовить его к сознательному и свободному подчинению высшей архетипической личности в самом себе, а значит — появление Самости уже не за горами.

Случившееся во сне имело отклик и в дневной жизни Генри. Теперь он стал уверен в себе. Быстро приняв решение, он проявил серьезность в отношении своей помолвки. Ровно через девять месяцев после начала наших аналитических сеансов он обвенчался в небольшой церквушке на западе Швейцарии, а на следующий день вылетел с молодой женой в Канаду для вступления в новую должность, на которую его назначили во время решающих недель последних снов. С тех пор он ведет активный, творческий образ жизни, являясь главой небольшого семейства и занимая ответственный пост в одном из производственных концернов.

Случай Генри является примером, так сказать, ускоренного становления мужчиной, самостоятельной и ответственной личностью. В этом процессе фактически произошло посвящение в реальности внешней жизни, укрепление эго и мужского начала. Тем самым завершилась первая половина процесса индивидуации. Вторая часть — установление верной взаимосвязи между эго и Самостью — еще предстоит Генри в дальнейшей жизни.

Не с каждым клиентом сеансы бывают столь плодотворны и активны, да и подобную тактику можно применять не всегда. Наоборот, каждый случай — особенный. Любой человек, будь он молодым или старым, мужчиной или женщиной, требует индивидуального подхода. Даже одни и те же символы могут по-разному толковаться в каждом конкретном случае. Я выбрала данный случай из моей практики, потому что он особенно наглядно демонстрирует автономность подсознательных процессов и показывает неиссякаемость психики как богатейшего источника символов. Он подтверждает, что саморегулирующаяся деятельность психики, если ее не беспокоить лишний раз рациональными объяснениями или въедливым препарированием, может способствовать развитию души.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Аниэлла Яффе

Наука и подсознание

В предыдущих главах д-р Юнг и ряд его коллег попытались прояснить роль символотворческой функции у бессознательной части психики человека и наметить некоторые области этой, только что открытой сферы жизни, требующие к себе особого внимания. Мы все еще далеки от понимания подсознания или архетипов — этих подвижных ячеек психики — во всей полноте их проявлений. Единственное, что нам сейчас понятно — это что архетипы оказывают огромное воздействие на личность, формируя ее чувства, мораль, миропонимание, оказывая влияние на взаимоотношения индивида с другими людьми и, таким образом, на всю его судьбу. Мы также видим, что структура архетипических символов следует структуре целостности индивидуума и что их правильное понимание может иметь целебный эффект. Понятно также, что архетипы могут действовать в разуме человека и как созидательные, и как разрушительные силы. Созидательные — когда они вдохновляют на новые идеи, и разрушительные — когда эти же самые идеи застывают, превращаясь в сознательные предубеждения, препятствующие дальнейшим открытиям.

Юнг показал в своей главе, насколько тонкий и дифференцированный подход необходим при любой попытке толкования архетипических идей и символов, чтобы не ослабить их специфической индивидуальной и культурной ценности путем «приглаживания», то есть перевода в рассудочные стереотипные формулы. Сам Юнг посвятил всю свою жизнь таким исследованиям и толкованиям. Естественно, что эта книга дает представление лишь о бесконечно малой части его обширного вклада в эту новую область психологии. Он был первооткрывателем и отдавал себе полный отчет в том, что еще множество вопросов остались без ответа и требуют дальнейших исследований. Вот почему его теоретические построения разработаны

с максимально широкой амплитудой допущений (но без чрезмерной неопределенности или всеохватности), а его суждения в этой области образуют так называемую «открытую систему», в которой есть место и для всевозможных новых открытий.

Для Юнга его концепции были обычным научным инструментарием или эвристическими гипотезами, которые могли бы оказаться полезными в исследовании новой обширной области реальности, обнаруженной в результате открытия подсознания — открытия, которое не просто расширило наше мировоззрение, но и фактически удвоило его. Теперь мы всегда должны задаваться вопросом, является ли то или иное явление разума сознательным или подсознательным, а также воспринимается ли «реальное» внешнее явление осознанным или неосознанным путем.

Мощная сила подсознания проявляется, несомненно, не только в клиническом материале, но и в мифологической, религиозной, художественной деятельности и других областях человеческой культуры, связанных с самовыражением. Очевидно, что если все люди имеют общие и врожденные стереотипы эмоционального и рассудочного поведения (названные Юнгом архетипами), то вполне естественно ожидать, что мы обнаружим их плоды (символические фантазии, мысли и действия) практически в любой области человеческой деятельности.

Работы Юнга оказали значительное влияние на некоторые направления современных исследований в самых разных областях. Например, в литературоведении оно заметно в таких работах, как «Литература и западный человек» Дж. Б. Пристли, «Путь Фауста к Елене» Готфрида Динера или «Шекспировский Гамлет» Джеймса Кирха. Аналогичным образом юнгианская психология способствовала развитию искусствоведения, что видно в работах Герберта Рида, Аниэлы Яффе, в исследованиях творчества Генри Мура, проведенных Эрихом Нейманом, или в статьях Майкла Типпета о музыке. Использование учения Юнга обогатило труды Арнольда Тойнби по истории и антропологические — Пола Радина, а также китаеведческие работы Рихарда Вильгельма, Энвана Русселя и Манфреда Поркерта.

Разумеется, это не означает, что специфические черты искусства и литературы, включая их интерпретацию, можно понять исходя только из их архетипической основы. Все эти области

управляются своими собственными законами, и, подобно всем действительно творческим действиям, их невозможно до конца рационально объяснить. Но в сферах действия каждой из них можно различить архетипические стереотипы как некий динамический фон. Зачастую в них распознаются (как и в сновидениях) послания некой, будто бы целенаправленной, эволюционной тенденции подсознания.

Плодотворность идей Юнга более понятна в области культурной деятельности человека, к которой они имеют непосредственное отношение. Очевидно, что если архетипы определяют наше рассудочное поведение, они должны появляться во всех областях этой сферы. Однако неожиданно выяснилось, что концепции Юнга также позволяют по-новому взглянуть и на явления, изучаемые естественными науками, например биологией. Физик Вольфганг Паули отметил, что благодаря новым открытиям наши представления об эволюции жизни требуют пересмотра с тем, чтобы учесть взаимосвязь между подсознательной сферой психического и биологическими процессами. До последнего времени считалось, что видовые изменения происходят случайным образом и в результате естественного отбора выживают наиболее «значимые» и приспособленные особи, а другие вымирают. Однако современные эволюционисты указывают, что отбор, основанный на чисто случайных изменениях, занял бы значительно больше времени, чем позволяет установленный возраст нашей планеты.

Здесь может оказаться полезной юнговская концепция синхронности, поскольку она могла бы прояснить возникновение некоторых редких «пограничных» явлений или необычайных событий. Так она может объяснить, как «направленные» приспособления и изменения могли произойти быстрее, чем это случилось бы при абсолютно случайных мутациях. Сегодня известно много примеров, когда события «случайно» совпадали при активизации архетипа.

В истории науки много случаев одновременных изобретений или открытий. Один из наиболее известных связан с дарвиновским открытием теории происхождения видов: Дарвин изложил свою теорию в большой статье и в 1844 поду стал готовить на ее основе фундаментальный трактат. Работая над ним, он получил

рукопись от неизвестного ему молодого биолога по имени А. Р. Уоллес. Рукопись фактически излагала теорию Дарвина, только короче и другими словами. В то время Уоллес был на Моллукских островах Малайского архипелага. Он знал Дарвина как натуралиста, но не имел ни малейшего представления о характере той теоретической работы, которую вел тогда Дарвин.

И в том, и в другом случае каждый ученый в процессе творчества самостоятельно пришел к гипотезе, которой было суждено перевернуть все развитие науки. Причем каждому первоначальная идея пришла в виде интуитивного «озарения» (а лишь позднее была оформлена документально). Таким образом, похоже, что архетипы действуют как проводники, так сказать, creatio continua. (То, что Юнг называл синхронно происходящими событиями, является на самом деле чем-то вроде «актов творения во времени»).

Можно сказать, что подобные «смысловые совпадения» происходят, когда индивиду жизненно важно узнать о чем-то: скажем, о смерти родственника или о каком-то утраченном имуществе. В очень многих случаях такая информация обнаруживалась посредством экстрасенсорного восприятия. Исходя из этого, можно предположить, что аномально редкие явления происходят, когда этого требует жизненно важная ситуация. В свою очередь это могло бы объяснить, почему виды животных под давлением внешних обстоятельств или в экстремальных условиях могут вырабатывать «направленные» (но обусловленные) изменения в структуре своей внешней материальной оболочки.

Похоже, однако, что наиболее обещающее направление дальнейших исследований открывается в последнее время (и это предвидел Юнг) в сфере микрофизики. С первого взгляда связь между психологией и физикой элементарных частиц кажется совершенно невероятной. Этот вопрос стоит рассмотреть подробнее.

Самый очевидный аспект такой взаимосвязи заключается в том, что большинство фундаментальных понятий физики (таких как пространство, время, материя, энергия, континуум или поле, частица и т.д.) были первоначально введены в оборот древнегреческими философами. Для них это были интуитивно найденные, полумифологические и архетипические идеи. Затем они постепенно изменялись, дополнялись, становились более точными и

в настоящее время выражаются главным образом абстрактными математическими терминами. Например, идея частицы была сформулирована древнегреческим философом Левкиппом, жившим в IV веке до Рождества Христова, и его учеником Демокритом, который назвал ее «атомом», то есть «неделимой частицей». Хотя утверждение о неделимости атома не подтвердилось, мы до сих пор полагаем материю состоящей, в конечном счете, из волн и частиц (или дискретных квантов).

Идея энергии в ее взаимосвязи с силой и движением также была сформулирована древнегреческими мыслителями и развита философами-стоиками. Они постулировали существование некоего несущего жизнь «напряжения» (tonos), которое поддерживает и движет все вещи. Ясно, что это полумифические зачатки понятия энергии в современном понимании.

Даже близкие к современности ученые и мыслители полагались на подобные полумифические, архетипические образы при разработке новых понятий. В XVII веке, например, Рене Декарт считал «доказательством» абсолютной действенности закона причинности «непреложность Господа в своих решениях и деяниях». А великий немецкий астроном Иоганн Кеплер утверждал, что существует не более и не менее трех измерений пространства, поскольку Бог имеет три ипостаси.

Это всего лишь два примера из многих, показывающих, что даже наши более современные научные понятия из числа основополагающих оставались в течение длительного времени привязанными к архетипическим символам, первоначально пришедшим из подсознания. Они не обязательно выражают «объективную» реальность (или, по крайней мере, мы не можем доказать этого), но вытекают из врожденного стремления человеческого рассудка к поиску «удовлетворительных» рациональных объяснений, увязывающих между собой различные внешние и внутренние факты, с которыми ему приходится иметь дело. То есть, исследуя природу и вселенную, человек вместо познания их объективных характеристик «обретает самого себя», говоря словами физика Вернера Гейзенберга.

С учетом таящихся в этом подходе возможностей Вольфганг Паули и другие ученые начали изучать роль архетипической символики в сфере научных понятий. Паули полагал, что исследование внешних объектов должно вестись параллельно

с изучением внутри нас психологическими методами отправных точек общепринятых научных понятий. Такие исследования могли бы по-новому осветить перспективное понятие (которое будет представлено ниже) — понятие «единства» физической и психологической сфер, количественных и качественных аспектов реальности.

Помимо этой вполне очевидной связи между психологией подсознания и физикой, имеются и другие связи, еще более удивительные. Тесно сотрудничая с Паули, Юнг открыл, что исследования в области аналитической психологии подтолкнули ученых к созданию понятий, которые впоследствии оказались удивительно схожими с теми, что разработали физики, обнаружив элементарные частицы. Среди последних наиболее важной была идея Нильса Бора о взаимодополняемости.

Современные исследователи микрофизики открыли, что свет можно описать лишь с помощью двух логически противоположных, но взаимодополняющих понятий: волны и корпускулы. Чрезмерно упрощая, можно сказать, что при одних экспериментальных условиях свет проявляет себя как состоящий из корпускул, а при других — словно состоящий из волн. При исследовании субатомных частиц было также установлено, что осуществлять точные наблюдения возможно или за их положением, или за их скоростью, но не за тем и другим одновременно. Наблюдатель должен выбрать условия проведения эксперимента, исключив при этом (или, скорее, принеся в «жертву») другие возможные условия и их результаты. Более того, в описание эксперимента должно входить описание измерительной аппаратуры, поскольку она воздействует решающим, но не контролируемым образом на условия его проведения.

По мнению Паули, физика элементарных частиц (вследствие свойственной им взаимодополняемости) сталкивается с невозможностью исключения воздействия наблюдателя на ход эксперимента путем внесения учитываемых поправок. В результате в этой области приходится в принципе отказаться от какого бы то ни было объективного понимания физических явлений. Там, где классическая физика еще видела «причинно детерминированные естественные законы природы», мы сейчас видим лишь «статистические законы» с «первичными возможностями».

Другими словами, в микрофизике наблюдатель оказывает на ход эксперимента некоторое влияние, которое невозможно измерить и, следовательно, исключить. Поэтому ни один естественный закон нельзя выразить в виде формулы: «то-то и то-то произойдет в любом случае». Все, что может сказать исследователь элементарных частиц, это что «с учетом статистических возможностей есть вероятность ожидать то-то и то-то». Естественно, это ставит наш классический метод мышления в физике перед огромной проблемой, требуя учитывать в научных экспериментах характер мышления исследователей-экспериментаторов. Таким образом, ученые могут больше не надеяться на возможность независимого и «объективного» описания каких бы то ни было аспектов или качеств внешних объектов. Большинство современных физиков соглашаются с тем, что в любом эксперименте с элементарными частицами невозможно исключить влияние осознанных мыслей наблюдателя. Однако никто не задумывается о возможности того, что общее психологическое состояние (и сознательное, и подсознательное) наблюдателя также может иметь значение. По мнению Паули, у нас, по меньшей мере, нет причин априори отвергать такую возможность. Нам следует относиться к этому как к еще необъясненной и неисследованной проблеме.

Идея Бора о взаимодополняемости особенно интересна для психологов-юнгианцев, поскольку Юнг понимал, что связь рассудочного и подсознательного мышлений также образует взаимодополняемую пару противоположностей. Природа любого нового образования, выходящего из сферы подсознания, изменяется, как только часть его попадает в поле зрения рассудочного (осознанного) мышления наблюдателя. В этом смысле даже содержимое сновидений (если на него обращают внимание) является полуосознанным. И любое расширение сознания наблюдателя, вызываемое истолкованием сна, отзывается в подсознании и воздействует на него не поддающимся измерению образом. Вот почему эту сферу можно описывать лишь приближенно (подобно элементарным частицам в физике) с помощью парадоксальных понятий. Мы никогда не узнаем, чем она в действительности является так же, как и материя.

Продолжим, однако, параллель между психологией и микрофизикой. То, что Юнг называет архетипами (или стереоти-

пами эмоционального и рассудочного поведения человека), можно было бы с равным успехом назвать, используя терминологию Паули, «первичными возможностями» психических реакций. Как отмечалось выше (см. главу Юнга), не существует законов, определяющих специфическую форму, в которой может появиться архетип. Существуют только «тенденции», что позволяет нам не более чем утверждать, что в определенных психологических ситуациях может случиться то-то и то-то.

Как однажды отметил американский психолог Уильям Джеймс, саму идею подсознания можно сравнить с понятием «поля» в физике. Можно сказать, что подобно некоторому упорядочению частиц, попадающих в магнитное поле, психологические образования так же некоторым образом упорядочиваются в области, называемой нами подсознанием. Если мы сознательно называем что-нибудь «рациональным» или «несущим смысл» и считаем такое «объяснение» удовлетворительным, это, вероятно, вызывается тем, что наше рассудочное объяснение гармонирует с созвездием неких предсознательных образований в подсознании.

Другими словами, наши осознанные представления иногда бывают упорядочены (или стереотипно структурированы) до того, как станут осознаваемыми. Немецкий математик XVIII столетия Карл Фридрих Гаусс описал переживание подобной подсознательной упорядоченности идей. Ему надо было найти одну закономерность в теории чисел, и он обнаружил ее «не в результате упорных исследований, а благодаря, так сказать, милости Божьей. Ответ пришел внезапно сам собой, как молниеносное озарение, и я не мог понять или найти связь между данными, известными мне раньше, с которыми я последний раз экспериментировал, и тем, что породило конечный успех». Французский ученый Анри Пуанкаре еще подробнее описал подобное явление. Однажды бессонной ночью он увидел, как в нем сталкиваются математические образы, идеи, представления. Наконец некоторые из них «соединились более устойчивым образом. Ощущение было такое, будто наблюдаешь непосредственно за работой подсознания, причем его деятельность постепенно начинает частично проявляться в сознании, не теряя собственной природы. В такие моменты интуитивно понимаешь, как могут функционировать два эго».

В качестве последнего примера параллелизма между физикой элементарных частиц и психологией рассмотрим юнгианскую концепцию смысла. Там, где раньше искали причинные (то есть рациональные) объяснения явлений. Юнг предложил искать смысл (или, может быть, целенаправленность). Другими словами, он предпочитал спрашивать не почему что-то случилось (то есть по какой причине), а зачем. Эта же тенденция проявляется в физике, где многие современные ученые более заняты поиском взаимосвязей, действующих в природе, чем причинных законов (детерминизма).

Паули рассчитывал, что идеи, связанные с подсознанием, выйдут за «узкие рамки терапевтического применения» и окажут влияние на все естественные науки, изучающие жизнь и все с ней связанное. С тех пор как Паули высказал это предположение, в физике, словно в подтверждение тому, стало развиваться новое направление — кибернетика, занимающаяся сравнительным изучением так называемых контрольных систем головного мозга и нервной системы и механических или электронных информационно-контрольных систем, используемых в компьютерах. В итоге наука и психология должны в будущем, как сказал современный французский ученый Оливер Коста де Борегар, «вступить в активный диалог».

Неожиданная перекличка психологических и физических понятий предполагает, как отмечал Юнг, возможность того, что оба поля реальности, являющиеся объектом изучения физики и психологии, представляют в конечном счете единое целое, то есть своего рода единое психофизическое пространство всех явлений жизни. Юнг даже был уверен, что сфера подсознания каким-то образом связана со строением неорганической материи, на что, по-видимому, указывает существование так называемых «психосоматических» заболеваний. Концепция всеединой реальности, подхваченная впоследствии Паули и Эрихом Нейманом, была названа Юнгом unus mundus (мир, в котором материя и психика еще не различимы или не реализованы по отдельности). Подготавливая подобную монадическую точку зрения, он указывал на «психоидную» природу архетипов (то есть не чисто психическую, а близкую к материальной) в тех случаях, когда они появляются в синхронно происходящих событиях, ибо последние являются

в действительности смысловой композицией из внутренних психических и внешних фактов.

Другими словами, архетипы отвечают внешним ситуациям (как стереотипы поведения животных отвечают окружающей их природной среде), но не только — по сути, они стремятся проявиться в синхронной «композиции» из материальных и психических элементов. Однако эти соображения лишь указывают на некоторые направления, по которым могло бы осуществляться исследование феномена жизни. Юнг понимал, что надо еще очень многое узнать о взаимосвязи этих двух областей (материи и психики), прежде чем пускаться в слишком уж абстрактные рассуждения о них.

Сам Юнг считал наиболее плодотворным для дальнейших исследований изучение аксиом в математике (называемых Паули «первичными математическими озарениями»), среди которых он особенно выделял идею бесконечного числового ряда в арифметике или континуума в геометрии. Как сказала родившаяся в Германии Ханна Арендт, «по мере развития математика не просто расширяет свое содержание, протягиваясь в бесконечность, чтобы соответствовать ее масштабам, как и масштабам бесконечно растущей и расширяющейся вселенной, но прерывает связь с внешними проявлениями чего бы то ни было. Математика не является больше одним из начал философии или наукой о Бытии в его истинном проявлении, но становится наукой, изучающей структуру человеческого разума». (Юнгианец сразу спросил бы какого разума? Сознательного или подсознательного?).

Как мы уже видели на примере Гаусса и Пуанкаре, математики также убедились в том, что наши представления «упорядочиваются» еще до того, как становятся осознаваемыми. Б. Л. Ван-Дер-Варден, изучивший много примеров крупных математических озарений, пришедших из подсознания, делает такой вывод: «Подсознание способно не только ассоциировать и комбинировать, но даже и оценивать. Суждения его интуитивны, но при благоприятных обстоятельствах абсолютно верны».

Среди множества «первичных математических озарений» или априорных идей наиболее интересны с точки зрения психологии «натуральные числа». Они не только служат нашим сознательно осуществляемым повседневным измерительным и

счетным операциям; в течение веков они были единственным средством для «считывания» значения в таких древнейших видах предсказаний, как астрология, нумерология, геомантия и т д., — все они основывались на арифметическом счете и были исследованы Юнгом с точки зрения его теории синхронности. Более того, натуральные числа, если взглянуть на них через призму психологии, должны определенно являться архетипическими символами, потому что мы воспринимаем их некоторым определенным образом. К примеру, любой человек не задумываясь скажет, что два — это наименьшее четное число. Другими словами, числа не являются понятиями, сознательно изобретенными людьми для подсчетов. Это спонтанные и автономные порождения подсознания, как и другие архетипические символы.

В то же время натуральные числа являются также признаком, присущим внешним объектам. Мы можем утверждать или сосчитать, что здесь лежат два камня, а там стоят три дерева. Даже если лишить внешние объекты всех признаков, таких как цвет, температура, размеры и т.д., все же останется признак их «множественности» или единичности. Однако эти же числа являются бесспорной частью нашей конфигурации рассудка: абстрактными понятиями, которыми мы можем оперировать, не глядя на внешние объекты. Числа, таким образом, предстают в роли ощутимого связующего звена между царствами материи и психики. Именно здесь, допускал Юнг, может лежать наиболее плодотворное для дальнейших исследований поле деятельности.

Я кратко остановилась на этих довольно сложных концепциях, чтобы показать, что для меня идеи Юнга не образуют целостной «доктрины», а являются началом нового подхода, которому предстоит еще развиваться и расширяться. Я надеюсь, что этого будет достаточно, чтобы у читателя сложилось мнение о наиболее существенных и типичных, с моей точки зрения, сторонах научных воззрений Юнга.

Его творческий поиск, всегда направленный на постижение феномена жизни, отличали необычная свобода от привычных предрассудков, большая скромность и аккуратность. Он не стал углубляться в упомянутые выше идеи, понимая, что у него еще не накоплено достаточно фактов, чтобы сказать что-либо подробнее. Точно так же он обычно выжидал несколько лет, не

публикуя свои новые открытия, но снова и снова проверяя их, снова и снова критически их рассматривая с различных сторон.

Вот почему то, что может при первом прочтении создать ощущение некоторой расплывчатости изложения, исходит на самом деле из скромности, отличающей его научный подход. Для Юнга не свойственны поспешность в выводах и чрезмерное упрощение, мешающие новым возможным открытиям и не учитывающие всю сложность и многообразие феномена жизни. Этот феномен всегда представлял для Юнга волнующую тайну. Он никогда не воспринимал его, подобно ограниченно мыслящим людям, как «объясненную» реальность, о которой все известно.

Ценность творческих идей заключается, по-моему, в том, что они, подобно ключам, помогают расшифровать еще не разгаданные взаимосвязи между фактами, способствуя таким образом все большему проникновению человека в тайну жизни. Я убеждена, что идеи д-ра Юнга могут аналогичным образом помочь найти и объяснить новые факты во многих областях науки (как и в нашей повседневной жизни) и вместе с тем направить личность к более уравновешенному, нравственному и сознательному взгляду на жизнь. Если читатель почувствует интерес к дальнейшему изучению и освоению сферы подсознания, а начать это можно только с работы над собой, то цель этой книги будет достигнута.

ИП Медков С. Б.

1.Рассмотрит рукописи к изданию по психологии, эзотерике, философии, медицине, боевым искусствам.

Email:MedkowSB@mtu-net.ru

2.Купит тиражи до 1000 экземпляров, примет участие в малотиражном издании книги.

Распространит Ваши книги. Email:
MedkowSB@mtu-net.ru

3.По вопросам оптовых покупок издательских книг обращаться по Email:
MedkowSB@mtu-net.ru

или

«КСП+» г. Москва, ул. Новокузнецкая, дом 33 корпус 2, т. 951-91-09,
метро «Павелецкая»

Издательский Дом «Профит Стайл»,
г. Москва, ул. Малая Калужская, дом 8,
т. 958-10-68, метро «Октябрьская»

«Старклайт», тел. 261-61-79

КНИГИ — ПОЧТОЙ

Книги издательства можно приобрести по почте (или курьером по Москве) через сайт **www.bookmail.ru** или прислав заявку по адресу: 129323, Москва, а/я 1 (вложите заявку и надписанный конверт со своим адресом).

Наши книги вы можете приобрести в московских магазинах:

«Путь к себе» — Ленинградский проспект, д. 10а (м. Белорусская)

«Белые облака» — ул. Покровка д. 4 (м. Китай-город)

«Помоги себе сам» — Волгоградский просп., ДК АЗЛК (м. Текстильщики)

«Московский дом книги» — Новый Арбат, д. 8 (м. Арбатская)

«Молодая гвардия» — Большая Полянка, д. 28 (м. Полянка)

«ТД Москва» — ул. Тверская д. 8 стр. 1 (м. Тверская)

«ТД Библио-глобус» — ул. Мясницкая д. 6 (м. Лубянка)

«Дом медицинской книги» — Комсомольский проспект д. 25 (м. Фрунзенская)

«ВЦ изд. КСП+»— ул. Новокузнецкая д. 33 кор. 2 (м. Павелецкая)

«Книжница» — Ниж. Радищевская д. 2 (м. Таганская)

«Библиосфера» — ул. Марксиская д. 9 (м. Пролетарская)

«ДК Медведково» — Зараевский проезд, д. 12 (м. Медведково)

и другие магазины Москвы

ПУТЬ К СЕБЕ
Москва, Ленинградский пр. д.10А
тел.257-39-87 www.inwardpath.ru
КУЛЬТУРНЫЙ
ЦЕНТР
и МАГАЗИН
✓Книги по философии, психологии, религии и эзотерике
✓Этническая музыка
✓Оригинальные украшения и одежда
✓Ритуальные атрибуты и предметы интерьера из разных стран
✓Эфирные масла и благовония
✓Здоровое питание
✓Фотография ауры
✓Фито бар

Содержание

4. Символы в изобразительном искусстве (Аниэла Яффе)

5. Индивидуальная символика: случай из психоаналитической практики (Иоланда Якоби)

Заключение (Аниэлла Яффе)

Научно-популярное издание

Юнг Карл Густав и Мария-Луиза фон Франц,
Джозеф Л. Хендерсон, Иоланда Якоби, Аниэла Яффе

ЧЕЛОВЕК И ЕГО СИМВОЛЫ

Главный редактор: Сергей Сиренко
Корректор: Ирина Сологуб
Корректор: Инна Донская
Верстка: Владимир Странников

Издательство Медков С. Б.
E-mail: MedkowSB@mtu-net.ru
Издательство «Серебряные нити»
E-mail: Serebrin2001@yahoo.com

Подписано в печать 20.01.06. Формат 60x90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Школьная». Усл. печ. л. 22.
Тираж 2000 экз. Первый завод 700 экз.
Заказ № 383.

Отп. в ИПП «Гриф и К», г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.

Предлагаемая книга является последним прижизненным трудом прославленного психоаналитика, а также единственным популярным изложением его теории, адресованным самым широким кругам читателей. Используя метод «аналитической психологии» Юнга, его ближайшие сподвижники и ученики наглядно демонстрируют влияние подсознания, опосредованное символами, на древние мифы и современное искусство, на научный поиск и человеческую жизнь от младенчества до старости.

Медков С. Б.
MedkowSB@mtu-net.ru

ISBN 5-902582-08-3
9785902582083